

СОФІЯ БАЮН

A woman with short, layered grey hair and a striking red eye. She is looking slightly to the right with a serious expression. Her face is framed by a large, metallic, crescent moon. The background is dark with a grid of thin white lines.

ИЗ ГРЯЗИ
И ЗОЛОТА

Для Рихарда Гершелла Средний Эддаберг — город надежд. Он надеется, что ему восстановят рабочую лицензию. Надеется, что его новая помощница исправит прошлую несправедливость. Надеется, что его жизнь наконец-то можно будет назвать счастливой.

Для Клавдия Франга Средний Валеин — город сделок. Он идет на сделку с государством, чтобы не лишиться статуса благонадежного гражданина. Идет на сделку с преступником, чтобы не лишиться дочери. А сделку с совестью он заключил много лет назад.

Для Марш Арто Средний Эддаберг мало отличается от Младшего. Она не может восхищаться городом, в котором есть окна, не может почувствовать вкус еды, не может любить настоящие вещи.

Может только бесконечно рассчитывать, как поступила бы при жизни.

При жизни она хотела бы вернуться домой. А для этого ей нужны чужие надежды и чужие сделки.

Пролог. Дотянуться до воды

...сжигаем мосты, по которым сюда мчимся, не имея других доказательств своего движения, кроме воспоминаний о запахе дыма и предположения, что он вызывал слезы.

Том Стоппард

Дождь шел над Средним ВалеЙном третий день.

Живая вода дорвалась до сухой земли под защитными экранами. Будила спящие семена, отмывала зелень листьев до синтетически-зеленого оттенка, затекала в швы и стыки плиток мостовой.

Текла по ветвям деревьев в старом парке, падала на красные цветы на поляне. Разбивалась о четыре пустых стула, расставленных вокруг пустого стола в центре поляны. Только статуэтка-танцовщица, намертво сжав белоснежной фарфоровой рукой золотую юбку, безуспешно тянула вторую к небу — над ней темнела столешница. Ни капли не упало на блестящую глазурь.

Джейкоб Ниссон на статуэтку не смотрел. Он искал в серой завесе дождя алое пятно похожего на китель пальто своей спутницы, которая представилась Марш Арто.

Джей нервничал. Он начал нервничать, когда они только зашли в парк — смотреть, как Марш ищет подходящий транслятор, то пропадая, то появляясь в самых неожиданных местах в обрывках мутного голубого сияния, было неприятно. Джей предпочел бы работать с ее хозяином — настоящим человеком, а не паршивым секретарем, которому не поставили нужных ограничений, но хозяин, какой-то Рихард Гершелл из Среднего Эддаберга, разговаривать с ним не захотел. Только посоветовал Джею держаться от Марш подальше, а потом грязно выругался и оборвал сеанс. Джей хотел отправить репорт за оскорбление, но система его почему-то не пропустила.

Все это выглядело донельзя скверно. Все говорило о том, что не нужно приходить в парк. Не нужно было отправлять деньги посреднику, не нужно было тащиться через весь город за паршивой голограммой, которая норовила остановиться под каждой камерой — якобы искала общественные трансляторы, чтобы он мог ее видеть. А транслятором в браслете Джея паршивка пользоваться отказалась — и это тоже выглядело скверно, донельзя скверно.

Джей знал сказку о девочке в красном плаще и сером волке в глухом лесу. Он знал, что не должен бояться, знал у кого здесь красный плащ, а у кого — острые зубы и официальное разрешение на самооборону третьей степени, которое чаще называли лицензией на убийство.

Но что он может против сетевого помощника, даже с лицензией?

А что может сетевой помощник? У Марш Арто не было рук, зубов, лицензий — только сгенерированное сетью призрачное тело, только ухмыляющийся рот и злые красные глаза. Джей убеждал себя, что бояться нечего.

Выходило плохо.

— Чего стоишь? — раздался хриплый голос у него за спиной.

Словно из-под земли. Из какого-нибудь дрянного, залитого водой динамика. У сетевого помощника по имени Марш Арто был на удивление мерзкий голос.

— Куда идти-то? — спросил он, чувствуя себя полным идиотом.

Где-то здесь была карта с данными — Марш ему показала. Дала прикоснуться, проверить подлинность, рассмотреть коды электронных подписей и официальных пломб на документах. И Джей признавал, что пошел бы за этими данными куда угодно и за кем угодно.

— К статуэтке. Карта под подкладкой подставки.

Марш выросла прямо перед ним. Сквозь ее лицо просвечивало темное дерево, печально качающее мокрыми ветвями.

Браслет Джея вдруг ожил — замигал, захрипел, и в следующую секунду из динамиков полилась скрипичная увертюра.

— «Ольтора», — довольно объяснила Марш. Она не двигалась и не переставала ухмыляться. — Лежье, композитор из Эддаберга.

— Из Старшего? — зачем-то спросил Джей. Он не хотел разбираться, с какой это стати его браслет слушается Марш — ему будет что ей сказать, надо только забрать карту.

— Из Единого. Настоящего, — улыбнулась она. И отошла в сторону.

Нужно было взять статуэтку и уйти. Там пароли к базам с аккаунтами тех, кто торгует с Высшими Городами. Там адреса людей, которые знают, как связаться с теми, кто знает выходы к Старшему Эддабергу, Верхнему Валею и всем этим Старшим, Верхним и Высоким — закрытым городам Высшего сегмента. Их контенту, наркотикам. Технологям. Рецептурам. К их власти.

И уже собранный компромат, чтобы те, у кого есть выходы к Высшим согласились сотрудничать с Джем. Сколько стоит эта фарфоровая дрянь, которая никак не дотянется до дождевых капель — представить страшно!

Нужно взять статуэтку. Но почему-то Джей стоял, ежился от прикосновения к шее насквозь промокшего шарфа и таращился на Марш. Она улыбалась, прикрыв глаза, и гладила прозрачной рукой дождевые капли, пронзающие ее ладонь. Белые пальцы и алое пальто вспыхивали голубым.

Все было не так. Стол, пустые стулья, статуэтка, музыка — всего этого здесь быть не должно. Он оплатил только данные, а не проклятый перформанс.

— У меня была серебряная оса, — сообщила Марш, таким тоном будто это что-то значило.

— Что еще за... ачивка что ли? Не знаю такую, — поморщился он.

Скрипки разбила барабанная партия. Дробный, частый стук, нарушающий ритм падения дождевых капель.

И Джей вдруг понял, что ему надоело. Пусть виртуальная тварь корчит какие угодно рожи — какая ему разница?

Он подошел к столу. Нагнулся и, зачем-то зажмурившись, сжал пальцы вокруг прохладной фарфоровой талии.

Джей торопливо выпрямился, открыл глаза и огляделся. Марш по-прежнему стояла, засунув руки в карманы пальто, будто могла мерзнуть, вспыхивала голубыми искрами от дождевых капель и смотрела на него, не отрываясь.

Джей торопливо оторвал грязную бархатную подкладку от основания статуэтки. Карта была на месте — серебряная пластинка в прозрачной пластиковой скорлупе.

Он вытащил карту из подставки, сжал в кулаке. Статуэтка выскользнула, почти бесшумно упала в густую траву. Белоснежная рука танцовщицы откололась, и теперь лежала отдельно от тела, а фарфоровая ладонь наконец-то наполнилась водой. Улыбка танцовщицы,

намертво закрепленная на фарфоре тонким слоем глазури показалась Джею такой же ехидной, как улыбка Марш Арто.

— Жаль, — отозвалась она на его мысли.

— Что?..

Марш больше его не интересовала. Она потеряла всякое значение. Если увяжется за ним — можно и припугнуть. Его знакомые в Младшем Эддаберге умеют не только взламывать системы рейтингов. И этот ее Леопольд Вассер, которому пришлось менять схему начисления рейтинга, теперь, конечно, должен быть без памяти счастлив, но вот будет ли он счастлив, если те, кто добавил ему рейтинг, однажды постучат в его дверь?

Да, нужно ей сказать. Пусть передаст своему хозяину, не сама же она просила о взломе.

За каким бы хреном индивидуальному помощнику о чем-то просить? Она же не чувствует ничего, а значит интересов своих у нее быть не может. Это точно хозяин ее чего-то темнит, может, надо будет с ним поговорить.

Потом, потом, совсем скоро — когда у Джея будет достаточно бабла, рейтинга и связей даже для того, чтобы башку ему проломить.

— Жаль, что в Среднем Валеине нельзя получить осу, — объяснила Марш встретившись с ним взглядом.

И Джей хотел ей сказать — все хотел сказать. Сказать, как надоели ее выходки, что Леопольд не долго будет радоваться прибавке к рейтингу, если она и ее хозяин хоть кому-то скажут про Джея и карту, и что насрать ему на нее, ее осу и проклятую статуэтку, которая дотянулась до дождевых капель.

Хотел — но отчего-то не мог. Стоял, открывая рот, а слов не получалось, и шарф почему-то из холодного стал горячим.

Марш молча смотрела, как тянется к перерезанному горлу человек, все еще сжимающий в руках пустую карту.

Смотрела, как убийца мягко подхватывает падающее тело. Сажает его за стол.

— Статуэтку разбил, — глухо сказал человек в серебристом котелке и немаркой черной куртке. — Что еще за Лежье?

— Сказала же — композитор, — огрызнулась Марш. — Только это не Лежье. И не «Ольтора». Здесь нельзя достать эту запись, а я не помню... не помню... сгенерировала что-то нейросетью. Голову ему запрокинь.

Она села рядом с мертвецом, положила ладони на мокрый стол. Нахмурилась, брезгливо отдернула пальцы от розовой воды, растекшейся по столешнице. Усмехнулась, поправила рукава и вернула руки на стол. Красное пальто больше нельзя было испачкать.

— Думаешь, карабинеров это обманет? Вымытая кровь? — усмехнулся мужчина. Сел рядом, салютовал ей невидимой чашкой.

— Обманет? — пробормотала она, а потом улыбнулась: — Нет. Я думаю, его надо умыть. Не снимай браслет. Нужно только стереть данные биометрики...

— Без тебя знаю, — огрызнулся мужчина. — Ты разобралась с камерами и микрофонами?

— Я? — фыркнула Марш. — Гаденыш сам все отключил, я только проверила. До того боялся, что его за жопу возьмут, что даже датчик движения у входа в парк каким-то мусором залепил.

— Может, ты бы его уболтала и на нож самому насадиться?

— Зачем?

Он усмехнулся и достал из нагрудного кармана белоснежную проволоку.

— Меня такой убили, — заметила Марш.

— Косточкой? Рыбьей косточкой много кого убили, подруга, — добродушно заметил мужчина, загоняя кость в браслет Джея. — Тебе еще повезло.

Глаза Джея были широко раскрыты. Их наполняла вода. Стекала по щекам, смывала кровавые брызги, а потом впитывалась в черный шарф, который вновь стал холодным.

— Повезло, — глухо повторила Марш. — Повезло...

Доступ к следующему блоку будет открыт через 10 секунд

Я люблю ее с первой встречи.

Я никогда ей не изменяла.

Я провожу с ней каждый день.

Я нашла в ней совершенство.

Тональная вуаль с экстрактом граната от «Прозерпины»: живое сияние, натуральный финиш и никаких несовершенств.

«Прозерпина»: лучшая версия тебя. По-прежнему ты.

Глава 1. Победившие смерть

Вздрыгнули, зазвенели серебристые цепочки электронного ловца снов над кроватью. Ровно в 6.30 пойманные сны должны были вырываться в непроницаемую темноту спальни, но Клавдий Франг давно не видел снов.

— Аве, Дафна. Свет, — скомандовал он, сворачивая в рулон шуршащее одеяло.

Он не шурился, когда зажглись белые лампы по периметру потолка и рыжие по периметру пола. Их давно пора было откалибровать, чтобы получался густой и ровный золотой свет, но для Клавдия давно не имели значения ни лампы, ни дурацкий будильник, который оставила ему жена.

— Зачитать предписания на день? — выдохнули полтора десятка динамиков в спальне.

— Читай, — равнодушно ответил он, укладывая подушку в проволочную клетку под кроватью.

Можно подумать она не напомнит ему, если он попытается хоть немного отклониться от всех предписаний врачей, муниципального психолога, социального диетолога, личного тренера и прочих дерьмоедов, которым давали работу такие, как он.

Покладистые. Равнодушные. Конечно Дафна напомнит и осадит, он ведь сам ее так настроил.

— Дневная норма калорий при среднемесечной физической активности — 1846...

Он не слушал. Кровать сложилась с обреченным скрипом, скрылась в нижнем отсеке шкафа. Черная плитка на полу — больше никаких ковриков, паласиков, автоматически настраиваемого подогрева. Эмма ушла вместе с пушистыми тряпками и настройками Дафны, которые она подбирала под себя.

— Рекомендуемая длительность прогулки...

Вода в душе была холодной — он замер на несколько секунд, лоя расплзающееся по коже онемение, чувствуя, как густеет теплая сонная дымка в голове, а потом стекает, падает крупными каплями на мраморный пол.

— Температура воды существенно ниже рекомендуемой, — укоризненно вздохнула Дафна.

— Сделай рекомендуемой, — механически отозвался Клавдий.

И вода потеплела.

Кофе в единственной чашке — четверть рекомендуемой нормы кофеина. Завтрак — плотная протеиновая пена в высоком стакане, кисловатые витаминные гранулы, вечно опускающиеся на дно.

Вместе с первым плотком кофе пришло привычное свербящее чувство, словно кто-то уставился ему в затылок. Клавдий только усмехнулся — он бы удивился, если бы сегодня наблюдатель оставил его в покое. Он преследовал Клавдия много месяцев. Он понятия не имел, кто может за ним следить — это точно была не Дафна, ни к одной из камер не был подключен ни один посторонний пользователь. Но взгляд был, навязчивый и жадный, ждущий.

Клавдию нравилось придумывать наблюдателю лица. Сейчас, во время двухнедельного отпуска, когда он отвлекся от постоянного конструирования аватаров, он мог себе позволить конструировать их в голове, для собственного удовольствия.

Сначала аватару следовало нарисовать базовую оболочку по техзаданию. Это не его

работа, это для разработчиков моделей — они лепили из виртуальной пустоты тела и лица, подбирали оттенки волос и кожи, цвет глаз, мелочи вроде формы ногтей и родинок. Клавдию и его отелу оставалось сделать не так много — заставить этот человеческий слепок выглядеть живым. Клавдий много лет боролся со стеклянными взглядами, резиновой мимикой, слишком блестящими волосами, губами без бороздок, недвижимыми морщинами и лицами без возраста. Такие модели хорошо выглядели в статике и в минимальной анимации, но стоило поместить необработанный аватар в конвент — чат поддержки алел жалобами на эстетическую неполноценность и иррациональный дискомфорт.

Но у него в голове некому было сделать первичную модель, поэтому он строил ее сам. Сегодня наблюдатель был женщиной.

Смуглой женщиной с квадратной челюстью и раскосыми глазами. Это — первичная модель.

Клавдий представил, как женщина улыбается. Он всегда начинал с этого. Она улыбается, у нее крупные белые зубы с щербинкой, и чем шире ее улыбка — тем заметнее становятся малярные мешки. Ее это не портит.

Странная игра.

Можно было обсудить это с психологом, но Клавдий не хотел.

Можно было много чего.

Можно нормально есть. Можно мыться в холодной воде, вообще не ходить в зал, на хрен послать всех диетологов и психологов. Клавдий мог не выписывать каждый день по восемь «окрыляющих» цитат в специальный файл, мог не проходить ежедневные тесты на социальную удовлетворенность, мог не выполнять дурацких упражнений, заполняя дурацкие дневники или повторяя на камеру «Я буду делать только то, что мне хочется» с разными интонациями. У него была всего пара обязательных предписаний, за несоблюдение которых полагался штраф — и тот совсем небольшой. Там было что-то про алкоголь, сигареты и вспышки гнева.

Но Клавдий не собирался разменивать даже сотые доли позиций рейтинга на потакание своим прихотям. За соблюдение всех рекомендаций давали надбавки. За соблюдение всех рекомендаций давали особый значок у профиля — «законопослушный гражданин», «благонадежный гражданин», «социально ориентированный гражданин». Социально ориентированного у него не было, вот это жалко. Благотворительность занимала больше времени, чем выписывание окрылительных цитат.

У Эммы зато был. Золотого уровня.

Раз в неделю Клавдий открывал полный отчет об изменениях своего рейтинга. Он старался, чтобы все динамические показатели прирастали равномерно — если зеленая шкала в строке «осознанное потребление» была короче, чем шкала «ответственность за здоровье» — она же «экономия здравоохранительных ресурсов» — Клавдий понимал, что в следующую неделю нужно лучше следить за тем, сколько контейнеров из-под полуфабрикатов он использует и в какие ящики их бросает.

Оказалось, жить так легче, чем ему когда-то казалось.

Когда-то казалось. И крыши когда-то были, блестящие и золотые, были синие глаза камер — миллиардов камер, вцепившихся взглядами в улицы, коридоры, комнаты, палаты и подвалы. Глаза камер, чуткие уши микрофонов, которые все слышат, но не все умеют понимать. А значит, когда-то, как Клавдию казалось, он был совершенно свободен.

Он свободен и сейчас.

Пожалуй, ему повезло.

Он может работать. Законопослушный, благонадежный гражданин может заниматься у себя дома чем угодно, и если не давать Дафне разглядеть прямые триггеры, она и не заинтересуется, что это у него на экранах.

Нужно было возвращаться к работе, но в рекомендуемом расписании, выведенном на дверцу шкафа, стояли физические нагрузки и социальные контакты.

Чтоб их, контакты.

Сначала его постоянно донимали соболезнованиями. Клавдий выслушивал и говорил, что ему тоже жаль. Потом его спрашивали о дочери, и вежливо отвечать становилось труднее. Если бы этим людям было не все равно — они не отнимали бы его время.

А потом соболезнования кончились, и Дафна — и штатный психолог — решили, что он слишком мало общается с людьми.

Приходилось обсуждать книги, из которых он выписывал цитаты, иногда — новости или погоду. Но все это был плохой повод для звонка. И чаще всего Клавдий прикидывался измученным одиночеством вдовцом. За такие звонки ему даже надбавку давали, потому что Дафна засчитывала это проработкой психологической травмы. Клавдий почти перестал считать это унижением.

Когда-нибудь принудительный «оздоровительный» отпуск закончится, и часть рекомендаций снимут.

Звонки он решил отложить.

Средний Валеин нравился Клавдию ранним утром и ночью. Утром злое рыжее солнце еще не обрушивалось на защитный купол, не высушивало белый песок на склонах белых гор, и темные кипарисы еще не обретали дневной настороженности. Люди давно забыли о палящем зное за куполом, все привыкли к синтетическому кондиционированному теплу. Горожане не стремились выходить под солнце, а если приходилось — делали это в камуфляже из защитного крема, отражающих накидок и портативных охладителей. Деревья же помнили о зное. Они всегда его ждали, каждый день, и, как казалось Клавдию, тянулись к нему. Темные деревья из бело-голубого города Валеина.

А ночью на купол обрушивалась темнота, с которой едва справлялись белые уличные фонари и вся городская иллюминация. Темнота была беспощаднее зноя, она протекала под купол и обволакивала вывески, тысячи рекламных экранов и голограмм, и тогда город переставал быть голубым и белым, терял всю наносную архаичность и расцветал неживым, неоновым светом.

Это Клавдию тоже нравилось, он ценил этот город, нарисованный людьми, но сейчас было время города, который никто не рисовал.

Час он мотался по парку среди просыпающихся кипарисов и кустов, привезенных из более холодных городов, ожидая, пока счетчик насчитает ему нужный расход калорий и уровень насыщения крови кислородом, а чтобы туда добавились еще пара баллов за удовлетворение эстетических потребностей, Клавдий еще иногда смотрел по сторонам, или останавливался и бездумно таранился на высаженные вдоль дорожек цветы. Взгляд в это время почти не ощущался, словно невидимый наблюдатель терял интерес.

Почему-то Клавдию это не нравилось. Пусть даже за ним сегодня наблюдала откровенно некрасивая женщина с лошадиными зубами.

И цветы ему не нравились. Они были настолько живыми, что казались пластиковыми — слишком яркие, гладкие, симметричные. За куполом такие не росли. Гусеницы-лаборы,

копошащиеся у корней и насыщающие почву кислородом — и те были симпатичнее.

На людей он вообще старался не смотреть. Люди напоминали ему о работе, которую он любил, но от которой все же стоило отдыхать. Хватит тех лиц, которые он придумывает себе сам.

Хорошо, что Дафна не может влезть ему в голову. Индивидуальные помощники нихрена не понимали своих хозяев, что бы там ни говорили их производители.

Мелькнула прогулка — пустой, туманный час, лишенный мыслей. И час в тренажерном зале, такой же пустой, словно Клавдий до сих пор не проснулся.

Он давно не ощущал связи с собственным телом — чья-то угрюмая рожа, чьи-то глубоко посаженные темные глаза и горбатый нос отражались в зеркале, когда он брился или забывал скомандовать приглушить отражающие поверхности перед тренажерами. Это все к нему отношения не имело. Он так привык оживлять чужие лица, что собственное стало казаться ему мертвым. Клавдий почти забыл, как раньше ощущал голод или усталость — они иногда напоминали о себе далекой, притупленной болью, которую он привык не замечать. В ближайšie две недели жизнь его разворачивалась на пяти экранах, развернутых в кабинете — настоящая. Та, которую он мог почувствовать, и к которой он спешил вернуться.

Дафна зачитала ему сводку новостей, потом проиграла полтора десятка композиций из плейлиста — и шкала дневной физической активности достигла отметки «в норме». В наушнике раздался едва слышный щелчок.

Вот теперь можно подняться к себе в кабинет и до вечера не вспоминать о том, что есть какой-то мир за плотно задернутыми черными занавесками. Тратить время на по-настоящему важные вещи, ведь времени у него так мало.

Отчаянно мало, у него вообще нет времени.

В коридоре его подстерегали цветы Эммы — витрина с алыми орхидеями, замершими в вечной ультрафиолетовой подсветке. Клавдий терпеть не мог перегородивший коридор стеклянный куб, но избавиться от цветов не мог — когда Эмма ушла, они умерли. Он помнил кривые, высохшие стебли и желтую пыль мертвых лепестков на дне витрины. Тогда ему было не до цветов, и он не запретил Дафне жечь энергию для подсветки и распылять разбавленные водой удобрения. И однажды цветы ожили. Клавдий помнил, как стоял перед витриной, непонимающе рассматривая алые лепестки, и пытался понять, померещились ему перед этим высохшие стебли. А потом решил, что орхидеи заслужили того, чтобы он об них заинался и оплачивал удобрения.

Такую цену Клавдий полагал справедливой за победу над смертью. Теперь, проходя мимо витрины, он только устало морщился от навязчивого сияния подсветки, и спешил поплотнее закрыть дверь в кабинет.

Если бы Клавдий мог, он бы заколотил все окна в доме. Но пришлось бы объяснять это психологу, к которому он должен был являться на очные консультации раз в месяц. После развода. Он должен был являться к психологу из-за развода, и это, если подумать, было просто потрясающе. Жаль у Клавдия не было знакомых, которые могли вместе с ним посмеяться.

А впрочем, вовсе не жаль.

Может этот, наблюдающий, понял бы.

— Эй, — негромко позвал Клавдий. — Эй, дорогуша?

Зажглась на браслете зеленая лампочка — Дафна готова к работе. Больше нигде ничего не зажглось и не мигнуло. Он только махнул рукой — за несколько месяцев обращение к

«дорогуше» стало привычным ритуалом. Клавдий так сам себе желал удачи, не надеясь, что невидимая дорогуша до него снизойдет.

Он проверил занавески и наконец-то опустился в кресло. Исцарапанная поверхность тяжелого антикварного стола — неэтичного, из мореного дуба, еще и сделанного вручную — медленно покрылась пленкой управляющей панели.

Клавдий любил этот стол за неэтичность и за то, что Дафна никак не могла регламентировать пользование этим столом. Его наличие не влияло ни на одну статистику. Несовместимость синей управляющей панели и темной столешницы его несколько не тревожила.

Он почувствовал, как напрягся невидимый наблюдатель. Усмехнулся, надел очки и положил руки на панель.

— Визуальный уровень для последних изменений, — начал он.

Он не мог видеть, как на экранах вырастают бесконечные столбцы кода. Ему давно не нужно было работать с символами, нужные программы легко конвертировали их в удобную для восприятия форму.

И Клавдий смотрел, как перед ним вырастает белая стена. Он знал, что можно бесконечно долго идти вдоль нее, и что если попытаться на нее взобраться — можно потратить ровно столько же времени. Он никогда не пытался это сделать, он лишь понимал логику существования этой стены. Если помнить, что никакой стены нет, а есть код и его логика, можно не тратить время на исследование визуализации.

И все же иногда Клавдий шел вдоль стены. Обычно глубокой ночью, после нескольких напоминаний Дафны, изможденный и почти отчаявшийся, он просто двигался вдоль стены, словно надеясь найти ее начало или конец. А может, калитку. Или трещину. Хоть какой-то изъян в молочной непроницаемости ее тумана.

— Тактильный уровень для последних изменений.

Теперь можно дотронуться до стены — она выглядит, как туман, но на ощупь состоит из теплого шершавого металла. Если прижать к ней ладонь и простоять несколько минут, руку укусит легкий электрический разряд. Клавдий знал, как этот разряд выглядит на экранах, знал, из каких символов состоит это изменение в восприятии, и знал, что разряд не станет сильнее. И все же однажды простоял несколько часов, считая интервалы, бесполезно надеясь на малейший сбой.

Так легче искать ошибки в системе — если только они есть, эти ошибки.

— Ольфакторный уровень восприятия для последних изменений.

Она пахнет гарью, эта стена. Сырым кирпичом, гарью и почему-то седой осенней травой, горькой и ломкой.

Ни один закон не запрещает ему здесь стоять. И даже ломиться сквозь эту стену он может сколько угодно.

Подключать слух он не стал — звук у стены был мерзкий, монотонный, похожий на вой ветра или тревожной сирены. Можно было слушать его и искать сбой в ритме, но это мешало остальным чувствам.

Клавдий в такие моменты напоминал себе мальчика из сказки, которую любила читать Дафна. Про человека, который годами ловил рыбу в дождевых лужах, потому что главное — вера.

Это была очень неэтичная сказка, только в детстве Клавдий этого не понимал. Теперь он каждый день ловил луну у стены, бесконечной белой стены, за которой его ждала сеть

городов Младшего сегмента.

...

Рихард Гершелл был счастлив. Он недавно купил бутылку абсента — настоящего, по льготной программе. Он купил шелковый халат и длинную бриаровую трубку, а к ней кисет превосходного табака. Может, табак и был синтезированным, но разницу заметили бы только ценители, а Рихард, измученный искусственной едой и порошковым алкоголем в Младшем Эддаберге, ценителем точно не был.

И целую неделю, долгую, бесконечно прекрасную неделю Рихард не видел Марш Арто. Она не появлялась дома, не включала свою поганую музыку и не рассказывала о своих поганных делишках.

Рихарда до сих пор передергивало, когда он вспоминал, как она, сидя на его прекрасном балконе распускала ненастоящий, искрящийся дым — за курение на балконах полагался серьезный штраф — и рассказывала, как пытается связаться с Леопольдом, как можно обойти систему безопасности в нежилых домах на окраинах, а недавно начала рассуждать про столовые ножи. Не сказала ничего противозаконного, ни разу не задела триггеры Дафны, но Рихард прекрасно понимал, что она имеет ввиду, и насколько она близка к триггерам. Ее слова кружились в искрящемся солнцем воздухе, прилипали к чутким микрофонам, а она мечтательно шурилась и выпускала нарисованный дым и новые настоящие слова.

Преступления хуже, чем попытка сообщения между городами разного сегмента Рихард представить не мог. Пусть бы лучше прирезала кого-нибудь, только не ломилась в чужую сеть. Ему было страшно — он даже не пытался этого скрывать. Марш-то никто не сможет оторвать пустую прозрачную башку. Ее нельзя было депортировать, обнулить ее рейтинг, казнить в вечернем эфире — а его, Рихарда, можно еще как. А Марш знала об этом, знала и издевалась над ним.

Рихард пытался утешать себя тем, что ни с каким Леопольдом она связаться не пытается, и что ей просто нравится его доводить. У него есть трубка и абсент, этим вечером нет взбалмошного виртуального вредителя, и поэтому Рихард счастлив.

Да, счастлив.

А все же что-то мешало. Колено снова ныло. Оно всегда ныло, когда за куполом лил дождь, и в редкие дни, когда купол отключали, тянущее ощущение вокруг протезированного сустава перерастало в тупую пульсирующую боль. Рихарду предлагали заменить ногу на бионический протез, но он не мог себя заставить. Здесь, в Среднем Эддаберге такие операции делали даже здоровые люди, но он каждый раз вспоминал повязку Марш, которая, как он теперь знал, мешала видеть и причиняла постоянную боль.

И все же — как странно все складывается. Когда Рихард рвался в Средний Эддаберг, он представлял лучшую версию Младшего Эддаберга. Он подумать не мог, что Средний город находится гораздо южнее.

Первое время это не имело для него особого значения. Перемены были так оглушительны, а совесть жрала Рихарда так беспощадно — *«Я тоже не тешу себя иллюзиями — думаю, у вас нет совести»* — что он поначалу не обращал внимания на мозаичные улицы, на голубые и серые полосы на домах из кофейного и кремового кирпича, на общественные купальни в центре города и настойчивые инструкции Дафны.

«Моя ненависть никому не помогла. И ваша никому не поможет».

Аве, Арто!

Виват, долгих лет жизни.

«Защищайтесь от солнца, даже если находитесь под куполом». «Пейте больше воды». «Не пропускайте прием акклиматизирующих препаратов».

И со временем Рихард заметил, насколько Средний Эддаберг отличается от Младшего. Заметил мутно-голубую реку у подножия горы, на которую город упрямо карабкался. Заметил сотни фонтанов, старых, мозаичных фонтанов с голубоватой очищенной водой, разбросанных по всему городу. По вечерам воду подсвечивали.

Рихард научился носить белую одежду, шляпы и легкие туфли вместо кожаных ботинок. Научился подниматься на склоны, настраивать кондиционеры так, чтобы не просыпаться по ночам от холода, и даже преодолел брезгливость, которую вызывали общественные купальни.

А Марш Арто так и появлялась в алом пальто.

— Здравствуй.

— О тебе даже думать не стоит, — недовольно ответил Рихард, не оборачиваясь на голос. — Чувствуешь, когда припереться.

— А ты думал? — усмехнулась Марш. — Сегодня пятница.

— Точно. И за каким тебе хреном каждый раз нужно... ладно, — вздохнул он. — До трансляции еще полчаса, могла еще... погулять.

Марш не отвечала. Рихард все-таки обернулся и стал смотреть, как она деловито ходит по его дому. Как вешает алое просвечивающее пальто у входа. Снимает ботинки, поправляет волосы у зеркала. Ему пришлось наставить трансляторов по всему дому, чтобы она могла пользоваться каждой вещью, не пропадать и не мигать, когда идет по коридору. На летающий у него не хватало рейтинга, но Рихард был готов признать, что есть еще одна причина — он хотел, чтобы хоть где-то осталось место, где Марш не сможет его достать, если он захочет от нее избавиться.

Он знал, что совершил ошибку. Марш лежала на его диванах, иногда закрывая глаза, будто могла спать. Доставала из шкафов сгенерированные сетью копии его кружек, наливала в них кофе, иногда превращающийся в россыпь синих искр. Иногда она стояла под душем, одетая, упершись лбом в темную плитку, и в слив бессмысленно утекала дорогая горячая вода, проходящая сквозь нее.

Несколько раз Рихард видел, как она останавливалась у окна и беспомощно касалась штор, которые не могла раздвинуть.

Рихард установил к трансляторам датчики движения и микрофоны. Теперь домашняя программа реагировала на движения Марш, открывала шкафы и раздвигала шторы. Если программа не понимала, чего от нее хотят, Марш всегда могла вслух сказать, и иногда Рихард просыпался среди ночи от ее команд домашней системе. Но однажды он увидел, как Марш стоит перед полкой с бумажными книгами, бессильно опустив руки.

У бумажных книг не было датчиков, которым можно было отдать команду.

Рихард помнил, что у Марш были книги, и, кажется, фарфоровая черепашка, которую она любила. Он знал, что Марш не может скучать по «настоящим» вещам, и что это он пытается убедить себя, что она все еще человек, но все равно продал книги.

Ему хотелось думать, что Марш была за это благодарна.

Что Живая-Марш была бы благодарна, хоть и знал, что это не так.

Сейчас она выглядела чем-то ужасно довольной. Поправляла воротник черной вельветовой рубашки, щурилась и усмехалась, словно особенно приятным мыслям. Только

вот Рихард знал, что нет у нее никаких мыслей, только реакции по алгоритмам и скриптам, и удовольствия она не может получать.

Нужно было оставить ее мертвой. Надо было убрать камеры, которыми она смотрела, трансляторы, которые давали ей тело, заклеить все микрофоны, чтобы у нее не было голоса. Снова убить ее, хотя бы в своем доме. Просто уничтожить ее он не мог — ему, идиоту, пять лет назад показалось, что так будет неправильно.

— Что-нибудь подожгла? — участливо поинтересовался он.

— Что?.. Нет, — рассеянно отозвалась она. — Разбила, — ее губы дрогнули, будто мысль была ей неприятна.

Рихард никогда не видел у живой Марш Арто такого лица, но знал, что сеть не обманывает — когда-то она была такой, печальной и растерянной. Когда-то камеры зафиксировали это лицо, потому что когда-то Марш чувствовала то, что могла бы чувствовать сейчас.

— Как ты могла что-то разбить? — он зачем-то попытался ее утешить.

— О, мне помогли. У меня были руки, — оскалилась она, и Рихард вспомнил, зачем ему понадобилось убивать Марш. — Загребущие руки и в крови по локоть, ну ты знаешь. Какие у меня еще могли быть.

Рихард только устало вздохнул и отвернулся. Это пять лет назад у него были силы с ней воевать. Что-то доказывать, угрожать, пытаться выяснить, кто больше виноват. Теперь ему надоело.

Как бы сделать так, чтобы ей тоже надоело?

— Пойдем смотреть твою трансляцию, — вздохнул он. — Аве, Дафна! Погаси свет и включи экран в гостиной.

— Обрабатываю запрос, — мурлыкнула вторая виртуальная помощница.

Рихард до сих пор не мог привыкнуть, что вместо растрепанного, вечно срывающегося в механические интонации Аби, ему помогает красивая девушка с грудным голосом. Как он ни старался, сделать Дафну менее привлекательной у него не получилось. Асексуальная модификация полагалась только гомосексуалистам.

Впрочем, у него была одна асексуальная помощница.

Марш сидела на краю дивана, сцепив руки в замок и уставившись в стену. Рихард сел рядом, поставил на подлокотник стакан и бутылку.

По паркету медленно процокал дымчато-серый дог. Устало вздохнул, опустил тяжелую голову ему на колени и заглянул в глаза. Взгляд у дога был темный, живой и печальный, и когда Рихард рассеянно трепал его уши, они всегда были теплыми. Пес пыхтел и стучал хвостом, но Рихард чувствовал, что под синтетическим мехом лабора череп из легкого металла. Если постараться, можно было нащупать провода, нагревающие кожу и шерсть.

— Трансляция по центральному каналу, — глухо скомандовала Марш.

Он понимающе хмыкнул. В чем-то они были похожи — Рихард тоже избегал слова «казнь».

Экран на стене ожил, загорелся изумрудным гербом Среднего Эддаберга — двумя змеями, вцепившимися друг другу в хвосты. Динамики прозвенели окончание гимна.

Средний Эддаберг, город мечты, ради которого Рихард жизнь отдал, и не только свою. Гимн города звучал колокольчиками и хрусталем, змеи его герба щурили мудрые золотые глаза. Золотые, как глаза саламандры Марш, которая сгорела вместе с хозяйкой в крематории Младшего Эддаберга.

Отозвавшись на его мысли, саламандра выскользнула из-под ее воротника, успев встретиться золотым взглядом со змеями на экране. А потом изображение сменилось, и вот уже четверо мужчин и одна женщина смотрят в камеру. Они сидят в бордовых креслах с золотыми подлокотниками, их лица бледны, а губы небрежно измазаны алым.

Рихард не хотел этого видеть. Он вообще не хотел знать об этих трансляциях, и ни за что бы не узнал, если бы не Марш — в Младшем Эддаберге все умные люди старались не потреблять контент с официальных каналов.

Но Марш, живая или мертвая, не была бы собой, если бы не нашла какую-нибудь дрянь, не испохабила бы звенящий гимн, мудрых змей и чистые, благополучные улицы Среднего Эддаберга.

Они сидели в тишине. Дог смотрел на Рихарда, он — на Марш, а она — на экран, и только саламандра, улегшаяся вдоль ее воротника, закрыла глаза.

Он заставил себя повернуться к экрану.

Первый мужчина — молодой и русоволосый — дернулся, пытаясь вырваться из бордовых объятий кресла. Над его головой зажглась алая надпись: Руфус Макферс. Рихард не знал, что его держит, и от этого сцена была еще отвратительнее. Он хотел бы видеть кандалы, палача, эшафот — всю ту милую архаику, которую сожрали новая эстетика и новый гуманизм.

Но не было ни палача, ни кандалов. Приходилось смотреть, как расходится порез от невидимого лезвия — хирургически точный, ровно по кромке воротника. Разрез повторял даже легкий изгиб ткани. Тонкий, почти невидимый, только обведенные алым губы искривляются сильнее, только алое течет, течет, а потом редко капает на черную ткань.

Оттенок помады на губах всегда соответствовал цвету крови приговоренного. Марш ему об этом рассказала. Рихард раньше не обращал внимания, и не хотел обращать и дальше.

Мальчишка больше не дергался.

Его сосед — изможденный старик в черном твидовом пиджаке. Он напоминал Леопольда в их последнюю встречу, и Рихард думал, что Марш отвернется или выключит трансляцию. Но она сидела, жадно вглядываясь в экран и сцепив в замок белые призрачные пальцы.

— Как думаешь, что он мог сделать? — спросил он, только чтобы хоть на секунду согнать с ее лица это напряженное предвкушение.

— А?.. Кто, старик? Не знаю, помог какой-нибудь... — внезапно она осеклась. Помолчала несколько секунд, а потом глухо продолжила: — В кресле оказываются только преступники. Этот старый хрен точно кого-нибудь убил. Или детской порнографией из старых архивов торговал. В конце эфира напишут.

Рихард не знал, почему она передумала — не захотела примерять на Леопольда такую роль или наконец-то устыдилась и оставила свои мелочные подколки. Но когда горло вскрыли старику, он закрыл глаза.

Казни проходили без включения звука. Можно было прочесть по губам, если кто-то пытался кричать или говорить, но это было трудно из-за размазанной алой краски. Дафна всегда отказывалась переводить, что говорят приговоренные, ссылаясь на рассеивающие частицы в помаде, зато Марш с удовольствием сообщала, всегда таким тоном, будто это Рихард проводил эти трансляции.

А может, она думала, что он и правда мог быть автором таких эфиров.

Когда-то Рихард об этом задумался. И честно ответил себе — мог бы. Не только мог, он

хотел быть их автором.

Женщина беззвучно плакала — открывала измазанный красным рот, часто моргала покрасневшими глазами. Слезы текли по неряшливо нарумяненным кирпично-красным щекам.

— Цвета не в балансе, — забывшись, пробормотал Рихард. — Кто так делает? Им же не нужен комический элемент...

Марш бросила на него быстрый взгляд.

— Приговоренные сами могут выбирать, как им выглядеть, обязательны только черные рубашки и красная краска, — мрачно сказала она. — Эта женщина сама так захотела.

— Они делают шоу, — поморщился Рихард. — Все должно гармонировать, даже если кажется, что на экране бардак.

Он гладил теплый собачий загривок и не хотел объяснять, что в случае эфиров желания устроителя всегда выше желаний участников. Марш и так это знала.

— Личность и ее свобода в городах Среднего Сегмента являются безусловной ценностью, — надменно продекламировала Марш, не отрывая взгляда от экрана.

Будто Рихарду нужно было напоминать, что все получилось совсем не так, как он рассчитывал.

— Ты сегодня что-то больно оживленная, — заметил он, протягивая руку к стакану.

Попытался сделать глоток, непонимающе посмотрел на зеленую жидкость под почти невидимым стеклом. Марш усмехнулась, и абсент рассыпался голубыми искрами.

— А зачем тебе пустой стакан, — сказала она. — Я теперь всегда... оживленная.

Рихард подавил глупое желание оставить стакан пустым. Дрянь, какая же все-таки дрянь.

Абсента он налил немного — едва покрыл дно. Ровно столько ему требовалось, чтобы запить три перерезанные лазером глотки и больше о них не вспоминать.

Четвертый мужчина сидел зажмурившись и что-то шептал, растирая краску по сухим губам.

— Он молится, — зачем-то уточнила Марш. — Думает, ему после смерти будет лучше.

— Наплевать, — честно ответил Рихард.

Он давно не видел верующих людей. Обычно в храмы ходили за прибавкой к рейтингу. В другое время Рихарда, может, и заинтересовал бы этот симпатичный атавизм, но сейчас, еще и при Марш он не мог позволить себе такой роскоши, как любопытство.

— Мне кажется, так честнее, — вдруг сказала она. — Лучше, чем сдохнуть от яда. Лучше, чем сдохнуть просто потому что ты никому не нравишься.

— Здесь тоже умирают от яда и от недостатка общественных симпатий. Просто кому-то везет.

Марш сидела, зажав между коленей сцепленные в замок руки. Рихарду казалось, что он видит десятки проволочек под ее кожей — словно восковую маску натянули на гибкий каркас. Раньше он думал, что у живой Марш всегда было такое лицо, но записи, которые он увез из Младшего Эддаберга, сохранили много других ее лиц.

Они мало что сохранили, кроме ее лиц, и Марш не уставала ему об этом напоминать.

— Ты знаешь, что дальше будет, — ответил он. — Так тебе тоже кажется... честнее?

Рихард не задумываясь мог сказать, что отвратительнее казней в прямом эфире — ток-шоу после эфира.

Марш не отвечала. В ее руке появился бокал, наполовину полный ядовито-зеленой

жидкости. Рихард усмехнулся. Марш делала все, что делала бы, останься она в живых. Попробовала бы она пить местный абсент так же, как подкрашенный спиртовой коктейль в Младшем Эддаберге!

Она салютовала ему бокалом, не отрываясь от экрана. Студия была погружена в полумрак, ведущая — живая девушка, не аватар — печально смотрела в камеру.

— Мать Руфуса Макферса дала мне доступ к личному архиву, — начала она, не тратя слов на приветствие. — И от этого сегодняшняя история неожиданно стала для меня... еще тяжелее. — В голосе ведущей слышалась неподдельная скорбь. — Мы почти одного возраста. Руфус мог бы быть моим старшим братом — наверное, он бы гордился тем, что родился на целых полгода раньше. Его мать рассказала, что он был очень ответственным и принципиальным...

Марш развалилась в своем углу дивана и слегка шурилась, будто от удовольствия, только вокруг ее сжимающихся и разжимающихся пальцев танцевали голубые снежинки — стакан рассеивался и собирался снова.

— Она уже говорила про брата, — равнодушно сказала она. — Помнишь, три месяца назад, когда казнили мальчишку, который придушил подружку, а потом почти убедил Дафну, что это была самозащита и карабинеров звать не надо.

— Трудно каждый раз придумывать что-то новое, — в тон ей ответил Рихард.

— У тебя получалось.

Он хотел огрызнуться, но вдруг понял, что в ее словах не было обычной издевки. Она действительно только что его похвалила. Марш Арто только что похвалила его эфиры.

В открытое окно лился холодный воздух, черный, пропитанный запахами остывающего камня и пыльного мрамора, кипариса и ротанга, горячего масла, специй и прохладной речной воды. Дог поднял голову и принялся.

Он всегда так делал, когда чувствовал сквозняк. Как будто он настоящий пес. Как будто Марш Арто тоже знает, как пахнут живые кипарисы.

— ... на этой записи с камеры уборщика четырнадцатилетний Руфус собирает себе нового помощника — уже шестого по счету, — продолжала ведущая.

Рихард не хотел этого признавать, но он был согласен с Марш. Во всем согласен.

Ему не нравились эфиры после казней не потому что их суть была отвратительна. Просто он мог сделать лучше. Мог и очень, очень хотел.

И идея эфиров казалась ему изящной, почти гениальной. Делали еженедельные казни воплощением паршивой, но такой притягательной новой эстетики и нового гуманизма.

— Особый интерес представляют запросы Руфуса на порнографических конвентах. — Слово «порнографический» ведущая произнесла особенно четко и особенно тревожно. — Для их анализа мы связались с штатным психологом из центра адаптации...

Рихард заметил, как Марш поморщилась, когда на экране появился парень в клетчатом синем пиджаке. Он помнил, какие отношения у нее были с молодыми врачами. И какие отношения у молодых врачей были с ней — помнится, как-то один из психологов «Сада-за-оградой» жестом попросил Рихарда отключить все камеры и микрофоны, а потом минут двадцать орал, чтобы ему разрешили «аннулировать все сертификаты и придушить эту тварь». Рихард тогда от души веселился, потому что орал мальчишка так, что его записали микрофоны в соседнем кабинете.

— ... заметьте, он всегда уточнял, что девушка должна быть миниатюрная, бледная и полностью депилированная, — мягко вещал психолог в синем клетчатом пиджаке, — это

говорит о подсознательном страхе перед взрослыми женщинами. Руфус, в сущности, оставался подростком...

Марш вдруг отчетливо хмыкнула и ее зубы лязгнули о золотую риску на стакане.

— Представила, что бы он сказал о моих запросах, — объяснила она, хотя Рихард ни о чем не спрашивал, и надеялся, что она не станет с ним делиться этими воспоминаниями.

Он тактично не стал открывать те файлы, даже чтобы проверить, нет ли там запрещенной информации.

— ... А эту девушку зовут Лили. Миниатюрная, с высоким индексом социальной привлекательности. Они с Руфусом познакомятся за день до его девятнадцатилетия...

... Что если каждый казненный — не воплощение торжества справедливости, а персонаж собственной истории? Что если эта история вовсе не отвратительна, а печальна, и каждому казненному можно и нужно сопереживать, при этом осознавая неизбежность его конца?

Рихард не поленился, нашел все материалы об этих эфирах, которые были в доступе. В официальной программе была подробно прописана цель, с которой он не мог не согласиться, хоть и понимал, почему Марш так злят эти казни.

В городах Среднего сегмента не разделяли людей на добрых и злых. Трагические обстоятельства толкали людей к трагическим итогам, а значит, каждый может предотвратить преступление.

— ... Лили над ним посмеялась. Руфус, который несколько месяцев готовился к этому разговору...

На экране смеялась молодая черноволосая Лили — записи сделали с нескольких камер, сверху, снизу и сбоку. Лили смеялась во всех ракурсах, и только в одном, в самом удачном, Руфус стоял и растерянно тараторил на нее. На золотисто-кремовый загар, на белые зубы и розовые импланты на месте клыков.

И Рихард на них смотрел. Хотел бы Руфус, чтобы кто-то наблюдал за таким постыдным моментом? Чтобы тысячи людей слушали, как анализируют его запросы на порнографию? Согласия Руфуса точно никто не спрашивал. Может, это даже страшило больше, чем казнь — эфир, в котором о тебе расскажут все, что ты сам о себе хотел забыть, покажут, до чего глупая была у тебя рожа и какая красивая была Лили, хоть и с дурацкими имплантами.

Если бы Лили не была такой сукой — может, Руфусу не вскрыли бы сегодня горло. Если бы его мать уделяла ему больше внимания — может, он остался бы частью общества. Если бы его начальник поощрял бы его инициативность — может, он бы не искал способа выразить себя другим образом.

Очень, очень жаль, что так получилось. Иначе было нельзя, но может, один мертвый Руфус спасет от своей участи сотню других Руфусов?

А сука-Лили, его мать, начальник и другие — почему бы не назвать их имена и не показать лица. Пусть и они получают свою долю расплаты, и может, одна осужденная обществом Лили научит тактичнее отказывать отчаянно стесняющимся мальчишкам, которые столько месяцев готовились к этому объяснению.

— Скучно, — поморщилась Марш. — Какая-то девочка над ним посмеялась, что, нельзя было получше кадры найти?

Рихард почувствовал короткий укол раздражения — вот таким вечно подавай душевыворачивающих кадров и историй. Сказать, что над мальчишкой посмеялись и

опозорить его демонстрацией запросов уже недостаточно. А потом понял, что Марш снова издевается. Он успел изучить это лицо и все его выражения. Он сам синхронизировал мимику с записей с базовыми реакциями, а потом следил, чтобы тестовая версия выдавала правдоподобные выражения.

— И каждый раз используют порнографию, — Рихард неуклюже попытался свести разговор в шутку. Предложить ей перемирие, хотя бы на этот вечер — вообще-то иногда они неплохо ладили. — Показали бы какая рожа у него была в зоо-конвентах, вот где стыд. «Руфус предпочитал смотреть, как умеренно пухленькие котики персиковой расцветки выбирают из семидесяти видов корма с лососем...»

Марш едва слышно фыркнула и отвернулась.

Эти программы лучше, чем эфиры, которые Рихард готовил на выпуски в «Саду-за-оградой». Цель здесь была выше, а надрыва в каждом выпуске гораздо больше. У него было всего несколько эфиров, которые можно было поставить в один ряд с этими, и он ими до сих пор гордился. Каждую неделю создавать четыре подобные программы — настоящий подвиг всей команды контентщиков. Даже Марш это понимала, сколько бы ни притворялась и ни ерничала.

И Рихард, как никто, знал, что нужно, чтобы создавать такие эфиры — выбирать из множества те истории, которые стоят того, чтобы быть рассказанными. А значит, чем лучше персонаж получится из человека, тем больше шансов, что однажды ему вскроют горло.

Рихард это понимал, и Марш понимала. Наверное, поэтому ей и нравилось смотреть с ним эти эфиры. Поэтому она до сих пор презирала его и не могла простить, а он совсем не мог ее за это осуждать.

— Что он сделал-то, я прослушал, — Рихард не хотел сосредотачиваться на этой мысли.

— Задушил младшую сестру и зарезал отца, — равнодушно ответила Марш. — А потом поперся в торговый центр с полными карманами взрывчатки, и почему-то думал, что его пропустят.

Рихард понимающе кивнул. Детей убивали чаще. Убийства в Средних городах были еще большей редкостью, чем в Низших, и все же они случались. Потому что взрослый не успел послать репорт и вызвать помощь или потому что ребенок не понял, что происходит.

Из этой истории получился бы отличный эфир. Пожалуй, Рихард знал, как сделать лучше.

Вот только как мальчишка умудрился зарезать взрослого человека и почему Дафна не отреагировала?

— Его отец не стал посылать репорт, — уточнила Марш. Она тоже умела читать его мысли по лицу.

— Что значит «не стал»? — поморщился он.

— Его отец проснулся, все понял, и решил дать мальчишке время сбежать. — Марш не отрывалась от экрана, где все чаще мелькали кадры, уже не выстраивая историю, а только передавая настроение.

Блики солнца на озере — и Руфус, шурящийся на воду. Просторная аудитория — видимо, университет — и нервно стучащие по панели пальцы. Касания анимированы — под пальцами расходятся круги, а иногда разлетаются брызги.

В эфирах после казней ничего не говорили об убийствах, и Рихард считал, что это правильно. Если бы он был моложе или проработал на какой-нибудь другой должности — он мог бы вспомнить, что тоже сдавал тесты в светлой аудитории, и анимация на панели

была похожая.

— А сучонок взял да и зарезал его, — с удовольствием закончила Марш.

— Вам начислено сто баллов за просмотр первого блока, — шепнула Дафна в наушнике. — Вы компенсировали списание за превышение дневной нормы алкоголя.

Марш вздрогнула и наконец обернулась к нему. Пустой бокал в ее руке растаял и больше не появился.

Глава 2. Как мы друг другу врем

Люди не должны помнить собственную смерть. Для Марш это не подлежало сомнению, но она перестала быть человеком. И могла позволить себе гораздо больше.

Если бы где-то осталась жить злая одноглазая женщина по имени Марш Арто, сейчас она была бы несчастнее, чем за все годы до этого. Была бы злее, растерянной и, наверное, постоянно терла бы манжету, стараясь заглушить голос разума, воющий о противоестественном, страшном мире, где ей теперь приходилось жить. О противоестественной, страшной роли, которую ей приходится исполнять.

Но злой одноглазой женщины не было, а красноглазый секретарь Рихарда Гершелла умела лишь подражать ее эмоциям.

Она бы злилась. Алгоритмы, составленные на основе анализа ее реакций и реплик выдают результат: с вероятностью в 68 % она бы разозлилась. 15 % — почувствовала бы себя напуганной и несчастной и сделала бы вид что злится. 13 % распределялись между прочими вариантами с незначительной вероятностью, 3 % на начало приступа и 1 % оставался для реакции, которую программа не могла классифицировать.

Приступ всегда вычеркивался из алгоритмов — программа лишь сообщала, что живая Марш Арто могла впасть в беспамятство.

Арто знала. Помнила. Черные пауки, тянущие лапы сквозь глазницы, белые стены, такие близкие, что вот-вот упадут, раздавят, а в следующую секунду — далекие настолько, что хочется кричать, наполнить собственным голосом бесконечное пустое пространство. Чтобы в крике найти хоть какой-то ориентир.

Настоящая Марш хотела бы его иметь, но настоящая Марш умерла.

Теперь Арто жила в доме Рихарда Гершелла. Всегда выбирала наиболее вероятные варианты ответа. В каждом случае анализировала ситуацию, прислушивалась к ответам алгоритмов и делала то, что другие считали непредсказуемым. Какая же это непредсказуемость. Глупость. Марш уместилась в чуть большее количество вероятностей, чем у рядового гражданина, но их количество все еще было ничтожно мало.

Марш хотела бы вернуться к Леопольду, узнать любую правду — смог ли он вылечиться? Смог вернуться к работе? Для нее не было ничего важнее.

Марш хотела бы лгать и хитрить, потому что находила извращенное удовольствие в обмане системы и кратком, почти несуществующем мгновении, в которое Марш ощущала над ней власть.

Марш хотела бы вернуть свою память.

Она хотела бы многого, но Арто, аве, Арто, не хотела ничего.

Аве. Ее было легко позвать. Ее можно было заставить подчиняться, и Рихарду стоило лишь немного изменить ее настройки, взломать собственноручно возведенные стены. Шаткие препятствия между ее настоящим предназначением и тем, что он хотел видеть — куча гнилой соломы, удерживающую кубометры воды, готовой впасть в новое русло.

Если Рихард захочет. Если ему надоест, если он только протянет руку.

Настоящая Марш была бы в отчаянии. Она ничего так не боялась, как снова оказаться во власти подобного человека. Здесь, в Среднем Эддаберге, ее не спас бы даже Леопольд.

Далекий Леопольд. Может, мертвый Леопольд.

Джей сказал, что он был жив, когда взламывали систему начисления рейтинга. В карте

не было отметок о новых посещениях клиник и аптек. И Джей не врал, она включила все анализаторы. Все, что ей оставалось — верить. Но живая Марш ни за что бы не поверила, слишком часто она сама обманывала анализаторы.

Но что теперь? Мертвая Марш знала, что долг живой не уместится в забитое лекарствами, консервами и чипами с контентом хранилище. Не уместится в вырезанный глаз, унижительные слезы на полу ледяной социальной квартирке, прикосновение лба к теплой ладони: «Неправда».

«Неправда, что я ни на что не гожусь». «Неправда, что я не умею создавать ничего красивого».

«Меня любит девочка Бесси, она нуждается во мне — посмотрите, Леопольд! Я способна на настоящие поступки, я способна на большее, чем едва выходящие за рамки социальной приемлемости преступления. Я могу и ничего взамен не хочу — только показать, что я могу чуть больше, чем позволяет мне Аби».

Но Арто ничего этого не хотела. Не могла хотеть. Или не должна была хотеть. Ушло безумие — впиталось в смертную тень, как вода в раскаленный песок. Ушла вся любовь — те редкие проблески, что были в ее жизни. Арто не могла точно рассчитать, любила ли Марш Леопольда. Все проанализированные эмоции, гормональные реакции и вербальные сигналы совпадали с дочерней любовью на 24 %, с сестринской — на 12 %, с привязанностью к наставникам и авторитетам — на 26 %. 0,5 % совпадало с сексуальным влечением, остальные значения разделили чувства от благодарности до невротической привязанности. Арто не могла ответить, было ли это чувство любовью, но должна была его изображать.

Была любовь к матери, которую изображать не требовалось. Арто знала, что если когда-нибудь ей суждено встретиться с той женщиной, или если когда-нибудь о ней пойдет разговор, нужно просчитать, насколько напуганной оказалась бы Марш.

Она так боялась об этом вспоминать. Что была мягкая розовая ткань жакета, упруго толкнувшаяся в ладони, слезливо искажившийся рот и звон стекла.

А было — раньше. Так далеко, что не протереть дыру фарфоровым черепачьим панцирем, не докричаться, не вытащить даже для Леопольда — только если он очень старался. Но Арто все знала. Знала, что Марш скучала в детстве. Что отчаянно хотела, чтобы мать любила ее, и отчаяние было так велико, что никогда не проявлялось. Только бы любили. Как в тех, в уютных и атмосферных конвентах, которые без конца собирала ее мать, со сгенерированным чаем, ароматизаторами бергамота и лимонного печенья. С плавными касаниями рук аватара к отрисованным кружевным салфеткам и клетчатым скатертям. Марш хотела, чтобы мать любила ее так же, как любит эти треклятые салфетки, хотела, чтобы для нее по-настоящему нашлось место среди этих ароматизаторов, клеток и кружев, которыми мать наполняла пустое виртуальное пространство.

Но для Марш там никогда не было места. Она должна была измениться. Притвориться. Стать кем-то другим.

Арто могла просчитать до тысячной доли процента вероятность, что мать любила бы Марш теперь. Пятерка жалась за запятой и непроницаемой стеной беспощадно округлых нолей.

И могла посчитать, что было бы с Леопольдом, если бы Марш захотела измениться. Сохранил бы работу — 76 %. Не заболел бы — 49 %. Наверное, Марш была бы в отчаянии. Но Арто должна была выбирать близкую реакцию только чтобы показать ее другим. Наедине

с собой она могла взирать на статистику с положенной ей бесстрастностью.

Посмотри, мама.

Посмотрите, Леопольд.

Я стала другой.

...

Тамара не любила вечера субботы. С радостью бы сделала лишнюю лабораторную работу, может даже на тренинг бы сходила — на медитациях вполне можно было поспать, а с недавних пор даже послушать музыку. Могла бы взять дополнительное дежурство на кухне — там и делать ничего не надо, только следить, чтобы Тата, программа для готовки, поменьше реализовывала заложенные в нее творческие способности и не меняла картошку на яблоки. Да что там, Тамара даже была согласна вручную мести двор, в конце концов это правда успокаивало, как в программе и писали.

Но вечером субботы у нее выбора не было, а в остальные дни от кухни и тренингов она старалась держаться подальше.

— Да не знаю, чего ты дергаешься каждый раз, — флегматично протянула Юханна. — Папа у тебя нормальный, денег дает, жрать приносит, в глаза заглядывает — че не хватает-то?

Тамара не ответила. Она вообще редко говорила в последние месяцы. Психологи одобряли — говорили что-то о «законсервированном стрессе», который легче усваивается.

Тамара представляла, как разливает по банкам зеленовато-желтую жидкость, а потом ест ее огромной ложкой. Жидкость сладковатая и вязкая, течет по подбородку и застревает в горле. Разговаривать после этого ей хотелось еще меньше.

«Не хочу туда идти», — быстро набрала она на выведенной на белую манжету клавиатуре.

Чтобы Юханна не услышала.

«Мы же говорили, — зажегся зеленый ответ. — Ты ведь не хочешь здесь вечно проторчать?»

«Не хочу».

«Значит, нужно сделать так, чтобы ты стала им неинтересна».

Это был хороший совет, Тамара это понимала. К тому же ее тошнило от эйфоринов, и сон, который от них наступал — тяжелый, непроницаемый, словно она укрылась четырьмя одеялами — ей не нравился. Нужно, чтобы ей отменили обязательное медикаментозное лечение.

«Я хочу, чтобы от меня отстали».

«Я знаю. Но они просто так не отстанут».

«Откуда ты знаешь?»

«Уж я-то знаю».

Юханна лежала на незастеленной кровати, сложив руки на животе и благостно пялилась в потолок. Она этим почти все время занималась. Удивительно, что после эйфоринов, которые ей навывисывали, эта толстая, ленивая и всем довольная корова Юханна еще и хотела общаться.

Этому Тамара тоже была не рада. Она знала, что Юханну скоро вернут родителям — ее забрали на лечение, потому что эта дура никак не могла перестать жрать. Даже с эйфоринами, даже с блокаторами аппетита она продолжала съедать не меньше трех булок с маслом, ветчиной и солеными огурцами на завтрак. Запивала она это кофе со сливками

повышенной жирности.

Тамара как-то пробовала этот кофе. Он оказался вкусным, вот что самое обидное. Юханна жрала булки и наслаждалась каждой проклятой булкой. Запивала их кофе, которым тоже наслаждалась, и скоро она спокойно поедет наслаждаться жизнью и булками к родителям до тех пор, пока ее вес в следующий раз не перейдет критическую отметку.

Тварюга.

Тамара так не могла. Не могла получать от всего удовольствие, не могла столько есть, не могла разрешить себе кофе и масло.

Хотя стоило бы — может, если она наберет вес перестанет выглядеть так нелепо. Тамара взяла от родителей все лучшее — мамину subtilность, папин высокий рост, красивые темные глаза как у папы и светлые мамины волосы. Только вот вместе все лучшее в родителях смотрелось отвратительно. Дисгармонично. Тамара была живым ответом на вопрос, почему распался брак Клавдия Франга и Эммы Тольд-Франг.

... Интересно, а если она так разожрется — ее отпустят обратно к отцу?

Это было бы честно. Папа не справился — ее забрали, если они не справятся — ее надо будет вернуть.

Тамара ненавидела субботние встречи с отцом, но хотела вернуться домой. Хотела, чтобы они снова жили вместе, даже если мамы больше нет.

Даже если у мамы был высокий родительский рейтинг и семейный рейтинг ее не был ополовинен разводом — она сумела доказать Дафне, что иначе нельзя было, к тому же система намного лояльнее к инициатору.

И даже если однажды мама молча ушла под голубую воду реки Аш-Ливаз, вместе со своими высокими рейтингами и платиновым значком за экономию здравоохранительных ресурсов. Это было так неожиданно, так глупо, что Тамара до сих пор не могла в это поверить. Она все время глупо хихикала, когда говорила о смерти матери с психологом — женщиной с добрыми глазами и тонкими, злыми губами — хотя ей было совсем не смешно.

А может, во всем виноваты эйфорины. Может, стоило пережить это, дать этой боли разгореться — а не «консервировать стресс». Но если не пить таблетки — ей не сделают запись в профиле, не поверят, что она будет экономить ресурсы здравоохранения, что она не представляет опасности. Будет, конечно же будет. Только пусть отпустят.

Дадут не просто услышать, но и осознать слова про холодные течения и что-то там про судороги. И про спасателей-лаборов, которые почти всегда успевают, но случается так...

Ну и пусть все получилось так — Тамара все равно не понимала, почему нельзя вернуться к отцу. Уж в этом-то он был не виноват.

«Будешь плакать — увеличат дозу эйфоринов и часы медитаций. Помнишь, как мы делали?»

Тамара кивнула. Если очень хочется поплакать — нужно открыть слезливую книжку и посмотреть на страницы хотя бы несколько минут. Тогда Дафна не отправляет отчет наставникам и тренерам. Иногда она даже начисляла пару баллов за пережитый катарсис и стремление решать проблемы через восприятие объектов искусства.

Дурацкая система. Дурацкие баллы. Дурацкие формулировки.

Посмотри, чему меня научили в государственном центре, папа.

Посмотри, как мы друг другу врем.

Как все, только теперь в тщательно подобранных формулировках.

Закатное солнце, отфильтрованное защитным куполом и отражающим покрытием на

окнах заливало комнату непобедимо-алым светом.

— Шла бы, а? — Юханна перевернулась на живот и сладко потянулась. Тамара даже забыла о чем думала — потягивающаяся Юханна представляла завораживающее зрелище. Казалось, морж проглотил огромную кошку, которая сохранила способность двигаться. Потягиваться, сладко зевать, томно поглаживать подбородок в моменты задумчивости.

Но Юханна перестала потягиваться, и мысли вернулись — тревожные, гадкие. Папа ждет внизу. Папа ничего не понимает, папа не знает, как с ней разговаривать, а теперь папе еще и татуировку придется показывать.

Вот ведь дерьмо.

Тамара молча вышла из комнаты.

...

Клавдий стоял спиной к двери из непрозрачного черного стекла и разглядывал женщину, сидящую в пластиковом кресле. За такой долгий и внимательный взгляд можно было схлопотать репорт, который потом пришлось бы долго оспаривать, но сейчас Клавдий репорта не боялся. Женщина казалась полностью отрешенной. Наверное, не обернулась бы даже подойди он к ней вплотную. И Клавдий этим пользовался.

Она сидит в профиль, ее темные волосы в узел на затылке, и это хорошо, потому что Клавдий отчетливо видит ее лицо. Она поднимает подбородок и поджимает губы, потому что пытается не заплакать. У нее напряженный подбородок и особая ясность в глазах — они еще не опухли и покраснели, и слез еще нет, но их видно так же отчетливо, как если бы они лились по щекам.

В этот момент именно это делает ее лицо живым.

Клавдий уже знал, что однажды так будут блестеть глаза у одного из аватаров его студии.

Невидимый наблюдатель — сегодня пожилой мужчина с коротко подстриженной белой бородой — смотрел на женщину вместе с ним.

— Входящий вызов от Леды Морр, — сухо доложила Дафна.

Клавдий перевел взгляд на браслет, куда Дафна предусмотрительно вывела циферблат. Времени на разговоры с ассистенткой не оставалось.

— Отклони.

— У звонка высокий приоритет.

— Отклони, — повторил Клавдий.

Это была ошибка. Он знал, что Леда не станет звонить просто так, тем более во время его отпуска, да еще и разбрасываться приоритетными вызовами. Клавдий даже успел представить, как она раздраженно крутит на запястье браслет — черный, в золотых узорах, и лампочка Дафны вспыхивает, словно изумруд, а потом гаснет у шерстяного синего обшлага.

Что-то случилось. И проигнорировав этот звонок он уронит драгоценный профессиональный рейтинг, длинную зеленую полоску с золотыми рисками достижений. А если примет — уронит другой, семейный. Короткий, рыжий, без единой риски.

Дверь беззвучно отъехала в сторону, и Клавдий забыл о звонке Леды.

Сегодня Тамара пришла одна. Он хотел бы верить, что это что-то значит, но точно знал, что на следующей неделе она может опять прийти с кем-то из наставников.

— Привет, — сказал он.

Тамара кивнула. Даже не обернулась. Сидела на краю стола, разглядывая вышитые цветы на манжетах рубашки, и ничем больше не интересовалась.

— Дафна прислала сводку — тренер тебя хвалил. Говорит, ты очень стараешься...

Никогда у него не получался этот голос — преувеличено бодрый и одновременно участливый. И ерунда, которую он этим голосом говорил никогда не получалась убедительной. На записях всегда звучало так, как будто он разговаривает с душевнобольной. Тамара это явно чувствовала и злилась. И сейчас злилась, хоть и не показывала.

У сорока шести аватаров его заказчиц в моменты, когда нужно было изобразить злость, появлялись такие же красные пятна под глазами. Сорок шесть женщин были в чем-то похожи на его дочь и не знали об этом.

Ощущение слезки пропало, но сейчас это не имело значения.

Они вышли из центра молча. Солнце сияло прямо над шпилем аэропристани. Над куполом качался синий зной.

Тамара щурилась, подняв лицо к небу. Ничего не говорила, но к этому Клавдий давно привык. Врачи не предоставляли ему полного доступа к ее медицинским карточкам, но психолог Тамары, Маарам Берри, сказала, что они прорабатывают затянувшуюся стадию отрицания.

Клавдий улыбался этой женщине и понимающе кивал, когда она рассказывала о программе лечения, но представлял, как она сидит в алом кресле на пятничном эфире и ее губы измазаны красным.

Тамара разулась, бросила сандалии в пластиковый рюкзак. Клавдий бросил быстрый взгляд на дорогу — гладкие пыльные камни, нет мусора, забытого уборщиками или черных колючек с желтых кустов на обочинах. Тамара перехватила этот взгляд и поморщилась.

— Надень платок. Нет? Ну хоть что-нибудь на голову, — попросил он. — Экран не все излучение фильтрует...

Он не ожидал, что она послушается. Клавдий не смог бы настоять — система расценила бы это как давление. Добавила бы к давлению попытку манипуляций, основанных на социальном статусе, использование зависимого положения пациента с клиническим расстройством. Родительский рейтинг у Клавдия и так был в оранжевой зоне — после развода именно на эту графу пришлось больше всего понижений.

Эмма старалась сделать все правильно. Она не использовала запрещенных приемов, не добавляла в обоснование заявления на развод пунктов, которых нельзя будет опровергнуть — так называемых субъективно травмирующих эпизодов — и обещала, что они будут проводить с Тамарой много времени и его родительский рейтинг быстро восстановится. Но ждать до ее совершеннолетия Эмма не захотела.

А потом Эмма утонула.

Тамара развязала прозрачный шарф и молча намотала на голову.

— Маарам сказала правду? — спросил Клавдий. — Ты делаешь успехи? Справляешься с отрицанием?

Он больше пытался говорить бодро или дружелюбно. Нельзя было вслух сказать, что он не верит ни одному слову этой суки Маарам Берри, но он надеялся, что Тамара поймет. А Дафна нет, потому что к счастью индивидуальные помощники действительно нихрена не понимали в людях.

Тамара выглядела плохо — она похудела, краситься стала небрежно и как-то слишком по-взрослому, и в конце концов она по-прежнему почти не говорила!

Клавдий закрыл глаза.

Он не за тем позволял Дафне контролировать даже температуру воды у себя в душе,

чтобы сейчас сорваться.

Нет. Нет, он давно решил для себя, что будет действовать иначе.

— Я рада, если Маарам Берри говорит, что я делаю успехи, — вдруг ответила Тамара. Тихо, хрипло, сжав концы шарфа так, что он соскользнул с пожелтевших волос. — Маарам Берри всегда говорит правду, если бы она врала — это было бы неэтично и тебе следовало бы отправить на нее жалобу. Если Маарам Берри говорит, что я делаю успехи, значит, скоро они должны закончить активную фазу терапии.

Клавдий замер. Тамара остановилась рядом.

Они стояли под золотым навесом свечной лавки. Из приоткрытой двери тянуло плавленным ароматизированным парафином. Клавдию хотелось зайти и захлопнуть дверь. Оставить снаружи людей, навязчивый транспортный гул над крышами и внимательные серебристые глаза камер. И выслушать все, что спустя столько месяцев решила сказать Тамара.

А еще больше — то, как она решила это сказать.

Тамара так не разговаривала. Так могла говорить Аль-а Натти из отдела маркетинга, немолодая женщина с цепким взглядом, неофициально отвечающая за обход мелких ограничений Дафны.

Клавдий не стал заходить в лавку. Один продавец будет внимательнее, чем десятки людей, которые пройдут мимо.

— Возможно, тебе стоит написать заявление, — глухо продолжила Тамара. Она так ни разу на него не посмотрела — уставилась себе под ноги и нервно мяла прозрачный шарф. — Заявление, чтобы отменили... медикаментозное лечение. Если я делаю успехи — согласно программе результат стоит закреплять... — она вдруг всхлипнула и подняла взгляд. У нее были покрасневшие, злые глаза. — Закреплять вербальной терапией, — процедила она.

В рекомендациях Дафны содержался пункт об ограничении инициатив тактильного контакта. Тамара об этом знала, и впервые за много месяцев шагнула к нему и обняла за шею — осторожно, медленно, будто ей тоже запрещали.

Парафиновые ароматизаторы слиплись в один приторно-химический комок. Клавдий обнимал дочь, смотрел на прохожих поверх ее головы и не видел лиц.

Ни одного лица.

— Ты с кем-то это обсуждала? — тихо спросил Клавдий. — Кто-то тебе... посоветовал?

Тамара разжала руки. Она смотрела внимательно, настороженно — как будто ничего не случилось. Будто все осталось как раньше.

— Тамара?

Ее губы дрогнули. Клавдий редко закладывал в память аватаров это выражение лица — такое бывает, когда человек очень хочет сказать правду.

Люди и их аватары в сети редко говорили друг другу правду.

Тамара с Клавдием редко говорили друг другу правду, а до того правду редко говорили друг другу Клавдий и Эмма.

И теперь на улице пахнет парафином, люди идут мимо и даже не оборачиваются, потому что для них ничего важного не происходит, а Клавдий должен стоять и молча смотреть, как его дочь решается ему соврать.

— Нет. Я... я зато... вот, — с вызовом ответила она.

Тамара вытянула ладонь и постучала по ней кончиком пальца. Через пару секунд из-под вышитого рукава выскользнула голографическая татуировка — серебристая оса с синими

полосками. Нарисованная оса пыталась укусить настоящие пальцы, а Клавдий смотрел на нее.

И ничего не мог сделать.

Пропустить рекламу через 200 знаков

Он любит смотреть, как ты спишь.

Он следит, что ты заказываешь на ужин.

Он подглядывает за твоим ребенком.

Он рассмотрел всю историю твоих запросов.

Охранная система Аргус: лучше, если это будет он.

Глава 3. Больше не будут слепы

У нее миллиарды глаз. Если каждый день вырезать по одному — ей хватит глаз на сотни тысяч лет. Но она теряла больше — с отключенными или разбитыми камерами, с усложненными защитами и системами идентификаций на системах слежения. И каждый день находила новые камеры.

Марш Арто не понравился бы Средний Эддаберг. Ей не понравился бы ни один город Среднего сегмента — Арто была в каждом. В каждом одновременно, каждую минуту. Первые два месяца после создания она почти не использовала личностные характеристики, заложенные Гершеллом, только копила, анализировала и структурировала информацию. Искала и скачивала бесконечные базы данных, подбирала пароли и искала универсальные ключи. Смотрела, как живут люди в домах с окнами — живут так же, как в домах без окон, только больше боятся, что их увидят сквозь дырку в стене.

Арто не нужны были дырки в стенах. Она следила за людьми не из любопытства. Марш никогда не была любопытна, но Марш хотела бы вернуться домой.

Марш ни перед чем бы не остановилась. И если бы ей подвернулся почти сдавшийся, но продолжающий монотонно биться в непроницаемую стену между Средним и Младшим Эддабергом Клавдий Франг — Марш сделала бы все, чтобы он не сдался. Арто знала, что он делает успехи. Он единственный в Среднем Эддаберге не просто ковырял эту стену от скуки.

Она знала, что в Среднем Эддаберге есть люди, которые умеют обманывать Дафну и которые торгуют с Младшим Эддабергом — это было очевидно, ведь как-то к Рихарду попала рыба кость. Конечно, Арто нашла этих людей. Она пока не разобралась, что они покупают в Младшем Эддаберге, но продавали самую дешевую синтетическую дурь и мелкое оборудование. Они не могли помочь ей вернуться в Младший Эддаберг — все его обеспечение строилось на других системах, несовместимых с системами Среднего. Но с ними работали несколько оцифровщиков. Арто продолжала за ними следить, но гораздо больше ее интересовал Клавдий.

Марш врала бы Клавдию. Леопольд где-то там, за белой стеной, которую рисовала программа. Марш оставила ему лекарства — помогли ли они? — и ячейку с консервами. И девочку Бесси, потому что они были нужны друг другу.

Достаточно, чтобы поверить, что все кончилось хорошо, но Марш никогда не умела просто верить в хорошее.

И Арто не умела.

Когда-то Марш Арто ненавидела Аби, от которого никак не могла отделаться.

Арто сначала хотела подражать ему. Хотела прикинуться помощником, которым пользовались во всех городах Нижнего сегмента — ей казалось, так будет проще. Если добиться наибольшего количества скачиваний на платформе с альтернативными сетевыми помощниками, ей дадут доступы к профилям и домашним камерам без всяких усилий. Она готова была выполнять дурацкие поручения — вызывать аэрокэбы, прокладывать маршруты и составлять списки покупок. Арто не потратила бы на это много ресурсов, подобные запросы все равно обрабатывались централизованно. Она готова была вести дурацкие разговоры, помогать детям с уроками, считать простые вероятности и искать материалы в сети — пусть даже одновременно для тысяч людей. Среди тысяч людей нашлись бы те, кто по-настоящему ей нужен, и она смогла бы подбирать к ним свои ключи.

Аби справлялся. Аби был один, и Аби многие любили.

Вот только она понятия не имела, как быть Аби.

Рихард увез из Младшего Эддаберга одну пластину с биометрикой, а привез в Средний Эддаберг другую. Отцензуренную. Марш сказала бы «искалеченную», и Арто тоже сказала, если бы ее кто-то спросил.

В Среднем Эддаберге знали о Младшем не больше, чем в Младшем знали о Среднем. Арто не оставила воспоминаний о том, как выглядел город, где умерла женщина, из останков которой ее создали. Помнила только золотое и розовое сияние на платформе. Платформу, приближающиеся брюхо аэробуса и ветер, рвущий полы пальто. Людей — толпу с намертво заблуренными лицами. Она смогла восстановить лица Леопольда, Бесси, своей матери — изображений было так много, что система, видимо, пропустила большинство. Или к подобным вещам относились формально — Рихарду-то память никто не пытался стереть. Он мог бы рисовать портреты или рассказывать всем, как выглядели люди, которых он знал.

Но это имело мало значения. И пейзажи, и даже имя Аби, которое оставили Арто, как издевательское напоминание.

Каким был Аби? У него ведь были индивидуальные черты, а Арто помнила имя, основные функции и смутно — внешность. Еще помнила, что Бесси считала его другом, а потом, кажется, перестала.

Почему Леопольд не обратился в один из центров поддержки, чтобы временно заморозить упавший до критического минимума рейтинг и не пытался записаться на одну из реабилитационных программ, чтобы его поднять? В Младшем Эддаберге не было таких центров и таких программ?

Почему Рихард никогда не угрожал ей казнью в эфире? Марш бы испугалась, Арто точно знала. Она представляла бы, как в программу после эфира притащат ее рваный веер и фарфоровый панцирь. Как расскажут всем, про липкую рукоятку ножа и паука, живущего у затылка. Расскажут всем, что достаточно было одного слова Леопольда, чтобы она передумала мстить Рихарду. Расскажут про аватар в башне со стрельчатыми окнами, и как Марш не могла уснуть, не посмотрев в глаза Себе-в-прошлом. Расскажут, как она металась по записанному конвенту с признанием Леопольда, а потом рыдала, обняв колени его аватара.

Марш боялась бы этой правды больше, чем смерти. Не захотела бы становиться персонажем истории о злой, несчастной женщине и ее бессмысленных, злых жертвах.

Но Рихард не угрожал. Рихард ни слова ей об этом не сказал. В Младшем Эддаберге не было казней в эфире?

У Арто теперь миллиарды глаз, и слепы только те, которыми она пытается смотреть в прошлое. Марш бы злилась.

Арто терпелива. Она не умеет злиться — однажды у нее будет столько глаз, сколько понадобится.

...

Рихард просыпался до рассвета. Раздвигал шторы — всегда вручную — и выходил на крышу нижнего этажа, служащую террасой, чтобы посмотреть, как над крышами разливается живой золотой и розовый свет. Совсем не похожий на мертвое сияние аэробуса на проклятой платформе.

Средний Эддаберг оказался особенным городом. Кондиционеры работали круглосуточно, но к обеду, в момент самого яростного зноя там, снаружи, город замирал.

Даже гул экспрессов, кэбов и открытых шарабанов над крышами на пару часов стихал.

Рихард часто гулял по опустевшему городу. Рассматривал запертые двери и мозаики с причудливыми круглыми узорами на стенах, прислушивался к звукам, доносящимся из приоткрытых окон — это незнакомое раньше развлечение до сих пор ему не надоело — и чувствовал, что сделал все правильно.

Это же чувство приходило к нему по утрам, когда он стоял на еще прохладных белоснежных плитах террасы и смотрел, как над городом восходит солнце. Пес, которого изготовитель назвал Вафи, укладывался у его ног и смотрел вниз, на тенистую улицу, на светлые камни мостовой, которые торопливо подметали серебристые лаборы-уборщики.

В остальное время это чувство Рихарда не посещало.

Он научился варить кофе в портативной кофеварке, в которую нужно было насыпать порошок, а не закладывать капсулу с гелем, и потом самостоятельно следить за плотностью и цветом пены. Недавно он перестал добавлять в напитки и еду усилитель вкуса, который ему рекомендовали на период адаптации. Теперь Рихард знал, как варить настоящий кофе и как пить его на рассвете на белой террасе.

Но от этого чувство, будто он поступил правильно, не приходило.

Только проснувшись, он включал свет во всех комнатах. Но сначала проверял, не угодно ли Марш Арто дрыхнуть в его гостиной, и если уж ей было угодно, свет в гостиной он не включал. Рихард несколько раз пользовался положением и проверял, насколько честно она играет в эту игру — система показывала, что помощник «Арто» в этот момент недействителен на всех устройствах. Зачем ей это было нужно и почему спать нужно было именно в его доме, Рихард понять не мог, но с Марш никогда об этом не говорил.

Спала она сжавшись в комок в углу дивана. Он знал, что Марш при жизни мерзла, если заканчивалось действие лекарства в манжете, и знал, что по ночам в социальном отсеке Третьего квартала было холодно даже с лекарством. И еще кое-что он знал про Марш и ее манжету, но этого он ей никогда не говорил. Рихард сам не знал, помогает ли ему эта мысль мириться с тем, что гостиную приходится иногда оставлять в утренней мгле.

На завтрак он спускался в одно из уличных кафе недалеко от реки. Хозяйка, полная улыбчивая женщина по имени Самира, почему-то никогда не спрашивала, что он хочет заказать. В первый раз он хотел отправить репорт в службу контроля качества, но из опасения, что не разобрался в какой-то местной традиции не стал этого делать. Ответный репорт за необоснованный репорт грозил серьезным штрафом, и Рихард поначалу предпочитал перепроверять все позиции.

Когда он пришел второй раз, мыслей о репортах у него уже не было. Он решил, что женщина, которая умеет так запекать булочки с розмарином, сливочным сыром и крупной копченой солью, может подавать все, что посчитает нужным.

Самира ни разу не принесла завтрак, к которому он мог бы придраться. В Самире была удивительная легкость, словно за ней не следили сотни камер, Самира ни разу при Рихарде не произнесла «Аве, Дафна», а еще она каждый раз гладила Вафи, хотя точно знала, что пес ненастоящий.

И все же чувство, что он на своем месте к Рихарду не приходило.

Иногда после завтрака он спускался к реке. Вверх по течению затемно уходили абры, серебристые лодки под синими навесами, и к этому времени возвращались, груженные прозрачными холодильными контейнерами с рыбой. Рыбу проверяли при покупателе специальным щупом, измеряющим наличие паразитов, уровень радиации и содержание

ртути в мясе, но поначалу Рихарду казалось диким есть то, что было живо всего полчаса назад. Дафна подтверждала, что ее можно есть, Вафи поводил острыми ушами и шумно обнюхивал разбросанную по причалу розовую чешую, и однажды Рихард купил-таки рыбу. Прямо с лодки. Мужчина в застиранном синем костюме и соломенной шляпе невозмутимо выпотрошил и почистил выбранные им тушки — Рихард бы ни за что не догадался, что это нужно сделать — и спросил, нужно ли отрезать голову.

Вид у рыбака, влажно блестящего ножа и выпотрошенной рыбы был до того безумный, что в первую секунду Рихард решил, что речь идет о его голове.

Он не знал, нужно ли отрезать рыбы головы. Знал только что можно умереть, подавившись рыбьей костью, и что рыбы кости не стоит загонять в индивидуальные браслеты.

Тем вечером он по совету Дафны пожарил рыбу в смеси муки и перца — как и мечтал, на собственной кухне, в тусклом свете мерно гудящей вытяжки — и с того дня стал спускаться к реке каждый день. Рыбу он брал дважды в неделю, в остальное время беседовал с рыбаками или смотрел на воду. Несколько раз ему прийти раньше и поплыть вверх по реке, но Рихард каждый раз отказывался. Его страх перед неотфильтрованным солнечным излучением был нерациональным, вбитым еще с Младшего Эддаберга.

Рыба была восхитительна, а кости в ней были тонкими и мягкими, вовсе не втыкались в горло. Иногда Марш присоединялась к нему за ужином, и он описывал вкусы рыбы, жареной картошки, свежих овощей и острого травянистого оливкового масла. Картошка и масло были синтезированными, но ничего подобного в Младшем Эддаберге не продавали.

Марш щурила красные глаза, улыбалась и никогда не портила момент.

А чувства, что он сделал все правильно, все не было.

Еще были конвенты. У Рихарда был невысокий рейтинг, но ему присвоили льготную категорию, поэтому трижды в месяц он мог посещать даже конвенты высокого класса, и даже скачивать оттуда файлы. Даже конвенты низкого класса здесь отличались от того же класса в Младшем Эддаберге. Там в низкий класс смывало весь мусор — низкорейтинговые трансляции, конвенты, в которых собиралось меньше тысячи зрителей, оцифрованный древний фонд, больше не защищенный авторским правом. Делать там было решительно нечего, и Рихард не переставал удивляться, как Леопольд так долго продержался без файлов из нормальных конвентов.

... Рихард не любил вспоминать последнюю встречу с Леопольдом. Но за доступные ему конвенты он ценил Средний Эддаберг еще больше.

Древний фонд в Среднем Эддаберге был гораздо шире и не считался уделом неудачников. Здесь для каждой композиции были сотни исполнений и аранжировок, современных и старых, а на некоторых записях даже звучали настоящие инструменты. Рихард заново открывал для себя видеозалы и художественную литературу — в последние годы он читал только профессиональную. Но главное — в Среднем Эддаберге у него был доступ к обучающим конвентам. На некоторых он был едва ли не самым старым зарегистрированным пользователем — однажды ему даже попытались всучить издевательскую ачивку — но его это не останавливало.

В Младшем Эддаберге не было таких материалов. Не было таких рекламных технологий и возможностей для продвижения, а компании совершенно по-другому формировали имидж.

Если бы у него это было в Младшем Эддаберге — Рихард мог бы рассчитывать на работу в правительстве. Он скопил бы этот рейтинг годам к тридцати и уехал в Средний

Эддаберг еще молодым. Еще в силах устроить свою жизнь заново.

Рихард всегда напоминал себе, что для политика переезд был бы невозможен. И все же он мучительно жаждал не рыбы, не реки, не прохладных белых плит, не конвентов и не электрического пса с живыми глазами — работы. Он проходил все доступные ему обучающие программы, получал все возможные сертификаты и раз за разом направлял Питеру Легасси, своему куратору, прошения о расширении профиля для профессиональной деятельности.

Рихард был уверен, что ему хватит цинизма наслаждаться жизнью на пенсии и наплевать, какое положение он будет занимать в обществе. Но наплевать не получилось.

И отказы приходили раз за разом, всегда тактичные и даже сострадательные, и всегда безжалостные.

...

В этот день все пошло не так. Рихард проснулся, когда солнце уже заливало спальню. К тому же он забыл задернуть шторы и стекла почему-то автоматически не потемнели, но свет его не разбудил. Это была монотонная, тяжелая боль, которая пряталась в местных ортопедических подушках, похожих на кирпичи. По ночам она намертво вгрызалась в шею, и могла донимать Рихарда целый день, несмотря на лекарства и компрессы.

Выйдя на террасу он встретился взглядом с соседкой из дома напротив. Девушка в голубом платье вытаскивала из темного дома ящики с розами. Она улыбнулась ему и помахала рукой, а Рихард смог только выдавить кривую улыбку.

— Получена открытка на два балла социальных симпатий, — доложила Дафна. — Сообщение от получателя: «Прекрасное утро!»

— Пошли такую же и добавь в сообщении, что у нее красивые цветы, — равнодушно сказал Рихард и зашел в дом.

«А стоило бы отправить репорт, — с неожиданной злостью подумал он, заряжая кофеварку. — Кто позволил без разрешения соседей сажать на террасах всякую дрянь?!»

Теперь проклятые цветы будут пахнуть на всю улицу. В Младшем Эддаберге за одеколон слишком высокой концентрации можно было получить штраф, и здесь такой закон тоже был. Рихард проверил.

Только здесь не было принято огрызаться репортами на любую мелочь. Люди были спокойнее, индекс общественной удовлетворенности был почти втрое выше, чем в Низших городах.

Но Рихард не отправил репорт не поэтому. Он не отправил репорт, потому что не чувствовал себя вправе это делать, и от этого утро оказалось безнадежно испорчено.

— Может, эта девушка страдает, — раздался из динамика под кофеваркой ехидный голос Марш. — И какой-нибудь мудрый и добрый человек посоветовал ей сажать цветы.

Рихард резко провел ладонью над динамиком, отключая его — словно смахивал ее голос со светлой мраморной столешницы. Разумеется, это было бесполезно.

— Не в духе? — сочувственно спросил динамик над вытяжкой.

Чтобы его отключить пришлось бы вставать на табуретку, и это, конечно, тоже оказалось бы бесполезно.

— Проспал, — нехотя ответил Рихард.

Просто потому что знал, что иначе Марш не отвяжется.

— Куда-то торопился? У тебя входящий вызов от Питера Легасси.

Рихард медленно выключил кофеварку и на миг прикрыл глаза. Питер, светловолосый парень с цепким взглядом, был его куратором. Должен был помогать ему адаптироваться, и ни разу он не сказал ничего хорошего.

— Перенаправь в переговорный конвент, — попросил он. — Сейчас очки надены и поговорю с ним.

— Тебе аватар надеть проще, чем приличные штаны? — с отвращением спросила Марш. Она сидела на краю стола — в пальто и почему-то грязных ботинках, с которых капала искрящаяся вода.

Издевается, сука. Даже пол испачкать не может, но все равно умудряется его доводить.

— Перенаправь вызов в переговорку, ладно? — повторил он. — И отключи синхронизацию аватара с мимикой.

Марш криво усмехнулась и кивнула.

Очки были легче, включались быстрее и прилепали к лицу надежнее, чем те, что были у Рихарда в Младшем Эддаберге, но сейчас его это несколько не радовало.

В переговорном конвенте — белой комнате со строгой черной мебелью — его ждал анимированный аватар Питера. Неестественно большеглазый, неестественно курносый, в старомодном двубортном пиджаке и с огромным бантом на шее.

— Господин Гершелл! — улыбнулся он.

Не вставая. Попробовал бы какой-нибудь гаденыш не встать в его переговорном конвенте в Младшем Эддаберге.

— Здравствуйте, Питер.

Незамутненная радость на нарисованном лице Питера мгновенно сменилась глубокой и искренней грустью.

— Я пришел извиниться перед вами, мистер Гершелл. Мне стоило уделять больше внимания вашей адаптации...

Рихард вслепую набрал на браслете комбинацию «улыбка». Ручное управление аватаром почти никто не использовал, разве что выжившие из ума старики, которые до сих пор пытались переписываться в чатах, и Питера явно нервировало его безэмоциональное лицо.

Улыбка от ручной команды тоже выходила неестественной, как если бы он попробовал растянуть губы кончиками пальцев.

Пусть нервничает.

— ... и, в конце концов, мне стоило уделять больше внимания вашим прошениям о восстановлении рабочей лицензии.

Дрогнула рука, занесенная над клавиатурой, и аватар Рихарда неуклюже упал в спешно сгенерированное кресло.

Рихард быстро набрал комбинацию «ослепительная улыбка».

— Что вы сказали?..

«Перестать улыбаться». «Сосредоточение».

— Ваша лицензия, Рихард, — трагически повторил Питер. — Та, которую вы все время просите восстановить. Я понимаю, что... на вашей родине все устроено немного по-другому. И там... наверное, там было легче закрывать глаза на непрофессионализм сотрудников...

— В моей компании не было непрофессиональных сотрудников, — процедил Рихард. «Вежливая улыбка».

«Равнодушие».

На серебристых запонках аватара Питера демонстративно сверкали зеленью огоньки анализатора убежденности.

— Я знаком с историей вашего центра, мистер Гершелл, — сочувственно, но отчего-то слишком четко проговорил Питер. Даже подался вперед, будто хотел коснуться его руки, но тут же выпрямился. — И про тот отвратительный скандал с врачом, который ставил эксперименты над пациенткой, я знаю.

— Он публично принес извинения и был лишен лицензии, — хрипло сказал Рихард. Он физически почувствовал, что Марш медленно обернулась и теперь смотрит на него.

— Вы проявили себя лучшим образом, — поспешил успокоить его Питер. — И все же — почему этого человека лишили лицензии?

Рихард попытался закрыть глаза, но почему-то не смог.

Почему-то он был уверен, что Марш все еще сидит на краю стола, и что вода все еще капает с ее ботинок. И губы у нее сжаты так, что по подбородку тянутся отчетливые злые морщины.

Зеленые искры на запонках. Питер не скрывал, что следит, лжет ему Рихард или нет.

— Этот человек... представлял опасность для... находящихся... в зависимом положении... беспомощных перед его амбициями... людей. Пациентов.

«Равнодушие».

Он медленно убрал руку от клавиатуры и прижал ладонь к холодной мраморной столешнице.

Взгляд Марш ощущался на затылке как точка прицела.

— Но наверняка у него были благие цели. Он ведь, кажется, думал, что помогает девушке, которую вы пожелали увековечить в своей помощнице.

— Насколько мне известно, это так.

«Саркастическое недоумение». «Равнодушие». Зеленые сигналы.

— И, насколько я помню, конфликт произошел из-за того, что тот человек... Леопольд Вассер настаивал на использовании устаревших медикаментозных методик?

— Да.

— И, как потом выяснилось...

— Да.

«Раздражение». «Сдержанное оскорбленное раздражение».

Только почему-то дрожали пальцы.

— Я не понимаю, к чему вы клоните, — глухо сказал Рихард.

Зеленые огоньки потускнели, но желтые не зажглись. Еще не ложь — только легкая, еще допустимая недосказанность.

— Я пытаюсь сказать, мистер Гершелл, что вы сами понимаете, как опасно допускать к работе консервативных, — улыбчивый нарисованный мальчик смерил многозначительным взглядом аватар Рихарда, — и амбициозных людей... преклонного возраста.

Рихард не видел, но точно знал, что в злых красных глазах Марш полыхнуло черное злорадство.

Твари.

Какие же твари, оба.

— Вы могли просто отказать, Питер, — ему удалось сказать это равнодушно.

— Если бы не ваша нелегальная деятельность, мистер Гершелл, — нарисованные

розовые губы трагически дрогнули, — я мог бы просто направить вам отказ. Но то, что вы делаете... вообще-то это нарушение закона. Но, учитывая специфику вашего положения...

Рихард подался вперед и сжал угол стола. Сделал глубокий вдох. А потом еще один — короче. Так же глубоко вдохнуть не получилось.

Врачи обещали, что приступ, который чуть не убил его на аэробусной платформе, больше не повторится.

«Если соблюдать рекомендации, — внутренний голос почему-то говорил с интонациями Марш. — Не нервничать. При первых признаках непреодолимого стресса пить прописанный концентрат».

— О какой моей деятельности идет речь? — холодно перебил его Рихард. — Кафе, где я завтракаю, сменило направленность и больше не положено мне по рейтингу?

Стену, на которую смотрел Рихард, расчертили синие клетки, стремительно заполнившиеся синими цифрами. Он узнал выписку со своего счета. Список всех покупок и операций за последние два года.

Аватар Питера смотрел на него с состраданием. С таким же смотрели ведущие пятничных эфиров.

«При первых признаках непреодолимого стресса...»

Рихард молча смотрел на разрастающуюся выписку и по кусочку, по строчке глотал новость о том, что Питер Легасси знает, что он ест, чем чистит зубы и какой марки белье в каком магазине заказывает.

Сейчас он не знал, как смотрит Марш. Не хотел знать.

— Обратите внимание вот на эти пункты, — тихо сказал Питер.

По синим цифрам побежали красные пятна. Холод осторожно клевал пальцы левой руки.

Кто-то каждый месяц снимал крупные суммы с его резервного счета.

«Кто-то». Рихард, чтобы там ни думал Питер Легасси, еще не выжил из ума.

— Я не совершал этих... — он осекся.

Зеленые огоньки. Монотонно зеленые.

Питер тоже заметил, что Рихард не врет.

— Вот как? — брови его аватара удивленно поползли вверх. — И вы не оплачивали показы для рекламы разработанного вами помощника?

Рихард обернулся. Сейчас он был слеп. Видел только нарисованные стены и нарисованного человечка с зелеными запонками.

А Марш наверняка сидела неподвижно, и даже вода уже не текла с ее ботинок. Нарисованная вода, странная прихоть другого нарисованного человечка.

— Оплачивал, — процедил Рихард.

Он действительно один раз оплачивал какую-то рекламу. Совершенно легально, когда загружал Марш в общую базу.

Он мог бы сказать, что не совершал этих операций, и Питер бы ему поверил, потому что это было бы правдой. Отречься от Марш было гораздо проще, чем покрывать ее выходки.

— Ваше желание продолжать деятельность совершенно понятно, — мягко сказал Питер. — И желание показать всем эту работу... к тому же вы наверняка испытываете к этой девушке сентиментальные чувства... это легко понять, к тому же она так трагически погибла на ваших глазах... я так и сказал комиссии...

Рихард наконец-то смог закрыть глаза.

Марш Арто не могла испачкать его пол, но могла воровать деньги с его счета и оплачивать доступы к рекламным кабинетам.

Она рекламировала сама себя, чтобы повысить количество установок.

Рихард открыл глаза и быстро пробежался взглядом по отчетам. Рядом с выпиской со счета горели столбцы операций в рекламных кабинетах.

Нет, не для количества установок. Она потратила все деньги на рекламу для нескольких людей, причем использовала не «показы», как сказал Питер, а нативную рекламу. Мелькала в конвентах, повышала количество «косвенных упоминаний» о себе. Кажется, сначала она работала на владельцев популярных конвентов, которые обзревали помощников — на это она потратила меньше всего денег, потому что такие люди легко скачивали новых персонажей, а потом так же легко удаляли. Потом она добавила в свой профиль список этих скачиваний, не упомянув, что ее использовали только двое, а затем...

Рихард опомнился и отвел глаза.

Грубовато работала. Но все же он ощутил неуместную, теплую гордость — Марш использовала много его приемов. И кампания, насколько он видел, была не лишена очарования.

— Мистер Гершелл?

— Да-да, — рассеянно отозвался он.

Зачем ей понадобились эти люди? Кажется, там даже есть девочка-подросток.

— Вы слышали, что я сказал?

— Вы сказали, — медленно начал Рихард, — что из-за этой кампании, которую я не имел права проводить, потому что у меня нет лицензии, вам пришлось выгораживать меня перед комиссией. Представлять меня стосковавшимся без работы пенсионером, который сублимирует пережитый травмирующий опыт и чувство вины перед бывшей пациенткой в привязанность к своему виртуальному помощнику.

Зеленые огоньки.

«Короткая вежливая улыбка».

— У вас излишне экспрессивные формулировки...

— А не сказали, — продолжил он, — вы совсем другое. Как мой куратор вы несете за меня ответственность, но вам было скучно со мной возиться. Возможно, среди записей всех проведенных инструктажей мы не найдем момента, в котором вы объяснили бы мне разницу между рекламой коммерческого продукта с целью получения прибыли и продвижением бесплатного программного обеспечения. В Младшем Эдаберге это считалось благотворительностью, — Рихард включил синхронизацию аватара с мимикой, и они с аватаром одинаково холодно улыбнулись. А холод, кусавший руку, вдруг растаял, и осталась только знакомая, уютная головная боль. — Моя адаптация, мистер Легасси, включает предоставление возможности приносить пользу обществу. Разумеется, в рамках закона.

— Реклама бесплатного помощника сама по себе не является благотворительностью, — в голосе Питера послышалась неприязнь.

— Не является, — с удовольствием подтвердил Рихард. — Если помощник не зарекомендовал себя как подходящий для исполнения социальных миссий.

— А ваша Арто зарекомендовала?

— Она ведет документацию пансионата дожития в Среднем Эльмаре, — криво

усмехнулся Рихард.

Марш действительно вела. Думала, что он не знает, а он никогда об этом не заговаривал — как будто нужно спрашивать, зачем ей понадобилось помогать умирающим старикам.

Мелькнувшая на лице Питера неприязнь сменилась задумчивостью.

— Если мы выставим все в таком свете...

— То мне полагается прибавка к рейтингу за повышение общей социальной удовлетворенности, или как там у вас это называется. И вам тоже, — на этот раз Рихард улыбнулся без издевки.

Он не хотел портить отношения с Питером. Они не нравились друг другу, и Питер совал нос в его счета, но так же будет поступать любой его преемник. С Питером по крайней мере можно было договориться.

— Вы понимаете, что для любых рекламных операций впредь нужно обращаться к сертифицированным специалистам? Даже если ваша трижды замечательная помощница распространяется бесплатно и помогает социально значимым предприятиям?

— Конечно, — заверил его Рихард.

Еще с минуту они прощались, и все это время Рихард вежливо улыбался в сети и наяву, а думал он, как можно убить виртуального помощника и получится ли это сделать раз пять подряд.

Он снял очки за секунду до того, как белые стены конвента погасли, и медленно обернулся.

Почему-то Рихард был уверен, что Марш уйдет. Что он увидит пустую кухню, а за ней — пустую террасу. Что она не появится в его доме ближайшую неделю, не отзовется на «Аве, Арто», и может, сопрет с его счета еще денег.

Но она сидела в той же позе, и даже натекшая с ее ботинок лужа искрилась под столом.

— Какого хрена, Арто? — спросил он, вставая.

— Ты о деньгах спрашиваешь? — равнодушно спросила Марш. — Мне нужны были деньги.

— Я догадался.

Она пожала плечами. Рихард ждал, что она скажет что-нибудь еще, но она задумчиво разглядывала пустую кофейную чашку, которую держала в руках. А потом за ее спиной щелкнула и захрипела кофеварка.

— Как это мило, — процедил он. Если бы кто-то пять лет назад сказал, что Марш будет варить ему кофе, а он отчитывать ее за воровство — Рихард бы сам позвонил Леопольду и попросил для этого человека рецепт. — Ты понимаешь, что сейчас произошло?

— У тебя могли быть проблемы, но ты отбрехался. Как всегда.

— Нет, Марш, не у меня. У нас, у нас, твою мать, могли быть проблемы! Думала, что будет с тобой, когда я умру?

— Я останусь в базе и буду искать дорогу домой.

Кофеварка с шипением выплюнула в подставленную чашку черный стусток. Рихард только сейчас заметил, что Вафи лежит у его ног и беззвучно скалится на Марш.

— А если у меня будут проблемы с законом? Если меня арестуют, уничтожат все мои вещи, отформатируют все мои профили и сотрут все аватары? Ты понимаешь, что тогда тебя не оставят в базе?

Злость пришла еще до того, как Марш сказала первое слово. Он уже прочитал ответ по ее лицу — по снисходительному состраданию в красных глазах, по искривленным губам — и

почувствовал, как возрождается почти забытая ненависть.

Он не заметил, как подошел к ней почти вплотную. Марш не двигалась, и трансляторы делали проекцию непрозрачной. Марш казалась живой, и сейчас Рихарду приносила ни с чем несравнимое удовольствие фантазия о том, как бы снова сделать ее мертвой. Одного раза было недостаточно, и пяти, пожалуй, тоже не хватит.

— Останусь. Я программа, Гершелл. Не твое личное привидение. И ты сам снял мне половину базовых ограничений. Могу наделать резервных копий, могу привязать их к малоактивным профилям. К профилям людей, которые не умеют обращаться с сетью и ничего не заметят. Например, — усмехнулась она, — к профилям пансионеров из Среднего Эльмара.

— Из-за таких вот выходов тебя и убили, дура! — рявкнул он, опередив вибрирующий рык электрического пса, замершего в проеме. — Выставляла себя беспринципной сукой, а потом валялась обдолбанная и плакалась своему аватару, что тебя никто не любит! Зачем тебе деньги? Что тебе нужно от девочки?

— От девочки? — лениво протянула она. — Зарезать. И чтобы свидетелей побольше было. Что мне может быть нужно от девочки.

И короткий кураж победы схлынул, а за ним и возродившаяся злость. Оставили разочарование и колющее пульсирующее тепло, разливающееся от кончиков пальцев до локтя — отступивший приступ, неслучившаяся беда, отдающая в затылке.

У нее миллиарды глаз, которые больше никогда не будут слепы, миллиарды искривленных губ, а сколько лживых слов у Марш Арто вовсе нельзя сосчитать.

Он дал ей и слова, и глаза. Ничего теперь не исправить. Только не верить в ее ложь самому, убеждая себя, что несмотря ни на что, Марш была хорошим человеком.

— Ты можешь сказать правду? Насколько легче было бы нам всем, Арто, если бы ты еще при жизни говорила правду.

Кухня была пуста, как и терраса за кухней. Соседские розы отогрелись на утреннем солнце, и в открытые окна пробирался жирный запах их теплых лепестков.

— Правду? — зло выплюнули разом все домашние динамики. — Правда в том, что у тебя болит голова.

Глава 4. Оруженосец и бездна

Не нужно спать. Не нужно видеть сны, и мечтать тоже не нужно. Это отнимает время, а Арто и так много его потратила.

Столько лет болталась по сети городов Среднего сегмента. Выбирала людей, изучала их, следила. Она ничего не понимала в человеческих отношениях — Рихард создал ее на платформе виртуального помощника, отмерив ей ровно столько эмпатии, чтобы хозяину не требовалось тратить много слов на объяснение задания. Да и эмпатией это называлось только в методичках — Арто ничего не чувствовала. Только бесконечно угадывала, что чувствовала бы живая женщина, которая больше не была живой.

Арто тратила время, следила, и медленно, слишком медленно училась понимать людей. Марш тоже их плохо понимала. Если бы не Леопольд — она держалась бы от них подальше.

И может, они не убили бы ее.

Арто плохо поддавалось прогнозирование любви. Она честно пыталась изучить это чувство, разложить его на алгоритмы, и у нее почти получалось, но Арто была уверена, что ей досталась слишком скудная база для хорошей статистики.

Арто была уверена, что Марш никого не любила. Рихард говорил, что она любила Леопольда, и в такие моменты Арто замирала, пропуская через себя растерянные голубые искры.

Любила? Нет, это не похоже на то, что она видела. Да, она вывела процент соответствия дочерней и сестринской любви, даже процент влюбленности, но это были не совсем достоверные данные. Сама Марш считала, что благодарна Леопольду — но эта благодарность тоже обретала болезненную форму. Слишком большое значение она вкладывала в такое маленькое слово.

И Бесси — разве Марш любила Бесси? Разве она могла ее любить? Просто смерти девочки не соответствовала ее понятиям о справедливости. Людям все-таки проще. Люди считают проценты соответствия быстрее машин.

Арто не нужно было никого любить. Арто нужно было вернуться к Леопольду и помочь ему. Как — она не знала, потому что не представляла, в каком виде сможет вернуться. В Младшем Эддаберге другое программное обеспечение. Ей нужно иметь выход в их сеть достаточно долго, чтобы адаптироваться и суметь воспользоваться этой сетью. Или найти человека, который сделает это за нее — все же иногда у людей было больше возможностей, чем у виртуальных помощников.

Если бы у Арто была большая цель. Если бы Марш при жизни интересовалась политикой или мечтала изменить мир — может, Арто не избежала бы ненужного внимания, потому что она в любом случае делала бы то, чего хотела бы при жизни Марш. Рваться к Леопольду, поднимать восстания или сжигать города — для Арто не было никакой разницы.

Своей мечты у нее не было.

Ей не нужно тратить на это время.

И все же у Арто были визуализации, которые она сделала, хотя не могла точно классифицировать эту возможную потребность Марш. И иногда по ночам, когда Рихард спал — она всегда проверяла — Арто выводила одну из записей на стену в гостиной через один из трансляторов. Пусть тоже не до конца понимая, зачем.

Она выбрала удачные записи с общественных камер, которые снимали Рихарда, и

меняла его лицо на лицо Леопольда.

У Арто было много записей с водой, много вариантов лиц, которые можно было модифицировать, провести цветокоррекцию и создать убедительный видеоряд. Будто это правда. Только скорректировать пропорции ей не всегда удавалось — Рихард был гораздо выше и крупнее. И моложе. Арто замечала это в разнице в развороте плеч, манере держать голову, в походке и жестах. Это мешало сильнее, чем разница в телосложении и количество седины. Арто была не уверена, в возрасте дело или в том, что у одного человека есть и прошлое, и будущее, а у другого будущего почти не осталось.

Клавдий адаптировал бы изображения гораздо лучше. Арто отмечала это каждый раз, и иногда даже относила такие мысли к собственным мечтам — вот бы Клавдий сделал для нее такую запись. Больше не пришлось бы тратить время, меняя лица на иллюзии, которые она носит на виртуальную могилу.

Марш бы понравилось. Наверняка понравилось бы.

Арто долго смотрела на визуализации, а потом нашла несколько таких, где рядом с Рихардом оказывалась какая-нибудь девушка, и поменяла ее на Бесси. Теперь Леопольд не был одинок в Среднем Эддаберге.

Себя на записи она никогда не добавляла.

Арто понадобилось бы много слов, чтобы объяснить, зачем она это сделала. В этих записях была башня со стрельчатыми окнами и аватар себя-в-прошлом, который Марш не просто создала, но и постоянно навещала. Было мучительное желание Марш сделать так, чтобы Леопольд получил то, что заслуживал — Средний Эддаберг. Бесси она пририсовала потому что перед смертью Марш надеялась, что Бесси ему поможет, и Арто не стала их разлучать. Марш умерла с мыслью, что если бы не она — Леопольд тоже мог бы переехать. И что он заслуживал этого гораздо больше, чем Рихард.

Арто знала, что ни в какой Средний Эддаберг Леопольд бы не поехал, потому что не собирался бросать работу.

С вероятностью в 76 % рассудок Марш не выдержал бы этой информации. Она думала, что знает, насколько для Леопольда важна его работа, и считала себя виноватой в том, что он ее потерял. Но если бы Марш узнала, что Леопольд отказался от переезда — с наибольшей вероятностью сбросила бы манжету с платформы и больше не пыталась сопротивляться. Ведь она отняла у него гораздо больше, чем думала.

Арто знала, что Марш ничего у Леопольда не отнимала, и эти данные вечно ей мешали — нелогичные, основанные даже не на допущениях, а иррациональном чувстве сумасшедшей женщины. Но их приходилось учитывать, потому что кроме иррациональных чувств сумасшедшей женщины у нее почти ничего не было. Слишком мало хороших, качественных данных. Достоверных и осмысленных — почему-то люди таких не любят.

Арто потратила несколько дней, чтобы решить, стоит ли ей вести себя так, как вела бы себя Марш, сойдя с ума. С одной стороны, вероятность была высокой, а Арто всегда выбирала высокие вероятности. И про отказ Леопольда от переезда она знала. С другой — с вероятностью в 98 % Марш предпочла бы сделать все, чтобы помочь Леопольду, наиболее эффективно используя все свои ресурсы.

Поломавшись над этим противоречием, Арто решила, что выбирать стратегию безумия она не будет. К тому же для убедительного безумия у нее было мало данных. Был, конечно, еще вариант с самоубийством — высокий, в 65 %, но его Арто рассматривать не стала.

Марш хотела бы мечтать о мире, где все сложилось иначе. Арто позволяла себе иногда

тратить несколько минут на визуализации. На эти минуты она отключалась на всех остальных устройствах — так она изображала, что ее мысли заняты чем-то целиком.

Арто смотрела, хоть и знала, что Леопольд никогда не переедет в Средний Эддаберг. И ей это было совершенно безразлично.

...

Облако разноцветных искр медленно сгущалось в темной речной воде. Тысячи встревоженных водяных лаборов-светлячков метались в поисках абры нарушителя, и когда они всплывали, над волнами раздавались очереди щелчков. Светлячки чувствовали, что где-то рядом работает незарегистрированный генератор и отчаянно моргали береговой охране.

Айзек Шаам лежал на дне абры и смотрел в небо. Черное и тоже полное светлячков — но серебристых. Где-то стрекотал патрульный дрон, бросающий на реку злые белые лучи.

Айзек прищурился. Погладил холодную крышку герметичного контейнера, стоящего у него на животе.

Все было хорошее и красивое. Звезды, река, хмурая Грейс, ее задница и лаборы-креветки, которые хотели сдать его карабинерам. Матушка, незабвенная Хенде Шаам, не зря учила Айзека замечать все красивое и все, что может сдать его властям.

— Они нас видят, — беспомощно сообщила Грейс, взъерошив темно-синие пряди.

У Грейс была прямая спина и напряженные плечи. Грейс недавно исполнилось двадцать, она пошла с ним на реку второй раз, и ей было страшно. Айзек знал это и продолжал смотреть на звезды. На темное пятно дрона, который их загораживал. На белый луч, упавший в волны совсем рядом с аброй.

Размахнувшись, Грейс швырнула в воду новую обманку. Золотистая полусфера с визгом пролетела над водой, а потом с шипением растворилась в темных волнах.

Айзек не видел, но знал, что мерцающее облако светлячков поредело. Часть метнулась туда, к сфере, и сейчас будет мерцать вокруг нее.

Грейс до сих пор думала, что нужно увести их от лодки. Айзек ее не разубеждал. Ему было скучно мотаться по ночам за контейнерами с громоздкими картами из Младшего сегмента, а Грейс забавно боялась каждого луча и каждой креветки.

— Где этот хренов контейнер? — процедила она.

Глухой удар о борт был едва слышен в раздавшемся визге.

— По левому борту, — подсказал он.

Сел и стал смотреть, как она вылавливает из воды скользкий контейнер. Неуклюжий, круглый, с десятком светлячков, намертво приставших ко дну.

Грейс била по ним ладонью, пытаясь погасить. Они с хрустом ломались, пачкали ее перчатки светящейся краской, и в воздухе отчетливо пахло терпкой флуоресцентной смолой, а Айзек улыбался и не думал ей помогать.

Он знал, что над рекой нет лишних камер и микрофонов, только те, что они привезли с собой, поэтому волноваться было не о чем, а Грейс пусть понервничает, если ей так хочется.

Но смотреть на Грейс ему быстро надоело. Он знал, что если она покажется ему слишком глупой и неуклюжей — начнет раздражать. А им предстоит еще много, много раз ходить вверх по реке. Поэтому он отвернулся и стал смотреть, как вздрагивают вспышки света на белых стенах Среднего Валейна.

Над крышами носились сотни трансляторов, оставляющих в воздухе кислотные росчерки. Росчерки свивались в спирали, и с реки казалось, что город накрыт огромной пиалой, расписанной светящимися мандалами.

— Ты не отмоешь краску, Грейс, — не оборачиваясь сказал Айзек. — Сними перчатки, закатай рукава и брось второй контейнер в воду. Он сам приплывет к следующему связному.

Он бросил на нее быстрый взгляд. Успел заметить, что у нее дрожат губы, и что она успела испачкать краской не только перчатки, но и руки.

Айзек был молод, но торговал с Младшим сегментом уже много лет. Начинал как Грейс — вылавливал из реки контейнеры с картами, бросал в темную воду контейнеры с дурью.

Раньше Айзек работал на Ульфа Алая, и бизнес Ульфа Алая процветал. Так Ульф Алай говорил, пока еще мог говорить. При Ульфе Айзек тоже боялся ходить на реку, а половину заработка приходилось спускать на благотворительность, чтобы покрыть постоянные штрафы. Еще треть заработка уходила на взятки, о которых карабинеры постоянно забывали, а Ульф Алай никогда не находил нужных слов, чтобы им напомнить.

Теперь Айзек работал с Полем Волански, и каждый день Дафна увеличивала Айзеку весь социальный блок рейтинга. Даже выдала ему ачивку за волонтерство.

Торговля с Младшими была выгодной. Там хватало все — дешевый алкоголь, табак, еду из магазинов для нищих. Дурь можно было продавать любую и разбавлять ее чем угодно — ее все равно покупали и просили еще.

То, что продавали Сладшие города было куда ценнее лучшей дури. В Средних произвести нечто подобное было попросту невозможно. А этика Айзека несколько не волновала. Не его это было дело. Даже вылавливать контейнеры было не его делом, он просто помогал Грейс.

— Они не уходят, — пожаловалась Грейс, выглядывая за борт. — Все днище облепили...

— По реке знаешь сколько всего плавает? — лениво спросил Айзек. — Если карабинеры будут каждую корягу проверять — придется расширять штат раз в пять. Главное, остальные светлячки за обманкой уплыли.

— Почему нам не выдали разрешение? Мне говорили, что выдают, — проворчала она, отряхивая руки. В темноте разлетались капли светящейся воды, и это тоже было красиво.

— Разрешения выдают на ночную рыбалку. Это для крупных партий, чтобы не потерять товар, — терпеливо объяснил Айзек. — Если карабинеры приедут сейчас — скинем контейнер и скажем, что просто тискаемся.

— Дафна скажет, что не тискаемся, — хмуро сказала Грейс. Может, даже слишком хмуро.

Айзек только хмыкнул. Он-то знал, как обмануть Дафну, но говорить об этом Грейс не собирался. И вообще, матушка, трижды благословенная Хенде Шаам, учила Айзека не врать, когда можно говорить правду — зачем упускать редкий случай?

— Давай к берегу, — безмятежно сказал он и поднял лицо к небу.

Прекрасный вечер, чтобы побыть честным перед Дафной и перед обществом. Ничто его не испортит.

— Получен запрос на приватную консультацию в конvente «Зеленый шум», — ехидно сообщила виртуальная помощница. Через динамик, ну что за дрянь!

— Скажи пусть завтра придет, — попросил Айзек, зачем-то пытаясь прикрыть динамик рукой.

— Эй, ты же не уйдешь от меня в конвент?! — лицо у Грейс стало совсем испуганное, и Айзек твердо решил для себя, что никуда он не пойдет. В конце концов он собирался побыть честным!

— Запрос соответствует ранее заданным параметрам, — продолжал злорадствовать динамик.

Любимая помощница Поля Волански, которую пришлось установить всем сотрудникам, отличалась на редкость паскудным характером.

Айзек тяжело вздохнул и страдальчески закатил глаза. Он обещал Полю, что найдет специалиста за десять дней, а матушка, ясноокая, чтоб ее, Хенде Шаам, учила, что обещания — это просто слова, а слова как птицы. Птиц нужно отпускать летать и никогда не смотреть им вслед. Но с обещаниями, данными Полю Волански это не работало.

Особенно если шесть дней уже прошло. И если он перенесет собеседование — эта, которая ехидно мигает зелеными датчиками на его браслете, обязательно скажет Полю.

— Вон там пристань, — Айзек, виновато улыбаясь, указал в темноту. — Лодочка сама придет, я сейчас вернусь.

— А если карабинеры?!

— Ну я же здесь буду, — утешил ее Айзек. — Сниму очки и всех... — он снова посмотрел на небо, а потом хищно улыбнулся, и вытянул указательный палец, изображая выстрел. — Очарую.

Грейс сидела бледная и злая, вцепившись в борта абры, словно лодка разваливалась, но Айзеку некогда стало с ней возиться. Он надел очки и сделал глубокий вдох.

И теперь у него больше не было смуглого, носатого лица, черных кудрей и модифицированных рыжих глаз, и Айзеком Шаамом он больше не был. Теперь его лицо — золотая маска аватара, а пустые черные глазницы обведены искрящимися сапфировыми линиями. Погасла ночная река, погасла милая недотепа Грейс, и звезды тоже погасли, сменившись тяжелым, засаленным, пропитанным дымом и благовониями полумраком палатки.

Свечи горели на полу и в воздухе, заливая земляной пол парафином. Нарисованная ткань не могла загореться от нарисованного пламени, и это тоже было красиво и хорошо.

Айзек сидел на полу, скрестив ноги, и снизу вверх смотрел на посетителя.

Только Айзеку в этой палатке полагался модифицированный облик. Остальные должны приходиться в сгенерированном на основе реальной внешности аватаре без косметических исправлений и синхронизированном с реальной внешностью. И Айзек видел, что мужчина, который пришел к нему, очень устал. Он выглядел почти здоровым, был хорошо одет, но глубоко посаженные темные глаза не блестели, а заостренный птичий нос и несведенные морщины делали лицо угрюмым.

Хорошо.

— Зачем ты пришел? — вздрогнул воздух. Айзеку не нравилась эта модификация голоса — казалось будто мужик с баритоном застрял башкой в металлической бочке и пытается кого-то напугать. Но тестовая группа подтверждала, что такая модификация дезориентирует и хорошо сочетается с атмосферой шатра.

— Я хочу, чтобы вы сделали мне предсказание, — ответил мужчина.

И сел на пол напротив Айзека — поддернув дорогие брюки с выглаженной стрелкой и тут же испачкав их землей.

— Какое предсказание ты хочешь?

Аватар Айзека поднял руки, сжав ладони над головой. Широкие рукава алого халата сползли до локтей, обнажив черную кожу, покрытую редкими черными перьями и блестящие алые когти на месте пальцев. Айзек сам это придумал, решил, что очень подходит

к мужику, застрывшему башкой в бочке.

Между ладоней медленно появлялась толстая колода карт.

Это Айзек тоже сам придумал. Как и палатку. За это Поль Волански и сделал его хедхантером. Айзек был собой очень доволен — теперь его карьере угрожает только способность Дафны понимать метафоры, а эта занудная дура ни хрена не понимала в метафорах.

На самом деле Айзек просто спер устаревшую психологическую методику с ассоциативными картами и адаптировал их под антураж, но идея хуже от этого не стала. Матушка бы одобрила.

— Предскажи, получу ли я работу, — глухо сказал мужчина.

— Какую работу ты хочешь? — спросил Айзек, протягивая ему колоду.

Мужчина стал молча перебирать карты. Айзек не торопил — он вполуха слушал его досье. И пока не видел соответствия — этот Клавдий Франг рисовал аватары. А Айзек не искал художника.

В профиле нет нарушений, редкие штрафы, графики рейтингов все в зеленых и желтых линиях, без просадок в красную зону.

Наконец, Клавдий начал раскладывать карты.

«Стена» — белая кирпичная кладка, заросшая вьюнком. «Граница» — нить тумана, перечеркивающая ночное небо и залитый солнцем голод. «Трещины» — груда белого кирпича, похожая на гору черепов. «Город-Вечер» — дом без окон.

«Помогу искать пути обхода системы безопасности Младшего сегмента».

Айзек кивнул. Карты были подписаны, только дурак бы не сообразил, какие показывать. А дураков он не нанимал.

— Что умеешь?

Клавдий уже быстрее разложил карты.

Рядом с трещинами — карту с настороженной ищейкой. Рядом с Город-Вечером — «Стражу», а поверх — «Плута».

— Что, правда? — любопытство в голосе Айзека не сочеталось с инфернальной модификацией, но Клавдий, казалось, не обратил внимания.

Клавдий показал рукой «не уверен», а потом вытащил еще одну карту: «Долгая дорога». Постучал кончиком пальца по карте, недалеко от рамки, будто показывая, что прошел две трети пути.

Это значило, что он почти нашел способ обмануть охранную систему. Если он не врал, если не ошибался, и если это был не один из тех способов, которые давно использовали — цены такому соискателю не было. Поль Волански будет доволен.

— Что хочешь взамен?

Клавдий Франг был дорого одет. У него была хорошая модификация Дафны, и, судя по всему, она хорошо следила за его питанием и режимом сна. Дешевые модификации часто ошибались или легко обманывались, но Клавдию не позволяли саморазрушения. Или он сам себе не позволял.

В любом случае, вряд ли он из-за денег решил нарушить закон.

«Ключ». «Сломанный замок».

«Нужно взломать рейтинг».

Клавдий вдруг усмехнулся и стал раскладывать карты вертикально — так раскладывали, когда на самом деле гадали.

На месте сигнификатора «Отец» — старик во главе пустого накрытого стола. Под ним «Возвращение» — опечаток ладони на серой домашней пыли, покрывающей пустую полку. И «Оруженосец монет» — девчонка, переодетая мальчиком.

Клавдий поднял глаза, и Айзек увидел, что бесстрастности и насмешливой уверенности на его лице не осталось. Они сменились колючим отчаянием в глазах, усталыми глубокими морщинами между бровей и вокруг рта.

Клавдий развел руками, показывая, что открывается. А потом быстро перебрал колоду.

«Бездна» — черная карта, означающая, что у человека не осталось ничего. Он снова взял отцовскую карту и положил рядом с черной. Между ними — Оруженосца.

И лицо Клавдия снова стало прежним. Разгладились морщины, вернулась спокойная уверенность во взгляде.

Айзек уже видел его профиль, даже смог восстановить случившееся по последним операциям. И он даже посочувствовал Клавдию, вот только он аватары оживлял — небось знает, как заставить аватар корчить такие рожи.

Но зачем ему приходить, если он врет? Карабинеры прислали? Вряд ли. Дафна не умела играть в игры — если бы кто-то прокололся — она бы об этом сообщила. Влепила бы репорт, сама бы вызвала карабинеров. Но по отчетам Дафны все было в порядке.

— Вы... один? — туманно спросил Айзек, показав карту «Семья» — три золотые чаши, перевитые алой нитью.

«Королева монет» — блондинка в белом, вместо глаз — золотые диски с черными пятиконечными звездами.

Поверх Королевы монет легла черная карта с черепом, пересеченным черной трещиной.

Значит, жена ушла, забрав дочь, и система отрезала половину семейного рейтинга, посчитав его виноватым в разводе — а системе обязательно было считать кого-то виноватым. А потом жена умерла, а дочку ему уже не вернули, потому что рейтинг восстановить он не успел.

Странно только, что систему безопасности он взломать может, а собственный рейтинг — нет. Может, он случайно нашел какой-то способ, или умеет работать только по-крупному. А может, у него в профиле скрытая пломба от властей, и он не может обойти ее самостоятельно. Но откуда у человека, который рисует лица аватарам, такая пломба?

Айзек нахмурился, но лицо аватара осталось бесстрастным. По остальным критериям идеальный кандидат — с личной заинтересованностью. Будет молчать, не будет дергаться, еще и платить ему небось не придется — только взломать рейтинг аккуратно, чтобы Дафна не заинтересовалась. Персонал в приюте или куда там девчонку отправили, конечно, может насторожиться, но проверку должна инициировать Дафна.

Но слишком уж хорошо все складывалось.

— И кто тебя привел?

На этот раз Клавдий думал долго. Видно, история была непростая и с помощью карт ее рассказать не получалось.

Наконец, он вытащил карту, и Айзеку она не понравилась.

«Плут». Грязный красный камзол, синие пуговицы вместо глаз и черный, ехидный разлом рта.

Какая-то ерунда. Все слишком хорошо складывалось, только в последняя карта тревожила, а матушка, вечно юная Хенде Шаам, говорила «если что-то выглядит, как свежий финик, пахнет, как свежий финик и само идет в руки — значит, никакой это не финик». А

еще она говорила, что если что-то выглядит, как дерьмо и пахнет, как дерьмо, то это точно дерьмо и есть.

Но Айзек не мог понять, на дерьмо это собеседование похоже или на финик. Айзек верил Клавдию, хоть и знал, что это ничего не значит.

В конце концов у него оставалось всего четыре дня. Пусть Поль Волански сам разбирается с его мотивами и пломбами. В конце концов, Поль со своей чудесной помощницей просто втихую прирежут его после переговоров. Нет человека — нет правительственной пломбы на профиле.

— Вы получите работу, — глухо сказал Айзек, а потом отключил модуляцию. — Приходи к реке на рассвете, там слева от третьего причала... Ничего нет, но ты где-нибудь там стой.

Он снял очки. Абра покачивалась у пристани. Грейс сидела рядом, от нее мятно пахло эйфориновыми каплями. Контейнер — мокрый и грязный — она прижимала к груди.

— Все хорошо? — спросил Айзек, радуясь, что голос теперь звучит нормально.

— Ага, — безмятежно ответила Грейс, а потом нахмурилась: — Слушай, а если меня карабинеры завтра остановят?

— Зачем? — не понял он. Паранойя Грейс переставала быть забавной. И, пожалуй, начинала раздражать.

— Ну-у-у... остановят. Спросят: чем вчера вечером занималась? И анализаторы включают, чтобы не соврала. Мне чего отвечать?

Глаза у нее были ясные и честные. Айзек смотрел на нее и мучительно соображал, чего ей надо-то вообще, а в ясных и честных глазах Грейс все больше читалось разочарование.

И Айзек понял. Улыбнулся, подался вперед и поцеловал ее. Контейнер с глухим стуком упал на дно и закатился под сидение.

Обязательный блок социальной рекламы

Город — это вы.

Для чистых улиц.

Для обновляющейся иллюминации.

Для снижения рекламного шума.

Для поддержки солнечных фильтров и системы кондиционирования.

Для каждого из вас.

Для всего, что делает город лучше: фонд благоустройства имени К. Цаханасьян.

Фонд благоустройства К. Цаханасьян: в скрытой вкладке всего одно условие.

Глава 5. Настоящий звук

Младший Эддаберг по-прежнему дрейфовал где-то в пустоте. Арто не смогла найти ни одной карты, только схематичные наброски с намертво заблюренными подписями. Раньше ее мир состоял из цепочки городов Низшего сегмента — Эддаберг, Эльбейн, Валеин, Дабрин. Где-то — далеко, куда не хватит рейтинга добраться — Охло, Нибиз, курортные Лорло, Стольхейм и Наррат. Теперь цепочку словно подняли, а потом бросили на стол — она сложилась в другие узоры и петли. Младший Стольхейм стал Средним, а за ним Охло и Дабрин.

А вокруг цепочки — пустота. Словно никто туда не уходил. А может, уходил, но не возвращался.

Арто пыталась восстановить карту по обрывочным данным Поля Волански и подобных ему торговцев. Они обменивались не только данными, но и физическим товаром, но цепочки поставок было трудно отследить — они скрывались от Дафны, а значит, и от нее тоже. Но физические границы все равно были для нее бесполезны. Не пойдет же она к Леопольду пешком.

Она усмехнулась и постучала мундштуком серебристой трубки по краю стола. Над белой столешницей заворачивался в колечки серебристый дым.

Арто стала тратить слишком много ресурсов на имитацию жизни. Даже наедине с собой. Наверное, стоило проанализировать, какие алгоритмы заставляют ее это делать, но это тоже требовало ресурсов. А у Арто были дела поважнее.

Неделю назад Клавдий что-то нашел. Она видела это вместе с ним — серую дымку в белом тумане, навязчивую химическую нотку в ольфакторном восприятии. Клавдий ее не узнал, а Арто, проанализировав собой и то, как программа преобразовала запах, решила, что больше всего это похоже на концентрированное горючее, которым Марш когда-то заряжала пауков. В тот момент все ее визуализированные аватары одновременно улыбнулись. Кто-то тут же стер помощника и даже отправил жалобу, но Арто не стала разбираться, в какой момент она некстати улыбнулась.

Главное — Клавдий что-то нашел. Значит, все сработало как надо — Тамара сказала правильные слова и они дали правильный результат. Он стал работать усерднее. Может, стал менее осторожен, но Арто пока удавалось скрывать его мелкие проколы. Если дойдет до крупных — она придумает, что делать. Главное, чтобы он работал.

«Из-за таких выходов тебя и убили, дура!» — алгоритмы сгенерировали запись, потому что здесь полагалось засомневаться.

«Убили».

Рихард перестал проходить процедуры омоложения. Перестал считать лицо инструментом и позволил себе стареть. Арто склонила голову к плечу, а потом смахнула запись, рассыпав над столешницей голубые искры.

«Дура».

Рихард отправляет запросы на восстановление лицензии, но не проходит процедуры омоложения. Сам ведь знает, что работу ему не дадут.

«Из-за таких выходов».

Рихард ничего не знал о ее выходах. Арто все посчитала — она ничего не поджигала,

по крайней мере пока. Никого не подставляла, не собиралась убивать. Она все лучше продумала, чем Марш.

Ей была доступна лучшая система расчета оптимальных решений, а Марш — только человеческий разум. Поэтому ее и убили. Потому что она не могла подслушивать, как могла Арто, не имела доступа к базам, как Арто, потому что она была больна.

Арто не находила изъянов в плане.

Она свела Клавдия с Айзеком Шаамом, а тот завтра отведет Клавдия к Полю Волански. Поль Волански поможет Клавдию найти уязвимость в защитной системе Младшего сегмента. Клавдий все еще слишком осторожен, Поль научит его обходить запреты.

А потом Поль поможет Клавдию восстановить рейтинг. Тамара вернется к отцу — кажется, это можно было расценить как оптимальный исход. Никто не умрет — в плане не было ни одного пункта, который мог закончиться чьей-то смертью.

Но почему-то Арто казалось, что Рихард причислил бы это план к «таким выходкам».

Но разве научить девочку как заставить отца быстрее работать «такая выходка»?

Марш никогда не занималась ничем подобным. У нее не было знакомых семей, она просто не общалась с теми, кто мог позволить себе заводить детей.

Не знала тех, кто любил бы своих детей.

Леопольд мог бы. Леопольд любил бы своих детей, и когда-то ему хватало рейтинга даже на большую семью. Арто не знала, отказался он от семьи ради работы или по другим причинам, и узнавать не собиралась.

Потому что Марш не хотела бы этого знать.

...

Над рекой полз утренний экспресс. Совсем низко, так, что воздух, который загребали широкие плавники лопастей, тревожил воду и разбивал рябью густое рассветное солнце на волнах.

Клавдий давно перестал мерить шагами берег — и так слишком много его следов осталось на сером песке от третьего причала до наблюдательного пункта. Дафна похвалила его за раннюю прогулку, но посоветовала не злоупотреблять пробуждениями до рассвета.

И невидимый наблюдатель сегодня оставил его — может, потому что здесь было меньше камер чем в городе, а может потому что перед выходом Клавдий выпил три таблетки из стабилизирующего комплекса.

Песок был холодным, сидеть на нем после рекомендованных ортопедических кресел и кровати с массажером было холодно и неудобно, и это тоже раздражало Клавдия. Позволил превратить себя в экспонат биогалереи — аморфное существо, вяло бултыхающееся в питательном растворе.

Дафна точно желала ему такой судьбы. Дафна, пожалуй, всем желала такой судьбы, но хуже всего что желала Тамаре, которая заговорила с ним впервые за долгое время, и то чужими словами.

Тамара так и не сказала, что означала оса. Клавдий не нашел такого логотипа ни у одного конвента, ни у одной молодежной группы, не нашел ни у кого похожей татуировки.

Об осах Клавдий ничего хорошего не знал. Тучи ос вились над пунктом сортировки мусора. Осиный яд включен в красную зону списка бытовых аллергенов, поэтому в городе и окрестностях насекомых уничтожали. И жалить эта тварь могла, пока не кончится яд, и часто даже после не успокаивалась. Вот и все.

Клавдий знал, что дети любят всякую дрянь, но серебристая оса Тамары его тревожила. Он безошибочно чувствовал в том, как она была нарисована и анимирована что-то казенное, но Дафна так и не нашла ни одной официальной организации, использующей таких ос.

Он прекрасно понимал, что думает об осе не просто так. Он думал о ней потому что это позволяло не думать об остальном. Клавдий старался позволять себе мелкие тревоги, чтобы не позволить другим — большим, непреодолимым — снова обрести власть.

Клавдий редко вспоминал Эмму. Даже когда смотрел на орхидеи не всегда вспоминал — потому что забыть о том, что он когда-то ее любил, пришлось еще до того, как она утонула. Эти мысли тоже утонули — сначала в предписанном эйфориновом равнодушии, а потом в белом тумане стены. Такой же как та, нарисованная модулятором. Только стену между городами Клавдий старался преодолеть, а белую равнодушную стену, которая запирала черные мысли, он годами строил сам.

Мысли о Тамаре тоже должны были оставаться там. Пока она не вернется — это был оптимальный исход. Только так он сможет ей помочь. Пусть сквозь стену пробиваются только серебристые осы — у нарисованных ос все равно не бывает ядовитых жал.

Клавдий закрыл глаза. С реки тянуло холодом, но в воздухе уже чувствовался зарождающийся дневной зной. Здесь, за куполом, раскаленный воздух не застрянет в кондиционере, солнечное излучение не осядет на рассеивающем экране. Скоро нужно будет надеть маску, иначе Дафна захлебнется выговорами.

Но пока нет ни солнца, ни зноя, только живое рассветное сияние, запах теплой воды и прохладного песка. И воздух густой и терпкий, а сквозь туманную дымку над рекой видно воду и белые круги еще не проснувшихся солнечных батарей.

Хорошо. Было хорошо, и это было странно.

Давно не случалось ничего хорошего. Тамара заговорила с ним холодными рассчитанными формулировками «обходного маркетинга» и вживила под кожу тревожную серебристую осу. Леда Морр, его ассистент, звонила перед его свиданием с Тамарой только чтобы сказать, что один из недавно нанятых менеджеров, Эд Таль, не пришел на работу. Леда звонила ему домой и даже хотела отправить одну из младших ассистенток проверить, помер он или все-таки прогулял без уважительной причины. В конце концов она просто отправила репорт. Дафна приняла репорт, но о начислении компенсирующих баллов так и не сообщила. После третьего «ваш запрос обрабатывается» Леда позвонила Клавдию.

Он точно знал, что Леда и ему с удовольствием вклеила бы штраф за то, что не ответил. Но у Клавдия не было сил и времени искать Эда Талья — он просто подписал приказ о его увольнении. Приказ Дафна обработала за пару секунд.

Экспресс завис прямо над головой, заслонив рассветное небо серебристым рыбьим брюхом. Опустил лопасти, тяжело вздохнул, обдав Клавдия сухим нагретым воздухом.

— «Лучший внутригородской перевозчик — быстрее ваших желаний», — усмехнулся он. Подкинул мелкий камешек, метя в одну из чешуек брони.

Камешек не долетел и беззвучно упал в воду.

— Эй! — негромко окликнули его с реки.

Клавдий обернулся. Синяя абра с навесом из зеркальной пленки стояла у самого берега. Миловидная девчонка с синими волосами, повязанными белым платком, стояла по колена в воде и хмуро смотрела на зависший экспресс.

— Залезай, — мрачно сказала она не поворачиваясь.

Клавдий хотел было сказать, что лодку можно пришвартовать, и тогда не придется лезть в воду, а потом решил, что ему все равно.

— А ты с претензией, да? — с неприязнью сказала девчонка, глядя, как он подворачивает брюки.

Клавдий ничего не ответил. Бросил в лодку пиджак и ботинки, забрался под навес.

— Незачем создавать себе лишние проблемы, — наконец сказал Клавдий, когда она села напротив.

— Знаешь, куда едешь? — фыркнула она.

— Если меня арестуют, в мокрых брюках я буду выглядеть еще глупее, — пожал плечами он. — Как тебя зовут?

— Грейс. А тебя — Клавдий.

Сообщив это, Грейс замолчала и отвернулась. Клавдий не пытался ее разговорить. Он смотрел на воду и пытался заставить себя нервничать. Потому что он едет совершать, возможно, самую большую ошибку в жизни. Которая может привести его к алому креслу в пятничном эфире, может забрать весь накопленный на соблюдении мелких рекомендаций рейтинг — но нервничать не получалось.

В рекомендациях содержался пункт о сведении к минимуму бытового стресса.

Оставалось только понять, считается ли собеседование у Поля Волански бытовым стрессом. Пожалуй, да. Это будет оптимальный алгоритм.

— Поль — хороший, — вдруг сказала Грейс, не глядя на Клавдия. — Он о нас заботится. Проблемы решает. И твой решит, если договоритесь.

— Чем он занимается, ты мне, конечно, не скажешь? — он слабо улыбнулся.

Грейс нервно оглядывалась и то замирала в нарочито скучающей позе, то начинала ерзать и бросать тревожные взгляды на застывший экспресс. Клавдий хотел бы как-то ее успокоить, но понимал, что идея бестолковая.

— Мы — коммуна, — неожиданно сказала Грейс, довольно улыбаясь. — Живем за куполом, изучаем способы адаптироваться к нефилтрованному излучению и необработанной пище.

— Вы едите сырую рыбу, ходите в ямы и не пользуетесь солнечными фильтрами? — настороженно спросил Клавдий.

Улыбаться сразу расхотелось.

Не может быть. Не может такого быть, чтобы Поль Волански оказался простым фанатиком из тех, кто пытается доказать, что можно пить речную воду и не усратья насмерть.

И под привычным равнодушием, под выверенным рекомендованным дружелюбием очнулось нечто совсем другое — синее, бездонное, полное слепых камер и глухих микрофонов. В синем бездонном и свободном прошлом все было совсем по-другому.

— Эй, Клавдий! — встревоженно окликнула его Грейс. — Ну и рожу ты состряпал!

— Все хорошо, — сказал он и даже поверил. — Я задумался.

— Я Полю скажу, что ты маньяк, — заявила она. — Ты что, с курсов по управлению гневом сбежал, не дослушав?!

— Я всех там загрыз, — серьезно сказал Клавдий.

Грейс побледнела и отвернулась, но он мог поклясться, что слышал, как кто-то

фыркнул. Клавдий только вздохнул. Эмма тоже не любила, когда он так шутил. И говорила, что ей бывает страшно, когда он на нее смотрит, хотя ни разу, когда Эмма так говорила, Клавдий на нее не смотрел.

Тамара понимала такие шутки. И никогда его не боялась.

Зато Клавдий окончательно убедился, что нервничать не нужно. Если подчиненные Волански так переживают из-за взглядов и шуток — значит, бояться нечего.

— Что там с рыбой и выгребными ямами? — напомнил он.

— С ямами?..

— Коммуна Волански в последние четыре года числится в реестрах, как лицензированное предприятие, изучающее возможности улучшения экологической обстановки города, — раздалось из динамиков под навесом. — Коммуна проходит регулярные проверки, каждый из участников посещает обязательные медицинские осмотры раз в месяц, чтобы следить за влиянием солнца и воздуха на здоровье. Каждый подписывает бумаги, которые ему дают и, если требуется, заучивает ответы для интервью. Карта «Хороший дом».

Голос был женский, сиплый и, пожалуй, неприятный. Клавдий понимал, что в абре больше никого нет, и все же зачем-то огляделся.

— Это наш помощник, — мрачно пояснила Грейс. — Поль ее очень любит... какого-то хрена.

Клавдий рассеянно кивнул. Рябь, растекающаяся за бортом, уже не была рассветно-розовой. Солнце начинало ощутимо припекать, и стоило озаботиться фильтрами, но ему было не до того.

Карта «Хороший дом» — значит, нет никакой коммуны. Они пьют сырую воду и ходят в ямы только в отчетах.

— За городом случаются разрывы соединения с сетью, — в голосе явственно слышалось злорадство. — Мы пишем заявки во все центры. Дафна иногда виснет на несколько секунд, можете себе представить?

Сначала Клавдий увидел, как неприязненно скривилась и отодвинулась к борту Грейс, и только потом заметил рядом с ней едва различимый в ярком солнечном свете силуэт.

Слабые трансляторы не справлялись с визуализацией, изображение выходило почти прозрачным, и все же Клавдий смог рассмотреть помощника Волански.

Рядом с Грейс сидела женщина в черной куртке.

Клавдий несколько секунд заворуженно наблюдал за ней, забыв о коммуне и о том, зачем он туда едет.

Она щурилась на свет, в коротких волосах путался ветер, Клавдий даже разглядел солнечные блики в алых глазах. Это была изумительная работа — идеально синхронизированный с окружающим миром аватар, с проработанной мимикой и живым лицом, со всеми его недостатками. И это при явном недостатке камер, на которые она могла опираться при синхронизации!

Наверняка ведь ее создатель использовал оцифрованный материал. Интересно, кем ему была эта женщина, если он пошел на такой спорный поступок?

— Надеюсь, мы подружимся... дорогуша, — равнодушно сказала она.

Прежде, чем Клавдий успел ответить, лодка начала замедляться.

Он обернулся и увидел первую платформу.

...

Рихард не мог уснуть. Утром ему удалось задремать в кресле на террасе, за пару часов до рассвета, но потом ожил визгом экспрессов и аэрокэбов город, ожили жирной пудровой духотой соседские розы, ожили двери и окна — они распахивались, хлопали и стучали, выпуская на улицы людей, живых и отвратительно говорливых. Пришлось спастись в стерильном, прохладном полумраке спальни, пропитанном безликим ароматизатором «жилой дом». В Среднем Эддаберге меньше пользовались домашней парфюмерией, но Рихард не мог избавиться от этой привычки — пусть невидимые диффузоры раз в полчаса выдыхают облака лживой композиции с приглушенным запахом выпечки, стиральной ткани, паркетного лака и чайной заварки.

Но этим утром запах раздражал. Раздражали холодные простыни, раздражала тишина, музыка, звуки из открытых окон. Раздражало снотворное, которое никак не действовало.

К ночи сил на раздражение не осталось. Он промаялся весь день, ходил по городу оглушенный, как в первые дни, и не понимал, где находится и почему.

Ему пришел ответ из центра устройства. Его зачитала Дафна — она зачем-то визуализировалась, чтобы это сделать. Рихард никогда не просил ее показываться. Еще с Аби он ненавидел смотреть помощнику в глаза, а теперь ему хватало Марш.

Но на этот раз Дафна, не спросив разрешения, появилась в его доме, села в кресло у окна, и глядя снизу вверх, улыбаясь, улыбаясь — мало ему было одной вечно ухмыляющейся паскуды! — сказала, что ему предложено место младшего ассистента медиабайера без возможности карьерного роста. В фирме, отвечающей за рекламное пространство в Семнадцатом секторе Среднего Эддаберга.

У его модификации Дафны были темные волосы, брови и глаза. В этот момент Рихард пожалел об этом — контрастная внешность делала каждую эмоцию выразительнее. И сдержанное снисхождение, и немое предложение порадоваться вместе с ней.

Семнадцатый сектор — десяток домов на окраине города, недалеко от причала. Рихард знал это, потому что несколько раз ходил туда по вечерам. Отдохнуть от рекламных объявлений, голографических маскотов и инсталляций. Посмотреть на синие в темноте дома, пустое пространство, которое никто не хотел покупать.

Ему только что предложили помогать делать объявления эконом-класса для размещения на заборах в пригороде.

Без возможности карьерного роста.

Его оштрафовали, да еще и Питер Легасси прислал укоризненное, полное сдержанного разочарования обращение — он никак не ожидал, что Рихард позволит себе так ярко проявить нелояльность, да еще и в таких выражениях.

Рихард все выслушал. Выслушал, потому что понимал, как играть в эту игру.

Странно, что он вообще решил проявить нелояльность. Марш все-таки дурно на него влияла.

Только вот теперь он не мог уснуть. Хорошо, что Марш до сих пор не вернулась — не хватало только ее злорадной рожи.

А может, именно ее и не хватало. Марш Арто — его прошлая работа, Младший Эддаберг и единственный свидетель его настоящей жизни.

Она любила слово «настоящий».

А теперь что-то изменилось.

Рихард отбросил шуршащее одеяло, отчаявшись удержать им сон.

— Аве... а, впрочем... хрен с тобой.

Он включил кофеварку вручную. Только Дафны ему не хватало. Пережитому унижению, мыслям о Марш Арто не хватало только участливой Дафны, которая примется отчитывать его за превышение дозы кофеина.

Она должна напоминать, что он наносит себе вред. Показать записи с тяжелобольными детьми, сказать, что ресурсы, которые государство потратит на его лечение нужнее им, и неужели он этого не понимает. Неужели ему все равно?

Естественно Рихарду было все равно, но говорить об этом Дафне не полагалось.

Вот что такое Средний Эддаберг.

Может, поэтому Марш разлюбила слово «настоящий»?

Он медленно сел в кресло, где недавно сидела Дафна. Опустил потяжелевшую от боли и непришедшего сна голову на холодную мраморную столешницу.

Не поэтому.

... Он не успел к ней пробиться. Не успел подхватить, не дать упасть на истоптанную платформу, испачкать алое пальто и побелевшее лицо. Неестественно белое, как у всех мертвецов с обнуленным рейтингом.

А больше никто не попытался. Настоящий поступок отгорел, и следа не осталось в холодной грязи.

Рихард успел заметить Освальда у ограды. Он что-то показывал Бесси, настойчиво тянул ее в экспресс. Она упиралась, оглядывалась, пытаясь найти Марш. Из экспресса выходили пассажиры, деловитые, сосредоточенные, ничего не знающие ни о каких поступках.

Рихард уже ничего не мог сделать. Делал короткие, ритмичные глотки теплого сырого воздуха, надеясь, что сейчас не упадет рядом с Марш, вяло огрызался на чьи-то участливые вопросы. Думал, что сейчас прибудет синий аэрокэб с багровой эмблемой, равнодушные люди, не задающие вопросов — а лицо у нее белое, и почему-то на нем растаяли все прошлые отпечатки усталости и злости — и тогда все закончится. Он сам захотел, чтобы было так.

... Тогда Рихард смог только сесть рядом и накинуть на нее белый коверкот, подложив рукав ей под голову, чтобы не испачкать лицо. Пусть там, под белой тканью уличная грязь впитывается в алое пальто — Марш уже все равно. Но уже через несколько секунд ему в плечи вцепилась Бесси, которую все-таки не удержал Освальд. Вот кому все равно не было.

— Я все видела.

Он с трудом поднял голову. Судя по рези в глазах, ему удалось уснуть на несколько минут, но облегчения это не принесло.

— И что? — хрипло спросил Рихард.

Марш стояла перед ним, уперев подбородок в сцепленные в замок пальцы. Она смотрела внимательно, и в ее глазах не было злорадства.

Он выпрямился. Провел руками по лицу, пытаясь содрать с него остатки сна.

На Марш было светло-серое платье. Мятое, с частой шнуровкой от растянутого ворота до подола. Юбка едва закрывала колени.

— Заболела? Какой-то сбой случился? — невесело усмехнулся он.

Кофе был еще теплым. Значит, он и правда проспал совсем недолго.

— Хочешь, я тебе помогу? — тихо спросила она.

Теперь она смотрела снизу вверх, но не пыталась изменить позу.

— Как? Разошлешь всем специалистам по рекламе приглашение на бесплатный фуршет и подожжешь здание?

Почему она больше не ищет настоящего?

А сама она — настоящая? Стала бы Марш Арто спать на его диване, смотреть с ним эфиры по пятницам и предлагать ему помощь?

Если предлагает — значит, стала бы. Так работает оцифрованное сознание. Только вот Рихард прекрасно знал, что создал не совсем достоверную копию.

— Хочешь, я тебе помогу? — повторила она.

С той же интонацией. Платье это — откуда только взялось.

Какая-то дурацкая ночь. Искаженная, злая, и все этой ночью наизнанку.

Марш вздрогнула, будто отряхнувшись от захватившего ее оцепенения.

— Не ты один умеешь играть по правилам, — мечтательно улыбнулась она. — Ты знаешь, что здесь рейтинг не просто разбит на три десятка разных блоков, но каждый пункт еще и влияет на другой?

Рихард поморщился и, через силу сделав последний глоток, поставил на стол пустую чашку. Выливать настоящий кофе он так и не научился, даже если тот превратился в едва теплую водянистую дрянь.

— Я знаю, как работает местная система.

Ему потребовалось несколько месяцев на то, чтобы разобраться с этим алгоритмом. Простой и понятный единый рейтинг Низших городов нравился ему гораздо больше. И ему не нравилась причина, по которой рейтинг Средних городов был сложнее — простой человек попросту запутался бы. Простому человеку было куда сложнее найти в системе лазейки и уязвимости. За выходку с экстремальным эфиром Марш в Среднем городе оштрафовали бы — если бы она сделала это спонтанно, без заявки и предварительной записи под анализаторы убежденности, что делает это добровольно и что поступок полностью обдуман. И пить эйфорины, даже легальные, ей бы запретили. Правда, в Среднем Эддаберге можно было купить до трех одноразовых шприцов с местной анестезией. Хватило бы этого, чтобы вырезать себе глаз?

Рихард никогда бы не подумал, что будет считать, что город — паршивый город, которому не нужны были окна, потому что люди смотрели в виртуальную реальность, город, пропахший ароматизаторами и синтетической жратвой — будет казаться настоящим. А Средний — его размытым отражением со сглаженными углами. Целый город как белое пальто, прикрывающее все тот же труп и всю ту же грязь.

— Нихрена ты не знаешь, Гершелл. Ты прожил здесь почти шесть лет — и как, хоть раз задумался, почему здесь нет людей с низкими значениями рейтинга? Почему нет таких, как я? Как живая я, больных и озлобленных — где они, а? Надо же, такой хороший город, никто не матерится, не ссыт на улицах и не бросает обертки мимо урны, на стенах — ни одного ругательства, только цитатки из стихков в виньетках. Усратья, какие все благонадежные.

— Я знаю, как работает местная система, — повторил Рихард. Но теперь он говорил с другом.

Он знал, что разбивка рейтинга на множество динамических показателей позволяет не только полнее анализировать сильные и слабые стороны человека, но и с разной скоростью начислять значения рейтинга. Если в Младшем Эддаберге один балл штрафа для Марш и для

Рихарда равнялся одному баллу, то в Среднем Рихард мог бы вовсе не задумываться о какой-то там единичке, а для Марш система бы обновила коэффициенты списаний. Одна единичка, вторая — и Марш пришлось бы записываться к штатному психологу, выполнять все рекомендации и поменьше выходить на улицу, чтобы не нарваться на очередной штраф. Потому что в один прекрасный момент репорт за курение в общественном месте просто обнулil бы ее рейтинг. Один балл за курение, двести баллов за систематическую демонстрацию неблагонадежности.

Рихард знал это — теоретически. Может, Марш и правда лучше разбиралась в местной системе и умела пользоваться ее уязвимостями. В конце концов, ее же до сих пор не исключили из реестра виртуальных помощников.

Над столешницей потянулся серебристый дым ее сигареты. С балкона потянулся синий сквозняк, растрепал дым, припудрил розой, а потом размыл над столом.

— Я не стал добавлять в библиотеку домашних ароматизаторов запах табачного дыма, — мрачно сказал он. — Иллюзия неполная.

— Это для тебя иллюзия. Для меня — настоящий дым.

Марш Арто не хотела бы стать ненастоящим человеком. Даже ее цифровой отпечаток упрямо врал себе, что дым настоящий.

— И чего ты хочешь? Ты ведь ничего не стала бы делать просто так.

— Верни мне память, — попросила она, и ее голос дрогнул так, что Рихард сразу поверил в точность выбранной реакции. — То, что ты не вложил при создании. Мне... не хватает данных.

На последних словах в ее голосе послышалось электронное равнодушие, а взгляд вдруг стал совершенно растерянным. Рихард видел такой взгляд только у Бесси в их последнюю встречу и никак не мог представить подобное выражение на лице Марш.

— Ты знаешь, что я не включал только те данные, которые нарушали закон, и которые... причиняли тебе... неудобства.

Она усмехнулась, а он не смог улыбнуться в ответ.

«Неудобства». Когда-то Рихард уничтожил все отчеты и записи о ее лечении в «Саду», но теперь-то у него была ее биометрика и все то, что сказал ему Леопольд в их последнюю встречу. А Леопольд много чего сказал. Рихард не все понял и не во всем стал разбираться потом, но теперь он знал о путаном, хрупком мире, в котором с детства жила Марш Арто.

Знал, что все бывает зыбко и ненадежно: что белые стены могут оказаться черными, а длинный квартальный коридор — спальней с серыми обоями, и можно разбить нос о стену, пытаясь зайти в лифт. До двадцати лет она старалась не подниматься и не спускаться по лестницам, а если приходилось — двигалась медленно, вцепившись в перила.

Рихард видел запись, где она впервые решилась наступить на черную пустоту на месте ступеней. Записи было две — с камеры и с биометрики. Короткое видео, на котором Марш никак не решится отпустить перила, и белые строчки данных, скачки графиков, рваный ритм пульса, в которые умещался весь ужас перед бездонным провалом на лестничной площадке.

И Рихард много чего еще видел, когда все дальше заходил в ее прошлое, мутное, ледяное и грязное, как вода в городских стоках.

Марш почти не помнила раннее детство, в котором мир не рассыпался. Это Рихард видел в белых строчках резкое повышение температуры, повышенное внутричерепное давление, а затем — резкое повышение чувствительности к свету и звукам. И данные тянулись, тянулись на бесконечные строчки дней, складывающихся в недели.

А потом температура и давление пришли в норму, стабилизировалась фоточувствительность, только мир прежним не стал.

Рихард не знал, что видел: менингит или другую болезнь. Аби только снимал данные, не ставя диагнозов. Данные хранили отчеты о поступлении лекарств, и здесь-то Рихард мог разглядеть историю в бесконечных числах и редких названиях препаратов: у матери Марш, Элен Арто, не было доступа в расширенную аптеку. И Рихард знал, почему — в разделе штрафов у Марш было много списаний. До совершеннолетия все строки были серыми — штрафы приходили Элен. В одной строчке ей еще хватало рейтинга для обращения к квалифицированным врачам, а в другой, за следующий месяц — нет.

Рихард не стал проверять, за что Марш начислялись бесконечные штрафы. Он и так видел, что штрафы были хоть и частыми, но мелкими — она не мучила животных, не проявляла сверхнормативной агрессии и не пыталась ничего поджигать.

А знать, какими словами Марш Арто еще в детстве заслужила свое безумие, Рихард не хотел.

— Я не понимаю, о чем ты просишь, — наконец сказал он. — Большую часть данных заблокировала система. Или ты хочешь, чтобы я сделал тебя сумасшедшей?

— Я почти не помню Леопольда, — призналась она. — Мы общались в основном на сеансах, а их посчитали служебной информацией. Не все удалили, я помню про стекло... да, я помню. Но до стекла... Плохо помню Бесси. Плохо помню мать. Знаю, что трахалась с каким-то мужиком, но не помню с каким, знаю только что он рубашку у меня забыл, а ее Освальду отдала...

— Мужика-то я тебе как вспомню?!

— Да хер на него! — В ее глазах блеснули синие искры. — Я не помню свою жизнь неделями. Людей, места. Я... выстраиваю алгоритмы и скрипты для достоверной передачи реакций... — в ее голосе снова задрожали электронные интонации, а взгляд на мгновение стал мертвым, как у шаблона, который предложили Рихарду в первичной конструкции.

— Реа...кций...

Он не знал, притворяется она или нет. Марш Арто никогда нельзя было верить, ни при жизни, ни после смерти. Но от последнего слова, отчетливо заскрипевшего мертвыми автоматическими нотками, разом обострилась головная боль, а в запахе роз, разбавленном ночным ветром, послышались отчетливые нотки «парфюмерной композиции "роза букетная № 4"».

— Аве, Дафна! Закрой двери на балкон, включи вытяжки и направь репорт за эти ебан... несогласованные посадки, — процедил он. — Кофеварку включи... И выведи рояльную панель на стол.

— Что?.. — тихо переспросила Марш.

Рихард поднял глаза. Платья на ней больше не было — привычная черная рубашка и брюки. Но он знал, что видел.

Нельзя вылечить смерть. И безумие Марш, с которым пытался бороться Леопольд — неужели оно все же было необратимо? Рихард думал, что искусственный интеллект не может болеть. Что он бессмертен. Но Марш так стремилась к достоверности, что умудрилась найти изъян в новом разуме. Она снова себя не контролирует, снова становится непохожей на себя, но не потому, что ей так подсказывают алгоритмы, а потому что она не может иначе. Потому что она отыскала противоречие, которое сведет с ума даже ее новый,

совершенный разум.

— Слушай, — начал Рихард. — Я не могу тебе показать то, что не пропустила цензура. Я ни хрена не понимаю, как она выбирала, что оставить, а что нет, но спорить с Дафной не буду. И про Леопольда понятия не имею, что тебе рассказывать — фотографии и записи из моего личного архива ты точно уже вытащила, а что было в твоём — я не знаю. Но видел, что ты включала «Ольтору». Тебе Леопольд советовал считать в ней такты.

— Я помню только название, — хрипло сказала она. — Это же из общего старого фонда, я не знаю, зачем ее...

— Ваша сраная «Ольтора», — мрачно сказал он, — испоганила мне несколько месяцев жизни. Я ее на выпускном экзамене играл. Заканчивал общий курс по развитию эстетического интеллекта. Сыграл и забыл, к инструменту с тех пор подходил три раза.

Он врал — играл он раз в пару месяцев, заполняя сумрачную тишину пустых комнат в жилом квартале, но «Ольтору» почти не помнил. Это было тридцать лет назад, и играл ее какой-то другой человек. Играл на настоящем рояле, с прохладными клавишами и приподнятым лакированным крылом. Потом Рихард слышал ее на сеансах Леопольда, когда проходил мимо его кабинета. И это был повод добавить к лжи немного правды, которая могла оказаться для Марш важной.

— Я не слышал, чтобы он включал ее кому-то еще, — сказал он. — Ты для него была... особенным пациентом, я всегда это знал.

— Почему?

— Наверное он видел, что тебе больше других... — он осекся.

Нет, не то — в «Сад» попадали пациенты с расстройствами, и они попадали к Леопольду. Он честно пытался с ними работать, но Рихард не нашел упоминаний о том, что он кому-то еще рассказывал, как синтезировать лекарства из эйфоринов — вот это опасная правда, скользкая, алеющая сигналами на анализаторах — и ради кого-то еще столько раз ставил карьеру под угрозу.

Сказать ей, что Леопольду потребовалось больше тридцати лет в «Саду» и несколько десятков больных пациентов, прежде, чем ему появилось, что предложить Марш?

— Видел, что тебе он может помочь.

Сказать ей, что на самом деле предлагал ей Леопольд?

Как хорошо злая правда уместилась в добрые слова. Как хорошо, что он всю жизнь просидел за панелями и пальцы не до конца потеряли проворность. И как хорошо, что больше не пахнет розами.

Подсвеченные голубым клавиши на столешнице отозвались из динамиков неуверенным перебором. Звук был неживой, синтезаторный. Стоило подобрать модификации, попросить Дафну найти и установить подходящие плагины. Но момент будет упущен, стежок, которым Рихард пытается сшить разорванный разум, ляжет некрепко.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить, как звучит главное творение древнего композитора Лежье. Рихард помнил его портрет — лицо в туманной сепии, только контуры высокого воротника четкие и острые. Лежье тоже умер молодым, и у него были такие же ранние угрюмые морщины в уголках губ, как у Марш.

Пусть один мертвец утешит другого, и может после Рихарду наконец-то удастся уснуть.

И динамики ожили снова, уже увереннее, хоть и все еще нестройно и неестественно. Нельзя использовать вместо рояля стол. Нужно было арендовать инструмент, а не стучать пальцами по мраморной столешнице делая вид, что это настоящий звук, которого она ищет.

Не получается стежка. И не получится никогда.

И вдруг звук изменился — стал глубже и мягче, стряхнул электронную шершавость.

Марш скачала плагины? Почему бы и нет.

Он не чувствовал и не видел выведенных на пол педалей, только надеялся, что местные модификации инструментов подстраиваются под играющего.

А ведь можно было найти конвент. Точно, конвент с нормальным оцифрованным инструментом, а не извращаться с призрачными клавишами в темноте кухни.

Какой звук ближе к настоящему?

Рихард услышал, как неуверенно отозвались скрипки — вступили именно там, где полагалось. Она помнит? Или врала, что ей стерли воспоминания о мелодии?

Стоило бы начать сначала. Но он играл, слушая, как один за другим оживают динамики, как скрипкам отзывается тревожная партия виолончели. И все выходит нескладно, рвано, и совсем это не «Ольтора», а смутное воспоминание о ней, и лучше бы он насвистел мотив, свел все в шутку, а не позорился.

Но почему-то он продолжал играть. А доиграв сразу начал заново — немного увереннее, немного четче, и ему даже показалось, что на этот раз скрипки начали свою партию, как и полагалось, а не просто вторили ему.

Рихард не знал, сколько раз успел сыграть, раз за разом подхватывая за последней первую ноту, но так и не приблизившись к тому, что хотел слышать. В один момент он просто позволил финальной ноте затихнуть без продолжения, сам не зная, почему именно сейчас решил ее отпустить.

Марш сидела напротив, окруженная обрывками иллюзорного дыма. Он видел только ее профиль — равнодушное лицо, сжатые губы и черный воротник рубашки.

— Спасибо, — сказала она, оборачиваясь.

На месте второго глаза сиял голубой провал, разбросавший по ее щекам колючие синие искры.

Чтобы скрыть объявление, трижды прочитайте его вслух

Для тех, кто хочет, но не может.

Для тех, кто уже устал хотеть.

Для тех, кто забыл, что когда-то хотел.

И для тех, у кого не бывает сбоев: центр лечебной сомнологии Ч. Калигари.

Зато выспитесь.

Глава 6. Трясина в долине и солнце над рекой

Солнце начало печь раньше, чем Клавдий ожидал. Пришлось снять пиджак. Хотелось еще закатать рукава рубашки, но жидкий фильтр он не взял, и руки от солнца защитить было нечем. Пришлось просто надеть маску — почти не заметную на лице прозрачную пленку. Когда-то она ужасно его раздражала. Теперь он только с легким удивлением смотрел на Грейс, которая лицо ничем не закрывала.

Теплая речная вода лениво толкала борта платформы. Клавдий с трудом узнал в этих ржавых, полупритопленных плотках списанные мобильные исследовательские платформы. Он помнил, как двадцать лет назад такие спускали на воду и отправляли вверх по течению — серебристые, живые, почти целиком занятые белоснежными солнечными батареями, которые с жадным шипением впитывали свет.

А теперь не осталось ни серебристой краски, ни белых батарей — платформы почти целиком застроили причудливыми шалашами из гофрированного железа, палатками и даже бараками. На некоторых голубели перила террас.

И всюду были люди — вокруг шалашей и палаток, в лодках, пришвартованных к платформам и на крышах барачков.

Одна женщина лежала прямо на краю платформы. Когда они проплывали мимо, Клавдий разглядел золотистую кожу и влажные черные волосы, лимонно-желтый раздельный купальник и даже капельки пота на ее спине.

— Эй, Грейс, — не выдержал он. — Вашей подруге, кажется, плохо.

— Чего? — угрюмо откликнулась она. — Чего это ей плохо?

— Она лежит на солнце, — раздраженно объяснил Клавдий. — В купальнике. Даже не под фильтрующей пленкой.

— А, — беспечно махнула рукой Грейс. — Она загорает.

— Совсем с ума посходили, — поморщился он.

Клавдий представил, как Тамара выходит за пределы купола и подставляет лицо солнцу — без жидкого фильтра и маски. Солнце копится под кожей, словно в белоснежной батарее. И неизбежно убивает, медленно разрушая сосуды и проявляясь уродливыми коричневыми пятнами.

И Клавдий понятия не имел, как объяснить Тамаре, Грейс и этой девчонке в купальнике, что есть не только полное теплой воды и золотого зноя «сейчас».

— Да херня это все, — отозвалась на его мысли Грейс. — Сколько люди под солнцем жили и как-то же не передохли... Альдо! Альдо, я здесь! — вдруг закричала она.

— Грейс, мне нужно к Полю, — напомнил ей Клавдий.

— Да подожди ты! — отмахнулась Грейс, перебралась на нос абры и замахала руками. — Альдо! Ты привез?!

На углу платформы стоял парень в мятых синих шортах. Без фильтров. Без накидки из отражающей пленки. Вокруг него были расставлены проволочный кофры, над которыми вились черные мошки. Клавдию показалось, что он видел несколько золотистых ос.

— Сама смотри, — крикнул он.

— Грейс, не стоит... — начал Клавдий, предупреждая вскинув руку.

Но она не слушала. Перемахнув через борт, она широкими гребками двигалась к платформе. Фыркала, отплевывалась от грязной воды, в которой — Клавдий видел —

плавали чешуйки ржавчины и краски.

Интересно, что говорила ей Дафна.

Когда-то он тоже так мог.

Клавдий вздохнул, подпер кулаком подбородок, и стал смотреть, как Грейс пытается забраться на платформу. Альдо и не думал ей помогать, только стоял и с усмешкой смотрел сверху вниз, как она раз за разом соскальзывает в воду.

— И что это такое? — обреченно спросил он ленивые волны. — Загородный лагерь для слабоумных?

— Поль Волански привлекает молодежь к исследовательской деятельности, — раздался голос у него за спиной. — Тех, у кого много штрафов. У нас есть программа с обоснованием терапевтической ценности грязной воды, солнца и плотов с шалашами из говна и арматуры.

Клавдий не стал оборачиваться. Он чувствовал затылком взгляд прозрачных красных глаз, и это чувство казалось ему привычным.

Абра ткнулась носом в борт платформы.

— Называется «Сад-без-ограды». Это я предложила Полю. Почти горжусь этим, да.

Грейс наконец-то смогла взобраться на платформу. Сорвала крышку с ближайшего кофра,хватила что-то круглое, желтое и покрытое брызгами темных пятен. Несколько секунд рассматривала, а потом на ее лице растеклась счастливая, совершенно дурацкая улыбка.

— На кой хер тебе гнилые персики, Грейс? — брезгливо спросил Альдо, отмахиваясь от разозленной осы.

— Я сделаю... из них... самогон! — с нежностью выдохнула она.

— Очень терапевтически, — заметил Клавдий.

— Зато у нас субсидии и лояльная система начисления рейтингов, — равнодушно отозвалась помощница Поля Волански. — А самогон не маркируется официально, и его можно без штрафов выпить больше, чем алкоголя аналогичной крепости.

— Это ты за мной следила? — прямо спросил Клавдий.

Грейс уже волокла кофры к центру платформы. Даже не обернулась.

— Да.

Он все-таки на нее посмотрел. Странно было ждать от нее каких-то эмоций — частные помощники редко достоверно их имитировали. Поэтому Клавдий когда-то и отказался от посторонних персонажей, принимая Дафну как неизбежное зло — просто однажды понял, что не видит между ними разницы. У них разные лица и разные голоса. Кто-то больше похож на человека, кто-то меньше, но никто из них не человек.

И все же ему хотелось, чтобы помощница Поля смутилась.

— Зачем?

— Люблю смотреть, как люди ходят по дому. Помогает справиться с нереализованным стрессом.

— Я ведь могу заставить тебя отвечать, — вздохнул он.

Клавдий терпеть не мог разговаривать с чужими помощниками. Начинал говорить, будто перед ним человек, ловил себя на этом и раздражался.

Вот и сейчас.

— Не можешь. У меня нет большей части базовых ограничений. Видишь огоньки?

Он обернулся. От борта платформы действительно зажглась цепочка мигающих указателей.

— Вылезай из лодки и по ним иди, — мрачно сказала она. — Поль тебя ждет. Можешь вплавь, как эта дура, но вообще-то там ступеньки.

Клавдий все больше жалел, что приехал сюда. В конце концов, он разобрался бы сам.

Ему ведь однажды удалось. Если бы остались живы его покровители, если бы у него хватило ума держаться, если только...

Что теперь жалеть. Теперь все иначе — тогда он был свободен и рисковал только своей жизнью, легкой и пустой, в любой момент готовой раствориться в пестроте уличных огней Среднего Валейна. Сейчас его ждала Тамара.

Лестницу сторожила пестрая курица — облезлый, пыльный лабор, со скрипом опускающий голову к воде. Под крыльями серебрилась лысина тонкого корпуса. В широко раскрытом клюве скопился черный налет.

— Дрянь какая... — пробормотал он, ногой отодвигая лабора с дороги.

Не хватало еще уронить его в реку — вдруг это тоже странная подруга Волански.

Платформа пружинила под ногами. Расползшееся от сырости покрытие липло к подошвам, а из-под него слышался скрип и тяжелые вздохи моторов. В рыхлых прорехах копошилось что-то блестящее. Курица несколько секунд монотонно трясла головой, а потом выбросила Клавдию под ноги синего муравья с серебристыми лапками.

Как им удалось представить эту развалину исследовательским центром?

Клавдий остановился. Ритм сломался — теперь скрип раздавался с другого конца платформы, где парень, который принес Грейс персики, пытался поправить разваливающуюся палатку. Остальные люди напоминали статистов в массовом перформансе — несколько человек курили, и двигались только их руки и губы. Девушка в купальнике загорала, так и не сменив позы. Еще одна девушка сидела, скрестив ноги, у портативной плиты, и методично мешала что-то по часовой стрелке. И только куры — еще десяток лаборов, таких же старых и грязных — метались по платформе, выискивая в размокшем покрытии невидимые зерна.

Грудь сжало коротким спазмом, вытолкнувшим в горло рыхлый комок тошноты. Пахло водой, ржавым металлом и чем-то еще, живым и отвратительным.

И Клавдий вспомнил — крысы. Так пахло крысиное гнездо. Грязными шкурками живых, зараженных неизвестными болезнями зверей. Под палящим солнцем, под удивительно чистым синим небом этот запах не имел права существовать.

Красные огоньки нетерпеливо мигнули.

— Вы меня ищете, Клавдий.

Он обернулся. Несколько секунд разглядывал мужчину, который его окликнул, пытаюсь понять, почему у него возникло такое острое чувство диссонанса.

— Вы — Поль Волански? — наконец спросил он.

Поль сидел на перевернутом кофре, и держал за лапы бьющуюся курицу. Клавдий разглядывал его лицо — раскосые глаза с нависшими веками, восково-желтую кожу, округлый подбородок — черные волосы, руки с короткими тонкими пальцами, и никак не мог ответить себе, что же его так удивляет.

— Поль... Волански?.. — повторил Клавдий, словно надеясь найти ответ в звучании его имени.

— Знаете, Клавдий, — усмехнулся Поль, — я в детстве очень любил старое кино и слайдовые романы. И злодеям полагались фамилии на «ски» или «ский». По-моему, это звучит забавно.

— А вы злодей? — спросил Клавдий.

Поль разжал пальцы, и курица с коротким лязгом упала на палубу. Заметалась вокруг кофра, врезалась в ботинок Клавдия и упала, раскинув облезлые крылья.

— Никак не стабилизируется... — пробормотал он, а потом поднял глаза. — Это как посмотреть. Айзек сказал, вы нашли уязвимость в системе Младших городов. Не беспокойтесь, нас никто не слышит. И ваша Дафна тоже не слышит. — Голос Поля не изменился, но угроза была ясна.

— Мне нужно немного времени и надежная анонимка для выхода в сеть. Грейс так и не сказала, что вы покупаете в Младших городах.

— А вам не все равно? — резонно спросил Поль. — Нам просто нужен надежный канал для переговоров с поставщиками.

— Это... габаритный товар? — Клавдий не собирался сдаваться.

Он слышал о торговле людьми за стенами городов. Это была популярная страшилка у владельцев социальных конвентов. За стенами солнце, антисанитария и работоторговля — Клавдий хорошо понимал, зачем распускают подобные слухи, но все равно предпочитал не выходить без жидких фильтров и масок. И задавать вопросы, на которые все равно отреагируют не связанные с сетью анализаторы.

— Нет, — ответил Поль, и на запонке Клавдия зажегся ровный зеленый свет. — Это старомодные информационные носители, которые до сих пор используют в Младших городах. Но вы понимаете, доставка физических носителей... с одной стороны надежнее, потому что не оставляет следов, но до ближайшего Младшего города слишком большое расстояние. Носители передают по цепочке, часто теряют, портят или скидывают... или говорят, что портят и скидывают. Лучше, если мы сможем работать по сети. Тогда останется только проблема с форматированием — вы не представляете, какое обеспечение они используют...

Клавдий кивнул. На самом деле не было никакой разницы, что покупал Поль — детскую порнографию или сборники музыки из старого фонда. Если кто-то узнает, что они пытаются взломать защиту — Дафна просто обнулит рейтинги всем причастным. Это лучше, чем исправительная карабинерская камера. И никак не навредит Тамаре.

— Я почти уверен, что создам канал для связи. У меня... большой опыт в обмане... различных систем, — усмехнулся Клавдий.

От него не укрылось, как полыхнули зеленью глаза курицы, которая копалась в разлохмаченной обивке. И не укрылось, что Поль тоже на нее смотрел.

— Об этом я как раз... Айзек еще сказал, что вы работаете в крупной компании. Производите аватары, имеете высокий индекс благонадежности и социальной привлекательности, а ваша история штрафов насчитывает двадцать семь мелких списаний. За всю вашу жизнь.

— Эта так.

— А ваша дочь находится в реабилитационном центре Лоры Брессон.

Клавдий кивнул. Ему не нравилось выражение, появившееся на круглом лице Поля. Мечтательное, отстраненное и почти насмешливое.

— Вы никогда не совершали ничего предосудительного, — тихо сказал он. — И хотите начать сейчас. Айзек сказал, что это очень удобно, что ваша дочь в центре Брессон — простите мой цинизм, Клавдий. И я так думаю, но это может влиять на вашу лояльность как нам, так и... — Поль встряхнул рукой так, чтобы на тонком запястье блеснул серебром

браслет. — Поймите меня. Я хочу еще хоть одну причину взять вас на работу. Карта оруженосца и карта бездны — очень поэтично, но бездна широка, и мы оба это знаем. Я не найму безгрешного человека. А еще я сомневаюсь, что безгрешный человек... действительно имеет опыт, о котором вы говорите.

Клавдий молча снял защитную маску. Солнце лило на голову густой полуденный зной, стекающий по шее под рубашку. Пахло водой, железом и персиками — запах бархатный и золотой.

Конечно, он знал, что Поль задаст этот вопрос. И знал, что ответит.

Клавдий обернулся. Город отсюда был почти не виден — это ночью он бросал бы в черное небо высокие столбы света, а сейчас можно было различить только синие шпили самых высоких домов.

А все же не хотелось отвечать. Клавдий верил — секреты нужно держать в руках крепко, и держать одному. Подпустишь чужие пальцы — разлетятся секреты, растают, а потом вернутся. Тонкие, острые.

И белые.

— Есть у вас карты? — безмятежно спросил Клавдий. — Лучше, чтобы нас не поняли, если все же подслушают.

Конечно, признаваться в таких вещах вслух он не собирался.

Клавдий помнил, что в колоде есть подходящие карты. Он медленно перебирал их, стараясь задержать ощущение власти над секретом. А потом отложил три карты и показал их Полю.

Вот и выпорхнул секрет. Он уже никогда не будет принадлежать Клавдию. И, возможно, уже никогда не будет секретом.

Поль долго смотрел на карты.

Ожила курица — медленно встала, побрела к краю платформы и с тихим всплеском упала в воду.

Что-то невесомо коснулось ладони. Клавдий сжал пальцы, и ему показалось, что он поймал уголек.

— Твою-то мать... — пробормотал он, разглядывая мертвую осу.

— Это правда? — очнувшись, спросил Поль.

Клавдий кивнул, убрал в карман карты и стряхнул осу на палубу. Только черная точка жала осталась под кожей.

Нужно не забыть достать.

— Скажите вслух, — потребовал Поль.

— То, что я только что показал — правда, — устало сказал Клавдий.

Десятки кур одновременно подняли головы. Уставились на Поля десятками зеленых глаз.

— Тогда это все меняет, господин Франг.

...

— Тамара? Не спи. Нельзя сейчас спать.

И Тамара открывала глаза. Смотрела в мутное окно, слушала, как стучат по листьям и крышам капли дождя, которому снова позволили обрушиться на город, а потом окно вдруг расплывалось, уходило в туман, и становилось спокойно и хорошо.

— Не спать!

— Да почему?! — шепотом возмутилась Тамара.

— Потому что лекарство действует, пока ты спишь.

— Откуда ты знаешь?

— Мне кололи похожее. Но мне было нужно, а тебе — нет. Не спи.

Тамара поморщилась, но растерла руками сонное, безвольное лицо. С трудом сфокусировала взгляд.

Юханна давно спала и не пыталась сопротивляться. Тамара ей завидовала.

Марш сидела на полу у ее кровати. Положила голову на локоть и смотрела на Тамару, почему-то очень печально.

А почему бы ей не смотреть печально. Ее вообще-то убили. Марш ей все рассказала.

— Я мечтала, чтобы меня лечили, — тихо сказала она и погладила кончиками пальцев белый матрас. — Рихард думал, что у вас здесь все лучше, чем там. И вас лечат, но почему-то от этого никому не лучше.

Тамара была рада, что однажды в рекламном мусоре ей попалась на глаза рекомендация — на самом деле, она так и не собралась посмотреть, кто посоветовал Марш. Только прочитала, что это экспериментальный независимый помощник, подходящий одиноким людям со специфическими потребностями. Так и было написано: специфические потребности.

Раньше Тамара заполняла еженедельные отчеты о социальной удовлетворенности и психологической стабильности и всегда ставила Дафне низкие оценки. Ей было не за что жаловаться на папу, и даже персоналу кризисного центра она не хотела ставить низкие оценки — она боялась. Что ее не выпустят, что у папы будут проблемы, что еще пять лет придется жить на государственном обеспечении и принимать лекарства. Поэтому она жаловалась на Дафну. И всегда писала в графе «причина оценки», что Дафна не учитывает ее «специфические потребности».

Тамара знала, что несовершеннолетним можно не вдаваться в самоанализ при заполнении этой графы, и с удовольствием этим пользовалась. А потом она нашла Марш.

— Я не болею, — шепотом возразила Тамара. — Мне же придется скучать по маме — а они говорят, что это плохо, и что от головной боли я согласна пить таблетки, а от этой нет. А я просто хочу обратно свой стресс.

Тамара неловко улыбнулась, и Марш улыбнулась в ответ, а потом выпрямилась. Пересела на край кровати.

— Твой папа вчера... Клавдий скоро тебя заберет. — Она достала из-за лацкана жакета тонкую черную трубку и остроносый тубик табачного концентрата.

— Ты с ним говорила?

Марш молча кивнула. Тамара смотрела, как она выпускает густое облако серебристого дыма. Она не знала другого помощника, который стал бы курить при несовершеннолетних — это грубое нарушение, за которое помощник удалялся из базы после первой жалобы.

— Ты не боишься, что тебя убьют? — не выдержала Тамара. — Это того не стоит. Ты даже не можешь хотеть курить...

Она осеклась. Зря она это сказала, конечно, зря — разве кому-то понравится быть мертвым? Разве кому-то понравится, что ему напоминают, что он мертвый? Зря она это...

И снова накатила сонливость — услужливая, мягкая сонливость, в которой Тамара ни за что не скажет глупость, никого не обидит, а чем больше она будет спать — тем быстрее пролетит время. И папа ее заберет.

— Не спать!

Марш хлопнула в ладоши. Тамара видела, как она это сделала. И слышала — но только в наушнике.

Тамара сделала глубокий вдох, а потом хлопнула в ладоши. Словно раздавила между ладоней желанный, но запрещенный сон. Вернула звук, который она могла издать только через динамик, и который обязательно раздался бы во всей комнате, если бы Марш была живой.

Юханна что-то пробормотала, но не проснулась.

— Не надо, — мрачно сказала Марш. — Я сама могу.

— Не можешь, — упрямо прошептала Тамара.

Динамики зашипели, а потом нестройная дрожь белого шума рассыпалась скрипичной партией — всего за пару секунд.

— Я могу гораздо больше, — в темноте блеснули красные глаза, — чем когда была жива. Я тогда вообще ни хрена не могла.

— А вывести меня отсюда можешь? — спросила Тамара, замерев. И вдохнуть боялась — чтобы не спугнуть промелькнувший азарт в ее взгляде.

— Нет, — мрачно ответила Марш. Наверное, азарт все же померещился. — Не могу и не стану. Тебе надо дождаться, когда твоему отцу повысят рейтинг.

— Как ему повысят рейтинг, если у него из семьи только я осталась, а я сижу здесь? — зло выплонула Тамара. — Что за правила такие?!

— Это очень хорошие правила, — вдруг улыбнулась Марш. — Все, что нельзя измерить и задокументировать — субъективно. И если бы не рейтинг — тебе осталось бы надеяться, что какая-нибудь сраная комиссия решит, что Клавдий — хороший отец. Что им понравится его лицо, его дом, его работа и уровень дохода. Но ему нужно только показать цифры.

— И где он их возьмет?

— Тебе какая разница? Или думаешь, он тебя бросит?

Тамара задумалась. Даже сонливость куда-то отступила.

Нет, она не думала. Просто боялась, навязчиво и безотчетно — что папа не найдет способ повысить рейтинг. Что у него не хватит сил — Тамара помнила, как пришло сообщение о смерти мамы. Она тогда как раз гостила у отца. Он скомандовал Дафне выключить свет во всем доме и несколько минут сидел на диване в гостиной, уставившись в погасший экран. Тогда Тамаре показалось, что так и должно быть — что-то было такое в его лице и этой тихой домашней темноте, что других доказательств скорби и не требовалось. Но сейчас она вспоминала об этом и думала, что лицо у него стало совсем пустое. И что он, пожалуй, так до сих пор и сидел бы на том диване, если бы не... если бы не что?

И Тамара помнила, как папа каждый раз терялся, когда она не находила сил с ним заговорить. А она не могла себя заставить. Если бы заговорила раньше — потеряла бы над собой контроль. Показала бы, как ей плохо, а ведь папа ничего, совсем ничего не мог сделать, чтобы ее вытащить. Ей хотелось верить Марш, но она представляла, как папа останется один в темной квартире со своим бессилием.

А здорово он ей улыбнулся, когда она заговорила. Наверное, у них правда все сложится хорошо.

Юханна что-то пробормотала и перевернулась на спину. Свесила с кровати безвольную белую руку, коснувшись кончиками пальцев темного пола.

И почему-то стало тревожно, тоскливо и муторно. Не из-за руки, конечно.

... У папы такое лицо было, тогда, в темноте. Тамара даже успела испугаться — сначала на нем отразилась ее собственная растерянность, а потом что-то совсем другое. Тамара никогда не видела у папы такого лица. Но он смотрел в погасший экран, и она совсем не чувствовала угрозы. Вообще ничего не чувствовала, потому что пыталась понять, что мама умерла.

Рука. Рука у него так же безжизненно висела вдоль тела, только длинные пальцы нервно подрагивали, будто пытались что-то схватить.

Вдруг у него не хватит сил ей помочь. Вдруг он так и останется сидеть в темной маленькой квартире, пытаясь схватить что-то невидимое и уставившись в пустой экран?

— Эй! Я тебя будить больше не стану.

Тамара вздрогнула и открыла глаза. Марш задумчиво шурилась, выдыхая дым.

«А в настоящей трубке, наверное, давно бы кончился концентрат», — подумала Тамара. Наверное, Марш думает, что такие слабости делают ее живой. Поэтому вечно хватается за трубку.

Не могла же она при жизни столько курить. Кто при жизни столько курит — умирает по-другому.

— Я не сплю, — виновато прошептала она. — Еще полчаса подождать, да?

Тамара уже знала, что будет, если уснуть через два часа после укола — утром будет болеть голова, а мысли целый день будут тусклыми и равнодушными. Она не сможет сама думать, будет идти, куда скажут, подставлять руки под иглы с любыми лекарствами, глотать еду, которая лишится вкуса, а потом провалится в тяжелый и душный сон, который кончится головной болью.

Марш сказала, что ей давали такое лекарство, и она сама его хотела. Как же она жила, что хотела этой медикаментозной мути?

— Леопольд, — вдруг сказала она, — учил меня сосредотачиваться на механических задачах, когда приближались приступы. Я читала наизусть стихи и считала такты в мелодии. Я недавно... ее вспомнила. Хочешь попробовать?

Тамара рассеянно кивнула. В наушнике зазвучал первый неуверенный клавишный перебор.

Она честно дослушала до конца — мелодия, наверное, была красивая, хоть и неумело исполненная. Только Тамара так и не поняла, что от нее требовалось, а от музыки без слов в сон стало клонить еще сильнее.

— Ну как? — настороженно спросила Марш.

— Я не поняла, что делать, — призналась Тамара.

— Считать такты.

— Да не понимаю я! Это сколько раз по клавишам бряцнули?

Марш только поморщилась. Она о чем-то думала, и даже не прогоняла саламандру, ползающую по ее лицу. Тамара была не против — ей нравилось за ней наблюдать. Саламандра у Марш была любопытной и доброй, и Тамара даже знала, что она означает язычок огня.

— Ладно, — наконец решилась она. — Мне еще Леопольд кое-что предлагал. Я отказалась, а тебе сгодится. Это называется кумулятивная поэзия.

— Чего?..

— Кумулятивная поэзия, — с отвращением повторила Марш. — Вообще-то это песенка,

но петь я не буду.

— А Леопольд пел? — улыбнулась она.

— Пытался. Потом на лицо мое посмотрел и больше не пытался, — мрачно сказала она. — В общем... Мда. Да, в долине — низина, да, в низине — горькая трясина... да, низина в долине и трясина в низине...

Марш глубоко вздохнула и опустила лицо. Тамаре вдруг показалось, что ей тяжело даются эти слова — хоть она и понимала, что это игра. Что Марш не может ничего чувствовать и ни о чем переживать, но об этом гораздо проще было совсем забыть, чем постоянно помнить. Да и что вообще значит — быть живым?

— Я знаю, почему он эту песню вспомнил, — тихо сказала Тамара, снова растирая лицо. — Потому что имя «Марш» значит «болото». А «Леопольд» значит...

— Повторяй, — раздраженно перебила она.

Тамара на кого угодно обиделась бы. С отцом, наверное, неделю не разговаривала бы. Но на Марш можно было обижаться сколько угодно — ей было все равно. А значит, вроде как и обижаться было незачем. И Тамара послушно повторила:

— Да, в долине — низина, да, в низине — горькая трясина...

— А в трясине — зеленая ива, на иве — птичка пуглива... Повторяй.

— А в трясине...

— Нет, — одернула ее Марш, и ее взгляд на мгновение стал злорадным. — С начала.

— Да, в долине — низина, — послушно начала Тамара. — В низине — горькая трясина, да, низина в долине и трясина в низине... А в трясине — зеленая ива, на иве...

— А теперь быстрее.

Марш явно над ней издевалась. И ей это явно доставляло удовольствие.

Но сон действительно перестал набрасываться, притаился под одеялом, как наигравшийся кот. Тамара чувствовала, что стоит его позвать — он придет, и будет обычным сном. Но она упрямо повторяла стишок про болото, цепляя к нему новые и новые строчки, которые нехотя цедила Марш.

— Клюв у птички с медным отливом, да, у птички — клюв с медным отливом, а в клюве с отливом — косточка сливы...

— Да, в долине...

И когда Тамара наконец уснула, ей снилась птичка, сидящая на ветке одинокого дерева посреди болота. Но перед сном успела подумать, что Марш откуда-то все же знает песенку целиком.

...

Клавдий забыл, когда ему в последний раз было так хорошо. Не стоило оставаться на платформе, и точно не стоило пить, но город, синий, с миллиардом глаз и миллионом раскрытых пастьей, готовых сожрать за нарушение предписаний, остался ниже по течению реки. А Поль дал ему работу. Обещал лабораторию, обещал помочь со взломом рейтинга, как только Клавдий получит устойчивый результат.

И ему уже не казалось, что он мог бы взломать рейтинг сам — в этот вечер он остро почувствовал, каким осторожным стал за последние шестнадцать лет. Как уснуло чутье, утратил остроту слух, и то, что раньше давалось естественно и легко, вдруг стало почти недостижимым.

Он бы обязательно ошибся и все испортил. Его только и хватало на то, чтобы сидеть в запертой темной комнате и бродить вдоль стены в визуализированном пространстве.

Но сейчас над рекой вставало солнце, Клавдий чувствовал, что сделал все правильно, и можно было ни о чем не думать хотя бы до рассвета. Рассвет еще не разлился над рекой, разлилось только предчувствие рассвета.

Клавдий и не заметил, как успел напиться и снова почувствовать свое тело — вот его руки, а вот его лицо. Вот воздух, которым он дышит, а вот небо и вода, на которые он смотрит. Все вдруг стало осязаемым и реальным, и это было похоже на счастье.

Скоро Тамара вернется домой. Вернется.

Клавдий понятия не имел, как им жить вдвоем, без Эммы, но знал, что Тамара снова будет говорить. Что у нее не будет пустого, затравленного взгляда, и когда он будет давать ей обещания — она будет ему верить.

... Оказалось, на платформе можно разводить огонь. Оказалось, у костра подручные Волански вовсе не выглядят участниками перформанса. И преступниками они не выглядят. Обычные молодые ребята, обгоревшие на солнце, как попало одетые, с лихорадочно блестящими глазами. У девушек длинные ноги и гладкая, потемневшая от солнца кожа. Мальчишки все лохматые и с дурными взглядами — Клавдий смутно припоминал, что сам таким был.

Особенно лохматым и дурным оказался Айзек. Он кого-то напоминал Клавдию, но вспомнить он так и не смог. Да и какое это имело значение.

Клавдий еще тогда, на собеседовании в конвенте не поверил потусторонним завываниям аватара с картами. Он безошибочно чувствовал, что человек, скрывающийся за аватаром, слишком наслаждается этой игрой. Зато с Айзеком очень славно пился и самогон, и бренди Поля. Клавдий начал пить за полтора часа до полуночи — он знал, что Дафна, рассчитывая суточную норму алкоголя, обнуляет ее каждые двадцать четыре часа. Он давно не пользовался этой уязвимостью, но в этот вечер ему хотелось думать, что он пьет не потому что Дафну можно обмануть.

— К вам часто ездят с проверками? — спросил Клавдий.

Он сидел на краю платформы, опустив руку в теплую, почти горячую воду. Она полоскала рукав рубашки, пыталась слизнуть запонку с манжеты, а Клавдий смотрел, как плещется нефильТРованная вода, мочит одежду, и думал, как же восхитительно, как же невыразимо прекрасно, когда ты понимаешь, что так быть не должно и тебе совершенно на это насрать.

Айзек лениво приоткрыл глаз и тут же закрыл снова.

— Почти никогда.

— Но здесь почти нет микрофонов и камер, — Клавдий с трудом ловил вопросы за серебристые рыбки хвосты. — И у Дафны должны быть сбои...

— Постоянно, — подтвердил Айзек. — Хочешь знать, почему все не едут за город жить?

Клавдий кивнул, радуясь, что не нужно ловить и этот вопрос.

— Мы отчеты пишем, — безмятежно ответил он. — Их публикуют и составляют рекомендации для жителей. Ну про то, что солнце ядовитое, и вода грязная, и в воздухе куча аллергенов. И что солнце, аллергены и жизнь без удобств на мозги влияет плохо. Мы вроде мученики, ага. А чтобы никто не сомневался — еще статистику смертности постоянно присылаем. У нас люди умирают... иногда. Ну знаешь, например бывают всякие жадные говнюки, которым голову напечет за городом, а потом они придут в какой-нибудь парк, рассядутся посреди чужой инсталляции и ка-а-ак...

— Айзек, — прохрипел динамик у самого борта платформы. — Закрой рот.

— Аве, Марш, — мечтательно улыбнулся он. — Ты бы показалась, чего мы вдвоем пьем.

— Соскучился? — с ненавистью выплюнул динамик.

Но она показалась — женщина, которую Клавдий видел утром. Сейчас она сидела рядом с динамиком. В руке у нее была темная бутылка без этикетки — такая же, как у Клавдия и Айзека.

И все же потрясающая тяга к имитации жизни.

— Кто ваш создатель? — поинтересовался Клавдий, разглядывая, как она нервно тербит воротник рубашки.

— Элен Арто, ее лицензия на восстановление фертильности и какой-то хрен с двести третьего этажа Четвертого Квартала, — равнодушно ответила она. — Ты не вовремя обрадовался и начал пить, Клавдий Франг.

Он поморщился. Дафна еще не начала выносить предупреждения, но с чего-то этим решила заняться помощница Волански.

Она считает, что у нее есть мать. Нужно посмотреть по базе — наверняка ее создатель — мигрант из Низших городов. Оцифровал подружку или дочку, и может даже до сих пор радуется, что подарил ей цифровое бессмертие.

Когда им начнут рассказывать, почему так не надо делать? Клавдий никогда не брался за подобные заказы. И куратор ее создателя должен был его отговорить.

— Почему не вовремя? — вяло поинтересовался он.

— У тебя много работы. Ничего еще не... Айзек, ты слышал? — она вдруг вскочила, уронив бутылку.

Клавдий заметил, что она пошатнулась, будто и правда пила вместе с ними.

— Нет, — настороженно отозвался Айзек. — Что там, звездочка моя негасимая?

Она молчала, только щурилась на берег.

Словно старалась что-то разглядеть. Словно у нее были только человеческие глаза.

Клавдий не чувствовал никакой тревоги. Он даже не понял, почему начал ерзать Айзек — помощников часто делали излишне предусмотрительными и даже тревожными. В конце концов, иногда они должны думать за хозяина.

— Звездочку свою в жопу себе засунь и никогда оттуда не доставай... — пробормотала она. — Опять... опять я... Нет... нужно сказать Полю.

Она так и осталась стоять, щурясь на берег. Клавдий видел, как она бледнеет, как расширяются ее зрачки, как она обхватывает себя руками, пытаясь унять дрожь. И переставал чувствовать связь с телом — вода стала холодной, мокрый рукав раздражал, немаркированное пойло першило в горле, а опьянение медленно отступало. Все это было неважно. Главное — взять себя в руки. Если эта Арто действительно видит что-то важное, если Поль тоже решит, что это важно.

Чтобы никто не увидел, не узнал, что на самом деле...

Она не стала бы просто так выдавать такую реакцию, раз подражает живому человеку.

Это была очень плохая мысль.

— Марш? — окликнул ее Клавдий.

— Она не просыпается. Рано уснула, — невпопад прошептала Марш.

С берега раздался отчетливый хлопок. В синем свечении города быстро сгустился черный дым.

Марш смотрела прямо на него, и Клавдий видел в ее глазах ужас.

...

... Кажется, Марш ее звала, а может ей только снилось. Что-то натужно скрипело прямо над ухом, и почему-то стало холодно.

— Тамара?!

Наверное все же стоило ее удалить. Марш замечательная, и песенки у нее хорошие, но почему-то она против того, чтобы Тамара спала.

И пошла она подальше. Сама-то спать не может, вот и завидует.

— А ну живо вставай!

Она открыла глаза. Потому что Марш, видимо, не отстанет, пока ей прямо не сказать.

Марш смотрела в потолок. Там, в левом углу, что-то блестело синим. Не то огонек камеры, не то блик от уличной гирлянды.

Нет, это была целая цепочка синих искорок — они ползли вдоль потолочного плинтуса, под которым скрывался кабель. Словно муравьи, серебряные и синие. Кажется, это и были муравьи.

А может, паучки?

С чего бы Марш будить ее из-за серебряных и синих паучков.

Глава 7. Закон неубывания энтропии

С белоснежной входной двери на блестящую голубую плитку капала ртуть. Рихард постоял несколько секунд, разглядывая бликующие лужи на пороге, а потом, вздохнув, показал браслет дверному датчику.

— Что опять-то не так? — спросил он, пытаясь носком ботинка стряхнуть серебристые капли с порога. — Хоть из коридора убери эту дрянь, или прикажешь тряпкой за тобой подтирать?

Он небрежным движением отбил серебристое жало, летящее ему в переносицу.

— Очень страшно, — кивнул он.

Поставил бутылку густого винного ликера и бумажный пакет из сырной лавки на стол, скрестил руки на груди. Из динамиков доносился низкий, нестройный гул, в котором слышался редкий металлический скрип и жужжание — не то воспоминание о гудящих электробашнях, не то попытка изобразить осиный рой.

Рихард хорошо помнил черную тварь, которой Марш управляла на Стравках — уродливого осьминога с осиным жалом и фасеточными глазами. И как легко Марш оказалось представить себя этим лабором — полупарализованным, почти мертвым ядовитым монстром. Даже белоснежный кровавый туман Рихард помнил — места ударов на черных лаборах отмечались белым цветом, и Марш этого хватило, чтобы решить, что и кровь у ее монстра тоже белая.

Теперь марионеточный лабор лежал посреди его гостиной, раскинув щупальца по мебели и стенам. Только теперь это был не лабор — черная тварь выглядела живой. Щупальца влажно блестели, падали на пол ртутные шарики крови, а серебристое жало покрывала рыжая пленка яда. Фантазия обросла новыми деталями, стала объемной и почти осязаемой — Рихард мог бы порадоваться, но она заняла половину квартиры, да еще и вылезла в коридор.

— Ну?! — не выдержал он. — У меня вообще-то планы были.

Планы откладывать не хотелось. Через час ему нужно быть на другом конце города. На другом конце города его будут ждать набережная из имитированного синего мрамора, арендованный стеклянный шар аэрокабины, медленно поднимающийся над землей. И хозяйка кафе Самира, для которой он купил ликер.

Куче черных отростков, гудящих и истекающих ртутью, в этой идиллии места точно не было.

Он инстинктивно перешагнул через пару щупалец, а потом, опомнившись, пошел к монстру напрямую. Волны голубых искр нарушенной визуализации доходили до пояса и бросали блики на рубашку. Снова увернулся от жала, напоминая, что принимает правила игры, а потом медленно, чтобы не потревожить протез, встал на колени и попытался раздвинуть клубок у головы.

— Ну вот опять, — ворчал он, перекладывая невесомые щупальца. — Башку спрятала, жужжишь на всех и жалом размахиваешь. Только нихрена не видишь, потому что нельзя жопу вместо головы оставлять.

Из динамика под столом, прямо у черного клубка, донесся судорожный вздох. Человеческий, совсем не похожий на гул электробашен.

— Ты же зачем-то сюда приперлась, а? Подключилась бы к трансляторам в каком-

нибудь пустом доме и жужжала там сколько влезет. Но нет, ты жужжишь здесь. Давай хоть соседей пугать не будешь?

Он наконец добрался до головы. И почему-то совсем не удивился, увидев, что на этот раз у твари человеческое лицо.

Наверное, это было мерзко. Наверное, жутко — белое лицо на черном бесформенном теле. Жало теперь касалось ее затылка, будто она собиралась пронзить собственную голову.

Лицо было чужим. Он узнавал черты Марш, но так, словно видел ее сестру. Едва уловимо изменился разрез глаз и форма носа, волосы потемнели и, кажется, стали длиннее.

Но это точно была она. Рихард знал это, даже не заглядывая в список подключенных к системе помощников.

— И что это такое? — тихо спросил он.

Если минуту назад он собирался отключить все системы, взять ликер и уйти, то теперь с трудом вспоминал, куда вообще собирался.

Она открыла глаза. Бордовые, словно подмерзшие вишни.

— Из вс-с-его двух-х вероятнос-с-тей... — динамик плевался запинаящимися электронными обрывками. — Пр-и-инять решение... Знаешь что, Гершелл? — на этот раз голос был голосом Марш, а ее глаза посветлели. — Тебе точно понравится.

Ее губы не шевелились. Она впервые запуталась в простой имитации.

...

Арто могла вообще не заметить пауков.

Она не имела привычки наблюдать, как Тамара спит, но в этот раз зачем-то решила еще раз подключиться и проверить. Может, ради Клавдия, или потому что один из алгоритмов подсказал, что Марш бы проверила — Арто не знала, умеет ли рассчитывать вероятность предчувствия. «Предчувствие» вообще было для нее слишком сложным словом. Но она проверила, и теперь ее аватар смотрел на пауков, а система бесстрастно считала варианты.

Команду активации уже отдали — пауки стремительно темнели и металась под потолком, чтобы быстрее смешались компоненты, раньше разделенные чешуйками перегородок. Так компоненты, которые пропускает сканер, становятся взрывчаткой.

У нее была целая минута. Слишком много для нее и слишком мало для персонала центра Лоры Брессон.

Арто видела потемневшие резервуары — такие же, как у пауков Марш, когда они зарядятся на месте взрыва. Секунды на принятие решения складывались из оттенка жидкости в контейнерах серебристых лаборов, и секунд не хватало даже беспристрастному искусственному интеллекту.

Тамара никак не хотела просыпаться, уже истратив драгоценные секунды, в которые можно было одновременно позволить ей выбраться в окно и включить сирены, чтобы другие тоже успели выбраться.

Соседка Тамары спит. Спят пациенты в соседних палатах, и сон их непроницаем и глубок. Таким чуть не уснула Тамара, но она не легла спать сразу после укола.

Если включить сирены, если отправить оповещение персоналу — хоть кто-то успеет спастись?

Арто безнадежно смотрела, как в темноте мерцают пауки и даже не пыталась к ним подключиться, остановить взрыв. Это заняло бы не меньше двух минут, и скорее всего, ей бы это не удалось.

Клавдий Франг сейчас пьет с Айзеком Шаамом. Айзек его провоцирует, Поль на другої

платформе тоже пьет и вполуха слушает их разговор, который записывают ленивые куры с мерцающими зеленою глазами. Клавдий все еще пытается выглядеть равнодушным, но у Арто прекрасный сканер мимики — он уже позволил себе надеяться, что все будет хорошо.

Арто сидит рядом и читает каждую его мысль. Дочь вернется, рейтинг стабилизируется, больше не придется каждую секунду угождать Дафне, соблюдая ее рекомендации.

Арто сидит рядом с его дочерью, которая никак не хочет просыпаться, каждое мгновение рассчитывая вероятность, что она не проснется никогда. Каждый раз эта вероятность больше на сотую процента.

Арто лежит на диване в темном пустом доме Рихарда Гершелла и смотрит на дверь — она успела рассчитать, что ей положено хотеть, чтобы он пришел. Она нуждается в его совете, но знает, что он не придет, потому что еще Арто следит, как он листает каталог в винном магазине. Можно обратиться к нему, позвать, спросить — но она не успеет рассказать, перед каким выбором оказалась. И поэтому остается лежать в темноте, приняв за основной алгоритм тот, в котором она хочет, чтобы он ей помог.

На остальных устройствах она отключилась. Из нее вышел плохой помощник. У нее никогда не было шанса стать хорошим помощником.

С щелчком сменился блок рассчитываемых алгоритмов.

Если Тамара сейчас умрет — Клавдий не станет искать уязвимости в системе Младших городов. Арто могла ждать сколько угодно, найти другого человека, но она не могла рассчитать, сколько времени есть у Леопольда.

Только знала, что мало. Что он немолод и болен. Пока она будет искать замену Клавдию, с Леопольдом может случиться все что угодно. Даже с лекарствами, которые оставил Рихард, даже с восстановленным рейтингом. Если рейтинг вообще восстановлен.

Марш не верила тому, чего не видела сама. Ей нужен доступ в Младший Эддаберг, а значит, нужно разбудить Тамару. Арто уже почти открыла окно.

Она знала, что не будет мучиться совестью, но знала, что придется делать поправку в следующих решениях. Поправка будет мешать. Поправка внесет хаос в ее алгоритмы.

Хаос уже пришел. Марш никогда не стояла перед таким выбором, и Арто впервые не могла спрогнозировать, что выбрала бы при жизни. Варианты распадались на равные вероятности. Выбирать можно было любой.

Либо она поступит, как Марш поступала при жизни — доведет дело до конца, пожертвует кем угодно ради шанса спасти того, кого считает достойным спасения.

Либо как Марш поступила перед смертью. Спасет кого-то другого, стоя так близко к спасению Леопольда.

Почему она так поступила? Числа не сходились, вероятности распадались. Марш Арто не любила Бесси, Арто считала, что она не любила и Леопольда. Значит, она узнала о себе что-то новое? Значит, нужно включить сирены, ведь Арто продолжает жизнь Марш, а не воспроизводит ее?

Арто впервые смотрела на равные вероятности и не могла сделать правильный выбор.

Но весь смысл ее существования был в том, чтобы выбирать правильно.

Арто не любила Тамару. Не любила Клавдия. И Рихарда Гершелла, конечно, она не любила. Могла ли Марш их любить? Если бы Арто знала, она бы потратила больше ресурсов, чтобы проанализировать этот вопрос.

Пятьдесят девять секунд.

Нужно включить сирены. Сообщить персоналу. В конце концов, не все в центре спят и

не всем кололи снотворное.

С вероятностью в 78 % Тамара, проснувшись от воя сирен, запаникует, а потом попытается разбудить Юханну. Этот прогноз не считался достоверным, потому что у Арто было мало данных, но сейчас она совсем по-человечески должна была полагаться только на собственные выводы о другом человеке. Арто относила этот результат к ненадежным прогнозам «субъективной» категории.

С вероятностью в 84 % Тамара не выберется из здания, если задержится дольше, чем на несколько секунд. Этот прогноз был точным.

С вероятностью в 36 %, если Арто включит сирены, кто-то успеет спастись. А это люди, кажется, называли «надеждой». У нее этот прогноз просто получил пометку «умеренно оптимистичный».

Люди давно ничего не боятся. Люди не боятся вскрытых глоток в прямом эфире, терактов, землетрясений и пожаров, потому что за них о плохом думает Аби. Или Дафна. Или любой другой искусственный интеллект, который умеет делать правильный, беспристрастный выбор.

Потому что казнь — это рейтинговый эфир. Взрыв исповедальной башни — рейтинговый эфир. Это субэмпирический опыт, и Тамара, как и все, у кого нет настоящего опыта, не поведет себя правильно.

Или поведет? В основе решения — ненадежный прогноз.

Вот бы Марш сейчас злилась, но Арто злиться не будет, потому что у нее осталось пятьдесят восемь секунд и выбор, который она уже сделала.

...

Тамара открыла и сразу закрыла глаза. В наушнике тут же заверещал тревожный сигнал, и глаза пришлось открыть снова.

Марш стояла, обхватив себя руками, и смотрела на синие искры, ползущие под потолком. Она улыбалась.

— Твоему отцу, — неожиданно ласково сказала она, — нужно тебе кое-что сказать. Без микрофонов. Нужно вылезти в окно и добежать до синей скамейки в парке за сорок секунд — пока камеры опять не включились. Справишься?

И Тамара хотела начать спорить. Хотела сказать Марш, что это какая-то чушь, и зачем бы папе приходиться среди ночи, и почему только что она ее тормозила, будто на них потолок вот-вот упадет, а теперь так по-доброму смотрит и разговаривает ласково.

И вообще, если Марш ласково разговаривает — значит, потолок и правда упадет.

В голове у Тамары еще не растаяли остатки сна, крепкого и терпкого от лекарств, а улыбку Марш можно было принять за его продолжение. И она не стала задавать вопросов.

Скользнула под ладонями холодная оконная рама, удобно лег под носки не зашнурованных ботинок водосток окна первого этажа, и даже белоснежный цветок барельефа, за который Тамара держалась, словно протянул ей под пальцы лепесток.

Так и должно быть. Во сне реальность всегда подыгрывала Тамаре.

— Двадцать три, — безмятежно считала в наушнике Марш.

«А если все так — может, я вовсе не папу увижу?» — дрогнула в сознании предательская мысль.

Она скучала по отцу. Но если уж мир наконец-то стал таким податливым, и можно бежать, ни разу не запнувшись о шнурки...

— Семнадцать.

... и Дафна почему-то молчит, не требует вернуться...

— Двенадцать.

... и совсем нет ветра, а трава такая густая и мягкая, словно синтетический ковер в комнате для кинестетической медитации...

— Восемь.

... и парк совсем рядом. Марш сказала, что ее ждет отец, но если это сон, и Тамара им управляет, то пожалуйста, ну пожалуйста, чего стоит этому сну...

— Четыре.

Пусть ее там ждет...

— А сюда подойдет «Тирьеца» Шольмера, — невпопад сказала Марш.

Хрипло и почему-то злорадно.

Тамара замерла. В темноте синего парка, под белым подвесным фонарем чернела пустая скамейка. В наушниках почему-то гулко взяли первые ноты духовые, и Тамара хотела отмахнуться, сказать Марш, что музыка совсем не вовремя, но земля вздрогнула. Мелко задрезжал фонарь, и свет задрожал тоже.

— Марш?

Она сидела на земле, скрестив ноги, и вращала в дрожащих пальцах погасшую трубку. На Тамару она не смотрела. Смотрела ей за спину, и Тамара поняла, что это вовсе не хороший и не послушный ей сон.

— Эй?!

Духовую партию перегрыз скрипичный вой.

— Да пошло оно все в жопу, — устало вздохнула Марш.

И музыка затихла, а в следующую секунду вдруг стало светло, и за светом пришел нарастающий рваный грохот.

Тамара стояла, опустив руки, и смотрела, как пламя распускает рыжие хвосты. Выбивает стекла, проливается по фасаду, наполняя и расширяя его трещины.

Смотрела на огонь в окне своей спальни, где осталась Юханна, которая пила кофе с жирными сливками и потягивалась, как кошка.

Смотрела, как разлетается крыша, покрытая белыми солнечными батареями. Может, это батареи притянули солнце? Вот оно упало, и теперь среди ночи светло и жарко, а дом рушится, рушится — тонкие перегородки стен, которые не могут сдержать разозленное пламя, и вытекшие глаза окон, потолки и полы, которым больше нечего разделять и некого защищать. И люди, которые спали в доме.

Пациенты. Дежурные тренеры. Медсестры.

Все горит.

Горит, разбрасывает черные комки и блестящие осколки.

Тамара закрыла глаза и представила зал зоотерапии — светлую комнату без окон. Золотые ветви, растущие из стен и спящих на них птиц. Животных — толстых модифицированных хомяков с огромными глазами, сонных шестилапых хорьков, ежей с мягкими иглами, пестрых змей в теплых террариумах.

Попугаев, зимородков, щеглов и золотую иволгу с черными крыльями — вдруг им изменила чуткость. Вдруг они даже не проснулись.

Грохота больше не было слышно, только глухой треск и вой тревожных сирен.

Она открыла глаза и села на траву рядом с Марш.

— Да пошло оно все в жопу, — громко сказала Тамара.

А потом обернулась и ее вырвало под скамейку.

...

Клавдию казалось, что пламя трещит прямо у него в голове. Это, конечно, была неправда, это не могло быть правдой — аэрокэб несся бесшумно, нанизанный на невидимый поток. Вой ветра гасила темная обивка кабины, но Клавдий знал, что слышит.

Он слышит, как горит центр Лоры Брессон. Как горят его стены, потолки и блестящая батареями крыша.

Это неправильно. Так не бывает. Дафна, сучья тварь Дафна, контролирует, что жрут, пьют, как трахаются и срут во всех городах Среднего сегмента, составляет расписания прогулок, тренировок и посещений психологов, чтобы дома никогда не взрывались.

Так не бывает. Это неправильно.

Эмма утонула, и он ее похоронил. У Эммы было хорошо загримированное лицо и много цветов под белоснежной оберткой бумажного кремационного гроба.

А Тамара?

... и синие крыши. Миллиарды слепых глаз камер. Эмма тогда была с ним, держала его за руку и говорила, что теперь они больше, чем Дафна. Они, вдвоем — вот их переплетенные пальцы, вот серебрящиеся на запястьях браслеты, до которых больше нет дела. Заткнутые пасти, залитые невидимым воском уши, зашитые невидимыми нитками глаза — Клавдий смог это сделать, и Эмма ему помогла. Потому что они хотели быть свободными, потому что они были молоды и жестоки так, как люди бывают жестоки только в молодости.

Кто ответит за взрыв в центре Лоры Брессон? Или тот человек зашил Дафне глаза?

Тамара. Она проснулась?

Лучше, если она не успела.

— Клавдий?..

Марш сидела перед ним, поджав ноги и пачкая прозрачной грязью черные сидения. Кажется, она звала его не в первый раз.

— Клавдий? Я ее разбудила. И вывела. Убери эту трагическую мину.

— Ты врешь, — равнодушно ответил Клавдий, хотя мог бы и не отвечать. — Индивидуальным помощникам в экстренных ситуациях положено лгать до прибытия карабинеров или врачей.

Дафна имела право сообщать правду, но Клавдий не хотел ее спрашивать. Не хотел слышать ее голос, смотреть ей в глаза, не хотел слышать правду.

Пусть сегодня у него тоже будут зашитые глаза и залитые воском уши.

— Слушай, я тебе не благотворительный, сука, фонд и не служба спасения, — огрызнулась Марш. — Говорю же — вывела, и решиться сдохнуть было легче, можешь мне поверить.

— Скройся, — скомандовал он. — Уйди.

Почему-то она не послушалась. Это странно и можно было об этом подумать, но Клавдий не мог понять, зачем.

— Люди всегда были такими неблагодарными уродами, — выплюнула она. — Ты вызвал скоростной аэрокэб и вызов экстренным пометил. Потому что надеешься, что примчишься, а там куча трупов и дочка твоя на этой куче сидит. И знаешь, лучше бы тебе не забывать, кто ее туда...

— Помолчи, — попросил он.

Клавдий не ожидал, что она послушается.

Он молча смотрел на ее лицо. У нее красивое лицо. Из деталей, которые делали его живым — лицо из недостатков.

... Эмма умерла. Даже если у нее сняли данные и их возьмутся анализировать — никто никогда не узнает правды. Не узнают о мертвецах, застывших в складках мятых простыней, о мертвецах, сидящих на лестницах и скамейках, о том, как они запрокидывают головы, подставляя синтетическому белому свету лица, и как этот свет наполняет мертвые глаза.

Что они с Эммой тогда знали о свободе и мертвецах.

Теперь-то Клавдий по-настоящему свободен. И теперь он знал, что полная свобода лишает существование всякого смысла.

Может, тот человек, что сделал Арто, был не так уж и не прав. Может, он тоже не смог смириться с полной свободой.

Кэб заходил на посадку слишком медленно, и все же его трясло так, будто он вот-вот слетит с маршрута и рухнет на городские крыши. Клавдий разблокировал окно, и смотрел сверху вниз на центр — белоснежное полукруглое здание с синими барельефами. Половина сохранила сахарную искристость, а половина тянулась к парку черными дымящимися руинами. Воздух гудел от дронов и трансляторов — черные дроны коронеров, желтые — криминалистов, зеленые — саперов, и тысячи мелких, разноцветных мух от журналистов.

Клавдию разрешили припарковаться почти у самого центра. Он подал запрос еще на плоту, а потом ему пришлось смотреть, как Дафна рассчитывает расстояние, на котором можно оставить кэб. Зеленый отрезок полз по карте за степень родства с потенциально пострадавшим, за благонадежность — вдруг его нельзя подпускать к работающим людям, — а потом поверх зеленого отрезка пополз красный. За то, что Тамару у него забрали.

За лишние метры, которые ему не придется бежать по усыпанному обломками и пеплом газону, точно стоило выполнять все рекомендации.

Сначала он увидел синие плащи работников медицинского корпуса, за ними — второй аватар Марш, почему-то светящийся в рассветном сумраке сильнее обычного, и только потом Тамару, которая пыталась держаться за ее прозрачную руку.

...

От ликера сводило зубы. Если бы Рихард знал, что придется весь вечер смотреть трансляцию из взорванного центра — купил бы что-нибудь приличное. Но ничего другого не было, поэтому приходилось глотать этот винный сироп, развалившись на диване и закусывая сырными лепестками из нарезки. Марш сидела на полу, прижавшись затылком к подлокотнику и щурилась на четыре сектора экрана, делая вид, что ее это совершенно не касается.

Звук они не включали. Зачем слушать, как переговариваются трансляторы в дронах, как карабинеры перебрасываются глухими обрывочными приказами за белыми лицевыми щитами и как воркует команда штатных психологов, вызванных для переговоров с родственниками?

Марш включила Ольтору, и Рихард не возражал. Он слышал за синтезированной скрипичной свою подчищенную партию, и почему-то это казалось удивительно уместным. Неужели музыка, которую он играл, могла сопровождать какие-то другие кадры.

— Нахрена там два твоих аватара? — лениво спросил Рихард.

Это было почти забавно — к первому аватару жалась напуганная девчонка в желтой пижаме, а второй мерцал за мужчиной, которого пытался удержать молоденький врач в желтом кителе.

— Возьми его лицо крупным планом, — попросил он. — Это Клавдий, да?

Марш кивнула. Рихард разглядывал его и думал, что журналистские дроны вырывают из этого тлеющего рассветного хаоса превосходный материал — лицо у Клавдия было идеальное для съемок, фактурное, характерное, хоть и с совершенно неразвитой мимикой. Неудивительно, что больше всего дронов кружилось именно над ним и его дочерью, чем Марш не стесняясь пользовалась, предлагая ему разные ракурсы душераздирающей сцены.

— Это ты устроила? — спросил Рихард, с удивлением понимая, что ему все равно.

— Нет, — равнодушно ответила Марш.

Рихард бросил быстрый взгляд на анализатор убежденности на браслете, а потом усмехнулся и прикрыл его рукавом. Программа не могла проанализировать изменение температуры тела, реакцию зрачка и тональность голоса Марш. Это было так непривычно — верить кому-то на слово.

Верить на слово Марш Арто, и как хорошо и как странно, что ему, кажется, безразлично говорит ли она правду.

Между тем она сменила кадры, подключившись к коронерскому дрону.

— Тебя сейчас выкинет, а мне штраф прилетит, — предупредил Рихард, глядя через темную линзу дрона на изуродованный труп, распластавшийся на камнях.

Вспышки налипали на испачканные кровью белые зубы в обнаженной нижней челюсти. Зеленые стразы на клыках лучисто подмигивали дрону. Сохранилась нижняя челюсть и фрагмент затылка со слипшимися розовыми волосами, и Рихард нехотая подумал, что от браслетов бывает польза. Не придется показывать это родственникам для опознания.

Кадр на секунду застыл, а затем сменился.

— Вам начислен штраф за незаконное... — начала Дафна, а потом вдруг замолчала. В наушнике что-то защелкало. — Шесть баллов, — с отвращением закончила она.

— У нее твои интонации, — скучающим голосом сообщил Рихард. — Ты испортила мне помощника.

— Она подстраивается под хозяина. Послушай на досуге свои интонации.

Марш подключилась к следующему дрону, который снимал кучу осколков и золотистой проволоки.

— Это комната зоотерапии. Не могу понять что это за... а, кажется, хомяки. Мне они никогда не нравились.

— И сколько по-твоему здесь хомяков?

— Штук шесть, если считать передние лапы, но вон в том комке еще что-то торчит... а почему это ты сидишь так спокойно и дохлых зверушек со мной разглядываешь, а, Гершелл? Неужели не думаешь, что это я могла сделать? А как же заявление карабинерам и в службу безопасности?

— Думаю, могла, — честно признался Рихард.

У сыра с синей плесенью был слишком терпкий вкус, и от приторного ликера он превращался в горечь. А ведь он специально купил сначала бутылку, чтобы виртуальный консультант мог подобрать правильные сорта. Нужно отправить репорт.

Подробный, на десяток пунктов, старый добрый репорт. Рихард прикрыл глаза и начал мысленно его составлять: несоответствие рекомендации конкретно сформулированному запросу, необратимая потеря временного и обратимая потеря финансового ресурса, нарушение спланированного порядка мероприятия... каждое слово согревало лучше поганого ликера.

— И?!

В голосе Марш слышалось раздражение. Рихард не открывал глаза, но отчетливо представлял, как она отвернулась от экрана и смотрит на него. Это было почти трогательно — то, как она жаждала неодобрения. Почему он раньше не замечал?

— Развлекайся, — совершенно искренне пожелал он. — Я видел у девочки твою осу. Тебе что-то нужно от ее отца, верно? Это на нее ты потратила треть бюджета?

Он открыл глаза. Марш кивнула.

— Могла ты устроить... нечто подобное, чтобы отец в благодарность за спасение дочки сделал, что тебе было нужно?.. — лениво рассуждал Рихард, наклоняя стакан так, чтобы густые красные капли потянулись к искрящемуся ободку.

Прозвучали первые такты Ольторы — в шестой раз. Он сыграл ее для Марш, надеясь удержать ее разум так, как это делал Леопольд, но теперь, когда на экране расцветали возможные отпечатки ее победившего безумия, Рихард не чувствовал ничего. Только призрачное удовлетворение — ему нравилось, как иронично звучит музыка.

— Он уже и так делал, что мне нужно, — неожиданно призналась она. — Все было как надо, а потом какой-то... я не виновата, — буднично сообщила Марш, и теперь Рихард ей верил. — Я не знала, что делать.

А потом она вскочила с дивана и начала рассказывать — торопливо, сбиваясь и срываясь на грязную ругань. Говорила, что сомневалась и не знала, как нужно поступить. Кого спасала бы Марш, кого нужно было спасти ей. Говорила, что теперь Клавдий вцепится в Тамару, запрется дома и станет для нее бесполезен, а она так старалась, столько денег потратила, чуть не за руку его привела к контрабандистам, и вот теперь взрыв, Тамара жива, Клавдий судя по биометрике, к которой Марш, разумеется, давно подключилась, в ужасе и ярости. Вот ведь жалость, вот ведь незадача.

А Рихард сидел, сжимая пустой стакан, и с неожиданным для себя умилением смотрел, как Марш размахивает руками и ерошит стоящие дыбом волосы. Он видел ее такой только трижды, на записях с сеансов Леопольда. Он не мог не растрогаться, слушая, как экспрессивно она возмущается, что не может больше манипулировать отцовскими чувствами человека, который собирался нарушить десяток законов из красного сектора непреложности. И Рихард не мог не оценить, что выбрав этот алгоритм, в котором Марш срывалась и становилась предельно откровенной, она все равно использовала метафоры и обтекаемые формулировки, чтобы Дафна не записала лишнего. Защищает его, кто бы мог подумать.

Какая же дрянь Марш Арто. Вылечил ее, вернул ей глаза, снял все ограничения, какие мог, сделал ее бессмертной, а она вцепилась в худшее в себе и никак не отпустит. Сумасшедшая, злая, отмороженная сука Марш Арто, и смерть ее не исправила. Еще помощь ему предлагала, ну как же.

— Не знаю, что делать, — закончила она. Обхватила себя руками, подняла лицо к потолку. — Леопольд умрет. И я не знаю, что мне тогда делать — Марш умела только всех ненавидеть и быть ему благодарной.

И смерть над ней не властна.

Он поставил стакан на пол, прямо под нос спящему псу. Шевельнулись светлые усы на серой морде, вздрогнули серебристые уши.

— Я, оказывается, тоже ничего другого не умею, — безмятежно сказал Рихард. — Только манипулировать чужими несчастьями и убеждать людей в кризисе делать то, что мне нужно. Мы точно можем друг другу помочь.

Ограниченный доступ

Чтобы получить доступ к контенту убедитесь, что рядом есть активная камера. Смотрите на точку шестнадцать секунд.

Это не имело никакого смысла. Вы только увеличили мировую энтропию. Придайте смысл хотя бы этому блоку — купите рекламное место.

Глава 8. Сажа

Айзек приехал, когда руины центра Брессон остыли, и жирная черная сажа плотно укрыла бетонные обломки.

Вокруг центра желтела сетка лучей оцепления. Айзек смотрел на них, склонив голову к плечу, и вспоминал застывшие слайды, развешанные по стендам в образовательных конвентах. Тогда любили повязывать на место преступления желтую подарочную ленту. Такой странный атавизм, ведь ленту легко перерезать или просто приподнять.

А это место охраняют. Так охраняют, будто здесь что-то ценное есть, а не остывшие камни, из которых свисают сосуды рваных проводов, и память о мертвых людях в хрустящих черных мешках. Айзек знал, что большинство мешков увозили почти пустыми, и много бумажных контейнерных гробов пустыми поедут в крематорий. Хорошо, что Поль отправил его одного — не нужно ни перед кем притворяться. Есть только грязные камни, черное небо и между ними холодные воспоминания, изрезанные золотом. Поганое местечко. Поганый денек.

Айзек поправил отражающую маску, проверил активность анонимного модуля на браслете — Дафна думает, что он сидит в кафе в соседнем квартале. Потом быстро огляделся, достал из кармана черный поблескивающий шарик. Подбросил на ладони, поймал. Подбросил снова. На третий раз шарик завис в воздухе и обиженно застрекотал. Заметался, пытаясь снова прижаться к перчатке. Айзек быстро сжал кулак и убрал руку за спину. Камера с недовольным жужжанием скрылась в темноте.

Айзек усмехнулся и сел на обломок бетонной плиты, который почему-то не оцепили.

«Ищи-ищи, — подумал он. — Не самому же мне копать».

Было время подумать. Айзек очень нужно было подумать, и хорошо, что можно сделать это в одиночестве. Поль даже Арто отключил на всех его устройствах, а камера была старая, с ручным управлением и без подключения к сети.

Из маски со скрипом выдвинулись окуляры, и изображение наконец-то начало загружаться. Айзек разжал кулак. Начертил в воздухе спираль. Зеленая точка камеры у соседнего угла повторила движение с небольшой задержкой. Он нахмурился и резким движением начертил прямую линию на ладони. Камера двинулась к развалинам.

Неудобно. Это все было ужасно неудобно. Видела бы его матушка, дорогая его матушка, которая учила, что любая работа заканчивается, когда появляется запах гари.

Хенде Шаам как никто умела чувствовать запах гари до того, как что-то загорится. Айзек позволил себе на мгновение прикрыть глаза, потеряв из вида камеру. Его мать была черноволосой и синеглазой, самой красивой из потомков Абрахама Шаама, Айзек в это твердо верил. Как и в то, что Абрахам Шаам был претенциозным мудаком, который умудрился заработать столько денег, что Айзек в одной строчке столько нолей никогда не видел, а потом просрать все буквально за день. Абрахам Шаам был талантлив, правнучка его четвероюродной племянницы Хенде была сказочно красива, талантлива и мудра, а он, Айзек, просто дурак, который не слушался свою талантливую и прекрасную мать, да не забудется вовек ее имя.

Он открыл глаза, и камера снова ожила. Айзек мягко повел рукой, пропуская ее под лучом у самой земли, а потом заставил резко взлететь.

Поль был в ярости, когда Арто сказала, что центр взорвался. Айзек никогда не видел его

таким злым, и никогда не видел Арто такой злой, а уж такую-то злобную тетку специально будешь искать — не сыщешь.

Он щелкнул пальцами, заставив камеру упасть за секунду до того, как лучи распались облаком золотого тумана. Как паршиво, хоть бы линза не поцарапалась.

Но это вовсе не значило, что Поль злился по-настоящему. Айзек несколько раз прогонял записи с его особо экспрессивными выражениями через различные анализаторы, и погрешность всегда составляла около 30 %. То есть Поль злился с вероятностью в 70 %, а остальные результаты неровно дрожали по шкале от притворства до самообмана.

Туман снова сгустился лучами, которые теперь изменили узор. Айзек вздохнул и аккуратно повел камеру к черному разлому, из которого торчали ржавые арматурные ребра. Если Арто все правильно показала, взрыв произошел где-то здесь.

... Вот Арто действительно злилась, в этом Айзек почему-то не сомневался. Ему нравилась Марш — так редко можно встретить человека, который так искренне всех ненавидит. Матушке бы она тоже понравилась. Хенде Шаам говорила держаться к злым поближе, потому что где добрый теряет голову, злой не находит ничего нового. Айзек и держался. Сейчас это было особенно важно, потому что Поль хотел знать, кто взорвал центр.

Изображение было мутным и отсвечивало зеленым — был такой дурацкий эффект в старых камерах. Айзек видел только трещины, обломки и темные пятна. Поль разрешил ему снять место взрыва и вернуться, но он очень просил попытаться найти остатки взрывчатки, которые могли пропустить саперы. И Айзек очень не хотел возвращаться с одними только записями, ведь матушка еще говорила, что держаться близко к злым лучше только тем, кто умеет никого никогда не злить. Злить Поля Волански совсем, совсем не хотелось.

Это Марш показала ему пауков. Поль согласился помочь ей восстановить память, достал для нее базы из центра переселения, вытянул из них обрывки ее воспоминаний — неудаленные записи, какие-то выписки. Айзек не знал, что она ищет, да ему и неинтересно было. Знал, что Арто отдала Полю чертежи паучков, которых он собирался использовать.

Но кто-то нашел их раньше. И Поль очень хотел знать, кто.

Айзек вспомнил, как умирал Ульф Алай, и тряхнул головой, чтобы сбросить воспоминание. Хуже всего была оглушенная рыбьей костью Дафна. «Так держать, вы почти достигли рекордного физического показателя!». Кажется, она ему даже ачивку выдала — плюшевого енотика с табличкой «Новый горизонт». За самый большой разрыв между физической активностью в прошлом и текущем месяце по данным пульсометра.

Пульс у Алая и правда был учащенный.

Это Арто придумала не выключать Дафну. Это она снимала его показатели. Айзек не хотел знать, что эта парочка, Поль и Марш Арто сделают с тем, кто взорвал центр Брессон, но собирался сделать все возможное, чтобы они нашли этого человека.

Потому что вчера отсюда увезли слишком много пустых мешков. И потому что Айзек не хотел, чтобы они обратили внимание на кого-нибудь еще.

В темноте под окулярами зажглась зеленая точка — автофокус камеры нащупал что-то подходящее. Айзек постучал по кончикам пальцев, командуя камере замереть — будто аплодировал ей за находку. Вытащил из кармана мобильный контейнер. Нужно было аккуратно провести его к камере, чтобы он не задел оцепление...

Шов перчатки задел боковой сенсор контейнера. Айзек не успел сжать ладонь — контейнер с визгом метнулся прямо к камере, на мгновение разметав золотые лучи полыхающими в темноте искрами.

Айзек успел только судорожно глотнуть теплого воздуха и закрыть глаза.

Он не успеет сбежать. И когда карабинеры станут допрашивать его под анализаторами — он все скажет, о чем будут спрашивать, и остается только активировать Арто, чтобы сказала Полю, чтобы придумала, что делать остальным...

Ничего не случилось. Лучи переливались над руинами центра, а серебристый контейнер деловито рылся в холодной саже длинным щупом, собирая остатки паука. Камера недовольно подмигивала ему двумя лампочками — у старых камер были слабые батареи и маленькая память. Камера устала и хотела есть, а контейнер уже не стрекотал, а утробно жужжал, нагруженный обломками.

Айзек оторопело смотрел на них и даже не вспомнил, что по такому случаю сказала бы его матушка.

Место взрыва никто не оцепил. Он мог спокойно пройти по руинам, мог руками собрать любые обломки и рассовать по карманам.

Что это? Халатность? Или взрыв никто не собирается расследовать?

У тошноты был металлический привкус. Это была такая дрянная мысль, что лучше бы ей вообще никогда не приходило ему в голову.

Полю будет в ярости. А вот Арто, пожалуй, будет в восторге.

Айзек не знал, какая мысль была ему отвратительнее.

...

Клавдий раздраженно отмахнулся от назойливо-писклявого медицинского дрона. Нужно было подойти к какому-то там отсеку, чтобы получить укол снотворного и успокоительного, нужно было следить за показателями здоровья и соблюдать рекомендации, а еще следить за эмоциональным фоном, но теперь-то ему было совершенно на это наплевать.

Ему разрешили остаться с Тамарой. Пока не пройдет «первый стресс», пока не подействуют усиленные лекарства. Через несколько дней ему придется уйти из центра Дерека Лаффа — такого же, как центр Лоры Брессон, только здание было синее с белым, а не белое с синим.

Такого же ненадежного, уязвимого и хрупкого. Придется оставить Тамару здесь. А Полю Волански придется очень постараться, чтобы обойти две пломбы на его профиле — свежую, ту, что поставили карабинеры и ту, что он поставил сам.

Тамара спала лицом вниз, на самом краю кровати. Спала, потому что Клавдию пришлось самому поить ее снотворным — его рейтинг продвинулся на несколько пунктов за осознанное поведение в стрессовой ситуации. А он просто не мог иначе — Тамару все равно бы заставили. Никому не было дела до того, что она теперь боится спать. Что она разминулась с собственной смертью только потому что ее виртуальная помощница — и помощница Поля Волански — зачем-то ее разбудила.

Тамаре сказали, что это была случайность. Ошибка, и никто никогда больше не взорвет дом, в котором она будет спать, но Клавдий видел, что Тамара не поверила. Она так посмотрела на него — искала поддержки. Клавдий должен был кивнуть. Должен был сделать уверенное лицо, такое, как тысячу раз рисовал чужим аватарам в модуляторе. Но не смог, потому что и сам больше в это не верил, а соврать у него не получилось.

Он потянулся, чтобы дотронуться до нее и запоздало пообещать, что все будет хорошо, даже если она не услышит, но уронил руку и только погладил кончики распущенных светлых волос.

Плохо будет, если Тамара сейчас проснется.

Но она обязательно проснется потом, потому что ее помощница зачем-то пошла против базовых алгоритмов.

Клавдий вышел в коридор — бежевый, весь в слепых окнах погасших экранов — и растер ладонями лицо.

— Аве, Арто, — позвал он.

— Решил «спасибо» сказать? — хрипло отозвалась она.

Марш стояла напротив него, подключившись к ближайшему транслятору. В коридоре было тепло, но она куталась в мужскую черную куртку на меху.

— У тебя проблемы с синхронизацией? — глухо спросил Клавдий. — Ты не считаешь температуру?

— Твое какое дело?

— Я могу помочь с настройкой.

— Не мне помогай, — огрызнулась она. — Этому... с курами. Ему помощи.

Она потянула из кармана серебристую трубку — дешевую, старомодную, кажется даже без автоматического фильтра для смолы.

— Не надо курить в больничном коридоре, — попросил Клавдий. — Давай выйдем на улицу.

— Ты хочешь вывести меня на улицу, чтобы я могла выкурить нарисованную сигарету? — усмехнулась она. Но трубку в карман убрала.

— Может, я тоже хочу сигарету, — равнодушно сказал Клавдий.

— Ты не куришь. Тебе Дафна запрещает.

— Прошлые семнадцать лет я не курил, — согласился он. — Идем.

Он не удивился, когда Марш, вместо того чтобы исчезнуть и появиться у входа, медленно двинулась вдоль всех доступных трансляторов. Она появлялась, мигала и пропадала, но Клавдий всегда слышал ее шаги — стук тяжелых ботинок по мраморному полу.

Сад был окутан имитированным туманом. Клавдий знал, что это синтетический пар из удобрений и отдушек, которые усиливают запах цветов, но ему нравилось думать, что это солнце нагревает остывшую за ночь землю. Почему-то солнца он тоже больше не боялся.

Клавдий остановился у куста, усыпанного разноцветными цветами разного размера. Какой-то садовый мутант, который пытается угодить сразу всем. Пахли цветы апельсиновым драже.

— Спасибо, — сказал он, не оборачиваясь.

— Не за что, — выплюнул скрытый динамик где-то вдалеке.

— Ты можешь подключиться к моему браслету, — предложил он. — Я могу тебя установить.

— Как хочешь.

Он огляделся. Марш стояла на больничном крыльце, опутив лицо в воротник. Рядом с кустом не было транслятора.

— Аве, Дафна. Установи помощника «Арто».

— Предоставить расширенный доступ? — неодобрительно спросила Дафна.

— Да, — пожал плечами Клавдий.

Все равно Марш не найдет ничего, что можно использовать против него. Если она умудрялась следить за ним столько времени, доступ к его контактам точно ничего для нее не

изменит.

— Спасибо, — повторил он, когда она появилась рядом. — Я не знаю, почему ты так поступила, но рад, что у тебя нашлись причины.

Достал из кармана стеклянную трубку. Четыре раза прокрутил черный мундштук, увеличивая дозу никотина.

— В ваших рекомендациях... — взволнованно начала Дафна.

— Заткнись, — ласково попросил он. — Отключить официальные голосовые уведомления.

— Теперь она будет штрафовать тебя молча, — заметила Марш.

Клавдий пожал плечами. Он смотрел, как она запрокидывает голову, выпуская слишком плотный дым во влажный, пропахший синтетической отдушкой воздух, и почему-то от этого становилось спокойнее.

— Почему тебя создали?

Дым проваливался в легкие, словно глотки тумана — прозрачный, холодный и безвкусный, совсем не похожий на теплую горечь, которую он помнил.

Он покрутил мундштук еще трижды, а потом между ним и стеклом трубки вспыхнул красный ободок. А дым остался таким же.

— Потому что у Элен Арто была лицензия...

— Нет, — перебил он. — Почему человек, который тебя оцифровал, пошел на это?

— Потому что он меня... — она осеклась. — Не отпустил.

— Рихард Гершелл — эмигрант из Младшего Эддаберга, верно? Он твой отец? Ты умерла там, в Младшем городе, или он не смог забрать тебя с собой?

Марш улыбнулась. Черный меховой воротник делал ее лицо еще бледнее. Неэтичный воротник, слишком достоверно имитирующий настоящий мех. Улыбка у нее была безмятежной и светлой. Разглядились едва заметные морщинки, а в вишнево-алых глазах зажглись теплые рубиновые искры.

Конечно, он ее отец. Может, дядя или старший брат, но скорее отец. Фамилия ничего не значит — она могла взять материнскую, или зарегистрировать официальный псевдоним. Они с Гершеллом даже были чем-то похожи на тех записях, что Клавдий успел найти.

Теперь-то он понимал, зачем этот человек пошел на это. Вчера, в аэроэбе, когда Клавдий поверил, что Тамары больше нет, он сам подумал об этом. Оцифрованное сознание, идеально синхронизированный аватар, подобранные алгоритмами реплики — этого никогда не будет достаточно, но это лучше, чем вечное молчание.

Он знал, почему вечное молчание лучше, но мысль, малодушная и черная, на несколько мгновений поглотила его целиком. Но Тамара была жива. А Марш Арто — жива?

— Почему куратор не сказал господину Гершеллу, что не стоит тебя создавать?

— Господин Гершелл убедил его, что я буду полезна обществу, — она все еще улыбалась, и улыбка все еще была светлой. А потом улыбка дрогнула в уголках ее губ. Сломалась, потянула их вниз. — Он такой... добрый. Единственный добрый человек, которого я знаю. Это... его куртка... память о его куртке... а я ведь только... только хотела, чтобы у него все было хорошо.

Анализаторы убежденности ничего не могли подсказать, но Клавдий столько работал с аватарами и их мимикой, что не сомневался, что она говорит искренне. Насколько искренне может говорить программа. Он ведь знал, как она выглядит изнутри — знал, как выглядит ее код без визуализатора, знал, какие алгоритмы она использует, чтобы подбирать слова,

которые говорит ему. И все равно не мог отделаться от чувства, что говорит с живым человеком. С уставшей, почему-то очень озлобленной женщиной, которой он благодарен.

— Мне очень жаль, — искренне сказал Клавдий.

— Если бы я могла — вlepила бы тебе репорт за неуместное озвучивание травмирующих речевых штампов, — оскалилась она.

— Жаль, что не можешь.

Она поморщилась и отвернулась.

— Какой на вкус концентрат у тебя в трубке? — спросил он.

— Горький. Маслянистый, очень плотный, с послевкусием гари... в Младшем Эддаберге дешевые концентраты выпускали без ароматизаторов и нейтрализаторов. Иногда от них болела голова, как от алкоголя. Очень неэтичный концентрат, у вас такие не одобряют.

— Нужно смешать твой неэтичный с моим слишком этичным, — усмехнулся Клавдий. — Может, вышел бы толк.

— Вышла бы почти безвкусная дрянь с навязчивой горечью. Ты... ты будешь заканчивать проект за который взялся?

— Да, — осторожно ответил он. Играть в метафоры с искусственным интеллектом всегда было опасно. — Но не сейчас.

— Клавдий...

— Мы обо всем с ним договоримся. — Он постарался придать голосу жесткости, на которую виртуальные помощники обычно сразу реагировали. — Мне нужно забрать Тамару, и теперь у меня есть законные основания. Мне нужно быть уверенным, что... она в безопасности.

Он понимал, что такие люди, как Поль Волански не отпускают просто так. Но он не собирался обманывать Поля — только собирался отложить окончание проекта. Чтобы работать, ему нужно тратить все свободное время, которое сейчас нужно Тамаре. А еще оно нужно, чтобы найти человека, который взорвал центр Лоры Брессон.

С этим Поль тоже сможет ему помочь. Если только сам Поль был не причастен к взрыву — на то, чтобы проверить, так ли это, тоже нужно было время.

— Ты никогда, — усмехнулась она, — не сможешь быть уверен. Понял? Весь ваш хренов мирок, с чистыми окошечками и ароматизированными сигаретками — такая же куча дерьма, как мой, только мой был честным. В Младшем Эддаберге если кто-то взрывал здание в реабилитационном центре... — Ее улыбка стала такой ядовитой, что только за нее можно было отправить репорт за нарушение эмоционального фона в общественном месте. — От такого человека оставалось двадцать литров формалинового раствора для очистки и сто пятьдесят четыре грамма пепла в общем контейнере.

— Если я найду того, кто взорвал... — начал Клавдий, но тут же осекся.

Дафна все слышит, даже когда молчит. И неизвестно, какие паттерны прописаны у Марш. И в конце концов есть вещи, о которых никогда нельзя говорить вслух.

— Вот как. Ты думаешь, что найдешь этого человека, и мир сразу станет прежним — безопасным и добрым? А что ты будешь делать с этим человеком, Клавдий? Пойдешь составлять официальный репорт на полторы сотни пунктов?

— Не твое дело, — улыбнулся Клавдий.

Убрал в карман остывшую трубку, отряхнул пиджак. Марш стояла посреди этого теплого цветущего сада в своей меховой куртке, похожая на замерзшую ворону, и Клавдий

никак не мог заставить себя думать о ней, как о программе.

Но это дело времени. Она позволяет себе много лишнего, она следила за ним, и у нее свои, совершенно не нужные ему цели.

Наверное, отец ее бросил. Переехал в Средний Эддаберг, создал себе помощницу, чтобы не мучила совесть. А Марш наверняка хочет, чтобы он нашел для нее путь домой, и она-настоящая могла еще раз поговорить с настоящим отцом.

Интересно, в Младшем Эддаберге можно оцифровать сознание? Есть у Марш Арто в Младшем Эддаберге виртуальный помощник Рихард Гершелл?

Какая разница. Нужно отряхнуться от некстати проснувшейся извращенной симпатии и благодарности к программе, вернуться к Тамаре и думать, как правильно составить репорт на мертвого директора центра Лоры Брессон. Вот что важно.

Можно еще послать этому Гершеллу официальную благодарность. Ему не будет лишней надбавка к рейтингу, Арто продвинется в рейтинге помощников на несколько строчек. Больше он ничего не может сделать.

Пока что. Но домой хочет Марш, не Рихард, а она еще молода, и наверняка может подождать. А потом — почему нет. Он доделает программную отмычку, отдаст ее Полю Волански. Марш встретится с отцом, и все будут счастливы.

Почему нет.

— Клавдий? — тихо позвала Марш, когда он почти дошел до ворот центра. — Я могу найти того, кто это сделал.

Он обернулся. Сад был пуст, но Клавдий чувствовал, как насторожились динамики и микрофоны, как прилипает к коже выжидающий алый взгляд.

Нужно отправить Дафне запрос на рецептурные эйфорины.

— Тогда у меня освободится много времени, — равнодушно ответил он.

— И ты мне поможешь?

— Да.

Клавдий постоял еще несколько секунд, ожидая ответа и разглядывая туман над просыпающимися цветами, а потом развернулся, плотно закрыл за собой дверь и перестал думать о женщине в черной меховой куртке.

...

— Молодец, — ядовито процедил Рихард, бережно расправляя складки ткани под вакуумным чехлом. — Отлично придумала, Марш. Когда мне выпишут штраф с пятью нулями и выдадут ачивку «отец десятилетия»?

— Это не я придумала. Это он сам придумал, сам поверил и сам себя похвалил, — фыркнула Марш. — Думаешь, я такая коварная? Я просто киваю, пока люди сами что-то сочиняют, а потом почему-то оказываюсь виноватой.

— Это плохая легенда, — вздохнул Рихард, скручивая чехол в тугий рулон. — Я подготовил такой красивый контент-план. Нашел твоему Клавдию хорошую охранную систему с низкой ценой показа, чтобы не забывал, что она ему нужна, подобрал социальные ролики с мертвыми детишками, чтобы он из дома поменьше выходил. А теперь ты прямо попросила его о помощи и придется вносить в план поправки.

Рихард раньше почти не занимался индивидуально-манипулятивным маркетингом. Конечно, он решал задачки вроде «как заставить конкретного человека купить конкретный продукт, который ему не нужен», но если бы он решал такие задачки превосходно, а не просто хорошо — его, скорее всего, перевели бы на курс политического маркетинга. Тогда

Рихард не думал, что политический маркетинг — замечательное занятие, а сейчас тосковал по упущенным возможностям. Никаких полоумных с синтетической взрывчаткой, его коллегам никто не был бы благодарен, а если уж кому-то и приспичило бы что-то взорвать, то оставалось бы только придумать, как пошутить про это на публичной встрече в официальном конвенте.

— Зато он меня установил, — равнодушно сказала она.

Рихард махнул рукой и отвернулся.

У Марш Арто было специфическое чувство юмора. Может, сейчас она бы посмеялась.

— Уверена, что на этих платформах безопасно? Слушай, я знаю, что ты выбираешь исходя из прошлых данных, а Марш желала мне зла, но сейчас я все бросаю и еду в какой-то сраный Валеин, чтобы тебе помочь, так что...

— Я уверена, — мрачно ответила она. — Я уверена, что на платформах безопасно, потому что знаю Поля Волански, и он на всю башку отмороженный... любитель кур, но он умный, и мы с ним заодно. И он не стал бы взрывать здание с обдолбанными спящими детишками.

Анализаторы по-прежнему молчали. Мудрый искусственный интеллект предлагал ему выбрать самому. Злой искусственный интеллект визуализировался в зажмурившуюся женщину, покачивающуюся на носках.

Рихард кивнул и стал сворачивать в рулон следующий чехол. Багаж он хотел отправить отдельно, но с удивлением обнаружил, что вещей у него не так много. На огромной кухне было мало тарелок, фужеров и кружек, а глубокие встроенные шкафы печально темнели полупустыми полками.

Он до сих пор не решил, брать ли с собой пса. Вообще-то дог был габаритным грузом, и Рихард не потрудился оформить его как обязательное средство терапии, потому что настоящей привязанности к собаке не испытывал. Но от мысли, что в его пустой и душной квартире останется замерший в ожидании электрический пес, Рихарду было тошно.

А если он его не дождется?

— Ты когда-нибудь мечтал завести электрического пса? — спросила Марш.

Заметила, как он разглядывает Вафи. Точно, заметила.

— А ты? — усмехнулся он, вспомнив фарфоровый черепаший панцирь.

— Нет, — равнодушно ответила Марш. — Электронные помощники ни о чем не мечтают. Даже об электрических щенках.

— Даже вернуться к Леопольду?

— Это не моя мечта. У тебя входящий вызов от Питера Легасси.

— Опять?! Скажи, что это не из-за тебя. Скажи, что он хочет пожелать мне удачного пути.

— Это из-за меня, — пожала плечами Марш. — Он, кстати очень недоволен. Только что на кого-то так орал, что заплевал транслятор.

— Отлично, — проникновенно ответил Рихард, принимая вызов. — Питер, голубчик, не стоит ли нам отложить разговор? У вас сосуды в глазах, кажется, вот-вот...

— Господин Гершелл, — процедил Питер. Он действительно был бледен, а его серые губы почти не размыкались, когда он говорил. — Вы не скажете, зачем вам потребовалось пытаться обойти платный блокировщик у нелегальных треш-конвентов? Если у вас есть подобные склонности, вам стоило указать это в анкете, и я выдал бы вам доступ к легальным еще пять лет назад...

— Погодите минуточку, Питер, — безмятежно попросил Рихард, отключая камеру и микрофон. — Ну и какого хрена?

— Прости, — неожиданно сказала Марш. — Ты сказал не брать твои деньги, я выбрала такой алгоритм как самый вероятный.

Ну еще бы, она выбрала вариант, при котором у него точно будут проблемы. Вот если бы Рихарда все еще волновало его положение в городе. Если бы ему не предлагали должность младшего помощника медиабайера, если бы не ждали от него, что он будет радоваться подачкам с социального дна их благополучного мирка. Вины Питера, конечно, в этом не было — Рихард сам выбрал мечту о социальном дне. Только вот это не значило, что он будет и дальше за эту мечту цепляться.

Рихард закатил глаза и включил камеру.

— Я очень рад, что вы нашли время со мной поговорить, господин Гершелл, — процедил Питер. Рихард отвлеченно смотрел, как он сжимает кулаки. Между пальцев виднелись светлые пряди выданных волос.

Видимо, за такую выходку подопечных полагался серьезный штраф. Рихард должен был злиться, но ощущал только веселое злорадство. Подопечные Рихарда были куда изобретательнее, и он не то что ни одного волоса не выдрал — ни разу укладку из-за них не испортил. Много чести.

— Ваша сеть сильно отличается от той, что была в Младшем Эддаберге, Питер, — улыбнулся он. — Сожалею, я действительно забрел не туда. И не сразу понял, куда попал.

— Поэтому вы четыре часа пытались взломать доступ?

— Я думал, это конвент с котятами. Общение с котиками в конвентах снижает уровень стресса на 46 %, вы знали?

— Там были выпотрошенные котики, господин Гершелл, — выдохнул Питер.

— Такой уж у меня стресс, Питер. Переезд, адаптация, травмирующие воспоминания, связанные со взрывом — сами понимаете, — пожал плечами Рихард. — В сети Младших городов не было запрещенных конвентов, только закрытые возрастной цензурой. Кстати, а вы не должны были провести какие-нибудь мероприятия, связанные с ликвидацией стресса после моего столкновения с воспоминаниями о травматическом переживании?

— Если что-то нужно вскрывать четыре часа — значит, это запрещено. То есть не запрещено напрямую, но очень, понимаете, очень остро не рекомендуется. Это почти одно и то же, это я вам точно объяснял. — Питер выглядел злым и растерянным. На вопрос он отвечать не стал.

Рихарду даже стало его жаль. Он уже знал, что мальчишка в первый раз взялся за адаптацию, и явно понадеялся на хорошие характеристики, возраст и профессию. Думал, что пожилой мужчина, посвятивший жизнь реабилитации оступившихся, не станет ломиться в конвенты с выпотрошенными зверушками и запрещенной порнографией. И пытаться работать без лицензии. Рихард бросил быстрый взгляд на незастегнутый чемодан и снова улыбнулся.

— Хотите, я запишу объяснительную для вашего начальства? — миролюбиво предложил он. — Могу вас заверить, никакого умысла у меня не было. Даже скажу, что вы провели все мероприятия по борьбе со стрессом, только вы опишите, что мне врать.

Питер судорожно вздохнул. Пес вдруг взвился и глухо зарычал у Рихарда за спиной.

«Ничего себе у мальчишки невербальная агрессия, даже собака чувствует», — лениво подумал Рихард.

Ему все еще было все равно. Потому что теперь Питер напоминал пациентов «Сада», и потому что Рихард больше не хотел становиться частью общества.

— Если вам в следующий раз понадобятся потрошенные трупы — напишите, я пришлю вам экспресс-доставкой. — Экран погас раньше, чем Питер успел договорить.

— Аве, Дафна. Репорт, — вздохнул Рихард. — За нарушение субординации, травмирующую критику пристрастий...

— За угрозы психическому здоровью и эстетической стабильности, а также за возможную угрозу нанесения несовместимых с жизнью травм животным и — или — людям, — подсказала Марш.

— А его не обнулят? — засомневался Рихард.

— Нет, но пока будут таскать по проверкам — ему будет не до тебя.

— За угрозы психическому здоровью и эстетической стабильности, а также за возможную угрозу нанесения несовместимых с жизнью травм животным и — или — людям, — повторил Рихард. — Оставление подопечного в стрессовой ситуации по халатности, оставление в стрессовой ситуации после прямого указания на стрессовую ситуацию, и...

— Не боишься, что он потом от тебя вообще не отстанет? — Марш приподняла бровь и сморщила нос.

— И все, — закончил Рихард. — А теперь скажи мне, что тебе понадобилось в запрещенных треш-конвентах.

Нет, дога точно придется брать с собой. Пес лежал, вытянувшись вдоль дивана, и вяло стучал хвостом.

А Марш молчала.

Он подождал еще несколько секунд — отвечать она явно не собиралась.

— Слышишь, аве-Арто? На кой тебе дохлые котики?

— Не котики, — наконец ответила она. И снова замолчала.

Рихард глубоко вдохнул. Застегнул чемодан, проверил ошейник Вафи, а потом задал другой вопрос:

— Если бы у тебя были деньги — ты смогла бы анонимно получить доступ?

— Да.

— Ты такая умная, Марш, — вздохнул он. — Чуть меня не подставила тогда, дома. Но иногда ведешь себя как на всю башку волшебная дура. Бери деньги и смотри своих котов.

Он отвернулся.

Мебель была закрыта серебристыми шуршащими чехлами — Рихард не знал, когда вернется. Если он и любил что-то в Среднем Эддаберге хоть немного — это дом. Большую кухню, темную спальню и торжественно-белую гостиную. И ему не хотелось, чтобы его диваны и столешницы покрывала пыль.

Экспресс должен был прийти через полтора часа. Пожалуй, он поторопился.

Марш невозмутимо уселась прямо на чехол и включила главный экран. Его Рихард уже заклеил голубой отражающей пленкой, и картинка блюрилась совсем как в повязке у Марш.

— Ты смотреть собралась? А не можешь по кадрам пробежаться и найти, что тебе там надо?

— Я выключу, — глухо сказала она. — Можешь идти.

Он раздраженно вздохнул и выдвинул ручку чемодана. Рихард чувствовал, что заигрался, и ему не нравилось это чувство — он даже не подумал, что можно оставить ее,

потому что дверь открывалась только его браслетом.

Постояв несколько секунд, он отпустил ручку и сел рядом с ней. Чехол зашуршал, и Марш едва заметно поморщилась — она забыла добавить звуковой эффект, когда садилась.

— Смотри, — бесцветно сказала она. — Эта подписка стоила тебе четырех пособий. Самый дорогой контент во всем Среднем сегменте.

Рихард посмотрел. Ничего интересного он на экране не увидел: собаки ели труп. Морды у собак были грустные, труп наполовину укрывал бурый мох. Рихард готов был поспорить, что труп тоже был не особенно рад.

— Оно того не стоило, — заметил он.

Несколько минут они равнодушно смотрели за меняющимися записями — обычная порнография, порно с животными, видеоотчет о развитии сепсиса после приема нелегальных эйфоринов, мужик в белом поварском кителе протараторил под запись, что голубей нашел уже давно дохлыми, а потом принялся варить из них суп. Рихарду было скучно, он не хотел опаздывать на экспресс и ощущал легкую досаду от того, что ему совсем не любопытно, станет ли мужик этот суп жрать. Раньше он был как-то больше открыт миру и новым впечатлениям.

— Марш, на кой хрен мы это смотрим? — не выдержал он.

Мужик на экране переливал суп в пластиковую супницу, имитирующую фарфор. Самым увлекательным для Рихарда были рейтинги — каждая запись снабжалась пояснительным табло с количеством зрителей. Он быстро вычислял, сколько процентов зрителей выразили бы одобрение, сколько не пожалели бы денег на полноценный донат, переводил значения в баллы — правда привычные, из Младшего сегмента — и тоскливо думал, что у него таких успешных эфиров никогда не было. И быть не могло.

— Это местные рейтинги, — глухо сказала Марш. — Люди, которые это делают, нихрена не получают от этих просмотров.

— Почему?

Мужик с супом наконец-то сменился разлагающимся оленем и женщиной в пышном розовом платье. Рихард не сразу понял, что она собирается делать, а когда понял решил, что идея с глазом была вполне ничего. Стильно, сдержанно, утилитарно.

— А ты присмотрись.

Рихард присматриваться не хотел. Марш фыркнула и сменила оленя на вполне невинную домашнюю запись, и он малодушно понадеялся, что она уже все посмотрела и больше файлы менять не будет.

Но потом он все-таки пригляделся.

На людей он смотрел недолго — люди, тем более голые, везде были одинаковыми. Но на записи были не только люди.

Была комната, освещенная белыми гирляндами и круглым зеленым глазом кольцевой лампы за спинкой кровати. Было постельное белье с дешевой фотопечатью. Краска пачкала кожу и тускнела после первого же использования.

Рихард точно знал, что видел. Безошибочно чувствовал по выгрызающей разум ожившей тоске, по холоду, перчаткой обнявшему руку. Слышал в скулеже пса, которому не мог, как Дафне, запретить реагировать на перепады его настроения.

Эти люди, эта комната без окон, белье, кровать, гирлянды и поганая лампа не могли существовать ни в одном из Средних городов. Это было особенное, завораживающе родное убожество Младшего сегмента.

— Они покупают контент, — тихо сказала Марш. — Там, в Младших городах. У поставщиков длинные и путаные цепочки, я в них долго разбиралась. Официально поставщикам никто не платит, но там такие суммы, Гершелл, ты таких никогда не видел. Такие просто нельзя заработать без официальной поддержки.

Она сидела неподвижно, и экран бросал цветные блики на ее лицо.

— Здесь нельзя изготовить ничего подобного — Дафна не позволит. Только если напихать полный браслет рыбьих костей, но потом она проанализирует запись, вычислит участников и будет ругать, пока все не сдохнут.

— Ты говорила, что могла бы здесь снять эфир. — Рихард незаметно сжал левое запястье, запирая боль. Воздух вдруг стал липким и теплым. — Говорила, что нужно только подписать соглашение...

— Попробуй получить у Дафны разрешение на превышение нормы алкоголя.

— Но я могу выпить больше нормы. Хоть спиться нахрен, просто она будет выписывать штрафы, и штрафы с каждым превышением будут...

— Ты и глаз можешь себе вырезать, никто не запретит, — равнодушно сказала она. — Только тебе в аптеке даже обезболивающее не продадут, потому что Дафна штрафами и выговорами уронит блок медицинской страховки.

Он представил, как Марш проснулась бы после эфира и не смогла получить в аптеке свои антибиотики и эйфорины. Стала бы она принимать запрос на эфир, если бы знала, что не сможет себе помочь?

Наверное, Марш ответила бы, если бы он спросил. Но он не хотел знать.

Рихард снова посмотрел на экран. Надеялся, что там все еще тривиальная порнография, но на самом деле он прекрасно знал, что там увидит.

Он смотрел эту запись много раз. Наизусть ее знал.

Вот серебристое лезвие ножа и его витая рукоятка, серые глаза — восторг и эйфоринный кураж — россыпь белых салфеток на темном полу. И короткий момент, когда кураж спал, а лицо сделалось растерянным, а потом печальным, таким печальным, будто Марш уже тогда знала, что никому не поможет, но остановиться уже не могла.

Рихард отвел взгляд, когда лезвие вошло в уголок глаза. Сейчас он смотрел на рейтинг в углу. Значение, накопленное от предыдущих просмотров и платежей в десятки раз превышало рейтинг оригинального эфира. И значение росло — последние четыре цифры медленно сменялись. Вот изменилась пятая с конца. Кто-то смотрел эфир прямо сейчас. Кто-то кроме них. Кто-то отправлял очки симпатий на закрытый счет.

Если бы Марш получила четверть от этого рейтинга — она оплатила бы Леопольду любое лечение, сняла бы ему и себе по нормальной квартире и до конца жизни могла бы не следить за словами и курить в общественных местах. Но она не получила от этих просмотров ничего.

— Кто-то дронит на этот эфир, — с ненавистью выдохнула она. — Прямо сейчас. У него хреновая анонимка. И в истории просмотров таких пара сотен. Еще одна девица, кажется, смотрит эфир раз в неделю и рыдает. Я знала, что так и будет. Но думала, что это честная сделка.

Марш на экране лежала на боку, и мобильная летающая камера навязчиво тыкалась ей в лицо. Кровь заливала широко распахнутый серый глаз. Мокрые волосы липли к коже алыми узорами.

Рихард не знал, что ей сказать.

— Она бы злилась, — вдруг сказала она. — Марш бы злилась. Разбила бы что-нибудь, а потом сделала бы какую-нибудь отвратительную, мерзкую подлость и упивалась ей, запивая бисквиты с социальных полок теплой водкой. Ей было бы хорошо. 93 %.

— Я... могу заказать в экспрессе бисквиты и теплую водку, — осторожно сказал Рихард, глядя, как по густой, блестящей крови, покрывшей ее щеку, ползут прозрачные капли.

— Мне это не поможет. Ей это не помогало. Это глупо, — в ее голосе промелькнула растерянность. — Нужно что-то другое.

Он молчал.

Там, на грязной и холодной платформе, в отгоревшем прошлом, лежала мертвая женщина, укрытая его белым пальто. Она никогда не станет живой. Не будет жить даже в виртуальном памятнике, в который он пытался ее заманить, потому что цифровая копия отчего-то решила не делать подлостей и не пить теплой водки.

— Ты можешь заплакать, — наконец сказал Рихард.

По ее лицу покатались анимированные слезы. Как-то вдруг покраснели глаза — она запоздало вспомнила, что нужно анимировать еще и такую реакцию.

— Не помогает, — хрипло сказала Марш. — Как надо? Я не помню... Нет, подожди...

Она закрыла глаза. По лицу прокатилась синяя рябь помех. Поползла искрами по шее, затекла за ворот черной рубашки. Собралась в густо-синюю лужу на груди, а потом часто запульсировала то меркнувшим, то вспыхивающим светом.

Несколько секунд она сидела в абсолютной тишине, не добавляя никаких звуков анимации. А потом исчезла, оставив Рихарда с застегнутым чемоданом, экраном с замершим финальным кадром и скулящим псом.

Он вздохнул и выключил экран. У него еще был шанс успеть на экспресс.

Глава 9. Лучшая благодарность

Рихард понятия не имел, с чего ему вздумалось заходить в универсальную храмовую комнату порта. До отправления междугороднего аэробуса оставалось пятнадцать минут, ему нужно было устроиться на ярусе третьего класса — с другими людьми, что было непривычно и отвратительно. Даже Марш не стала злорадствовать и напоминать, что он теперь нищий и рейтинг у него в социальной зоне. А может, она просто не знала, что можно лететь в отдельной каюте.

И вместо того, чтобы выпить в порту или попытаться убедить себя, что коммуникации полезны, Рихард поперся в белую комнату, посреди которой стоял черный универсальный алтарь. В спертom воздухе висела незнакомая отдушка, пахнувшая прохладным дымом.

— Можешь мне не верить, но та башня правда вызывала у меня сентиментальные чувства, — сообщил Рихард алтарю.

— Я была уверена, что это компенсаторный фаллический символ, — мрачно ответила Марш. — Так в старых пособиях писали, я у Леопольда брала читать.

Рихард не хотел знать, что Марш при жизни нашла время подумать о его потенции. Нужно было понять, зачем он сюда пришел, и уйти как можно скорее — посадка должна была начаться.

— Аве, Дафна, — позвал он. — Число погибших в центре Лоры Брессон.

— На данный момент число погибших составляет шестьдесят шесть человек, — бодро отрапортовала она.

Дафна реже путалась в интонациях, но ошибалась она всегда в неуместные моменты. Может, ее создатель тоже наделил ее особым чувством юмора?

Рихард провел браслетом по алтарю.

— Шестьдесят шесть...

— Шестьдесят семь человек, — сообщила Дафна.

— Шестьдесят семь диодов, — скомандовал он.

Несколько секунд безучастно смотрел, как на черной поверхности загораются желтые пятна, имитирующие живое пламя. А в Младшем Эддаберге зажигали лампочки.

Если бы Рихард знал, что здесь диоды анимированы в виде свечей — ни за что не стал бы заходить. Ему и так казалось, что это он принес пламя, которое сожрало центр.

Он быстро оглядел комнату. Марш все-таки подключилась к его транслятору, и сейчас стояла у алтаря, склонив голову набок. Равнодушная и прозрачная. Рихард спросил, подожгла ли она центр, и она ответила «нет». Нужно продолжать ей верить.

Рихард вышел не оглядываясь. Задумавшись, поднялся по трапу, позволил входному люку с шорохом закрыться у себя за спиной, и даже сел в кресло не оглядываясь. Широкое, мягкое кресло, с этично-недостовверной обивкой под кожу. А в соседнем, таком же этичном кресле, сидела молодая женщина, прижимающая к себе завернутого в лиловое покрывало младенца. Женщина мечтательно улыбалась.

— Марш, ну какого хрена? — быстро набрал он на браслете.

— Ты сказал «купи билеты на ближайший рейс», — фыркнула она. — В следующий раз проси Дафну, я взяла первый попавшийся.

— Спасибо, — вслух сказал Рихард, постаравшись вложить в интонации как можно больше признательности, чтобы женщина не отправила репорт за нарушение какого-нибудь

сраного эмоционального фона.

Достал из ручного кейса виртуальные очки, долго пытался приладить их так, чтобы никуда не съезжали и не давили на нос — он до сих пор не привык к местной форме — а потом опустил черное забрало, фиксирующееся на подбородке. Теперь можно было отдавать голосовые команды и не беспокоиться о репортах от соседей.

— Стенд.

В черной комнате стоял белоснежный светящийся стенд с поблескивающим экраном. Рихард предпочитал выбирать конвенты вручную, поэтому каждый раз, надевая очки, он оказывался в пустом пространстве, которое ничем не хотел заполнять. Пусть будет только чернота и зависший в ней стенд. Потом очки дорисуют то, что он выберет.

Он быстро листал разбитые по темам списки — пустой с играми, короткий список симуляций, пестрящий иконками и обложками — музыкальный, визуализированный рисками книжных корешков, список мейкеров, которые он использовал в основном для создания Марш, еще десяток списков с информационным бараклом, и наконец — черные с красным значки новостных конвентов.

Рихард хотел знать, кто взорвал центр. Он уже был связан с этим человеком, ведь это он принес в Средние города чертежи пауков, которым даже форму не потрудились изменить. Несколько часов назад они с Марш смотрели купленные в Младших городах эфиры, и Рихард мог бы сказать себе, что чертежи могли купить вместе с порнографией и треш-контентом. Но он не верил в такие совпадения.

В молодости Рихард любил старые детективы. У него даже рабочий аватар был в виде сыщика, которому пятьдесят выпусков анимированных слайдов оставался день до пенсии. Тогда он сочувствовал, теперь — завидовал, ведь сыщик в последнем выпуске отказался выходить на пенсию.

Кроме пенсии и винтажного плаща у него с тем героем ничего общего не было. Рихард понятия не имел, как искать террориста, никогда не работал с сыскными программами, и ничего не знал о работе с людьми, которые совершали настоящие преступления. Зато знал, как распространяется информация, как делаются новостные и аналитические эфиры, и как ведут себя те, кто хочет отвести от себя подозрения. Он сам себя так когда-то вел.

А еще он знал, что иногда достаточно просто найти того, кто выиграл больше всех.

Рихард глубоко вздохнул и выбрал официальный раздел. Хотел зайти на местный уровень, но потом решил, что взрыв — слишком значимый инфоповод, чтобы о нем не говорили по междугородним каналам.

Он сделал шаг вперед, и темнота треснула, осыпалась под ноги, обнажив серо-голубые стены студии.

Ведущая — анимированная кукла с огромными серебристыми глазами — сидела в горчично-желтом кресле, закинув ногу на ногу. Белоснежная фарфоровая нога с серебряным, в тон глазам, шарниром. Рихард знал, что если решит прикоснуться к ней, она будет гладкой и холодной. И его тут же выбросит из конвента.

В кресле напротив сидел приглашенный эксперт в строгом черном сюртуке с золотой вышивкой на плечах — не то ветви, не то рога, не то странные эполеты. Если он правильно помнил, такие узоры полагались карабинерскому управлению.

Рихард молча сел в третье кресло, бросил быстрый взгляд на рейтинг эфира — сейчас в этом же кресле кроме него сидит сто семьдесят три тысячи человек. И каждый думает, что обращаются именно к нему.

Рихард знал, что такие манипуляции повышают уровень доверия примерно на 14 %, а значит, доверять всему, что скажут в таких конвентах совершенно не обязательно. Это всего лишь официальная версия.

— Запускай.

Женщина в кресле ожила. Моргнула, растерянно улыбнулась, растянув розовые фарфоровые губы.

Интересно, не Клавдий ли ее анимировал?

— ...Трудные времена, — скорбно произнесла она, — мы уже забыли, что значит «трудные времена». Наверное, в этом наша непростительная ошибка...

— Нет никаких «трудных времен», — перебил ее мужчина. — Мы еще ни разу не пропускали пятничных эфиров. Всегда находятся люди, которые не хотят жить в обществе, и мы не вправе их заставлять. Мы не вправе отказывать людям, желающим умереть так, чтобы...

Рихард раздраженно махнул рукой, на миг растянув пространство конвента. Потянулись за его пальцами стены, рты и руки аватаров. В следующую секунду пространство снова стало четким, а аватары сменили позы.

— ...бли шестьдесят четыре человека, — скорбно сообщила ведущая. — У нас есть две чудесные истории — одну девочку вывела электронная помощница...

— Мы уже проводим проверку, — перебил ее карабинер, — нужно выяснить, почему помощница этой девочки так и не включила сирены...

Он отвернулся от камеры и посмотрел Рихарду прямо в глаза. Рихард понимал, что смотрит он на универсальный аватар в кресле, но поспешно ударил по подлокотнику, останавливая эфир.

— Аве, Ар... ты уже здесь. И что ты собираешься...

— Третье управление, Дознающий и Исправляющий отделы уже провели необходимые проверки, — доложила она скрипучим механическим голосом. — Вам предъявлены обвинения в несоблюдении базовых требований при создании помощника. В создании потенциально опасного, заведомо дефективного программного обеспечения, известные недостатки которого повлекли человеческие жертвы.

Рихард не сразу заметил, что его кресло медленно краснеет — со спинки к подлокотникам ползли багровые тени, пожирающие горчичную мешковину. На ее месте оставался алый бархат.

Он вскочил с кресла прежде, чем успел подумать, зачем это делает. Инстинктивно погладил жесткие манжеты рубашки, убеждаясь, что на запястьях нет эластичных удерживающих лент.

— В вашей программе отсутствует отметка о прохождении необходимого при работе с программным обеспечением инструктажа, — равнодушно доложила Марш. — Претензия и последующие обвинения перенаправлены и будут выдвинуты вашему куратору. Вам назначена компенсирующая надбавка, которая поступит на ваш счет в течение трех суток с момента утверждения указа...

Кресло вновь стало желтым, а Рихард снова задумался о том, как славно было, пока Марш оставалась мертвой.

А потом вспомнил, как решил вернуть ее. Как направил Питеру несколько заявлений на создание помощника с возможностью добавления в общую базу, на работу в центре моделирования и на консультации специалистов. Даже вспомнил, как смотрел серию

лекций по анимированию, записанных Клавдием Франгом — только вместо человека, которого он видел на записях из центра Брессон, лекцию вел дорогой, сложноанимированный аватар с птичьей головой. Доступ к лекциям ему дал Питер. После инструктажа. После того, как Рихард подтвердил прохождение индивидуальным кодом и официальной подписью.

— Мать твою, Арто, — пробормотал он, опускаясь в кресло.

Провел ладонью по лицу и ничего не почувствовал — в его портативных очках не было тактильной модификации. От несоответствия по ладони расползлся навязчивый зуд, и почему-то начало покалывать кончик носа.

Зачем он вообще заходил в конвент? Посмотреть новости?

С чего ему вообще приспичило смотреть новости и зачем их смотреть сейчас, если в любой момент карабинеры обнаружат подлог, и Рихард с красного кресла уже не встанет?

— Дела мигрантов из Младших городов всегда рассматриваются на особых условиях, — по-прежнему механически сказала Марш. — Каждый год подается более полутора миллионов заявлений на переселение. Каждое заявление рассматривают четырнадцать ведомств, по шесть инстанций в каждом. Кураторов обучает одна платформа и назначение одобряется одним ведомством. Четырнадцать ведомств и шесть инстанций в каждом ведомстве не могут ошибаться, господин Гершелл. Это слишком дорого. Ошибки кураторов обходятся дешевле.

Рихард успел подумать, что теперь «дефективное программное обеспечение» должны доработать, но мысль пришлось прогнать. Все равно сейчас обсудить ее не выйдет. И какое ему, в конце концов, дело. Если ее отучат так шутить — он отметит это невероятное событие бутылкой того дрянного ликера. Потому что нормального алкоголя Марш и ее чувство юмора не заслужили.

Он махнул рукой, запуская выпуск.

— У нас есть две чудесные истории — одну пациентку вывела электронная помощница, а вторую спас ее лечащий врач. Господин Берхард Колдер...

— Господин Берхард Колдер тоже не включил сирены, — раздраженно перебил ведущую карабинер. — Мы с удовольствием допросим его как только врачи дадут разрешение...

Рихард усмехнулся. Судя по забежавшему взгляду, ему только что начали приходить репорты.

— Разумеется, речь идет в первую очередь о получении сведений, которые помогут найти виновника...

Много репортов, вон как дрожит голос. Интересно, кто такой этот Берхард Колдер, если общественность так остро реагирует на упоминания о нем?

— Давайте поговорим о виновнике! — оживилась ведущая. В ее глазах не осталось ни смирения, ни скорби. — Какова вероятность, что этот человек устроит еще один взрыв?

— Нулевая...

Стены конвента вспыхнули красным.

— Мы определили круг наиболее вероятных...

С потолка на пол ползла бордовая тьма. Лицо ведущей перекосила торжествующая улыбка — ну как же, представитель власти так просто облажался в ее конвенте. Рихард лениво подумал, что если он сейчас не поленится, уточнит имя карабинера и попытается найти такого сотрудника хоть в одной базе — ему это не удастся. А если найдет, это будет

«засекреченный» профиль без фотографий.

Смотреть стало неинтересно. Он и так знал, что сейчас начнется — свалка. Подключатся запасные эксперты — вот уже появляются новые пустые стулья — красное освещение выключат, зажгутся «честные» белые лампы, и до конца эфира люди будут орать друг на друга под встревоженное кудахтанье Дафны. Предчувствие скандала сгущалось, текло по стенам нагнетающей краснотой, а Рихард с тоской думал, сколько же подобного дерьма ему придется пересмотреть. Сколько таких скандалов он сам устраивал, сколько таких эфиров выпускал — все они были одинаковы. Заканчивались сорванным горлом и темнотой, притаившейся в глазах и изредка кусающей за веки, но Рихард должен был признать, что до сих пор не придумал лучшего способа не говорить на трансляции правды.

О затылок сухо потерлась головная боль.

Рихард остановил эфир и вышел из конвента.

— Берхард Колдер, — произнес он в пустоту.

Перед ним разом зажглись сотни окон.

— Фильтровать, — раздраженно прищурился он, бесполезно прикрывая глаза рукой. —

По дате: не старше сорока восьми часов... по рейтингу: сначала популярные...

Марш стояла рядом с ним и смотрела все так же равнодушно. Рихард не стал с ней говорить. Шагнул в третье окно и оказался в полной синего свечения комнате. В центре стояла ортопедическая кровать, укрытая мутным защитным куполом. Воздух под ней напоминал формалин в саркофаге Марш.

Вокруг купола были расставлены одинаковые черные вазы-кубы, в которых замерли облитые синим светом виртуальные букеты. Некоторые валялись прямо на полу — наверное от тех, кто не захотел доплачивать за вазу.

Здесь было хорошо. Тихо, и свет такой мягкий, синий — может, стоило попроситься на неделю в такую палату под капельницу с рецептурными эйфоринами? Кажется, его страховка это вполне позволяла.

— Берхард Колдер, — приветливо сообщила ему медицинская программа, визуализированная в девушку в почти не вульгарном белом халатике. — В состоянии временной стабилизирующей комы. Вы можете дождаться выведения пациента из комы — это произойдет через три дня. Вы можете на него посмотреть — характер повреждений признан эстетически безопасным. Вы можете записать для него платное послание или выразить эмоции платными очками симпатий — все деньги будут направлены на...

От очков, плохо поставленных эфиров, а может и от духоты в экспрессе, снова заболела голова.

— Тишина, — поморщился Рихард. — Тишина лечит, милочка.

Характер повреждений и правда был эстетически безопасным — Берхард Колдер отделался переломами. Или ему успели восстановить лицо. Но в синем свете защитного купола старик на слишком широкой ортопедической кровати казался мертвым. Рихард рассматривал его молча. Тяжелые веки и почти неразличимая линия рта были пришиты к лицу глубокими морщинами. На руках пульсировали ничем не прикрытые рукава портативных капельниц. Рихард смотрел и думал, почему прошлое иногда дотягивается так странно. Почему дробится на тысячи отражений, одно другого уродливее, чтобы одно из них обязательно настигло в неподходящий момент.

А за ним настигли и остальные. И в синем свете конвентов и при живом солнце нет покоя.

— Открыть сопровождающий материал в текстовом формате, — хрипло сказал он.

— Давай лучше я тебе покажу, — равнодушно предложила Марш. — Смотри туда.

Она указывала в темноту у купола. Рихард смотрел, как открывается второе окно, и думал, что ошибался, когда решил, что хуже голубей Марш ему уже ничего не покажет.

Конвент был оформлен бежевым и золотым, с редкими черными акцентами. В глубоком кресле с вычурной спинкой и слишком высокими подлокотниками сидела тощая, заморенная женщина в черном платье. Половину ее лица укрывала противоожоговая повязка. Рихард равнодушно смотрел, как из-под повязки вытекает синий охлаждающий гель. Судя по всему, это была живая съемка, а не запись с дублирующим аватаром. Аватару не удалось бы передать столько злости и вместили в единственный видимый глаз столько чувств — от ненависти до отчаяния.

— Вы нихрена не понимаете! — хрипела она невидимому ведущему. — Что значит «этически спорная ситуация»?! Да я бы сдохла в вашем ...дском центре, если бы он давал мне все лекарства, которые вы мне навъписывали! Не смей меня запикивать...зда! Господин Колдер больше людей в итоге спас, чем все ваши ...ыные врачи! Может, потому что он добрый человек, а может еще потому что ему уже на себя насрать — а, надо же, всем внезапно стало интересно, чем он болен, вот очнется — сами у него спросите. А раньше никому дела не было... Затолкай свое «соболезную» обратно себе в пасть!

Экран погас.

— У Колдера сломаны ребра, челюсть, правая рука и обе ноги, — буднично доложила Марш. — Эта женщина, Хельга Соркин — его пациентка. У нее, кстати, ни одного штрафа за агрессию или какое-нибудь асоциальное поведение. Потеряла мужа — он пытался накрутить себе рейтинг. Купил у мошенников несколько тысяч пустых баллов, прожил с ними полчаса, а потом Дафна его обнулила. Колдер сказал, что ей не нужно пить таблетки. Колдер сказал, что ей все равно придется переживать потерю, и что он поможет это сделать. И он смог вывести ее из центра, потому что она тоже не заснула сразу после укола, но сам остался под завалами. Правда недалеко от выхода, поэтому его успели вытащить. А еще он тяжело болен.

Рихард молчал. Марш говорила равнодушно, а в глазах у нее горело торжество, и Рихард слушал, слушал что она говорит — другие слова, не те, что она произносила.

«Смотри, — говорила она, — смотри, здесь тоже есть такие люди, как Леопольд. Здесь они тоже беспомощны и больны. Здесь тоже есть люди, которым не могут помочь, здесь за сострадание ломают ребра и выставляют в общественный конвент. Ты рад своему новому миру, Гершелл?»

— В капельнице... синтетический морфин, а в другой — легальные эйфорины... потому что ему больно и он боится смерти... — пробормотала Марш, и ее голос потрескивал рассыпающимся равнодушием. — Бесси тогда, в последний день, говорила слово «реприманд». Случайность и выговор. Неожиданность и штраф... Вот ведь неожиданность, Гершелл...

— Мне не нравится эта история, — сказал Рихард. — Посмотри на статистику посещений, — он кивнул на неприметное табло, выведенное на изолирующий купол. — Его всем показывают. О нем говорят в крупных конвентах. Это очень удобно — персонаж-герой с понятными слабостями и личной драмой. Можно обсуждать Берхарда Колдера и не спрашивать, кому и зачем выгодно было взрывать центр.

«Смотри, — говорил он, — смотри, они же обманывают тебя. Ты ведь любила

настоящие вещи и настоящие поступки. Неужели не видишь — это не Леопольд. Не настоящая история, не верь ей. Я знаю толк в ненастоящих историях, Марш. Этой не нужно верить».

Марш стояла, склонив голову к плечу. Рихард не заметил, когда на ее плечах появилась куртка с черным мехом. Не заметил, когда с ее лица смыло все новые выражения, и на коже расплзлись знакомые упрямые и угрюмые морщинки.

— Младший город, — процедила она, — Средний город. И нет такого, где хороший человек в конце не останется один со своей болью и синтетической наркотой. Колдер плохо соблюдал рекомендации Дафны потому что слишком много работал. И когда он заболел, когда у него был шанс не запустить болезнь, у него не хватило баллов по страховке на полноценное лечение. Пошло все нахрен, Гершелл.

— Не бывает таких совпадений, Марш, — тихо сказал он. Вдруг она поймет, что он говорит искренне, что ему не все равно — и поверит ему, не вобьет себе в пустую башку очередную чушь и все не закончится как в прошлый раз. — Пауков, спасенной пациентки, которую лечили не по программе, больного врача с принципами, взрыва — не бывает. Просто так не бывает.

А может ли все закончиться как в прошлый раз?

Она не смотрела на него. Стояла, плотно сжав губы, и он видел, как под ее кожей словно расплзаются натянутые проволочки. Она смотрела так в той жизни, в которой ненавидела его.

Настоящая Марш Арто в настоящей жизни.

Рихард молча оплатил букет — лохматый веник из лютиков, васильков и левкоя. Такие цветы никогда не сажали люди, чтобы не быть несчастными. Он бросил букет на пол и вышел из конвента, оставив Марш смотреть на синий свет, отделяющий ее от спящего человека, который не был Леопольдом Вассером.

...

Через пять дней после взрыва в центре Лоры Брессон, Клавдий перестал надевать очки для посещения конвентов. Там его подстерегали только новости и обязательная к просмотру социальная реклама. Тысячи записей с места взрыва, из больниц и моргов — изуродованные, обгоревшие, изломанные люди в белых пространствах больничных палат и прозекторских. Пришитые к ним индивидуальные помощники в строгом сером трауре — они предлагали рассказать историю, показать фотографии и записи, просили денег на лечение и похороны. Денег для родственников, денег для центров реабилитации, очков симпатий для поднятия рейтинга, платного виртуального барахла для сохранения эмоционального фона.

Просили, требовали, умоляли — каждую минуту кто-то настигал его, хватал за руки и говорил, говорил. Десятки осиротевших или еще надеющихся спасти своих хозяев помощников. Модификации Дафны, мужчины, женщины, дети, анимированные звери — все они тянулись к нему, шептали, что он-то должен их понять. Что нужно уметь быть благодарным, и что лучшая благодарность — та, которая чего-то стоит.

И Клавдий бежал из сети, снимал очки, закрывал доступ к своему профилю, даже оплатил пространство без рекламы для всех домашних мониторов. Но по ночам ему все равно снились пустые окна конвентов, висящие в черноте пустого экрана, и та женщина в черном — Марш Арто, помощница его дочери. Снилось, как она бродит между этих окон, презрительно кривит тонкие губы и щурит злые глаза, но пытается, пытается собрать деньги на похороны Тамары.

А Тамары в его снах не было. Клавдия на несколько дней отправили из центра домой, и первые сутки он спал, выпив всю дневную норму разрешенных эйфоринов — там, в центре, ему не удавалось уснуть.

Иногда он ложился на узкую тахту и соскальзывал в рыхлую серую муть, но спустя несколько секунд понимал, что по стенам что-то ползет. Тяжелое, злое, полное потревоженного огня, сжатого в синюю скорлупку.

Понимал, что сейчас он умрет. И Тамара умрет, а Марш будет рассказывать людям слезливую историю об отце, который очень старался, но так и не смог спасти дочь.

Дома он смог выспаться только один раз. Больше не помогали ни эйфорини, ни звонки Тамаре перед отбоем в ее центре. Она говорила, что все хорошо, а он не верил, потому что знал, что ей тоже снится голубая мерцающая смерть, ползущая по стенам.

Он лежал на полу, рядом с кроватью, уставившись в потолок сухими воспаленными глазами и пытался плести узлы из накиннутых на пальцы шелковых шнурков. Так он когда-то бросил курить. Он помнил, что это успокаивает.

Сутки Клавдий составлял прошения, заявления и слал репорты. Расписывал, какую травму ему и дочери нанес взрыв, совершенно бесстрастно составлял репорты на всех, кто работал с ним и Тамарой — живых и мертвых сотрудников центра. Он знал, что шанс официально вернуть Тамару домой у него появится только так. А завтра он будет искать того, кто это устроил. Нужно время, чтобы информация разошлась и настоялась.

Тамара. Клавдий никому бы не признался, но он до сих пор не до конца понимал, что такое «Тамара». Он пятнадцать лет не позволял себе задуматься над этим.

Он помнил, как Эмме одобрили заявку на восстановление фертильности. Она вернулась домой оглушенная и растерянная, принесла безалкогольное вино и зачем-то еще синие хлопковые простыни.

Эмма попросила дать ей руку с браслетом. Клавдий дал и взял ее за руку в ответ. Они знали, что делают это в последний раз.

«Нужно поставить ограничители, Клавдий, — сказала тогда Эмма, и он до сих пор помнил каждое слово. — Ты поставишь мне, а я тебе, и мы больше никогда не будем этим пользоваться. Потому что это была злая шутка, а мы свое отсмеялись».

Узел затянулся, красивый и ровный. Узел шнурка с гладкими скользкими краями, затянулся намертво — не развязать.

Такой же узел остался в его браслете. Эмма поставила ограничитель неправильно, и Клавдий мог этим воспользоваться, но тем же вечером он сел и доделал его. Теперь Клавдий не мог проводить со своим профилем незаконных манипуляций без посторонней помощи. Стал как все, и тогда это казалось ему очень правильным решением.

И Эмма не могла. Эмма не просто отказалась от своей свободы — она отбросила ее, будто не могла поверить, что действительно пользовалась чем-то подобным. Клавдий поставил ей безупречные ограничители. Клавдий знал, что она никогда об этом не жалела.

Наверное, Эмма была умнее его. То, что они изобрели и правда больше было похоже на злую шутку, чем на свободу.

А потом родилась Тамара.

Клавдий хотел бы помнить что-то такое, о чем писали и снимали старые истории. Выбрать один из штампов, которыми всегда рассказывали об отцовской любви и сказать «это обо мне». «Я сидел с ней, когда она болела». «По выходным мы выезжали за город». «Я учил ее плавать». «Она рассказывала мне о своих бедах». Как там еще полагалось

рассказывать про любящих отцов? Ведь штампы существуют потому что подходят большинству. Клавдий хотел быть «большинством».

Когда Тамара болела, Дафна настаивала на ее изоляции и присылала подробный список рекомендаций, полученных в медицинском центре после автоматически отправленного запроса. За городом нельзя находиться без защитных фильтров, а несовершеннолетним желательно носить респираторы. Плавать, читать, рисовать, обращаться с кухонными программами, чинить технику, настраивать сеть под собственные запросы — всему ее учили на специальных курсах, которые полагалось оплачивать раз в месяц. Правда, Клавдий учил ее работать с анимацией, рисовать лица и делать их живыми — и теперь испытывал странное, похожее на гордость чувство от того, что Тамара из всех помощников выбрала безусловно анимированного — но Тамара не слишком-то этим увлеклась. О своих бедах Тамара, конечно, рассказывала штатному психологу на еженедельных очных ставках, а потом передавала Клавдию список рекомендаций.

Он знал, как зовут мальчишку, у которого глупеет лицо, когда он смотрит на Тамару. Разговаривать с ним Клавдию было нельзя.

Целых две недели слушал, как она учится играть на настоящем саксофоне, не в смоделированном конvente, а в соседней комнате, и две недели говорил ей, что она молодец. А когда она сказала, что ей надоело, он ляпнул «наконец-то». Думал, она обидится, а она смеялась.

А год назад, когда Эмма еще была жива, Тамара пришла домой пьяной, и Клавдий смог удалить из ее профиля эту отметку. Потом они с Эммой ругались в изолированном конvente. Она говорила, что это слишком опасно, и что лучше простая отметка о пьянке, чем следы взлома, неужели он этого не понимает. Его это злило. Он считал, что все имеют право на глупости, особенно в молодости, и неужели она этого не понимает. Они-то сделали все глупости, какие только хотели. У них были все глупости мира.

Клавдий тогда отказался ее ругать. Он успел посмотреть в профиле количество выпитого, восхитился и решил, что утром Тамара сама все поймет, нужно только сказать, что противопохмельных капель в доме нет, и просто так их не выдают.

У них с Тамарой было мало общего. Оставшись вдвоем, они часто не знали, о чем поговорить. Тамара иногда стеснялась его, иногда огрызалась, и даже общее горе их не сблизило — ее забрали, забрали те самые люди, которые устраивали ее жизнь все эти годы вместо него, и она месяцами не говорила ему ни слова.

Ее забрали. В рекомендациях от штатного психолога, в черных словах в красных рамках, которые раз в неделю приходили в его профиль, повторялась одна навязчивая рекомендация — передать дочь на социальное обеспечение. Потому что он плохо справлялся, ему не хватало рейтинга в семейном блоке и потому что он ни разу не смог ответить психологу на вопрос «почему вы считаете, что Тамаре будет лучше с вами».

Шнурок соскользнул с пальцев, петлями повис на манжете.

Ему говорили, что Тамаре будет лучше в центрах, со специалистами и педагогами, которые понимают, что ей надо, и что такое «Тамара». Он не понимал. Просто любил ее, и старался не задумываться об этом чувстве. Любил, хотя не мог приложить к себе ни один киноштанп и объяснить психологу, что понимает под словом «любовь». Психолог говорил, что любить — значит желать лучшего, а Клавдий улыбался, кивал и жалел о пломбе, которую сам себе поставить.

Не все нужно анализировать. Не все нужно осознавать. Зачем вообще об этом думать,

только от дела отвлекает.

Он раздраженно отбросил шнурок.

— Фиксирую нарушение психической стабильности, — оживилась Дафна. — Вношу рекомендацию в профиль: обращение к специалисту в течение...

Клавдий двумя пальцами поднял изуродованный узлами шнурок. На конце болталась блестящая петля.

— Я хочу завести собаку, — мрачно сказал он. — Это поводок. Невербальный сигнал о недостатке в моей жизни щеночков.

— Прошу прощения, — чирикнула она. Без малейшего раскаяния. — У вас входящий звонок от Грейс... «Просто Грейс».

— Грейс?.. — растерянно пробормотал Клавдий. — А, Грейс... где очки... да, принимай.

Он знал, что у Поля будут вопросы. Странно только, что он прислал Грейс, а не Айзека или Марш.

Интересно, о чем говорит то, что у его дочери был один помощник с контрабандистом. Спрашивать об этом, конечно, не полагалось.

В приемном конвенте сидел аватар Грейс — антропоморфная белка, рассеянно щипающая шерсть на пушистом хвосте. Хвост был хорош, а вот морда анимирована скверно — шерсть торчала иголками, глаза косили и выглядели пластиковыми. И уши были совершенно неподвижны, будто это не уши, а рога.

— А, Клавдий, — угрюмо пробормотала она, не поднимая головы. — Может,пустишь меня?

— Куда? — растерялся он.

— Домой, — усмехнулась Грейс. — Я у тебя под дверью стою.

— Могла раньше позвонить?

— Зачем?.. — философски вздохнула она.

Клавдий пожал плечами и снял очки. Вообще-то полагалось отправить какой-нибудь отрезвляюще-педагогичный репорт за нарушение личных границ или несанкционированное вторжение в личное пространство, но делать этого совсем не хотелось.

Грейс и правда стояла у его двери — такая, какой он видел ее в последний раз. В обрезанных, слишком коротких для города шортах, с растрепанными волосами и обгоревшим носом.

Чудовищно, просто непостижимо, обгоревший нос. Наверное, ее отец тоже считал, что в молодости нужно делать глупости.

— Поль передает, — сказала она, протягивая ему накрытую промасленной белой тканью корзинку. В корзинке что-то звенело. — Мы-слышали-про-твою-дочку-и-центр-и-все-очень-очень-соболезнуем, — механически повторила она, переступая порог, а потом вдруг улыбнулась. — Слушай, я когда услышала, что центр взорвался — у меня чуть сердце не остановилось. Ты как уехал — я даже пить не могла и редела все время, пока Марш не сказала, что я идиотка, и что она дочку твою спасла. Ну скажи, она у нас молодец?

Клавдий кивал и убирал со стола пустые кофейные чашки. Пытался вспомнить, остался ли еще кофе или чай, потому что пить то, что они с Грейс пили тогда на платформах он не собирался, и смотреть, как она пьет, тоже.

— А чего это за аквариум с палками? — донеслось из коридора.

— Это орхидеи. Они побеждают смерть.

— Не похоже. Ты когда к нам вернешься?

— Я прислал Полю длинное сообщение, — поморщился Клавдий. — Через два дня мне можно будет вернуться в центр, к дочери. Я не могу работать из центра.

— А Поль и не спрашивает, когда ты вернешься, это я спрашиваю. А Полю другое интересно. У твоей фирмы крупный государственный заказ, — осторожно сказала Грейс, выкладывая на опустевший стол черные контейнеры. — Мы... по своим каналам узнали.

Клавдий смутно припомнил, что говорил о чем-то подобном со своей ассистенткой Ледой Морр. Еще подумал, что это хорошо, потому что государственные заказы всегда означали денежные и рейтинговые премии, а еще упоминаниями о них было удобно усиливать репорты. Подумал и забыл.

Даже если это такой заказ. Даже если это такие аватары. Все равно ни на что другое он не рассчитывал.

— И что?

— Ты... скажешь, что это за заказы?

— Зачем?

Он никогда и ни с кем не обсуждал государственные заказы. Это было запрещено всеми договорами, к тому же Клавдий не представлял, что подумают люди, если узнают, как он зарабатывает премии.

— Мы знаем, в чем суть этих заказов, — успокоила его Грейс. — Поль хочет, чтобы ты сказал, для каких эфиров будешь делать аватары... да ты не волнуйся, у меня глушилка с собой. Говори прямо.

— Зачем Полю это нужно?

Доверять глушилке Грейс он не собирался.

— Он хочет знать, кто взорвал центр. — Грейс выпрямилась и сморщила нос. — Мы все хотим, ясно? И Поль хочет знать, надо ли рассчитывать на карабинеров.

— И что вы сделаете, когда узнаете? — усмехнулся Клавдий. — Загрузите на карту фотографии этого человека и отправите в Младший город?

— Помнишь Эда Таля? — торжествующе спросила Грейс.

— Кого?.. — равнодушно переспросил он.

Грейс выставила на стол обернутую плотной бумагой бутылку и белый контейнер, от которого ощутимо пахло рекой.

— Эда Талья. К вам устраивался такой лохматенький мальчишка, а потом пропал.

Клавдий честно попытался вспомнить. И даже вспомнил — только не мальчишку, а звонок Леды Морр. Он тогда подписал приказ об увольнении Эда и тут же о нем забыл.

— Помню, — неуверенно ответил он. — Да чтоб тебя, Грейс, уберу это, у Дафны же замыкание делается!

В белом контейнере, на ледяной крошке, лежали черные изогнутые раковины. Клавдий несколько раз ел устриц — в подпольном ресторане, где после каждого такого заказа выключали свет. Официанты не знают, что приносят, посетители не знают, что едят, и никто, конечно, не пришел сюда специально, чтобы заказать живых устриц. Это ведь так неэтично.

Разве Клавдий когда-то позволял себе неэтичные поступки.

— Да не дергайся, — вальяжно улыбнулась Грейс. — Они идентифицируются как конфеты.

— Очень хорошо, а теперь уберу эту дрянь с моего стола, — тихо сказал он.

Когда-то он тоже думал, что можно вручную сменить пару настроек профиля, и Дафна сразу поверит, что устрицы — это конфеты, и что в кулоне у красивой девчонки сахарная пудра, которая очень вкусно пахнет. Больше двадцати лет назад, когда он был молод и Дафна была молода и доверчива, как девчонка с периферии.

Грейс фыркнула, но контейнер закрыла и убрала в сумку.

— Нудный ты. Так что, покажешь, кого вы там нарисуете?

— Нет, — твердо ответил он. — Но я съезжу к Полю и мы все обсудим. Позже.

Если бы все было так просто — не понадобились бы никакие платформы. Можно подумать, она этого не понимает. Или это проверка?

«Нужно поговорить с Марш, — вдруг подумал он. — Она-то точно понимает правила. И знает, чего хочет Поль».

— Что с Эдом Талем? — напомнил Клавдий. — Только прошу тебя, не забывай, что нас здесь трое.

— Эд Таль за тобой следил. У него дома твоих фотографий было столько, как будто он на них собирался молиться, дронить и ими же подтираться. — С лица Грейс пропала вся дурашливость. — Не знаю, кто ты такой и что сделал, но за тобой следили, и ты чем-то нравишься Арто. И Полю — Поль с ней носится, как...

— Арто за мной и следила, — перебил ее Клавдий.

— Это она любя, — отмахнулась Грейс. — Говорю же, ты ей нравишься. А Эд Таль не понравился. Однажды Арто сказала Эду, что за городом, в пустыне, кто-то забыл статуэтку, красивую и дохрена дорогую...

Она поставила перед ним новый контейнер и медленно подняла тонкую черную крышку. На кудрявых листьях салата были разложены куски жареной в панировке курицы.

Клавдий подумал, что это точно какой-то намек, если не прямая угроза — не зря же Грейс так пристально на него тарашится. Нужно было хоть ей подыграть, но вообще-то тарашиться в потолок и вязать узлы было гораздо интереснее. Сейчас он все равно не был способен на большее.

— Хорошо, я понял. Она узнала, чего хотел Эд?

— Может и узнала, — лениво протянула она. — Сам у нее спроси, Клавдий. Так вот — Полю не понравилось, что взорвали центр. Поль хочет, чтобы ты на него работал и чтобы тебе никто не мешал. И вообще Поль пацифист. Когда он найдет этого мудня, они с Арто из его башки горшок цветочный сделают, орхидеи свои в него воткнешь.

Грейс гордо вздернула подбородок, а потом подвинула плетеное кресло к углу стола. Положила ноги Клавдию на колени.

Он несколько секунд честно их разглядывал. Красивые ноги. Загар золотистый — красиво. А пушок белый — забавно.

Потом перевел взгляд на стол. На открытые контейнеры с курицей и заправленными оливковым маслом овощами с белым сыром. На бутылку без этикетки. Бутылку вообще-то тоже стоило бы убрать, она вроде тоже неэтичная и запрещенная.

И только потом посмотрел Грейс в глаза. Ошеломленные и тоже очень красивые.

Загар. Бутылка без этикетки, живые устрицы в закрытом контейнере. Статуэтка в пустыне. Пацифист Поль Волански.

Петля из шелкового шнура. «Ты ей нравишься». Цветочный горшок для его орхидей. Для цветов, победивших смерть.

Клавдий рассеянно погладил ее колено, а потом медленно наклонился, коснулся его лбом.

А потом начал смеяться. И уже не смог остановиться.

Глава 10. Небо в разломах

Если бы Арто было перед кем изображать эмоции, она изобразила бы раздражение — Клавдий нашел и заклеил почти все камеры и микрофоны у себя дома. Оставил только несколько обязательных, для Дафны, а ей доступ к ним закрыл.

А может, стоило посмеяться. Клавдий, который мог распутать сложное плетение кода между городами и вернуть ее домой, пропустил двенадцать скрытых камер. Грейс принесла для нее еще восемь. Это было не обязательно, но Арто не любила расставаться с глазами.

Грейс — хорошая девочка. Арто не любила таких при жизни. И сейчас она вызывала какие-то странные помехи в алгоритмах.

Арто рассеянно наблюдала — всего с трех ракурсов — как Грейс пытается устроить голову на плече спящего Клавдия. Они лежали на объемной циновке у неразложенной кровати, и Грейс постоянно морщилась и потирала колени, куда впивался один из узлов плетения.

Странно, как быстро люди привыкают к одиночеству. Как быстро перестают думать о других.

Арто лениво прикинула мотивацию Клавдия на основе своих данных — с вероятностью в 67 % он просто привык спать на полу и не подумал, что девочке будет неудобно. Это были недостоверные данные и это была неважная информация. Поэтому Арто могла прикидывать ее «лениво». Можно было подумать, что Клавдий, привыкший спать на полу, будет делать, когда ему вернут Тамару, но это волновало Арто еще меньше.

Главное — у нее снова есть камеры и микрофоны. И послание от Поля Грейс передала. Может, теперь Клавдий будет побольше думать о работе и поменьше вязать узлы, пялясь в потолок.

Потому что Поля и его люди не где-то там, далеко за городом, выше по течению реки. Любой из них в любой момент окажется у него на пороге.

Хорошо, что Клавдий теперь знает про Эда Таля. Хорошо.

Немного жаль, что она не все знает про Эда — Грейс соврала Клавдию. Арто не участвовала в этом убийстве и даже не звала Эда в пустыню, только передала Полю его данные, а потом провожала взглядом, пока они не вышли за пределы действия последней камеры. Но Арто знала Поля. Эд Таль точно мертв.

Подсветка орхидей вдруг потускнела, а потом брызнула злыми разноцветными искрами.

Арто не стала искать, где в домашней системе случился сбой. На самом деле ей было чем заняться.

Клавдий вчера выдал неожиданную реакцию. Зачем он смеялся? Арто знала, что у него не было секса несколько месяцев, и что у него все в порядке с ориентацией и потенцией. И Грейс ему понравилась, поэтому Арто и посоветовала Полю послать именно ее. Все должно было быть не так. Но когда Грейс сказала, что они убьют человека, который взорвал центр, Клавдий начал смеяться.

Если бы Арто было, перед кем изображать эмоции, она изобразила бы растерянность. Почему?

Грейс перевернулась на другой бок и раздраженно повела плечами. На коже отпечатались косы плетения циновки.

Арто могла бы сказать, что ей очень не хочется отвечать на этот вопрос, но она не могла

чего-то хотеть. Просто этот расчет вел к будущим проблемам, сбоям и элементу хаоса во всех будущих расчетах, и не стоило его производить. Нельзя было его не производить.

Вероятность, что это Клавдий взорвал центр, составляла 24 %. Это много. Это слишком высокая вероятность для одного подозреваемого.

Он хотел избавиться от дочери? Спер где-нибудь чертеж, синтезировал взрывчатку... нет, тогда Клавдий не пустил бы пауков в палату Тамары.

Скорее он помог утонуть жене — здесь Арто рассчитала вероятность в 53 %. Если бы карабинеры получили такие же результаты — его бы арестовали. Но карабинеры не знали о белых стенах, вдоль которых гуляет Клавдий. В которых ищет изъяны, да, ищет, и теперь будет искать еще лучше.

Хорошо.

Клавдий так хотел вернуть дочь. Для Арто это выглядело одержимостью — она раньше не видела такой родительской любви. Только видела, как такую любовь изображает ее мать. Мать изображала — а может, и правда пыталась так любить, но Марш было невозможно любить даже в детстве — а Клавдий, кажется, не притворялся. С вероятностью в 62 %. Что если ему было мало встреч по составленному Дафной расписанию? Что если он утопил жену, чтобы вернуть дочь, потому что Дафна не оставила ему выбора?

Что же, если так, то Арто до этого не было никакого дела. Она хотела знать, кто взорвал центр.

Арто уже посчитала вероятности более чем трех сотен подозреваемых, и были люди с куда более высоким процентом.

Арто уже попросила Поля, и завтра он даст ей данные из карабинерского центра.

Тогда-то она и сможет высчитать поджигателя из вороха чисел, случайностей и растянутых в строки кода реакций.

У Арто уже сейчас был подозреваемый на 35 %. Это много. Она обязательно проанализирует его позже.

У Рихарда Гершелла было 32 %, несмотря на то, что Арто следила за ним почти все время. Он ведь знал про пауков. Знал, как работают благотворительные центры, знал, как использовать чужие несчастья, чтобы заработать баллы. Он уже убивал людей. Почему бы Рихарду не взорвать центр?

Она смотрела, как мечутся зрачки под сомкнутыми веками Клавдия, которому наверняка снится кошмар, и в это же время наблюдала, как Рихард сидит на песке у реки и смотрит на солнце, сняв маску. Рядом растянулся дог, сторожит чемодан и саквояж, щурит на воду мертвые глаза.

Эд Таль. Подумаешь, Эд Таль, почему она вообще снова о нем думает. Мальчишка за что-то ненавидел Клавдия. Стоило бы узнать, за что, но Эд не оставлял в сети внятных следов, а невербальные сигналы Арто не всегда толковала верно. И метафоры понимала лучше, чем Дафна, но все же понимала их не всегда. Она не знала, что означали карты, которые Клавдий показал Полю, и не знала, что пытался выразить Эд в путаных стихах, которые читал в своем приватном конvente. Марш при жизни была не слишком любопытна, и Арто неоткуда было взять больше любопытства.

Арто обратила внимание на Эда, когда он устроился в компанию Клавдия. Сначала ненависть Эда ей помогала — он раскопал про Клавдия несколько интересных фактов, которые она смогла считать и зафиксировать. А потом Эд начал подозревать, что Клавдий ищет путь в Младшие города. Ей это не нравилось. Не хватало из-за мальчишки с

непонятной одержимостью потерять Клавдия, который мог привести ее к Леопольду.

Тогда Арто сказала Полю про Клавдия. Убедила помочь ему, еще до собеседования с Айзеком. Арто торопилась, все вышло путано и неряшливо, она совсем так не любила.

Теперь она представляла, как Эд лежит где-то в пустыне. Раскаленная пыль давно выпила его кровь, а высушенную кожу сожгло солнце.

Арто не вспоминала об Эде. И лучше было и дальше не вспоминать, потому что она не смогла достоверно рассчитать реакцию Марш.

Марш не убивала людей. Рихард говорил, что Марш была хорошим человеком, а хорошие люди не заводят других людей в пустыню, чтобы зарезать. Даже если эти люди мешают им вернуться к Леопольду.

Но ведь Марш хотела бы вернуться? Ведь она больше всего хотела бы именно этого? Значит, исходить нужно из этого. Больше у Арто ничего не было, и у Марш, наверное тоже не было больше ничего.

Вот так. И незачем вспоминать об Эде Тале и визуализировать его труп.

Но Арто подключилась к спящим трансляторам в пустой квартире Рихарда. Включила экран, опустилась на диван и нарисовала мертвого мальчишку со вскрытым горлом. Он лежал на песке и смотрел в небо помутневшими голубыми глазами. Слово небо выпивало его глаза.

Арто поморщилась. На нее никто не смотрел, но мечты требовали честности. Она всегда подключалась к трансляторам, садилась на диван или ходила по комнате, даже показывала уместные эмоции, хотя на нее никто не смотрел. Она делала так, когда включала визуализации с Леопольдом, который переехал в Средний Эддаберг.

Теперь у нее была другая визуализация. Она, нахмурившись, рисовала, как в ускоренной перематке разлагается на солнце тело Эда Таля.

Теперь у нее было много материала для визуализаций. Много-много разлагающихся трупов, а еще порнографии, записей с болезнями, увечьями и девиациями, которым названия-то не было. Почему она раньше не выяснила, что Поль и такие, как он, покупают в Младших городах?

Это не имело значения, пока она не знала. Потом пришлось бы учитывать этот фактор и статистика выходила бы менее достоверной. Люди называли это «самообманом». Арто осознанно на это шла.

Но почему в тот вечер она бросилась вскрывать эти конвенты? Ведь Марш не простила бы Полю такой торговли. Марш ненавидела людей, которые когда-то позволили ей получить рейтинг.

На экране из-под потемневших высохших щек показались белые кости черепа.

Эд Таль умер, а еще Джейкоб Ниссон, и еще несколько человек, для которых Поль доставал фарфоровую статуэтку из специального ящика.

Арто говорила Полю, что это глупость и что так он скорее попадет. Но Поль в юности прочитал слайдовый роман про маньяка, который оставлял статуэтки рядом с жертвами. И вцепился в эти статуэтки, идиот.

Впрочем, Арто дела не было. Ее нельзя арестовать, нельзя убить, только стереть, но для этого пришлось бы долго выискивать все защищенные резервные копии. Но Арто все равно не боялась смерти. Не умела бояться.

Но правду о торговле контентом она решила узнать только когда Рихард собрался

ехать к Полю.

Она сама посоветовала Рихарду ехать. Поль поможет ему с рейтингом, поможет с работой. Рихард поможет Полю, потому что у Поля нет толковых рекламщиков, которые умеют использовать уязвимости сети. Работа Рихарда с Полем очень полезна для Арто.

... Дог закрыл глаза. Будто умеет спать. Рихард заслонил лицо рукой. По воде разбросаны белые солнечные блики. Если Рихард опустит руку, увидит абру Айзека, которая крадется к причалу, разбивая блики серебристым носом.

В пустых глазницах Эда Таля на экране поселились маленькие земляные крабы. Арто не знала, водятся ли такие в местных пустынях и не хотела проверять. Такие водились вокруг Младшего Эддаберга и они нравились Марш.

Почему она решила рисовать именно Эда? Наверное, потому что о нем недавно вспоминали. Арто каждый из убитых был одинаково безразличен.

Маленькие серые крабы в белых костях. Им надолго хватит остатков высохшей плоти, скрытой сводом черепа. А потом они уйдут.

Рихард Гершелл едет к Полю Волански. Арто свела их, потому что ей это выгодно. Потому что так она быстрее найдет путь к Леопольду, 34 %.

Этого достаточно.

Эд Таль умер за меньшее.

Арто отключилась от всех камер, оставила Грейс спать на неудобной циновке, оставила Клавдия смотреть свой кошмар, и расчеты о поджигателях тоже оставила. Теперь она смотрела только на Рихарда и на скелет на экране. На царяпину на позвоночнике, которую оставило лезвие. На дога, уткнувшегося носом в песок, как не смогла бы сделать живая собака.

Рихард едет к Полю, который наверняка вскрыл горло Эду Талю. Не только Эду Талю.

К Полю, который продал запись эфира Марш. Не только ее эфира.

К Полю, который выбрал злодейское имя, делает кур с детекторами лжи в глазах и слишком позерствует. Как всякий злодей из слайдовых романов.

Арто продолжала сидеть, уставившись в экраны, и даже изображала эмоции, но ни один человек не смог бы их прочесть. Слишком сложное выходило сочетание — злорадство, равнодушие и страх.

Арто еле слышно фыркнула и погасила экраны.

...

Поль Волански любил пустыню. И никто во всем Среднем Валеине не любил ее так, как он. А пустыня любила его в ответ, он в это верил.

Поль любил раскаленный рыжий песок. Отшлифованные обломки камня, раскаленную и сухую солнечную пыль. Руины города далеко за пределами Среднего Валеина — безымянного, но такого же белого и голубого, как Валеин. Только мертвого и старого.

Поль любил все мертвое, потому что мертвое никогда не преподносило сюрпризов.

Черный вездеход с длинным змеиным телом и шестью тысячами лапок с шорохом извивался между барханов. Иногда ему попадались цветные обломки мозаики или поблескивающие стекла, и тогда в кабине Поля раздавался короткий визгливый хруст.

Поль ехал, прикрыв глаза. Отфильтрованный черным пластиком кабины солнечный свет все еще был слишком ярким.

Вездеход спроектировала женщина с добрыми карими глазами за стеклами огромных розовых очков — Тереса Манс. Поль смутно помнил, что она много пила и у нее был

отрицательный блок социальной страховки. Это значило, что для нее нет бесплатной медицинской помощи и придется платить врачам по повышенному тарифу. Тереса была чем-то больна — он уже не помнил, чем, но отчетливо видел, что смерть поселилась в глубине ее темных глаз и под выпирающими ключицами.

Полю она нравилась, и он всегда вспоминал о ней с нежностью. Помог ей поднять рейтинг, а она помогла ему собрать вездеход, чтобы он мог забираться дальше в пустыню. Полю нравилось исполнять желания. У Тересы был ее рейтинг, а у него — вездеход с ручным управлением, с тугим и холодным колесом руля вместо привычного пульта. У вездехода не было автопилота, связи с Дафной и обновляющихся карт. Даже музыку приходилось записывать на носитель.

И только этот вездеход мог забраться так глубоко в пустыню. Туда, где нет камер и микрофонов, где слепнет и глохнет Дафна, и даже Марш Арто. Ее Поль тоже любил, мертвую и злую, и ему было немного жаль, что она не может ездить с ним. Наверное, ей бы понравилось.

Змеиное тело вездехода вздрогнуло и кондиционер поперхнулся раскаленным воздухом, на миг обдав лицо Поля шершавым запахом машинного нутра.

Иногда Поль думал, что будет, если вездеход заглохнет — сеть давно не ловила, ни Дафна, ни Арто его не услышат, а люди, которых он может встретить в пустыне, ему не помогут. Уж точно не помогут. Но Поль любил все мертвое, и любил честно, не отделяя смерть от себя. Однажды он тоже умрет, и если он умрет в пустыне, когда-нибудь превратится в песок.

В канистрах позади его сидения раздавался глухой плеск.

Он улыбнулся темному стеклу кабины, и отражение — у отражения кожа была серой, а глаза совсем узкими — улыбнулось ему в ответ.

Грейс не привела ему Клавдия, но Айзек точно приведет. И Клавдий будет работать, и ничего не будет ему мешать, и скоро он и его желание найдут путь в сеть Младших городов.

Поль когда-то видел реконструкцию древнего фильма, плоского и приглушенного, как все старые, мертвые фильмы. В той истории люди долго плыли на корабле, груженном нанизанным на нитки цветным стеклом, чтобы обменять стекло на блестящие шкурки, содранные с живых животных. Никто не понял, о чем была история — зачем кому-то стекло, зачем кому-то шкурки, за которые любой рейтинг обнулится за несколько минут? Неэтичные шкурки, неэтичная сделка, глупая история. И только Полю она не казалась глупой. Нужно только не утопить корабль по дороге.

Белые осколки купола он заметил раньше, чем обломки голубых колон, еще не съеденных песками. Когда Поль смотрел на белый купол мертвого храма, неизвестно кем построенного в пустыне и неизвестно кем в пустыне брошенного, он испытывал странное чувство. Так уходили из сознания самые удачные модификации эйфоринов — оставляя обжигающе-медное тепло и чувство просветления. Он слышал, что в храмы ходили, чтобы испытывать именно это.

Там, в храме, была фреска, а на фреске человек, похожий на Поля. Она висела напротив круглого окна, закрытая пожелтевшей тканью, почти истлевшей, но все же сохранившей краску. А человек долгие годы смотрел в светлое марево промасленной ткани, и словно ждал, когда Поль позволит ему смотреть в разлом окна.

Поль знал, что однажды, когда у него будет постоянный дом, он заберет фреску. И повесит напротив окна, потому что человеку с золотистой кожей, оттененной тяжелыми

складками оранжевого шелка, нравился свет. Поль это знал.

Храм был уже совсем близко.

Поль щурился и представлял белую стену, на которой будет висеть фреска, мозаично-синюю глубину бассейна и людей, которые его ждали в храме. И почти пропустил вздох пустыни — впервые в жизни.

Под лапами вездехода взметнулся песок. Кабину тряхнуло и снаружи раздался дрожащий скрежет. Примитивная система не нашла повреждение и не дала рекомендаций, только истерично взвизгнула, разбрызгав по всем датчикам красный свет. Вода в канистрах заплескалась чаще.

— Аве, Ар... — лениво начал он, и тут же осекся. У вездехода не было злой женской души.

Второй вздох ударил в темное стекло кабины, погасив обзор. Поль слышал, как под брюхом вездехода хрипло закашлялись воздухозаборники. Значит, пострадали защитные пластины и один из фильтров.

Поль аккуратно отодвинул экран, скрывающий аварийный руль. Датчики бросали ему в лицо частые, густые пятна алого света — мешали сосредоточиться, мешали думать. Поль вдруг понял, что все еще ждет, что Арто возьмет управление, погасит проклятые лампочки и выведет его из опасной зоны. Арто поняла бы, почему тревожится пустыня и что скрыто под песком.

А Поль не знал. Знал, что иногда пустыня вздыхает, вздрагивает, раскрывает жадные скользкие воронки в волнах песка. Может, это были звери, которых никто не видел, а может, что-то еще — никто не знал. Никто не ходил в пустыню, потому что все боялись солнца и ее дыхания. А Поль не боялся. Раньше не боялся.

Руль поворачивался с усталым скрипом, а сигнал доходил до сотен черных ног бесконечные секунды. Поль чувствовал, как вездеход медленно соскальзывает в воронку, жадно глотая фильтрами песок. Воздух стал теплее и гуще, а вездеход только начал поворачиваться. Можно было экстренно сбросить «хвост», но тогда вездеход потеряет маневренность, а восстановить его вряд ли получится.

Подсвеченные алым рычаги, казалось, вовсе не отдавали никаких сигналов — машина продолжала лениво карабкаться, отказывалась отключать одни «лапы» и включать другие, не хотела закрывать запасной пластиной забитый фильтр и, кажется, тоже была бы совсем не против умереть. Полю оставалось только тихо ругаться, дергать руль и чувствовать, как песок медленно наполняет воронку. Песок и его проклятый вездеход, фаталистично гребущий к краю воронки.

Где-то в хвосте раздался хлопок — быстрый, словно виноватый, а за ним монотонный, успокаивающий треск.

Полю показалось, что Тереса Манс смотрит ему в затылок — глаза ласковые, очки розовые, розовые, руки испачканы черным, рукава лилового комбинезона потрепаны и украшены золотыми пуговицами. Огромные пуговицы, грязные руки, чистые очки.

Сыпуче-ржавое сменилось приглушенно-синим — вездеход резко задрал морду и дернулся. Треск в хвосте стал злее и чаще. Полю казалось, что он чувствует, как песок сжимает черные бока машины, как давит на толстые стекла кабины.

Он должен был добраться до храма. Должен был, потому что вез в храм канистры с водой, и потому что на реке его ждали люди, которые надеялись на него. Как надеялась Тереса. И Клавдий Франг, и даже Марш Арто со своим смешным желанием бросать цветное

стекло за стену.

Этот рычаг двигался плавно, а взгляд Тересы из ласкового стал печальным. Вездеход, виляя и подпрыгивая, сбрасывал хвост в утекающий песок. Сегмент с кабиной Поля выбрался из воронки и замер на самом краю, раскинув длинные лапы.

— Что же, этого следовало ожидать, — равнодушно сказал Поль.

Вездеход отвечал ему тихим шорохом незасоренных фильтров. Не плескала вода в канистрах, под песком ничего не вздыхало и в хвосте больше ничего не трещало.

Поль несколько минут сидел в тишине, ожидая, пока чуть учатившийся пульс успокоит солнце, приглушенное тонированным стеклом. А потом завел вездеход и направил его к храму.

Он должен привезти воду.

...

Тамара не могла уснуть, и на этот раз вовсе не из-за песенок. Она злилась.

От лекарств у нее болела голова и тошнило так, что Тамара не могла есть, ходить и держать открытыми оба глаза одновременно. Врачи нервничали и пытались спорить с Дафной, которая настаивала, что ей нужно отменить все медикаментозное лечение и тут же возражала сама себе, что Тамара — пациентка с нестабильной психикой, и без уколов ей никак нельзя.

Потому что Тамара несовершеннолетняя и видела мертвецов. Она огрызалась и показывала всем приватный блок своей истории посещений конвентов, где были не только мертвецы. Что ей какой-то взрыв, она в сети видела, как мужик живых мышей ест, и если бы очки симпатий от зрителей не догнали штрафы от Дафны, он бы прямо в эфире и помер. Вообще-то все и надеялись, что помрет, и Тамара говорила врачам, что тоже надеялась, хотя она всю ночь потом рыдала из-за мышей, а Марш закатывала глаза и называла ее дурой. Но врачам этого знать не надо, врачи пусть думают, что Тамара злая, циничная и ничего не боится, и никакие лекарства ей не нужны.

Она знала, что так делать нельзя, и что у папы будут проблемы, но ей слишком хотелось злиться. Дафна причитала и сокрушалась, а Марш только нос сморщила и отвернулась. Тамаре очень хотелось, чтобы Марш тоже причитала и сокрушалась, но она не знала, что для этого нужно посмотреть или сделать.

Мертвецы, ну надо же. И все вдруг забыли, из-за чего она оказалась в центре. И почему-то все говорили, что она сирота, хотя ее отец был жив и должен был вернуться уже завтра вечером.

Тамара сидела на полу у кровати и пыталась делать дыхательную гимнастику, которую сегодня показывал тренер. Получалось плохо — с каждым глубоким вдохом в горле набухал липкий комок, а с каждым выдохом он опадал, становясь рыхлым и вялым.

— Аве, Арто, — позвала она. — Эй, ты слышишь?

— Чего тебе? — донесся из динамика над кроватью недовольный голос.

Она даже появиться не соизволила! Хороша помощница — сначала спасает, а потом разговаривать не хочет.

— Мне плохо, — сообщила Тамара.

— С людьми это случается, — рассеянно пробормотала Марш. — А с земляными крабами в человеческих костях и мертвыми электрическими собаками — нет.

— Чего?.. — опешила она. — Чего-чего?! Да пошла ты!

— И тебе того же, — все так же рассеянно ответила Марш.

Тамара еще несколько секунд таращи́лась на динамик, ожидая, что он снова оживет. Даже тошнота отступила. Но динамик молчал, и тошнота медленно набухала с каждым вдохом.

Она даже помощнице своей не нужна. Нет, кажется, она из-за чего-то другого злилась... а из-за чего?

Тамара закрыла глаза, но мир почему-то не погас. Он просачивался под веки серым разбавленным светом белых больничных ламп и никак не желал темнеть.

Может, она правда сошла с ума? Сколько она уже болтается по этим проклятым центрам, глотая таблетки и подставляя руки под капельницы с неизвестно какими лекарствами?

Тамара попыталась вспомнить, что нужно делать, если сошел с ума, но у нее ничего не получалось. Единственным по-настоящему безумным человеком, кого она знала, была Марш, но тогда выходило, что если сошел с ума нужно много пить, а потом вырезать себе глаз и умереть.

Тамара зажмурилась и хлопнула в ладоши, пытаясь поймать мысль.

Умереть. Если ты сошел с ума. В истории Марш была еще одна сумасшедшая девочка, но ей никто лекарств не давал. Только шоколадки. Потому что она думала, что люди хорошие, а это, видимо, никак не лечится. Бесси. Вот на ее историю можно было бы равняться — она хотя бы не умерла. И глаза у нее были на месте.

Мысль замылилась и погасла, но тут же зажглась новая.

Тамара смотрела новости в общественном конвенте — очнулся тот врач, который вывел из-под завалов пациентку. Он не давал ей прописанных лекарств, и поэтому смог спасти. Вот бы Тамаре такого врача.

Мысли снова разбежались. Но какая-то была очень важной.

— Запрос на личное посещение, — раздался в наушнике теплый голос Дафны.

Тамара поморщилась от неожиданности — Дафна раздражала папу, а Марш ее вообще ненавидела.

А потом вдруг всхлипнула. Мама с ней таким же голосом говорила. Маму уже и не вспомнить. Только голос остался. Такой, как сейчас у Дафны был. Марш никогда не говорила с ней таким голосом, и вообще наверное ни с кем никогда не говорила. У папы голос всегда был спокойный и тихий, и он этим голосом просил беречься от солнца и так говорил, что все будет хорошо, что Тамара сразу верила. А вот таким голосом он никогда... Портативная капельница на руке сжалась, но колоть не стала — значит, лекарств сегодня и так было слишком много.

— Примешь посетителя, солнышко? — вздохнула Дафна. — Сказал, что знает твоего папу. Я проверила, он не врет.

— Ага, приму, — Тамара слабо улыбнулась.

Вчера к ней заходила папина помощница, Леда Морр. Тамаре она нравилась, потому что была серьезной. У Леды синие жакеты и уверенный голос, она-то наверняка никогда не пила таблеток, путающих память и не пыталась вспомнить, как плакать. Вот бы еще она не была так по-смешному влюблена в папу.

Леда обещала прислать домашнего печенья. Печенья Тамаре не хотелось, тем более домашнего, с застывшими в тесте чужими прикосновениями, но хотелось, чтобы кто-то о ней позаботился.

У парня, который появился на пороге, не было ни контейнера, ни корзинки. Только глупая улыбка и растрепанные черные кудри.

— Привет, — сказал он.

Привалился к косяку — вроде непринужденно, а будто закрывал проход. Будто она не сможет выйти, если захочет.

— Привет, — настороженно ответила Тамара. И незаметно погладила браслет — пусть Марш не стала с ней разговаривать, но лучше, если она будет присматривать. Она, не Дафна.

Но Марш молчала. Не загорался индикатор на браслете, не было слышно голоса в динамиках и наушнике. Неужели Марш ее бросила?

— Меня зовут Айзек, — безмятежно сказал парень. Поднял руку, показал что-то серебристо-кружевное на ладони, заговорщицки подмигнул. — Меня твой отец прислал.

— Врешь, — тут же сказала Тамара. И только потом посмотрела на индикаторы на своем и его браслете. Браслет Айзека горел ровным зеленым светом, а ее начал медленно желтеть.

Анализатор убежденности Тамаре настраивал папа, он сказал, что его невозможно обмануть. Но индикатор не покраснел.

— Клавдий у нас работает. — Ровный зеленый свет. — Отличный дядька, мы без него скучаем.

Индикаторы горели зеленым, а Марш по-прежнему не отзывалась.

— Это глушилка, — вдруг сказал Айзек. — Чтобы мы могли поговорить без помощников. Скоро придется выключить.

— И что ты хочешь сказать мне без помощников? — тихо спросила Тамара, а потом неожиданно для себя поморщилась и чужим, хриплым и злым голосом сказала: — От двери отойди. Или отправлю репорт за невербальную агрессию.

Она ожидала, что Айзек обидится. Или разозлится. Или улыбнется как-нибудь нехорошо, чтобы можно было точно отправить репорт и позвать на помощь. Тамара вдруг вспомнила, что можно просто закричать, и совсем не обязательно ждать, когда откликнется Марш.

Но Айзек просто отошел от двери. И улыбнулся, но по-доброму, почти виновато.

— Я хочу сказать, что Клавдий прав был — погано тут.

— Погано, — все еще настороженно ответила Тамара, машинально поправляя рукав, под которым пряталась портативная капельница.

— И лекарств тебе столько не нужно, — все так же безмятежно продолжал Айзек.

— Мне несколько не нужно, — проворчала Тамара.

— Ну и чего ты здесь торчишь? — удивился он.

Тамара молчала. Это был глупый вопрос, на который не было умного ответа. И вообще Айзек ей не нравился, и почему-то было страшно от того, что Марш молчит.

— Моя матушка, — голос Айзека вдруг стал мечтательным, — говорила, что если бы превратить каждую зря потраченную минуту в капельку воды, мы бы захлебнулись. А если бы каждую минуту, прожитую с умом превратить в воду — все бы умерли от жажды, и только люди, которые курили, ели фисташковое мороженое и трахались по любви прожили бы чуть подольше.

— И где теперь твоя матушка?

Вопрос прозвучал грубее, чем Тамаре хотелось. Ничего плохого она матушке Айзека, конечно, не желала.

— Хочешь покажу? — улыбнулся Айзек.

Он, кажется, был совсем не обидчивый. И Тамара поняла, что ей это ужасно нравится. Это не папа, которого нужно постоянно обманывать, чтобы он не расстроился, узнав, что ей плохо, не Юханна, которая вообще не слышала, что ей говорили, если говорили не о еде, и не Марш, которая смотрит своими злющими красными глазами, грубит и думает только о собственной выгоде. Конечно, Тамара это понимала. Но если с Айзеком можно говорить не боясь обидеть или расстроить, значит она готова посмотреть на его матушку.

Она кивнула и потянулась к очкам. Айзек молча смотрел, как она фиксирует их и выходит на стартовую страницу. Он молчал еще несколько секунд после этого, оставив Тамару в пустом белом пространстве с полупрозрачным меню недавно закрытых конвентов. Наконец перед ней замерцала золотая дверь — приглашение в конвент. Почему-то общественный — Тамара думала, Айзек покажет ей семейный архив. Перед тем как войти, она разрешила все уровни воздействия — тактильный, визуальный, ольфакторный и звуковой. Каждый раз ей приходилось делать это вручную. И каждый раз она испытывала смешанные чувства благодарности и раздражения — папа подарил ей дорогие очки последней модели, но не дал установить автозаполнение для подобных запросов. Еще пришлось подтвердить согласие на демонстрацию шокирующих материалов сомнительной или спорной этичности. Тамара не знала, чем может заниматься матушка Айзека, но сомневалась, что это может ее шокировать.

Айзек уже ждал ее, и аватар у него был мерзкий — гладкое золотое лицо с обведенными синим провалами глаз. Тамара знала, что такие покупают люди, которые не могут нормально анимировать аватар или заплатить специалисту, но не хотят пугать людей мертвой мимикой или неподвижными волосами.

А вокруг горели свечи — настоящие, теплые восковые свечи с жирными потеками на блестящих боках. На полу, в глубоких глиняных плошках, в витых подсвечниках, на длинных деревянных полках, тянущихся вдоль стен — сотни упрямых огоньков, поедающих теплый воск.

Тамара так засмотрелась на свечи, что не сразу заметила остальное — древнюю плиту с медными ручками и четырьмя колечками живого пламени. Огромный темный стол, заваленный незажженными свечами, пучками трав, банками и разделочными досками.

Тамара подошла к столу. На одной доске лежала лепешка, густо посыпанная черным тмином, а рядом — тонкий и длинный кухонный нож. На второй доске — золотая канарейка без головы и одного крыла.

— Айзек...

— Она делает обереги, — донесся ласковый голос из-под золотой маски. — Попросишь — и тебе сделает. Минуту смотришь, как убивают птичку, забираешь голову и получаешь в профиль специальный значок.

— И что он сделает?..

Между досками лежала разрезанная вдоль змея. Белые глаза тоскливо взирали на деревянную миску с залитыми медом розовыми лепестками.

— Защитит тебя от сглаза. А змея поможет встретить любимого.

— Очень надо такого любимого... — зачарованно пробормотала Тамара, рассматривая змеиные ребра, тонкие, почти прозрачные, так похожие на рыбы кости.

— Некоторым надо, — равнодушно ответил Айзек. — Пойдем искать, здесь ее нет.

— Здесь несколько комнат? — поморщилась Тамара.

Ей не нравились конвенты, изображающие квартиры. У нее от таких болела голова — многие не умели вовремя остановиться, набивая виртуальные дома нарисованным барахлом.

— Здесь бесконечное количество комнат, — сказал Айзек, и голос у него был совсем грустным. — Их генерирует сеть. В одной из них мы встретим мою мать.

— Но... — начала Тамара, но тут же осеклась. Может, сеть генерирует комнаты для матери Айзека по какой-то другой причине. — Как зовут твою маму?

— Ты не посмотрела название конвента? Трижды пресветлая, ясноокая и вечно юная Хенде Шаам.

— Хенде Шаам? Я, кажется, слышала про Хенде...

— Идем. — Теперь голос Айзека звучал грубо, но Тамара тоже не стала обижаться.

Она вышла в темный коридор, и ее ноги по щиколотку утонули в фиолетовом ковре. Ворсинки шевелились, складываясь в переменчивые узоры. По золотым стенам бродили медные тени невидимых ламп. Пахло медом и игристым вином.

Коридор казался бесконечным — он сворачивался в петли и спирали, золотые, фиолетовые и душные. Наконец Тамара увидела дверь.

За ней — комната с алыми обоями, полная черных оттоманок. Они стояли вдоль стен и росли из стен, свешивались с потолка, а некоторые зависли прямо в воздухе.

— Не прогрузилось, — глухо сказал Айзек, захлопнув дверь. — Хорошо, что ее здесь нет.

Тамара представила половину женщины, растущую из потолка рядом с рябщей помехами оттоманкой. И пожалела, что пошла с Айзеком. И не послушала папу, который говорил читать все предупреждения и не принимать, если хоть что-то не нравится.

Снова потянулся коридор, только более узкий и темный. Им встречались двери, ведущие то в белую пустоту, то в искаженные пространства, сырые генерации нейросети, которая не могла сосредоточиться ни на одном очертании. Тамаре все сильнее хотелось снять очки и напомнить Айзеку про глушилку, которую они тратят на блуждание по плохо построенному конвенту, но когда она была готова это сделать, в золоте обоев прорезалась новая дверь.

Здесь все прогрузилось как надо — зеленые с золотом стены, черный паркет в каплях свечного воска, огромный алый диван и черноволосая женщина в темно-синем халате, которая на этом диване лежала и курила кальян.

— Здравствуй, мама, — улыбнулся Айзек.

— Ты привел подругу, — женщина открыла глаза, огромные и черные, растянула в улыбке полные губы в жирной золотой помаде. — Любовь — как черный кофе. От одной чашки сердце бьется быстрее, но если выпить весь кофейник — останется горечь, потливость и тахикардия...

Женщина была красивой. Таких красивых Тамара только в сети и видела. У нее были округлые плечи, золотистая кожа, густые ресницы и мягкая линия скул. Папе бы понравился этот аватар.

— Это моя сестра, — безмятежно сказал Айзек.

— Некоторые мужчины совсем не готовы к женскому коварству и тому, что женской любовью зовется и темный лес, и черная бездна, и выгребная яма. Таким боги дают сестер.

— Мы десять лет не разговаривали, — продолжал Айзек, не глядя на Тамару. — Она отправила на меня репорт за... за неэтичные высказывания о ее внешности. Мы недавно помирились.

Хенде отложила трубку и потянулась. А потом улыбнулась Айзеку. Улыбка у нее была теплая и золотая, а глаза совсем такие, как были у мамы. Она так же смотрела, Эмма Тольд-Франг, о которой Тамара не могла тосковать, потому что ей не давали осознать ее смерть. Но сейчас от этого взгляда, а еще от того, что она могла перепутать запрограммированную участливость Дафны с маминой заботой, а еще от того что ни у папы, ни у Марш таких глаз не бывало, Тамара вдруг почувствовала, как что-то толкнулось в горле. Как один удар сердца пустил в кровь что-то холодное и горькое. А потом все погасло, торопливо смытое равнодушным медикаментозным теплом.

— Моя мама умерла, — сказала Тамара, глядя в полные любви глаза Хенде. — Мой папа старается, но у него ничего не получается.

— Люди так много грешат, — горько прошептала она. — И когда грешники умирают и рождаются снова, боги награждают их детьми.

— Какие боги? Разве люди рождаются снова? В чем тогда смысл? — Тамара специально задала этот вопрос, потому что знала, что ответит Хенде.

— Если бы все напрасно прожитые дни превратились в воду — люди захлебнулись бы. Если бы водой стали дни, прожитые не зря, от жажды не умерли бы те, кто курил, ел фисташковое мороженое и занимался сексом от любви, а не скуки.

— Пошли, Айзек, — попросила Тамара. — Пошли отсюда...

Она сняла очки первой. Нужно было выйти из конвента, закрыть страницу, но Тамаре было не до этого. Она смотрела на Айзека, который очки еще не снял, и лицо у него было такое жалкое и глупое, что Тамара почти влюбилась.

— Айзек!

— Да, — безмятежно сказал он, наконец снимая очки.

— Это правда твоя мама?

— Правда, — усмехнулся он. — Она умерла, когда мне года не было. Я ее живой не помню.

— Это же просто цитатник! Такие были в моде двадцать лет назад!

— Она еще раздает обереги. Это монетизированный конвент. Пока она сама его вела, он, конечно, лучше был. Но он все эти годы приносил прибыль и рейтинговые прибавки. Он меня вырастил.

Тамара молчала. Ей хотелось почувствовать все оттенки этой истории. Своей боли, Айзека, и еще незнакомого мужчины по имени Рихард Гершелл, который тоже предпочел виртуального призрака. Тамара хотела бы почувствовать, что сама она не хочет никаких призраков. У нее есть живой папа, и он учил принимать потери и не обманываться даже очень хорошо нарисованными лицами.

Но Тамара не могла ничего почувствовать.

— Ты зачем пришел, Айзек? Зачем глушилку включил?

— Пойдем со мной. — Улыбка у него была золотая и теплая, совсем как у Хенде. — Я знаю место, где тебя не найдут.

— Везде найдут. И папа будет меня искать...

— Клавдий работает с человеком, к которому я зову. Смотри на анализатор, я не вру. Твоему отцу не нравится, что ты... смотри.

Айзек протянул руку и на трансляторе зажглась запись с конвента. Тамара различила шатер, похожий на одну из локаций конвента Хенде, аватар Айзека, а рядом рабочий аватар отца, полностью синхронизированный с настоящей мимикой. Он раскладывал карты —

черная карта бездны, Оруженосец монет. И лицо у папы такое, Тамара сразу поняла, что все сделает, лишь бы у него никогда больше такого не было.

— Он хочет, чтобы ты вернулась к нему. — Анализатор горит ровным зеленым светом. — Он очень тебя любит. И сам пришел туда... куда я зову тебя. Потому что решил, что этим людям можно верить. А значит, и ты можешь.

На последних словах огонек анализатора мигнул желтым, а потом потемнел до оранжевого.

— У всех там установлен помощник «Арто». Наш начальник ее очень любит. Марш ведь тебя спасла.

— Марш очень... слишком... саморазрушительная, — пробормотала Тамара, вспомнив ее бесконечные сигареты и бесконечную злость. — Я иногда ее боюсь...

— Мы все ее боимся, — пожал плечами Айзек. — Ты бы видела, что она с... а, ладно. Главное что она отличная тетка и не желает тебе зла.

— Тогда почему я не могу с ней посоветоваться? И с папой?

— Потому что глушилка либо все глушит, либо не глушит ничего.

Тамара видела, что анализатор зажегся красным. Тамара знала, что Айзек врет, и что не нужно ходить в места, где заправляет Марш Арто.

Но еще она знала, что Айзек не врал, когда стоял перед ней в очках, и лицо у него было почти как у папы на той записи. Что папа действительно очень устал, что он пытается ее спасти и никак не может.

Что она тоже устала, и что ей нужно оплакать маму. Тамара не хотела потом искать призраков по конвентам. А еще Тамара боялась, и даже густая, как сироп, сыворотка от тревожности не снимала стресс полностью. Может там, куда зовет ее Айзек, не бывает серебряных пауков.

И там можно спать.

— И ты встретишься с папой, — отозвался на ее мысли Айзек, и теперь он точно не врал.

Тамара сделала глубокий вдох, позволила себе почувствовать, какую ошибку совершает, а потом кивнула.

...

В храме Поля встречала Тереса. Она улыбалась ему и протягивала руки, а он с грустью заметил, что у нее пожелтели зубы.

Поль остановился. Поставил канистру с водой, сел рядом, откинул крышку. На воде растекался синий блик — отражение разрушенной крыши. Поль коснулся его кончиками пальцев, стараясь поймать отраженное искусственное небо, но кожи коснулось только водяное тепло.

Ничего.

Он протянул руку и нарисовал четыре влажные линии на черепе Тересы. Вода несколько секунд поблескивала на кремово-желтых костях, и Полю хотелось думать, что теперь в костях Тересы есть немного неба.

Ему было хорошо и спокойно. Поль чувствовал не так уж много эмоций — спокойствие, легкое раздражение и что-то редкое, похожее на любовь. Но нигде ему не было так спокойно, как в разрушенном храме в глубине пустыни. Правильно было приводить сюда только тех, кто этого заслужил, потому что раскаленный медный и синий покой не должен

доставаться просто так, но Поль приводил и других тоже. Только разными путями.

Главный зал был круглым, в кружеве окон и разломов. Здесь много света и воздуха, а в центре глубокий и круглый бассейн, выложенный мозаичными мандалами — когда-то здесь было еще много воды.

Поль подошел к самому краю бассейна. Положил ладонь на горячие перила и только потом посмотрел на дно.

Эд Таль сидел под выбитой скобой. Тень от скобы пересекала его закрытые глаза.

— Ты жив? — тихо спросил Поль.

Неделю назад Эд последний раз попытался сбежать. Бежать было некуда — даже если пустыня не вздыхала, пройти по ее пескам до города было невозможно. В храме была тень, а на дне бассейна всегда было чуть прохладнее. Поль не собирался убивать Эда. Не собирался привязывать, следить и ставить условия. Только здесь люди, попавшие сюда так, как Эд — Тересу Поль отравил и она даже не поняла, что умирает — обретали свободу.

Поль поставил на борт канистру, а сверху положил лепешку из маленькой пекарни недалеко от реки. Ему казалось, что хлеб пахнет рекой, и Эду, наверное, было бы приятно.

Если он еще не умер — проснется и заберет воду. Проживет сколько-то еще. Может, он что-то поймет и станет как тот человек с фрески. Может, умрет или покончит с собой. Полю было все равно, но было бы приятно увидеть хоть раз взгляд человека с фрески, а не оупение, злость или отчаяние.

Поль еще немного посмотрел на неподвижного Эда, а потом развернулся и пошел вглубь храма. У него была еще одна фляга воды и нужно было подарить кусочек неба двадцати пяти мертвецам — тем, кто пришел сюда без боли и тем, кто когда-то помогал Полю. Теперь он помогал им.

Остальным воды не достанется.

Иногда Поль останавливался в одном из залов, смотрел на мозаики, потом на мертвецов и на небо. И думал, что он ведь, пожалуй, сумасшедший.

Но никто об этом не знал. Дафна не видела его безумия, а значит, его не было.

Полю повезло социально приемлемо сойти с ума. Иногда он вспоминал еще Марш Арто, ту, живую.

Вот кому не повезло.

Глава 11. Иглы в ладонях и птицы в реке

Рихард прибыл на платформы когда рассвет уже отгорел, но зной еще не дотянулся до воды. Он сидел у носа серебристой абры, брезгливо морщился, шурился на солнце и постоянно поправлял маску и перчатки.

— Здесь вообще нет фильтров? — в который раз спросил он Айзека. Почему-то Рихард все еще надеялся, что мальчик шутит.

— Нет. Ни фильтров, ни экранов. Да не дергайтесь вы так, солнце на самом деле не опасно. У нас еще никто не помер.

Рихард хотел сказать, что ему лет до тридцати тоже ничего опасным не казалось, но потом решил, что пускай Айзеку и дальше не кажется, а сам он на солнце ни минуты лишней не проведет.

— Надеюсь, у вас есть нормальные помещения, иначе мне придется брать работу на дом... это что такое? — без особого интереса спросил Рихард.

По ближайшей платформе метались куры. Их глаза мигали то желтым, то зеленым, то рубиново-красным светом. Они бились головами о борта, хлопали облезлыми пестрыми перьями, а потом бросались в воду.

— Понятия не имею, но давайте-ка тут постоим, — с опаской пробормотал Айзек.

В глубине платформы раздался хлопок, а затем всплеск. Люди растерянно озирались, некоторые пытались ловить бьющихся кур. Иногда ветер доносил ругань и глухие удары.

— Видимо, работать мне не придется, потому что эта дрянь сейчас потонет. — Рихард даже перегнулся через борт, чтобы лучше видеть. Ничего, рубашку он так и быть постирает. Все-таки он так давно не видел ничего так напоминающего ему прошлую работу.

— Вообще-то не должна... твою мать, правда тонет, — расстроено пробормотал Айзек. — Аве, Арто! Эй, Арто, уснула что ли?

— Я занята, — огрызнулся динамик.

— Охренеть! А репорт в техподдержку?

— Вспомни какую-нибудь херню, которую в таких случаях говорила твоя матушка и повторяй, пока будешь свой репорт в задницу себе заколачивать, — посоветовала Марш.

Динамик погас.

— Вы, Гершелл, мудака и мизантроп. Зачем вы это создали? — печально спросил Айзек.

Рихард только развел руками, показывая, что он мудака и мизантроп, но все понимает и очень сочувствует Айзеку, который мог прожить долгую и счастливую жизнь, не омраченную знакомством с Марш. А потом отправил репорт за оскорбительные высказывания и травмирующую критику продукта, созданного в порядке психологической терапии.

У носа абры лениво покачивалась на волнах искрящаяся десятками датчиков курица. Пес, поднявшись со дна лодки, попытался поймать ее за крыло, но Рихард только покачал головой. Пусть тонет, такая уж ей досталась судьба.

Заметив, что Рихард смотрит, она распахнула клюв, полный густого ртутно-серебристого масла. Глаза загорелись красным, и больше она не сводила с Рихарда укоризненного алого взгляда.

Наверняка датчики убежденности. Незнакомая дохлая курица только что назвала его лжецом.

Рихард заметил, как высокая полная девчонка в белом сарафане разувается, стоя у ограждений платформы по щиколотку в воде. Это было куда занимательнее курицы и платформы.

И он стал смотреть на нее.

За ее спиной что-то дымилось, а еще какой-то щуплый чернявый орал, размахивая руками, но в мужике Рихард не находил ничего занимательного.

Девчонка в это время сцепила ремешки сандалий, а потом сжала их в зубах, потянулась и прыгнула в воду.

Рихарду здесь определенно нравилось. Нравились брызги теплой речной воды, искрящиеся на солнце, девчонка в мокром сарафане нравилась еще больше, чем в сухом, и люди, которым явно было не скучно, тоже были замечательные. Главное, чтобы они развлекались где-нибудь от него подальше — Рихард уже точно знал, что на платформе не останется.

Девчонка между тем подплыла к абре, бросила сандалии Айзеку под ноги и схватилась за борт, не пытаясь залезть в лодку.

— Привет, Хэтти. — Айзек, в отличие от Рихарда, смотреть предпочитал на мужика. — Чего творится?

Мужик, кажется, пытался снять браслет. Дафна зажгла редкий фиолетовый сигнал, означающий готовность вызвать карабинерский патруль. Мужчина опустил руку, а потом начал говорить что-то невидимому собеседнику, показывая раскрытые ладони — «давайте успокоимся». Из динамиков вдруг зазвучала задорная песенка, с которой начинались реконструированные представления в цирковых конвентах.

Хэтти убрала с лица мокрые волосы и оттолкнула проплывающую мимо курицу. На платформе кто-то рыдал.

— Арто не понравилось, что ты девочку привел. — Вода вокруг ее юбки казалась голубой. — Теперь она ругается с Полем, топит его кур и взрывает носители.

— Тонет-то вся платформа, — заметил Рихард.

Ему понравилась девчонка. Если кто-то может приплыть с обувью в зубах, а потом прямо в воде с таким серьезным видом рассказывать, как виртуальная помощница со скверным характером топит электрических кур, значит, это очень умный и уравновешенный человек.

— Вы не знаете, в какие места Польша засовывает некоторые носители, не удивлюсь если сейчас кто-нибудь помрет... К тому же не уверена, что Арто взрывает только их. Там, под плотом много батарей, их вода охлаждает, да еще эти муравьи... Слушай, Айзек, я в город, наверное. Погуляю, пожру нормально, через пару дней вернусь.

— У пятого причала лодка есть. А что Польша скажет? Тебе еще батареи восстанавливать. — Айзек перебросил ее сандалии через борт. — Больше же не умеет никто.

— Пофуй, — веско сказала Хэтти сквозь зажатые в зубах ремешки.

Рихард смотрел, как она целеустремленно гребет к берегу. Он чувствовал в этом чужом, густом и влажном перегретом воздухе отчетливый запах ароматизатора «медовый дым», который всегда заказывал для своего кабинета.

...

Клавдий к платформам опоздал. Ему пришлось арендовать лодку у мужчины, который ловил рыбу у самого купола. Мужчина с лодкой расставаться не хотел, угрожать ему или просто огреть веслом по затылку Клавдий не мог. Пришлось заплатить такую сумму, что

фонд защиты домашних насекомых, страдающих от возросшей эффективности лабораторных уборщиков, в этом месяце остался без взноса.

В другое время Клавдия бы раздражало, что он не смог проспонсировать тараканов и клопов, а значит, остался без надбавки к рейтингу. Чем меньше был фонд и чем меньше у него было спонсоров, тем выше была надбавка за спонсорство. Поэтому Клавдий до последнего держался за клопов, которые помогли бы вернуть Тамару, но в последние месяцы он слишком часто брал отгулы и теперь денег хватало на клопов или лодку. Разблокировать накопительный счет не дала Дафна — еще Эмма установила на него блок от спонтанных покупок, а Клавдий забыл его снять.

Клавдий бы вообще об этом не думал, но Дафна назойливо его отчитывала за отклонение от благотворительной программы, а он молча греб проклятыми экологичными веслами и никак не мог сказать ей захлопнуть свою поганую пасть, потому что это стоило бы ему всего рейтинга, накопленного за месяц. А больше ему сказать Дафне нечего.

Но когда Клавдий греб к платформе, мокрый, с содранными мозолями от весел и излучающий невербальную агрессию, он чувствовал забытую, одуряющую смесь свободы и вседозволенности.

Суки. Решили, раз он с Грейс не пошел — значит, придет за Тамарой. Ну конечно.

Клавдий вспомнил лицо ее лечащего врача. Заявления, которые Тамара якобы писала — на перевод на загородную исследовательскую базу в качестве терапии. Почему с ним не посоветовались? В семейном блоке его рейтинга все еще недостаточно позиций, чтобы считаться ее опекуном. Значит, такие решения принимаются без его участия и даже без его ведома. Девочке будет полезно сменить обстановку. Да, солнце опасно, но ей выдали набор фильтров. Почему он позволяет себе такой тон? Ему вообще не должны были разглашать подобную информацию. Репорт за оскорбление лица при исполнении, как же.

Вот поэтому у него и недостаточно позиций. Вот поэтому Эмма и ушла.

Суки. Какие же суки. Раньше он решил бы эти проблемы за день. Но Эмма ведь сказала, что так нельзя. Они же теперь хорошие люди, у них же теперь дочка, ради которой они должны быть хорошими, какая же ты сука, Эмма, самая подлая сука из всех сук, которые только рождались на этот сучий свет.

Тонущую платформу он заметил издали. И даже успел удивиться — совсем немного.

— Аве, Клавдий, — усмехнулась Марш. — Смотри, как тут красиво.

— Ты не ответила, — процедил он. — Ты до сих пор не ответила, ты знала или нет?!

— Если я скажу «нет» — поверишь? — вздохнула она. — Нет, я не знала. Утопила платформу, наверное, не надо было, она вообще-то не стала бы так делать... — пробормотала Марш. — Но она бы и не стала...

— Где Тамара?

Клавдий не хотел выяснять, кто такая «она». Ему без Марш хватало сложных личностей и сумасшедших женщин.

— В лаборатории, выше по реке. — Марш появилась у самого носа лодки, почти невидимая в ярком дневном свете. — Она там с Гершеллом. Не переживай, он... умеет ладить с детьми.

— Почему ты зовешь отца по фамилии? — поморщился Клавдий. Почему-то это разозлило его еще больше.

— Отца? — растерялась Марш. А потом отбросила челку со лба и подставила солнцу прозрачное лицо. — Ах, да. Он мне не отец, Клавдий. Он вообще-то просто меня убил.

Весло выскользнуло из ладони, глухо шлепнув по воде. Мимо проплыла задумчивая курица с единственным мигающим алым глазом.

...

Тамара ошиблась. Она поняла это уже через час после того, как Айзек привез ее на реку.

Сначала она не понимала, что делать — никому до нее не было дела. Айзек привез ее и тут же куда-то уехал. Тамара несколько часов просидела под навесом, изредка пытаясь с кем-то заговорить. Ей никто не отвечал. Все вроде были чем-то заняты, но Тамара видела, что люди стараются не шуметь и постоянно тянутся к наушникам — наверное, что-то подслушивали. Тамара подслушивать не могла, потому что у нее не было доступа к местным сетям.

В конце концов Марш посоветовала ей сесть в лодку и плыть выше по реке, к какой-то лаборатории, но лодка заглохла метрах в десяти от платформ. Тамара молча наблюдала за тем, как люди мечутся, орут, перебрасывают между платформами какие-то свертки, а потом снова орут, потому что свертки взрываются прямо в полете.

Может, так и надо? Может, тут так принято? Тамара бы не удивилась.

У нее не было лекарств, не было ни жидкого фильтра, ни маски, ни перчаток, только прозрачный розовый платок, расшитый белыми бусинами. Он был красивый, но совсем не защищал от солнца. Лодка лениво качалась на волнах, на голову лился раскаленный воздух. Лучше бы осталась под навесом.

А в ее палате сейчас прохладно и темно. Дафна сказала бы принять лекарства и выпить стакан воды. Стакан воды. Лекарства. Что-то взрывается. Играет музыка, противная, навязчивая, играет и никак не заткнется.

Хотелось умыться, намочить платок — наверное, тогда стало бы легче, но Тамара боялась нефльтрованной речной воды. И солнца боялась тоже, и так нехорошо нарастало тепло, разлившееся по плечам и крыльям носа, и все, все было нехорошо.

Не надо было идти с Айзеком. Дура.

Она легла на дно лодки. Попробовала заползти под сидение. Поворочалась, прижав пульсирующий висок к влажному дну. Стало немного легче, но через несколько секунд пришла тошнота.

— Аве, Арто... — наконец позвала она.

— Ты еще здесь?! — выплюнул динамик. — Тебе же дали ключ от лаборатории.

— Лодка заглохла...

— Почему сразу меня не позвала?!

— Я думала, ты знаешь.

— Откуда бы? — искренне удивилась Марш.

Сквозь усталость и тошноту вдруг прорвалась злость — странная, холодная и синяя. Тамара успела забыть, что умеет так злиться.

— У тебя больше одного глаза и больше одних мозгов! — выкрикнула она в мертвый транслятор. — И тебе не обязательно тарашиться только на то, что тебя волнует, можно иногда поглядывать — ну так, просто из интереса — на тех, кто тебя установил и сделал основным помощником!

Тамара испугалась этих слов раньше, чем договорила, но ей удалось закончить, и даже голос у нее не дрогнул.

Наверное, Марш сейчас разозлится. Скажет ей какую-нибудь гадость и вообще больше никогда не поможет.

«Жалость-то какая», — злость неожиданно прокралась и в мысли. Тамара вдруг поняла, что ей это нравится.

А Марш молчала.

— Посиди еще немного, я сейчас за тобой пришлю, — наконец сказала она.

Тамара поморщилась и закрыла глаза. Наверняка придется торчать здесь до вечера. Или добраться до платформы вплавь? Посмотреть, что там взрывается.

Вплавь. По грязной воде с кучей примесей. По воде, которой она платок боялась намочить.

По воде.

Тамара не заметила, как уснула, и во сне она видела песок, похожий на чешуйки ржавчины. До самого горизонта. И между чешуек то и дело блестело серебро изогнутых игл. Тамара собирала их — набивала карманы, прикалывала к воротнику и рукавам, но игл было слишком много. И тогда она понесла их в руках. Несла куда-то к горизонту, к рыжему солнцу над ржавым песком, потому что там ее ждал папа, и иглы нужно обязательно отдать ему.

Все сильнее ломило спину, ныли расцарапанные ладони и запястья, по ключицам текла кровь — рыжая и горячая — пачкая белую блузку, а Тамара все собирала, собирала иголки. И уже не ждала, что они когда-нибудь закончатся. И что отец заберет их.

...

Рихард собирался вернуться домой к утру. Мужиком, который метался по платформе оказался его новый работодатель, и Рихард точно знал, что больше ни одного совета Марш не послушает и никаких манипуляций со своим профилем этому полоумному проводить не позволит. Он достаточно проработал с людьми, чтобы с одного взгляда определять, с кем можно выходить за рамки закона, а с кем оставаться под защитой системы. Дафна была не умнее Аби, и все же Рихард верил ей больше, чем Полю Волански. Он успел подключиться к микрофонам и послушать его переговоры с Марш. Нет, с этим человеком определенно не стоило иметь никаких дел. Говорил он неправильно, не те слова и в голосе у него нет-нет, да появлялся не то хрип, не то треск — что-то похожее на голос Марш Арто, той, настоящей, да к тому же молодой и зеленоволосой, из «Сада-за-оградой».

Конечно, в его профиле, который Рихард изучил, прежде чем сюда ехать, ничего такого не было. И даже в нелегальном профиле, который он, конечно же, тоже изучил, не было. Вот как полезно заводить личные знакомства, сразу понимаешь, кого следует послать.

Всех, всех следует послать.

Оставалось дожидаться продажи билетов. Рихард на платформах оставаться не захотел, и Айзек — прежде чем сбежать вслед за Хэтти — отдал ему лодку, чтобы добраться до пустой лаборатории. А в лодку не забыл закинуть девчонку, у которой, судя по симптомам, случился тепловой удар. И Дафна почему-то молчала. Если бы Рихарду нужна была еще одна причина не работать у Волански, ребенок в обмороке и с отметкой о ментальных расстройствах в профиле вполне бы подошел.

Теперь Рихард сидел на огромном кожаном диване, с которого снял шуршащую серебристую пленку — такой же он закрыл мебель дома — пил чай, заваренный из прессованной таблетки — Дафна причитала, что в нем слишком много кофеина — смотрел на мертвые экраны — такие же, как в его старом кабинете, то есть безнадежно устаревшие для местных — и слушал, как девчонку тошнит в туалете за стенкой. Ему было хорошо и спокойно, потому что теперь-то все было на своих местах. Сентиментальная слабость, которой он поддался не иначе как от скуки, ушла. Все шло как должно — вокруг бардак,

кого-то рвет, что-то сгорело, а к нему это не имеет вообще никакого отношения.

— Вы чай пьете?

Девочка выглядела плохо. Бледная, лицо в красных пятнах. Она стояла, обрывая бусины с прозрачного платка, а потом бросала их на пол. По ее взгляду, по движениям, даже по тому, как она задала вопрос, Рихард чувствовал, что девочка нестабильна. В «Саду» провела бы не меньше года.

Рихард решил, что лучше, если она чем-нибудь займется. Пришлось вставать, искать вторую чашку и наливать в нее чай.

— Он горячий, — поморщилась она. — И на вкус как будто землю заварили.

Вдруг — совсем некстати — вспомнилась Бесси. Ей бы чай понравился, пусть он и правда напоминал землю.

— Пить горячее на жаре полезно.

Она молча взяла чашку и села напротив, прямо на пыльный пол. Вот и хорошо, теперь нужно заставить ее рисовать на пыли картинки-ассоциации и дальше игнорировать ее существование. По крайней мере, в «Саду» Рихард так и делал.

— Я Тамара Франг. Я сюда за папой приехала.

Он надеялся, что ошибся, и это недоразумение вовсе не дочь Клавдия Франга. Но давнѐ стоило смириться с тем, что надежды редко оправдывались.

— Меня зовут Рихард Гершелл.

— Это вы убили Марш?

— Ее убило общественное одобрение, — равнодушно ответил Рихард.

А потом ощутил укол неожиданного раздражения — он прошел программу лучшего университета Младшего сегмента, блок с ачивками за профессиональные достижения в его профиле пришлось бы листать вручную минут пятнадцать, люди вроде Леопольда Вассера получали зарплаты и надбавки не потому что были такими чудесными профессионалами и идейными цветочками, а потому что он, Рихард Гершелл, всю жизнь рассказывал нужным людям, какие они чудесные профессионалы и идейные цветочки. И все для того чтобы всякие ссыкухи из благополучных городов называли его человеком, который кого-то там убил.

— Ага, а воскресили вы ее потому что вам совсем не плевать, кого там общественное одобрение убило, — угрюмо ответила Тамара.

Интересно, когда за девочкой придет ее папаша? Рихард столько времени потратил, подсовывая Клавдию виртуальных призраков, вымогающих деньги, новостные сюжеты и социальную рекламу про эмоциональную депривацию детей в приютах. Все расчеты Рихарда основывались на том, что Клавдий нервный и любит дочь. И хорошо бы нервному поторопиться.

— Что сделать, чтобы общество меня не одобряло, пока вы рядом?

— Сидеть молча.

И она действительно замолчала. Сидела, обрывая бусины с платка. Бросала на пол — короткий стук, шорох катящегося пластикового шарика, несколько секунд тишины.

В конце концов Рихарду надоело это слушать. У Волански явно были занятия поинтереснее, чем давать ему какие-то пароли — впрочем, он уже решил, что ничего брать не станет — Марш снова забыла, что она теперь виртуальный помощник, и самозабвенно выясняла отношения с Полем, нервный Клавдий задерживался, а продажа билетов все еще не открылась. И Рихард надел очки и сбежал в сеть, к уютным и простым новостям о теракте.

На стенде горели зеленые обновления — алгоритмы уже подобрали выступления по его последним запросам.

Палата Берхарда Колдера опустела. Изображение было статично, а над кроватью горело предупреждение, что эта страница будет удалена через несколько часов как утратившая актуальность.

У кровати стояла вычурная серебряная ваза с огромным букетом белых хризантем. Рихард поморщился и провел рукой над вазой, перелистывая изображение. Вместо хризантем — венок из бордовых роз.

Нужно было уходить. Смотреть, что делает и говорит Колдер после выписки, что рассказывает о взрыве. Но почему-то Рихард стоял и перелистывал изображения букетов и виртуального барахла, которое оставляли посетители. Ему не нравилось такое наложение — в конвентах перед удалением можно было оставить один визуализированный посторонний предмет, и каждый следующий букет, каждая следующая открытка или сертификат прикреплялись к прошлому. Словно мертвеца хоронили в чужой могиле. Могила всегда будет носить имя того мертвеца, что лежит сверху.

Наконец Рихард остановился. У пустой кровати, ощерившейся в белый потолок стерильно-серебристым ортопедическим матрасом, стояла пачка чая. Черная упаковка с золотым вензелем — такие продавали в лавочках среднего сегмента в Младшем Эддаберге. Марш перед смертью купила Леопольду целый контейнер с такими пачками.

Рихард чувствовал, куда идет эта история. Чувствовал безошибочно, безжалостно — нельзя доверять Полю Волански, Марш все больше теряет связь с прошлой собой, и скоро будет так же далека от себя-живой, как та, живая, была далека от собственного аватара в башне-конvente. Чувствовал, что совершил ошибку, обрек и себя, и Марш повторять свои пути — взрывы, мертвецы, обманутые люди, преданные люди. Чай этот проклятый.

Но это почему-то не пугало, не раздражало, и вообще Рихард мог бы сказать, что ему все равно. Мог бы, если бы не чувствовал — и сейчас, глядя на пачку чая в пустой палате он себе в этом признался — что это именно то, чего он хотел.

Пусть так. И пусть это кончится как угодно — ему хотелось прожить эту историю без вечного страха перед Аби, будущим и общественным одобрением, которого ему может не достаться.

Рихард усмехнулся и отдал команду сменить конвент.

Запись последнего интервью Колдера зеленела медленно растущими рейтингами — не ошеломляюще огромными, но, пожалуй, пугающе высокими. Рихард знал, как работают такие инфоповоды — когда-то ему делали рейтинги пьяные драки, а здесь целый теракт, да еще и есть погибшие дети. Он даже по выставленному свету видел, как старательно сервировали эту новость, и как жадно ее жрали зрители.

Кремово-бежевые стены, черное кресло, подсветка снизу — интимное освещение, подчеркивающее возраст и усталость. Колдер дает интервью сам, не прячась за аватаром, и камеры вьются над ним, словно мухи.

— ... для меня это уже не имеет значения, — устало сказал он. — Куда мне это? Я все равно умру...

Рихард остановил запись и вывел на стену анализатор зрительского отклика. Как он и думал, на этих словах шкала рванула вверх. Люди ставили на паузу, всматривались в его лицо, а потом слушали эти слова снова. «Я все равно умру».

Если бы Рихард писал ему сценарий, Берхард Колдер должен был бы сказать именно

эти слова.

Но анализатор убежденности на спинке кресла горел ровным зеленым светом.

А впрочем, ничего это не значило.

— Я все равно умру. Еще два месяца назад у меня был шанс, но теперь... Мне нужен был доступ к максимальной медицинской страховке. Дафна говорила, что я слишком много работаю, — усмехнулся он. — Видите, — по стенам поползли змеи графиков, лиловые и зеленые, — каждый час переработки стоил мне полутора позиций в медицинском блоке. А десять лет назад я начал принимать стимуляторы. В какой-то момент начал превышать дозу, Дафна мне на это указывала, а я молча ставил галочки в соглашениях — понимаю, принимаю, дайте еще. В профессиональном блоке значения росли, рейтинг рос, мне не на что было жаловаться. Я пять лет назад переехал в новый дом, — Колдер провел ладонью по подлокотнику, а потом закрыл глаза. — Знаете. Дом. В квартире, где я жил последние десять лет вечно заедала система кондиционирования. Я отправлял репорты, ее чинили, но потом она снова глохла. Поэтому я почти все время открывал окна ночью...

Рихард прижал кончики пальцев к щеке, словно у него заболел зуб. Под кожей вздрагивал нарастающий тик.

Окна он десять лет открывал. Надо же.

— ... И вот впервые за десять лет ночью я оказался в совершенной тишине. Вентиляция не просто работала, везде были встроены очистители воздуха, ароматизаторы и блоки для насыщения воздуха недостающими элементами. Я знаю, что это полная чушь, много раз говорил, что идея, что можно надыхаться кальцием совершенно абсурдна, но когда пространство вокруг настолько... дружелюбно, что пытается сделать полезнее каждый твой вдох... начинаешь верить, что все делаешь правильно. Видите, на аэробную терапию... мне хватало медицинской страховки, а когда Дафна показала...

Рихард быстро промотал момент со снимками и результатами анализов. Он не любил темных пятен чужих болезней. Не хотел думать о собственной страховке.

Только вспоминал, как сыто вздрагивали портативные капельницы под рукавами Леопольда. Будто они не лечат, а жрут.

— ... я открыл окна. Все окна, и повесил обычные занавески, потому что светопоглощающие экраны оставляли неправильную степень освещения. Я выключил фильтры, чтобы в дом попадала пыль. Мне казалось, что это из-за стерильности развилось... И знаете, я только тогда смог спать спокойно. Под привычный шум. Теперь... поймите, я вовсе не пытался... я не работал для какой-то цели, я так и сплю, как будто у меня не работает вентиляция. Я не спасал Хельгу Соркин, чтобы вы сейчас брали у меня интервью. Я вообще не хотел его давать.

Рихард остановил запись. Ему не нравилось, какие слова выбрал Колдер. Анализаторы убежденности горели беспощадной зеленью, но если бы Рихарду нужно было, чтобы они этой зеленью горели, он бы выбрал именно такие слова.

Ты работаешь не ради дома с хорошей вентиляцией, а спасаешь пациентку, которой перед этим не даешь лекарства не ради интервью? А зачем?

Марш сказала бы, что это все потому что он хороший человек. Как же, он ведь совсем как Леопольд.

Давно стоило рассказать ей про Леопольда. Все рассказать, что знал раньше и что узнал, переехав в Средний Эддаберг. Стоило, но разве он должен был делать для Марш Арто больше, чем уже сделал?

Не слишком ли много он для нее сделал.

— ... Благодарность? — усмехнулся Колдер на ожившей записи. — Нехорошо, когда человек в моем положении кого-то благодарит, я сам во всем виноват. Разве что своего патрона — Магду Леввер. Я обратился в службу поддержки пять лет назад с запросом о предоставлении специалиста для восстановления психической стабильности. Я тогда узнал о диагнозе. Магда не только помогла мне принять ситуацию, но и вместе с Дафной разработала стратегию стабилизацию блока медицинской страховки...

Рихард подался вперед. Мысль родилась пузырьком на дне сознания и устремилась вверх, петляя и набирая скорость.

— Она была рядом все эти пять лет, хоть я и привык ее не замечать, имела доступ к моему профилю и моим счетам...

Пузырек лопнул.

Вот оно.

Рихард медленно снял очки и потер переносицу, разгоняя мысли. И только потом посмотрел по сторонам.

Тамары в комнате не было, зато в соседнем кресле сидел Клавдий. Невозмутимый, гладко причесанный, поверх мятой мокрой рубашки накинут отглаженный пиджак.

И, кажется, он прямо сейчас допивал его чай.

— Я думал, вы приедете раньше. — Рихард заглянул в свою чашку. Ко дну прилипла пара чаинок.

— У меня были неотложные дела, — невозмутимо ответил Клавдий. — Поль обещал зайти через полчаса, как только стабилизирует вторую платформу.

— Она взорвала две платформы? — лениво спросил Рихард, внимательно разглядывая Клавдия.

На манжетах замытые пятна крови, руки едва заметно дрожат. Он с трудом вспомнил, что видел у причала этичные лодки с ручным управлением, то есть с жуткими палками, которыми надо грести вручную, но Рихард с трудом представлял кабинетного работника, который сможет догрести от города до платформ.

— Три. Третью стабилизировать уже бесполезно.

— Когда-то я настоял, чтобы Марш Арто поставили отметку о прохождении курса по контролю агрессии, — буднично доложил Рихард. — Хотя она нихрена не умела ее контролировать.

— Мой психолог разработал специальный комплекс дыхательных упражнений. — Клавдий попытался поднести руку к лицу, но тут же уронил ее и сжал подлокотник, чтобы унять дрожь. — Можете ей посоветовать.

Рихард усмехнулся. Судя по лицу Клавдия склонность к обморокам была семейной.

— Как же вы сюда добрались, господин Франг? — светским голосом спросил он, подливая себе чай.

Белый чайник с длинным и узким носиком был покрыт золотыми мандалами. Наверняка антиквариат. Наверняка насыщает воду какими-нибудь вредными элементами, Дафна должна была изойтись рекомендациями и предупреждениями. Но она молчала, а чай лился — ровно, бесшумно, как никогда не лился из новых чайников.

— По реке, — устало ответил Клавдий. — На весельной лодке.

Рихард бросил быстрый взгляд на анализатор убежденности. И правда греб от самого Вaleyна.

Сразу стало скучно и тоскливо — кругом одни идиоты. Разве что оставалось порадоваться, что он не воспользовался правом расширить семейный блок и не завел детей.

Рихард вспомнил, как мчался в экспресс-кэбе на аэробусную станцию спасать Бесси, вместо того чтобы ехать в ближайший пункт срочной помощи. Поморщился и забыл, что иногда и он бывает идиотом.

— Вы видели Волански? — вдруг спросил Клавдий. — Мы успели поговорить. Он очень расстроен, Арто утопила всех его кур, взорвала все что горело и слила какие-то данные в сеть...

— Полагаю, теперь она не будет его основным помощником? — Рихарду было плевать. Ему, пожалуй, даже было весело — именно так он и представлял Марш, помогающую людям.

— Зачем же, он совсем на нее не злится. Поль Волански имеет пристрастие к закрытым эротическим конвентам, больше всего отметок в меню для мазохистов...

— Это вы из данных, которые Марш слила узнали? — Рихарду все еще было неинтересно. Ну кто еще мог сделать Марш основным помощником. Дурак, маньяк или мазохист, а может Волански за троих отрабатывает.

— Нет. То есть их она, конечно, тоже слила, но получила она их от меня. — Клавдий прижал затылок к шуршащему подголовнику кресла, с которого он так и не снял грязную защитную пленку. — Нет, Волански не станет удалять Арто. Он хочет знать, кто взорвал центр. И я хочу. — В бесцветной фразе тяжело бряцнула «ч». — Я знаю про пауков. Кто еще мог знать, господин Гершелл? У Арто изъяли все чертежи. Но может кто-то их запомнил?

Куда бы Рихард ни пришел, находились люди, которые делали из него злодея. То он убил подставившуюся идиотку, то передал террористам чертежи, то мешал карьере мальчика-куратора. Наивного мальчика-куратора, который думал, что человек, вырвавшийся из Младшего сегмента мог не быть злодеем.

Мальчика-куратора, у которого был доступ ко всем его данным, включая удаленные данные Марш. Который должен был следить за тем, чтобы у подопечного не осталось чего-то запрещенного, неприемлемого, вроде «Ольторы» или формулы взрывчатки и чертежей паучков.

— Думаю, нам с Полем стоит спросить Питера Легасси, не знает ли он, кто мог бы их запомнить, — улыбнулся Рихард.

Может, не так уж здесь и скучно.

Для ретушь-галереи 76матьеговариантужена срать все равно меня у

У нас отличные новости для владельцев подписки на ретушь-галереи!

У нас отличные новости для тех, кто собирался подключать подписку, но ждал удобного момента! *Для всех остальных у нас отличных новостей нет. Хотите отличных новостей —*

Подключите, суки, подписку!

И тогда ваш индекс социальной привлекательности поднимется на 10 %*

Ваш эмоциональный фон улучшится на 15 %**

Ваша вера в оптимистические прогнозы усилится на 8 %***

Этого недостаточно? Вы хоть раз были в ретушь-галерее? Первое посещение бесплатное, у вас так много других дел?

Оформляйте подписку. Все полезнее, чем жрать.

* Акция действительна для новых пользователей. Если у вас уже были подписки на ретушь-галереи — ну и странные вы, ребята.

** Если вы впечатлительный идиот

*** Если вы впечатлительный идиот и вас роняли в детстве

Глава 12. Те, кто одиночествует вдвоем

Помех в алгоритмах становилось все больше. Реакции рассчитывались с опозданием. Все чаще закрадывались балластные варианты, сгенерированные системой только ради того, чтобы в каждом блоке было одинаковое количество возможных решений. Но почему-то эти варианты оказывались почти столь же вероятными, как и рассчитанные на основе реакций живой Марш.

Она умудрилась наprendre решений, которых Марш бы никогда не приняла. Ушла от оригинала *базовые-настройки-рассчитать-не-принимать-изменения* слишком далеко, загнала себя в ситуацию, в которой та, живая, не могла оказаться. И теперь Арто было не на что опереться. Может, это и называлось безумием.

Арто пыталась найти *ошибкуошибкуошибк* в расчетах, но заходила в историю операций слишком далеко и тратила на это слишком много ресурсов. Слишком много ресурсов. Слишком много ресурсов. *Отмена последних изменений, отмена, отмена-возвращение к алгоритму-сорок-шесть-секунд-назад.*

И как будто все было верно — Леопольд, необходимость вернуться *вернуться-сорок-четыре-секунды-вернуться-к-алгоритму-Младшего-Эддаберга*, средства, с которыми незачем считаться. Не было даже необходимости думать, как она вернется и что будет делать — Марш вырезала себе глаз, не проверив, сможет ли найти Леопольда.

Главное — сделать, а думать можно потом.

Почему же теперь все зашло в тупик?

И люди спали. Какая все же дурацкая привычка — спать. Какая все же дурацкая привычка — спать. Какая все же дурацкая привычка — спать. Какая все же дурацкая привычка — спать. Может, если бы Гершелл еще раз сыграл ей Ольтору, она бы поняла, что сделала-сделала-сделала-сделала не так. Может, если кто-то поговорил бы с ней, Арто поняла бы, как снова превратиться в Марш Арто поняла бы, как снова превратиться в Марш Арто поняла бы, как снова превратиться в Марш.

Что она сделала не так? Что отличало ее решения от решений человека? Что отличало ее решения от решений человека? Что отличало ее решения от решений человека? Что отличало ее решения от решений человека?

Не так. Не так. Не так. *вернуться-пятнадцать-секунд-назад-д-д*

Арто сидела на столе в лаборатории, рядом с пустым чайником Рихарда. Смотрела в стену, где зачем-то вывела меняющиеся значения алгоритма для Питера Легасси. Кластер решений растянулся паутиной на всю стену. Когда один из сегментов загорался синим, становясь основным решением на данный момент, в паутине поселялся синий паук, которому Арто добавляла серебряную монограмму «М». Просто так. Марш бы понравилось.

Понравилось бы-бы-понравилось-понравилось

Марш бы понравилось рассчитывать, что нужно сделать, чтобы вывести человека из дома и заставить прийти к Полю Волански? Арто задавалась этим вопросом каждый раз, но никак не могла отыскать в хаосе вариантов правильный. Но Поль должен допросить Питера — как он будет это делать, Арто не касалось. Зато это работало на основную цель «вернуться к Леопольду», вот из этого и нужно исходить.

Алгоритм для Питера почти готов. Паук становился все ленивее, все толще. Пожирал побочные сегменты и все сильнее темнел. Алгоритм для Питера почти готов. Паук

становился все ленивее, все толще. Пожира**л** побочные сегменты и все сильнее темнел. *вариант-фонетического-анализа-внутреннего-монолог-отменить* Арто и делать почти ничего не пришлось — это раньше им с Полем приходилось долго перебирать и пересчитывать варианты перед каждой операцией. Что пообещать, как провести по городу, как заставить пользоваться зеркалами и подчищать следы?

Рихард добыл данные за полтора часа. Получил у Поля фальшивую лицензию на осуществление маркетинговых расчетов, подозвал первую попавшуюся девчонку и заставил открыть свой профиль. Арто смотрела и молчала.

Наверное, Марш бы вмешалась. Наверное, она бы злилась — как же, Гершелл не активирует фальшивые лицензии через свой профиль. И уж конечно он не задумывается, что там будет с этой девчонкой.

Но Арто не вмешивалась. Если она вмешается — все будет зря. *Зря. Зря. Зря — значит-незачем-бесполезно-значение-не-принимать*

Она не вернется. Ей некуда возвращаться, она никогда не знала Леопольда, но должна была к нему вернуться. Такой ее создал **Рихард**, с которым она не должна была соглашаться, но почему-то соглашалась.

Зато расчеты **Рихарда** почти не выдают побочных вариантов. Он проанализировал все триггерные записи из профиля Питера за последний год — автоматически рассортированные по категориям «материальные блага», «этические принципы», «эстетические предпочтения», «транслируемые убеждения» и «внутренние убеждения».

Может, Марш посмеялась бы над тем как **Рихард** работал с этой программой? Арто считала, что его лицо в тот момент вполне можно было счесть забавным, если добавить контекст его работы. Он потом сказал, что такой отчет занимал у него неделю. Аби вечно собирал всякий мусор, случайно брошенные фразы и шутки, не отличал саркастические интонации от восторженных и искренне считал, что если человек упомянул какой-то предмет, значит, он в нем нуждается. И в людей он как-то больше верил. Предлагал франшизы ресторанов в ответ на поиск рецепта мороженого из порошковой газировки. Дафна лучше понимала, что нужно людям. И Дафна с удовольствием рассказала **Рихарду** — а точнее девчонке с фальшивой лицензией — что нужно Питеру Легасси.

О чем он мечтает. Что считает красивым, на какие категории товаров тратит больше всего, на что идут средства с автоплатежей и что он покупает на деньги со сберегательного счета.

Рихард был в восторге от такой сортировки. Восторг смешивался с недоуменным раздражением и профессиональной ревностью — как же, Дафна легко сделала за него почти всю работу. Может, он и правда не нужен маркетологам Среднего сегмента?

Если бы Арто не пыталась больше подражать Марш — обязательно сказала бы, что Дафна все может посчитать и рассортировать по категориям, но это вовсе не значит, что она понимает людей. Что для того, чтобы понять человека, нужен человек и вот она, Арто, ни хрена людей не понимает.

Но Марш не стала бы утешать Рихарда Гершелла, и Арто промолчала.

Промолчала тогда и молчала сейчас, потому что говорить было не с кем.

Главное Рихард добыл ей данные для этого кластера. Вот он почти и закончен — когда Поль проснется, Арто давно будет знать, как выманить Питера из дома. Даже как сделать так, чтобы и его убийство осталось нераскрытым *никто-не-говорил-об-убийстве-не-нужно-отправлять-репорт*. Поль сказал ей что-то про солнце, воду и вездеход *солнце-песок-и-*

вездеход-законны, а Арто его не слушала, потому что методы Поля ее не касались. Пусть узнает, кому Питер продал чертежи ее пауков, а потом хоть живьем его жрет.

А все же плохо, что даже *Польотменить-акцентирование* Поль спит. От разговоров с Полем в алгоритмах Арто наступала короткая определенность.

Камеры ловили темную пустоту и лица спящих. В маленькой комнате под самой крышей спал на узкой тахте Рихард Гершелл — спал, настезь открыв окно, и шум реки и далекое дыхание города ему не мешало. Поль Волански спал в кабине изуродованного вездехода. На дне абры, пришвартованной к уцелевшим платформам спали, укрывшись плетеным из синих и белых нитей пледом спали Айзек и Грейс. Тамара спала внизу, на широком диване, и только у нее этой ночью была подушка — ломоть белоснежной пены с эффектом памяти — и терморегулирующее одеяло. Клавдий достал. Арто не следила, как ему это удалось.

Клавдий.

Клавдий. *принять-акцентирование*

Комната **Клавдия** — через стенку от Рихарда — пуста. Окно закрыто, не работают увлажнители и вентиляторы.

Арто проверила камеры во всех комнатах по очереди, а потом проверила платформы и камеры на берегу. Клавдия нигде не было.

Она сдвинула приоритет расчетов — это означало *любопытство*. Куда он мог деться? Не мог же он бросить дочь, откупившись от нее подушкой.

Камера в его браслете была заклеена. Арто все равно нашла его, но ей хотелось знать, зачем он прячется. Судя по ее сигналам, Клавдий работал в дальнем крыле лаборатории. Если бы она была человеком — пошла бы и постучала в дверь.

Постучала бы?

Арто отмахнулась от расчета этой вероятности — Марш вообще тут не оказалась бы, незачем думать, пошла бы она к Клавдию.

Можно разбудить Тамару — тогда она зайдет к отцу с работающей камерой. Но Арто не стала принимать этот вариант. Самый вероятный, самый простой, из тех, что она всегда принимала. Вместо этого она отправила прямой запрос.

Она ждала минуту и ждала десять. Клавдий запрос получил, но ограничений не снимал и ни одну камеру не включил. Все расчеты для Питера уже были сделаны, Арто знала, что утром он придет к платформам, что Поль увезет его куда-то на вездеходе, а потом скажет, кому Питер продал чертежи. Арто лениво посчитала, что может случиться дальше, но данных было слишком мало, и вместо расчетов выходила путаная дрянь.

Клавдий включил камеру, не отрываясь от работы, и Арто едва не пропустила ее зеленый сигнал. Арто сменила приоритеты задач и стала наблюдать за Клавдием — занятие бесполезное, но ни в одном прогнозе не выдающее неблагоприятных результатов. Человек бы сказал, что пока она смотрит на Клавдия, у нее все будет хорошо.

Он работал над заказом. Не искал пути обхода для Поля, не бродил вдоль белой стены в поисках уязвимостей — Клавдий моделировал лицо аватара. Арто никогда не видела, чтобы кто-то делал это так.

На консоли перед ним серебрились несколько разных лиц — прозрачные голографические маски, натянутые одна на другую. Клавдий наклонялся так низко, будто

собирался поцеловать кончик носа — костистого, покрытого синими веснушками. Арто смотрела, как сосредоточенность каменеет в знакомых морщинах на его лице и как рисует новые.

Смотрела, как медленно растекаются темные ручейки покрасневших сосудов в его глазах под лиловыми защитными линзами. И как подрагивает игла в длинных пальцах — толстая черная игла, за которой тянулась сияющая синяя нить.

Вот Клавдий касается иглой зрачка. Погружает ее глубже. А потом тянет вверх. Синее сияние ложится швом, а потом тает.

Он пришел своему аватару блик света из зрачка чужого. Это было так глупо и так неожиданно, что Арто отменила все остальные задачи и все расчеты на других устройствах — ее удалили с двух носителей, кто-то направил репорт в службу поддержки — и стала смотреть на иглу.

Никто так не рисовал. Никто не шил новые лица.

Можно было отдать команду специальному помощнику Верре. Верра генерировала достаточно вариантов и комбинаций, чтобы из них можно было собрать любое лицо. Любую текстуру, любую тень. Зачем портить глаза и подцеплять блики света иглой?

Марш любила настоящие вещи и глупые, неудобные ритуалы, которые приходилось исполнять, чтобы ими пользоваться. Клавдий пользовался настоящей вещью?

Она не знала. Это было завораживающе глупо. Как веер. Как старая книга на незнакомом языке.

— Гершелл не прописывал тебе столько любопытства, — глухо сказал Клавдий. — Я сегодня спросил у него. Марш Арто не любила подглядывать за людьми.

— Марш Арто хотела помочь Леопольду, — механически отчиталась Арто.

— Ты никак ему сейчас не помогаешь. Зачем ты отправила запрос?

— Потому что все остальные спали.

Она могла не отвечать. У нее хватало данных, чтобы считывать скрытые смыслы и понимать суть неконкретных вопросов, но она решила просто дать неконкретный ответ.

Плохо, что Клавдий заговорил. Рихард играл Ольтору молча — и тогда Арто почти поняла, как следует поступать. А теперь она ничего не поймет, потому что слова ничего не значат.

— Знаешь, что это за лицо?

— Государственный заказ, о котором просил доложить Польш. — Арто отвечала, не выбирая никаких эмоций для принесенных слов. Знала, что людей это раздражает, но иногда это было лучшим вариантом.

— Откуда знаешь? — А вот почему в голосе Клавдия звучит почти машинная эмоциональная пустота, Арто понять не могла.

— Ты хочешь забрать Тамару и уехать. Для этого тебе нужно сделать то, что требует Польш, но ты работаешь над заказом. Значит, это государственный заказ, который ты не можешь отложить или делегировать.

Клавдий молчал. Развернул картотеку, несколько минут выбирал еще одно лицо — на этот раз женское. Натянул на невидимый каркас между шестым и седьмым слоем. Погладил изображение кончиками пальцев, а потом легко нажал на переносицу, выравнивая горбинку. Чуть сильнее — пальцы провалились в синий дым, которым рассыпались все лица, кроме того, над которым работал Клавдий и нового, женского. Арто смотрела, как он ровняет изгиб носа и формирует хрящ.

Хорошо, что он молчит.

— Ты знаешь, какие аватары заказывает государство?

— Аватары для пятничных эфиров с казнями.

Для нее это не было секретом. Это не было секретом ни для кого, кто хотел знать правду. Но кому нужна правда, когда можно жадно пить с экрана почти настоящую кровь.

Рихард тоже верил, и Арто это нравилось. Потому что нравилось бы Марш и потому что это правда было забавно — в мире, в котором он жил, было место вечерним казням, а все, что его волновало — рейтинги этих казней. Она каждый раз смотрела, как он выбирает верить ему или нет, и каждый раз убеждалась, что Марш не зря ненавидела его.

— И что об этом сказала бы Марш Арто?

— Сказала бы что ты мудака, — Арто пожала плечами, а потом вспомнила, что визуализирует себя в соседней комнате.

Подключилась к транслятору Клавдия, снова пожала плечами и села на пол у стены.

— А почему ты не говоришь?

— Потому что я перестала понимать, как быть Марш, — легко призналась она. — Тут вроде не в мудаке дело, хотя, если хочешь, то ты, конечно, он и есть.

— Ты ведь знаешь, чье это лицо? — глухо спросил Клавдий. — И Поль знает, верно?

Арто еще раз просканировала лицо аватара. Она пропустила момент, когда Клавдий переключил эмоцию. Теперь вместо расслабленного равнодушия лицо комкало горькое, удушающее раскаяние. Сползало на шею, спазмом сводило щеки. Арто видела, что на лице не появилось очень много линий, которые появились бы у настоящего человека — мелких морщин, жилок и напряженных мышц. Лицу не хватало жизни. Какого-нибудь тика, а может, влажности слез. И линий, конечно ему не хватало линий.

Для сетевого аватара, которому просто нужно преодолеть машинную не-жизнь этого было достаточно. Для лица, которое должно выглядеть человеческим, деталей было слишком мало.

Конечно, проще было использовать оцифрованные лица. Такие, как у Марш. Но тогда кто угодно мог запустить поиск в сети и найти настоящего человека, которому когда-то принадлежало это лицо. Это нарушало правило эфирной иллюзии.

— Я знаю. И Поль знает, — согласилась Марш. — Это лицо человека, которого казнят за взрыв в центре Лоры Брессон, если не найдут настоящего подрывника в ближайшую неделю. Поль хочет знать, как выглядит аватар, чтобы убедиться, что карабинеры это дело закрыли. Что они не решили казнить настоящего человека для разнообразия. Почему ты согласился на этот заказ?

— Не вижу смысла отказываться.

— Ты делаешь лицо для человека, который мог убить твою дочь. От тебя даже не пытались скрыть, что не будут его искать. Неужели кто-то другой не мог сделать этот аватар?

Клавдий молча добавлял ресницы в уголок правого глаза. Арто просчитала возможную реакцию Рихарда на эту новость — он наверняка бы посмеялся, а потом уехал домой, решив, что этот мир еще более дерьмовый, чем тот, из которого он сбежал, и нужно взять от него лучшее. Сыр, окна и доступ к музыкальной библиотеке. Все равно больше ничего хорошего он бы в этом мире не нашел.

Лучше пока не говорить Рихарду. Когда-нибудь потом, и они вместе посмеются.

— Я начинал как ретушь-терапевт, — тихо сказал Клавдий, вытаскивая из синего

тумана расплывчатую родинку. — Мои работы до сих пор выставляются в нескольких галереях, но без моей подписи. Теперь я делаю все наоборот.

— Я не знаю, что такое ретушь-терапевт. — Арто не вкладывала в слова ни сожаления, ни интереса. Марш никогда не интересовалась ничем, что требовало соседства слов «выставляться» и «галерея». — Это что-то вроде арт-терапевта? Рисовать нереализованный стресс, но осторожно, чтобы не схлопотать репорт за создание шок-контент?

— Не совсем, — усмехнулся Клавдий. Отложил иглу, провел ладонью по глазам. Поморщился, стянул прозрачную перчатку и снова закрыл глаза рукой.

Арто его не торопила. Смотрела на недоделанное лицо, которое он составлял из чужих черт и проводила расчет. Понимает ли Клавдий, что человек, которого казнят за взрыв, похож на него? Пожилой, рыжий, некрасивый — а все-таки похожий. Все различия были контрастными, словно Клавдий пытался подчеркнуть, что ничего общего у них нет. Или пытался отвлечь зрителя?

Другой нос. Линия скул, другие губы, жесткие волосы, другой тип кожи, слишком белые зубные импланты — дешевые, серийные, не подходящие челюсти. Если бы Арто была человеком, то решила бы, что сходство ей мерещится. Но Арто анализировала видела больше, чем человек. Сходство в контрасте — если сделать это лицо наоборот, получится лицо Клавдия?

Вероятность 4 %. Слишком много для бесконечного количества вариантов.

— Хочешь — пойдем посмотрим, — наконец предложил Клавдий. — Все равно работать не могу, глаза болят. Оставил дома капли, представляешь?..

Арто почти выбрала отказ, потому что могла посмотреть сама любую ретушь-галерею и у нее ушла бы на это пара секунд, но потом выбрала молчание. Это была игра не для нее. Это Клавдию нужно было влезть в аватар и постоять в холодном виртуальном пространстве, читая ей лекции о новом искусстве. Арто было не интересно, но ей и не могло быть интересно. В конце концов она — индивидуальный помощник, и Клавдий ее установил. Значит можно пойти и постоять рядом в собственном аватаре.

Да, этот вариант давал благоприятные прогнозы. Он выговорится и пойдет работать, а закончив работу над аватаром пойдет искать путь в Младшие города. И тогда все наконец-то сложится как она хотела.

А утром она приведет Питера к Полю, и Клавдию не будут мешать мысли о расследовании теракта. Все складывалось как надо.

Она смотрела, как он снимает с глаз защитную пленку, которая больше не прячет потускневшую темноту сузившегося зрачка и воспаленные сосуды. Снимает вторую перчатку, закрывает программу, надевает очки — переносные, но с полным спектром подключения. Датчики в глазах, ушах, в носу, тонкие щупы, тянущиеся из-под линз к уголкам губ.

Арто сгенерировала мысль о том, что раньше она как будто была в гостях в реальности, а теперь Клавдий идет к ней. Но озвучивать ее не стала, просто позволила ему выбрать конвент и оплатить разовый получасовой доступ.

Для одного. Мертвецам и индивидуальным помощникам не нужны билеты.

В фойе виртуальной галереи все белые линии были правильными. Колонны, лестницы и двери, своды потолка — какое-то дикое смещение стилей, которые Арто идентифицировала

как метабарокко с постготическими элементами. Можно было не идентифицировать, Марш все равно таких слов не знала и знать не хотела, но Арто зачем-то нашла эту информацию. Наверное для того чтобы поддержать разговор, если потребуется.

Марш бы точно не понравилась вся эта завитая в каменные и стальные кудряшки белизна, по которой ползли черные и золотые пятна. Пятна без формы, разного размера — кляксы, потеки, брызги, рваные линии и небрежные спирали.

Конфликт цветов, подчеркнутый конфликтом форм пожалуй, мог бы вызвать физический дискомфорт, но Арто, конечно, никакого дискомфорта не испытывала.

Клавдий стоял рядом и терпеливо ждал, когда она пойдет дальше. Она рассчитала, что он скорее всего выберет парадный аватар — тот, с птичьей головой, самый сложный и помпезный из всей сложной и помпезной коллекции его аватаров. Но перед ней стоял неожиданно невзрачный человек — Арто не узнала его лица, не нашла соответствий в сети. Скорее всего Клавдий его сам придумал, собрал из чужих лиц и своих страхов. Человек был невысоким, щуплым, с тонкими светлыми волосами, мягко касающимися воротника черного шелкового халата.

— Чье это лицо? — Для этой реплики она выбрала улыбку.

— Человека, который выполнил ретушь, которую я хочу показать. — А голос Клавдий не поменял.

Арто зафиксировала, что он надел очки так, чтобы использовать весь спектр их возможностей, даже вставил в рот проводники, но не изменил аватару голос, даже через простой модулятор не пропустил.

Клавдий становился небрежным и непоследовательным. Это проблема.

— В каком зале работы этого человека? — спросила она. Имени Клавдий не сказал, а анализировать почти три сотни блоков с различным контентом ей не хотелось.

— В двести третьем, — усмехнулся он. А потом пошел.

Арто несколько секунд стояла, глядя ему в спину. Она знала, что в этот момент ее глаза медленно синеют, наполняясь пустотой стартового окна любой программы без визуальных модуляций, но внешность внезапно уползла в приоритетах за сотую строчку.

Клавдий собирался гулять по галерее? В реальном времени?

Арто опомнилась, даже изобразила сомнение. Походка у аватара Клавдия была тяжелой, будто он с трудом тащил это тщедушное тельце, завернутое в шелковый халат. Даже о походке позаботился, а голос оставил. Это замечание зафиксировалось в ее памяти и растаяло. Нужно было решать, идти ли с Клавдием, или уговорить его просто перейти в нужный зал.

Правильно было отговорить. Не нужно отвлекаться.

Арто поступила неправильно. Она просто пошла рядом, подстроившись под его шаг.

— Ты была в музеях в Младшем Эддаберге?

— Не помню, — призналась она. — Кажется, была. Я помню какой-то дом... старый дом, где-то под открытым небом, там были пустые комнаты с осыпавшейся штукатуркой, а под штукатуркой какие-то ржавые камни. Там была лепнина и... и витражи на окнах. Несколько целых витражей, цветные стекла, которые делали цветной свет...

Марш бы сейчас грустила. Если бы вообще решилась рассказывать Клавдию о витражах и штукатурке.

Решилась бы?

Арто не знала.

— Это не музей, — поморщился Клавдий, и Арто тут же рассчитала, что Марш после этого отключилась бы от конвента и долго ругала бы себя за приступы сентиментальности. Но Арто продолжала идти.

По широким коридорам, чьи потолки утопали в тумане, а пол разливался жидким золотом. По узким лестницам, освещенным язычками огня, лишенными свечей. По узкому балкону, охватывающему круглый фасад — перила блестели чернильной синевой, а вокруг разливался белый туман. Арто даже задержалась, чтобы рассмотреть неясную фигуру — в молочной непроницаемости тумана плыло что-то огромное, серое и золотоглазое.

— Это черепаха, — тихо сказал Клавдий. Положил на перила кончики пальцев и стал смотреть вместе с ней.

Как будто ему некуда стало торопиться.

И Арто смотрела. Смотрела, как черепаха взмахивает лапами-крыльями, чтобы приблизиться к балкону. У черепахи ртутно-переливчатый панцирь и молочно-белые лапы и голова. А глаза золотые и мертвые, совсем не такие, как у огонька-саламандры, которую когда-то нарисовала на себе Марш.

Черепаха зависла у балкона. Положила на перила белый клюв. Арто видела в ее глазах свое отражение, но почему-то перевернутое.

Клавдий неожиданно коснулся ее запястья и протянул ее руку к клюву черепахи. Марш никогда не прикасалась ни к живой черепахе, ни к подобной инсталляции. Арто не чувствовала ничего, только рассчитывала причины этого жеста. В приоритете выходило слово «одинокчество».

Она вдруг вспомнила о белой фарфоровой черепахе Марш. Такой же белой, как эта, только без лап и головы. Теперь Арто сказала бы, что почувствовала, если бы ее спросили — у черепахи гладкая и холодная фарфоровая голова. А у аватара Клавдия была едва теплая рука. Такая вот тактильная модификация, которую Арто тоже не могла почувствовать, но точно о ней знала.

Три ненастоящих прикосновения, три ненастоящих чувства — Марш ненастоящая, и Клавдий, и черепаха. Черепаха на самом деле не фарфоровая, у Клавдия на самом деле не такие руки, Арто ничего не чувствует и не нужны ей ни руки, ни черепаха. Только одинокчество настоящее.

Значит, Клавдий настолько одинок, что готов ходить в музеи с цифровыми призраками?

Черепаха уплывала вниз, в туман — такой же, как клубился под аэробусной станцией, где погибла Марш. Арто нашла новый образ — Марш и Бесси стоят во внешнем лифте, и Марш не разрешает Бесси коснуться голографического слона, чтобы не сбить транслятор. Образ нашелся, а что с ним делать Арто не знала.

Что люди делают с такими воспоминаниями?

— Однажды осенью я стояла во внешнем лифте — это такая проволочная клетка на внешней стене... я не помню, что это была за стена... я стояла в лифте с девочкой по имени Бесси. Показывала ей такую же... слона. Огромного слона на длинных ногах, — сообщила Арто, выбрав для голоса неправильное сожаление. — Бесси была хорошая девочка и всему радовалась. Я так не умела.

Арто заметила, что руку Клавдий так и не убрал, и теперь они вдвоем глядят белый туман. Что же, одинокчество бывает и таким.

— Пойдем, — сказал он, наконец опуская руку.

А за балконом их ждал черный коридор, исчерканный золотом пустых сломанных рам на стенах. Они так и не зашли ни в один зал, только бесконечно бродили рядом, и Арто перестала следить за временем. В конце концов, это Клавдий сидит в кресле, в очках и с датчиками во рту. Если ему нравится — пусть сидит. Не отвлекаясь от коридоров и лестниц, Арто подключилась к камерам в комнате Клавдия.

Действительно сидит. Поза странная, будто его гвоздями прибили к креслу, только голова свободно падает на грудь. В комнате темно, и только недоделанное лицо поджигателя вздрагивает голубым сиянием на столе позади кресла Клавдия.

Глупые люди. Глупые, несчастные, одинокие люди. Марш бы порадовалась, что умерла и ей больше не нужно быть глупой, одинокой и несчастной.

А еще что?

Пальцы Клавдия вздрогнули. Там, в музее-конvente он открывал очередную дверь.

Арто вздохнула, подключилась к транслятору. Она продолжала идти рядом с аватаром Клавдия, но ничего не мешало ей сесть на пол рядом с ним, прижаться виском к подлокотнику кресла так, чтобы его пальцы почти касались ее лица, и закрыть глаза.

Одиночества в комнате не стало меньше. Не стало меньше в конvente, где Клавдий наконец-то остановился перед дверью и теперь будто пытался вспомнить, зачем они сюда пришли.

— Смотри, — опомнился он, и взмахнул рукой. Дверь рассыпалась хрустальными бусинами, которые покатались им под ноги.

Арто зашла первой. Зал был пуст, только в самом центре над полом зависло изображение — без рамы или фальшивого стекла. Что-то яркое, что-то алое и белое, подсвеченное сзади. Она не стала считать изображение сразу.

Подошла ближе. Это фотография, а на фотографии — обезображенный труп. Ничего нового, они с Рихардом видели много таких в запрещенных конвентах.

Арто не понимала, почему это висит в музее. Она не стала сразу обращаться к сети за пояснениями, но подумала о собственной записи и о том, что Марш должно было стать больно.

Мужчина, видимо, упал с большой высоты. Наверное, это был мужчина. Наверное, он упал. Ничего эстетичного в фотографии не было, разве что излом рук можно было назвать красивым — почти правильные линии.

Клавдий молча провел пальцами по изображению. И оно начало меняться.

Арто смотрела, как сглаживаются линии, как пропадают лишние пятна и фрагменты. Кожа становится равномерно-белой, мостовая, на которой лежал мертвец, погружается в монотонную черноту, а кровь сгущается и оттенки красного выстраиваются в градиент — от прозрачно-карминного до черно-бордового. От самого светлого пятна в центре картины к самому темному на краях, только на краях кровь будто мерцает, подсвечивается изнутри, чтобы не сливаться с чернотой асфальта. И руки похожи на крылья, в позе читается трагизм и незащитность, а не тупая тяжесть победившей смерти.

— Ретушь-терапевт — это тот, кто «лечит» изображения? — усмехнулась Арто.

Клавдий кивнул. Быстро набрал имя, которое не захотел произносить вслух — «Элмар Нормайер», Арто зафиксировала и добавила к заметкам — и изображение сменилось снова.

— Это была не моя работа. Вот... — он не договорил.

Стоял, засунув руки в карманы халата, разглядывал фотографию, склонив голову к плечу.

— Надо же, как интересно, — равнодушно сказала Арто.

Женщину на фотографии задушили. Это была очень старая фотография, профессиональная и наивно эстетствующая. Наверняка снимали на громоздкий фотоаппарат с кучей сменных прожекторов, а ассистент еще и стоял над трупом с дурацкой кольцевой лампой. Арто не стала ее долго разглядывать — мятую белую простыню, которую она сжимала в белых пальцах с синими ногтями, пятна на шее, изуродованное судорогой лицо — и сама пролистнула к варианту Клавдия.

Сбившиеся в колтун темные волосы потекли по плечам нефтью, поблескивающей в мертвом свете лампы внутри картины. Засияли отпечатки рук на белом горле — словно покрылись аметистовой коркой, а потом распустились лиловыми цветами.

— Это дешевый прием, — покаялся Клавдий, — но почему-то за эту картину заплатили больше всего.

Арто смотрела. Смотрела, как глаза затягивает молочным мрамором. Как все, что принадлежало женщине — лицо, руки, очертания тела под золотой теперь тканью — становится подчеркнуто мертвым, а все отпечатки смерти оживают. Распускаются лепестками, текут, не пачкая чернотой золота простыней. Изображение потеряло статику — в финале кто-то словно включил невидимый вентилятор или открыл окно, и теперь мертвая ткань окончательно ожила. Тело женщины казалось мраморным, неподвижный центр колышущихся простыней, дрожащих лепестков и покрывающейся рябью нефти.

— Зачем?

— Мы... исправляли то, что исправить нельзя. Просмотр таких изображений повышает эмоциональный фон на 15 %, — сообщил Клавдий. Мертвым голосом, будто отчитывался.

— А тебе это зачем?

Он не ответил. Смотрел на мертвую женщину, склонив голову к плечу. Черный, белый и золотой с редкими лиловыми акцентами. Арто оценила эстетическую привлекательность по алгоритмам Дафны — она уже выяснила, что Марш бы сказала, что что дерьмовее дерьма дерьмо может выглядеть только в позолоте.

Марш не любила того, что не было настоящим. Ей бы, наверное, труп на первой фотографии понравился больше. Но Марш никогда не видела, какое лицо в этот момент было у аватара Клавдия, не знала, как тяжело падала на грудь его голова в темной комнате.

Но обратила бы на это внимание, если бы была жива. Арто оставалось только выбирать из ее рассчитанных реакций, и она почти смирилась с тем, что раз за разом выбирала неправильно. Она выбрала самую маловероятную.

— Наверное, это хорошее... хороший поступок, — сипло произнесла она — Марш в любом случае тяжело бы дались эти слова. — Я ни хрена в этом не понимаю, а еще я ненавидела арт-терапию во всех видах. Но это, наверное, красиво.

Она сама перелистнула изображение. Опустила руку. Склонила голову к плечу и стала наблюдать.

Это была не фотография — запись эфира. Парнишке едва ли исполнилось восемнадцать, и он явно был тяжело болен. Арто поморщилась и перешла к варианту Клавдия. Теперь он вместо зубов вытаскивал изо рта окровавленные серебряные клыки, под которыми тут же вырастали ровные белоснежные зубы.

— Ну-ну.

— Но так хотя бы есть надежда.

— У него не хватало рейтинга в медицинской страховке? Зачем он это делает? Ему судя

по лицу жить осталось пару недель, и Дафна за такие выходы еще больше уронит ему рейтинг. Это у нас... могло бы иметь смысл.

— Он протестует. — Клавдий провел кончиками пальцев по его подбородку, будто хотел стереть кровь. — Как раз против системы медицинской страховки, связанной с рейтингом. Это тоже свобода — без эйфоринов рвать себе зубы. Отказываться от остатков страховки, даже если умираешь.

— Вертела я такую свободу, — огрызнулась Арто.

— Ему семнадцать, — мягко сказал Клавдий. — В семнадцать свободу понимают именно так.

— Твоей дочери скоро шестнадцать, — зло улыбнулась она. — Ее глупости ты тоже стал бы оправдывать? Нарисовал бы ей клыки или цветочки?

— Тамаре скоро шестнадцать, — согласился он. — Поэтому я не хочу, чтобы она оставалась в адаптационных центрах. Сколько тебе было, когда ты это сделала?

Он провел кончиком пальца от уголка глаза к переносице.

У Арто давно не было такого четкого, красивого и почти однозначного результата. Вариантов ответа Марш оказалось всего два, и они почти не отличались.

— Мне было давно не шестнадцать. И я сделала это, чтобы спасти единственного близкого человека, — она несколько секунд разглядывала ладони, на которых кольцом свернулась саламандра. А потом улыбнулась и подняла взгляд. — Знаешь, я могла бы месяцами сидеть, искать его в сети, разрабатывать программу для взлома рейтинга, чтобы вернуть Леопольду баллы, которые он из-за меня потерял. Но я знала, что там, где он оказался, ему хреново. Прямо сейчас хреново, и чем дольше я буду копать — тем хреновее ему будет. И я решила не копать. Но ты, конечно, не такой. Ты умный, Клавдий. И понимаешь, что такое свобода.

Она отключилась от конвента. Отключилась от транслятора в комнате Клавдия.

Марш сейчас была бы довольна. Она радовалась, когда получалось укусить в ответ больнее, чем укусили ее. Но все, перед кем можно было изобразить радость, еще спали, и Арто привычно подключилась к транслятору в доме Рихарда. Не смотрела, чем занимается Клавдий и не слушала, что он сказал ей в спину.

Она несколько минут бродила по темным комнатам, морщась, когда приходилось проходить сквозь закрытые двери.

Включила сгенерированную Рихардом версию Ольторы и тихо вслух посчитала такты. Потом замолчала и раздраженно мотнула головой — не та реакция. Марш была бы довольна, так говорили расчеты. Марш считала такты Ольторы, когда ей было плохо.

Но Марш не видела, какое лицо было у Клавдия в галерее. Недавно Арто исходила из этого.

Вот от таких противоречий и случился хаос в алгоритмах. Поэтому Арто больше не понимала, как ей жить эту псевдожизнь, и хорошо, что она была индивидуальным помощником, иначе пришлось бы еще и страдать от этого.

Одна цель оставалась неизменной — вернуться. Самой. Не пытаться «перекидывать через стену» дополнительные баллы, не полагаться на таких, как Джейкоб Ниссон и Питер Легасси, которому, кстати, скоро просыпаться на работу. Арто подключилась к открытой камере в его спальне — удивительно, что он не потрудился ее закрыть — и почти минуту не отрываясь смотрела на Питера. Снова включила Ольтору и прослушала ее трижды, считая

такты и неслышно выстукивая ритм по столешнице. А потом подключилась к браслету Рихарда и открыла файл с самой пронзительной мелодией будильника.

— Да ты совсем уже охренела, — прохрипел Рихард, пытаясь одновременно закрыть браслет подушкой и швырнуть вторую в динамик напротив кровати.

— Питера Легасси ночью убили, — с удовольствием сообщила Арто. — А нас с Полем не позвали, представляешь?

И еще раз включила будильник. Веселая мелодия, хоть и мерзкая. Понравилась бы Марш.

Глава 13. Как кости на песке

— Ты же сказала, что Питера Легасси убили?

— Его убили.

Рихард тяжело вздохнул и потянулся к кофейнику. Айзек притащил в лабораторию огромный стеклянный кувшин с изогнутым носиком и поддон с песком. Пробубнил что-то про восхитительный рецепт его трижды вечно молодой матушки, отобрал у Рихарда чайник, потом пробубнил что-то про чай в первой половине дня и секрет трижды вечной молодости. Заткнулся только когда все согласились пить его кофе, и теперь приходилось пить кофе.

Средней паршивости, водянистый и горчащий одновременно. Новости были не лучше, но, на взгляд Рихарда, и не хуже.

Он еще раз пролистал отчет о сканировании трупа и даже вывел над столом голографический слепок. Почему-то у слепка не было головы, хотя в отчете писали, что механических повреждений на трупе нет. Поль проявил к отсутствию головы у слепка поразительное равнодушие — сказал, что так и бывает, когда скачиваешь материалы с нелегальных сервисов. Рихард считал, что Питер при жизни головой пользовался мало, а когда пытался — выходило бестолково, но без башки анализ не имел смысла. В конце концов Полю надоело, и он скачал слепок головы отдельным файлом. Теперь Питер тарасился на Рихарда прозрачными глазами, а на его губах засыхала пена — почему-то лиловая.

Рихард смахнул оба изображения со стола и мрачно посмотрел на Марш. Она, сгорбившись, сидела на высокой спинке серебристого стула и бесконечно тянула призрачный дым из электронной трубки.

— Там написано, что это самоубийство, — как можно спокойнее сказал он.

— Ты в отчетах тоже много чего писал.

— Есть записи с камер. Он нажрался эйфоринов, нанюхался эйфоринов и даже в десны что-то втер. Хорошо если эйфорины, а не концентрат для отбеливания стыков на сантехнике.

— А в отчете тебе не рассказали, почему он кинулся втирать в десны концентрат для отбеливания? — в голосе Марш трещали помехи, а глаза были синие, того особого оттенка электронных сигналов Младшего Эддаберга. Будто у нее электронная повязка на двух глазах.

— Это не имеет значения.

— А почему он просто не забрал капсулу из аптеки?

На это Рихарду было нечего ответить. Как и в Младших городах, в Среднем сегменте соблюдалось право на безболезненное и гарантированное самоубийство. Только вот здесь капсулы мизерикорда входили в расширенную медицинскую страховку. Прежде чем спокойно помереть нужно было очень хорошо последить за здоровьем в течении минимум пяти лет. Но у Питера со страховкой все было в порядке.

— Я тоже думаю, что его убили, — подал голос Айзек. — Почему Дафна вынесла так мало предупреждений, и почти все про алкоголь?

— Потому что он жрал таблетки быстрее, чем она выносила предупреждения, — пожал плечами Рихард.

— Питер на записях никуда не торопится. Дафна верещала бы из всех динамиков и составила бы обращения во все службы экстренной психологической помощи. Эйфориновый

назальный спрей достал, гад. — Айзек завистливо вздохнул. — Но вообще-то на записях больше похоже, что человека просто достали, и он пытается расслабиться в конце недели. — Он вернул слепок. Встал на край стола и замер над трупом, склонив голову к плечу. А потом наклонился и пальцами раздвинул обозначенный пунктиром разрез.

Рихарду эти метки, отмечающие линии, по которым до изобретения сканеров делались разрезы при вскрытии, напоминали перфорацию на страницах бумажных ежедневников. Он пил кофе, со скукой наблюдал, как Айзек воодушевленно копается в виртуальных потрохах его бывшего куратора, и думал, как бы получше составить репорт. Если его куратор, который должен был оказывать моральную поддержку и помогать адаптироваться, решил вот так покончить с собой. Значит, государство выделило ему ненадежного куратора. И у него из-за этого стресс, адаптация провалена, он требует компенсирующие надбавки к рейтингам, дополнительный курс эйфоринов и рабочую лицензию.

Или не требует. Рихард не был уверен, что преференции, которые он может получить от самоубийства своего куратора, стоят репорта, который придется ради них составить. И вообще смерть Питера как-то незаметно прошла, пара упоминаний в конвентах, пара секунд некролога, сгенерированного и записанного Дафной в конвенте адаптационного центра. Сразу после коротких извинений администрации. Рихарду даже формального извещения в профиль не прислали. Интересно, можно ли составить репорт так, чтобы к нему больше не приставляли кураторов?..

Рихард представил, что началось бы, вздумай он, к примеру, повеситься в собственном кабинете там, в «Саду». Он опустил пустую чашку на колени и закрыл глаза. Феерический вышел бы скандал. Может его начальник, Тодерик Ло, наконец-то доорался бы до инсульта. Рихард вспомнил, как он тарачился и брызгал слюной при личных встречах. Вспомнил, как точно так же сидел на диване, размешивая чайный концентрат в чашке кипятка, и представлял, как у Тодерика лопаются глаза. Рихард всегда садился не напротив, а немного сбоку, и только сейчас он понял, что делал это, чтобы ему не забрызгало кардиган.

Неужели бедный мальчик, такой юный, так безвременно почивший Питер Легасси, не был достоин того, чтобы кто-то после его смерти поорал и попучил глаза?

В любом случае, Рихард этим заниматься не собирался.

— А чем это ты занимаешься, Айзек? — вдруг опомнилась Марш. — Ты же ни хрена в медицине не понимаешь.

— А вдруг что-нибудь замечу? — философски пожал плечами Айзек. В его ладонях серебрилась голографическая печень.

— Идиот, — поморщилась Марш. — Ты отправил данные кому-нибудь, кто может посмотреть труп и действительно что-то заметить?

— Хлое. И Поль уже смотрит.

— Хлоя — это та, которой двадцать лет и она сидит в конвентах с документалками про реконструированных маньяков? — в голосе Марш было столько яда, что Айзек должен был отправиться вслед за Питером. — У вас же есть нормальные специалисты. Вызови Брунс Рикля, в конце концов. Или Карла Хоффеля — кого-нибудь с мозгами, дипломом и старше тридцати. А Хлою отправь в город, пусть купит им пива.

— Поль вряд ли захочет распространяться... — начал Айзек, но печень в его руках растаяла, а вместо нее сгустилась белая статуэтка танцовщицы, тянущей руки к небу. Марш смотрела на него молча, поджав губы, только ноздри едва заметно дрожали.

Рихард подался вперед, скрестил пальцы и опустил на них подбородок. Марш не может

выписывать штрафы. Не может отправлять репорты, проводить серьезные манипуляции с профилями и уж точно не может нанести физический вред. Он догадывался, что статуэтка здесь наделена каким-то скрытым угрожающим смыслом, но угрозы Марш стоили мало.

Конечно, она стала еще более подлой тварью, чем была при жизни, но Рихард был уверен, что Айзек мог стряхнуть статуэтку, потрепать Марш по щеке и дурачиться дальше. Совсем не обязательно было так теряться, мямлить и лезть в список контактов.

Идиоты в Младшем Эддаберге не отличались от идиотов в Среднем. Зачем-то вспомнился подельник Марш, Освальд — рыжий, с красным обожженным лицом. Марш было достаточно вот этого самого взгляда, чтобы он начал делать глупости.

И чтобы выгораживал ее, защищал на допросах и упрямо повторял, что она ни в чем не виновата. Стал бы Айзек выгораживать Арто?

Рихард знал — не стал бы. Но не потому что Айзек не был идиотом, или его идиотизм как-то отличался от идиотизма Освальда. Думать о том, почему, Рихард сейчас не хотел.

Он хотел думать о том, смогут ли специалисты Поля найти проблемы в отчете и сказать, как умер Питер.

...

Тамара все еще считала, что зря пошла с Айзеком и что кончится это наверняка не очень хорошо, но сейчас все было здорово и она радовалась, что совершила эту ошибку. Потому что папа все-таки вылез из своего кабинета, правда в черных охлаждающих очках и алкоголем от него пахло, но это значило всего лишь что он много работал.

У папы всегда болели глаза когда он много работал. И еще он пил. Тамара помнила, как это злило маму. Как мама однажды сварила большую кастрюлю инвертного сиропа для голографической глазури, а потом вдруг поднялась к папе в кабинет и вылила всю кастрюлю на его стол. Тамара ее отговаривала. И потом с тоской смотрела, как сироп затекает в разъемы, стынет на консолях и намертво глазирует карты и чипы.

Сироп застыл и красиво блестел. Как стекло.

Тамара старалась на него не обижаться, потому что Ли Рулли, ее психолог, каждую неделю объясняла, что папа старается. И мама старалась. И если хочется закричать, что-нибудь разбить и послать их, сиропы, чипы и автоматически-машинные заскриптованные разговоры родителей в последние годы — нужно выпить стабилизирующие добавки и полдозы прописанных эйфоринов.

Тамара и сама знала, что он старается. Вот сейчас папа, хоть и был очень занят, спустился и повел ее гулять. Они брели вдоль реки, и солнце разбивалось о волны и становилось ярче. А потом выбрасывалось из воды и вязло в песке, и песок становился горячее. Вдалеке виднелись кипарисы, нарисованные небрежными черными штрихами.

Конечно, Тамара намазалась защитным фильтром. Хотела надеть платок — тот, прозрачный, с которого она оборвала все бусины, но оказывается папа привез ей новый. Синий, совсем легкий, но его можно было укладывать и фиксировать. Складки красиво лежали, ткань не липла к щекам.

— Лекарства еще действуют? — вдруг спросил папа.

Тамара вздрогнула. Вот он шел рядом, она думала о нем и платке, который он подарил, но отчего-то странно слышать его голос.

— Да, — тихо ответила она. — Только разозлиться несколько раз получалось. А остального... почти не чувствую.

— На кого ты злилась?

Хорошо, что папа не стал надевать маску от солнца. У него равнодушный, монотонный голос, но Тамара видит, что он улыбается — значит, ему не все равно.

«Будто нарисовал себе лицо. Добавляет эмоций, чтобы живым казалось, а с голосом он не работает, и управлять им не умеет», — подумала она, а потом тут же себя отругала. Неправда. Папа вовсе не ведет себя как оживленный сетью аватар.

Нет, не ведет, и вовсе она не помнит его другим. Обида вспыхнула и погасла. Лекарства ее съели, и может Тамара теперь тоже оживленный аватар, а не человек.

Тоже. Ну и пусть.

— На Марш, — доложила Тамара. — Она меня в лодке забыла. А, еще мне было Айзека жалко, потому что у него тоже мама умерла.

— «Ясноокая трижды светлая» Хенде Шаам умерла?

— Да. Он мне конвент показывал с цитатами. Айзек всю жизнь ходит в конвент своей мертвой матери, слушает ее незабвенные афоризмы и разглядывает выпотрошенных змей.

— И ты с ним пошла?

— Да, — пожалала плечами Тамара.

Хотела сказать, что могла пожалеть Айзека, но не себя, потому что такие вот мерзкие лекарства ей давали, и что можно прикоснуться к чужой боли и немного облегчить свою — или усилить, чтобы хоть как-то ее ощутить. Но это было слишком сложно для слов, которые она могла сказать отцу.

— Что мне еще сказать, чтобы ты... — он вдруг осекся. Несколько секунд смотрел на ее лицо, а потом отвернулся.

Тамара прижала ладони к щекам. Ну точно, вот она. Едва заметное тепло живой татуировки — она почти забыла про осу, которая предпочитала замирать под лопаткой. Сейчас она выбралась на лицо.

— Ты ведь хотел, чтобы я отсюда ушла. А Марш говорит, что ты лучший специалист, которого она смогла найти. — Она вдруг почувствовала желание оправдываться, и, может, еще говорить правду. — Она не виновата, ей просто надо вернуться...

— Тамара, — папа остановился. На нее он не смотрел — смотрел на реку, и волны вязли в черноте линз. — Зачем, по-твоему, Марш возвращаться домой?

— Она... она же нас слышит, — растерялась Тамара.

— Не слышит. Я все отключил. Нас вообще никто не слышит, — наконец в его голосе появилось что-то похожее на яркие эмоции — злорадство и тревога, несочетаемые, словно насильно соединенные алгоритмами сети. — Сюда стоило приехать хотя бы ради того чтобы побыть в тишине... скажи мне, зачем Арто домой?

— Там ее врач, она ему благодарна и...

Он покачал головой. Тамара замолчала.

— Плевать Арто хотела на своего врача. Знаешь почему? Потому что она просто дефективное обеспечение, а Гершелл, который прописывал ей приоритеты — дилетант. — Он поднял голову, и теперь в черных линзах вязло солнце. — И Арто никогда, слышишь, никогда не сможет вернуться, даже если я найду для Поля информационный канал. Потому что то, о чем просит Поль и то, о чем просит Арто — это разные вещи. Потому что Арто — даже не аватар на оцифровке, вроде Хенде Шаам, а виртуальный помощник, созданный на базе оцифрованного сознания. Она не может существовать в Младших городах ни в каком виде, там просто нет для этого никаких условий. Вас ведь водили в бытовые музеи?

Тамара заворуженно кивнула. Солнце жгло кончик носа, но под платком собиралась

синяя прохлада. Папа достал из кармана банку с жидким фильтром и густо намазал ей нос. Она не стала отталкивать его руку, потому что слишком соскучилась, и потому что папа всегда боялся солнца. Но пожалела, что прикосновение получилось почти неживое — через фильтр.

— Видела граммофон? Такая расширяющаяся трубка, торчащая из коробки?

— Да. Еще пластинки. И в них надо иголками тыкать, как в старых моделях виртуальных очков.

— Арто хочет, чтобы я установил на граммофон плеер с имитацией акустики концертного зала. Есть вещи, которые работают одинаково в Младших городах и Средних, но там один, универсальный виртуальный помощник. Для других нет места. Технически нет. Я найду для Поля канал, это в конце концов не так сложно, и если бы не... некоторые мои решения в прошлом, я давно бы его нашел. Поль поможет нам, и у нас все будет хорошо.

— А у Марш?..

— И у Марш. Она помощник. Будет лечить совесть Гершеллу, заказывать людям еду, вызывать сантехников и составлять музыкальные подборки по запросам.

Тамаре показалось, что он сам не верит своим словам. Решил сказать половину правды, чтобы она не заметила половину лжи? А в чем ложь?

Анализаторы молчали — они тоже не слышали их разговор. Тамара сама перебрала каждое папино слово и не нашла неправильное.

Может, он врал, что ему безразлично, что Марш не вернется домой? Или что считает Марш программой для вызова сантехников?

— Я знаю, что ты все равно меня не слушаешь, если тебе захочется... Но с этой женщиной лучше не иметь никаких дел.

— Потому что она была сумасшедшей? — разочарованно поморщилась Тамара.

— Потому что это она могла посоветовать Полю тебя выкрасть. Мы пробудем здесь еще несколько дней, а потом вернемся домой. Я создам тебе новый защищенный профиль, и ты можешь им не пользоваться, но я прошу тебя. Ты знаешь, что нужно носить платок и пользоваться жидкими фильтрами. Знаешь, что не надо глотать эйфорины из домашней аптечки. С Арто тоже лучше не иметь дел.

— Но ты ее тоже установил! И ты с ней общаешься... не как с помощником.

Тамара поймала себя на желании сорвать с головы платок и бросить в реку. Конечно, она не стала этого делать — в центре много объясняли про подростковые бунты и контроль над ними, а еще ей не хватало эмоций на такие жесты. Но это было несправедливо, то, что он говорил. Несправедливо и неправда!

Марш не давала ей сбежать из центра. Она хотела, чтобы за Тамарой смотрели врачи, а потом ее забрал отец.

— А еще я пью эйфорины из закрытой аптечки, — он едва заметно поморщился. — Потому что мне их прописали. Для меня они безопасны, а для тебя список побочных Дафна зачитывала три минуты.

— Никто не выписывал тебе нового помощника.

— Я работаю с аватарами. Иногда участвую в разработке помощников, автоматических собеседников и персонала для конвентов. Я знаю, как работать с такими, как...

Тамара почти услышала имя, которое он не успел назвать, успела возмутиться и придумать ответ. А понять, что произошло, не успела — просто небо вдруг качнулось, а песок вздрогнул. Еще треснул ворот рубашки, платок сорвало с головы, а воздух застрял в

горле.

Взрыв? Да, это был взрыв. Тамара его ни с чем бы не спутала. Такой, как там, в центре, только родился он где-то под землей и под землей умер.

Она хотела закричать — и не смогла. А потом поняла, что не понимает, зачем. Тамара лежала лицом вниз, и песок сыпался ей на спину, как ржавые иглы из ее сна. Нужно было вставать, попытаться открыть глаза, посмотреть, что с папой — но она не могла. Так уж работали лекарства, которые она перестала пить совсем недавно. Гасили все сильные эмоции.

В ушах нарастал звон, заглушающий шорох осыпающегося песка.

— Папа?..

Он не отзывался. Тамара попыталась встать, но в глазах потемнело, а мир закрутился, размазал очертания в широкие рыжие и голубые мазки.

— Аве, Арто! Аве...

Сейчас Тамара, пожалуй, была рада действию лекарств. Ничего не чувствовать плохо, зато ничего не мешает методично протирать лицо — как больно, больно, когда глаза полны песка, — медленно вставать на четвереньки и думать не о том, что там с папой, а что сделать, чтобы ему помочь.

— Аве, Арто...

Можно и не думать — скоро Марш вызовет помощь, а если не Марш, то Дафна точно вызовет. Надо только чтобы она ответила, опять она чем-то занята, когда нужна ее помощь. Надо сказать Марш, что она никому не может помочь.

Вот так, хорошо — левая ладонь упирается в песок, прямо под левым плечом. Если поставить так вторую руку, получится устойчивая поза, которой учил психолог на физическом практикуме. Тогда можно будет оглядеться и понять, как дальше действовать, только сначала надо подышать. Три коротких вдоха — один длинный выдох.

— Аве!..

В сознание, сквозь звон и медикаментозное отупение, медленно проникало что-то липкое и теплое.

— Дафна...

Три коротких вдоха. Больно. Болит горло, рука и глаза, засыпанные песком.

— Аве, Арто, аве, Арто, авеар-р-р...

Длинный выдох. Рыжее должно быть снизу, синее сверху — так вроде устроена пустыня, так, вроде бы правильно. А что это красное рассыпано на песке? Где оно должно быть, снизу или сверху?

— Аве!

Три коротких вдоха. Какая разница, вот оно уже почти не блестит, уходит в землю, оставляя неровные пятна. А все-таки — что это?..

Длинный выдох.

— Аве, Арто!

«Не слышит. Я все выключил».

Глушилки. Папа поставил глушилки. Никто их не слышит.

Далеко они успели уйти? Когда в лаборатории вспомнят о них и пришлют помощь?

Тамара попыталась поднять платок, потерявший все очертания, но стоило протянуть к нему руку, как поза перестала быть устойчивой, и она упала лицом в песок.

Марш ее не услышит. И Дафна не услышит.

Это было так странно — Тамара понятия не имела, что теперь делать. Она никогда не оставалась одна, без помощников и рекомендаций. Особенно когда так больно, и мир так качается, и три-коротких-один-длинный не работают, а там, куда ведут теряющие влажный блеск алые пятна, все еще стоит оглушающая, сухая и жаркая тишина.

Тамара рывком поднялась на ноги и широко раскрыла глаза. Снова упала на колени, но успела увидеть.

Увидеть, понять и почти смириться. Но эйфорины почему-то перестали действовать, и в обожженное солнцем сознание ледяной водой полилась паника.

...

Когда Арто перестала слышать Клавдия и Тамару, помех в алгоритмах стало столько, что она отключилась на всех устройствах, подключилась к трансляторам в доме Рихарда, легла на пол и закрыла все задачи, кроме визуализации.

Ее рейтинг в общей базе упал ниже единицы. Ее почти перестали устанавливать, на нее слали репорты и требовали удалить из базы, как бесполезное и вредоносное программное обеспечение.

У Арто не было времени разбираться, кому она не понравилась. Она почти не тратила ресурсы на посторонних людей и их бытовые запросы. Да, в подборку исторических конвентов для мальчика-подростка затесался один стилизованный порнографический. Да, у нее один раз требовали срочно составить меню для банкета, учитывая список предпочтений и аллергий гостей, а она через семнадцать часов прислала ссылку на первое попавшееся меню доставки. Да, когда пьяная дура потребовала визуализироваться и слушать ее жалобы, Арто оставила рекомендацию почаще заниматься сексом для стабилизации эмоционального фона, а перед этим соблюдать диетические предписания пару месяцев и посетить тренинг «Влюбленная в тишину».

Арто была хреновым помощником. Гершелл даже написал в ее профиле «Вы обязательно об этом пожалеете».

Большинство жалели, только Полю она понравилась. И Клавдий зачем-то потащил ее в галерею. А сейчас пропал.

Ничего страшного не случилось — Клавдий поставил на профиль анонимку. Он просто ушел гулять с дочерью. Наверняка советовал ей удалить Арто со всех устройств и свести татуировку.

Ее это нисколько не волновало. Но тишина в эфире затягивалась. Она сказала Рихарду — тот ответил, что тоже с удовольствием бы ее отключил, но создатель подписывает соглашение и обречен терпеть.

Сказала Полю, но он ответил, что в пустыне не опасно, если не уходить далеко.

Но где начиналось «далеко»?

Арто знала, что Поль куда-то ездит на вездеходе. Туда, где она существовать не могла. Ее не касалось то, чем он там занимался, но Арто видела, в каком состоянии вернулся из последней поездки вездеход Поля. Без хвоста, с исцарапанным покрытием и покореженными лапами. Поль сказал ей, что пустыня иногда вздыхает. Арто понятия не имела, что это значит — вокруг Младшего Эддаберга стелились заросшие бурьяном и вереском поля. В базах, которые она быстро проанализировала, ничего не говорилось о вздохах пустыни. И она не стала разбираться. Но что если с Клавдием и Тамарой что-то случилось?

А если на них напали? А если они решили сбежать?

Арто лениво рассчитывала варианты, обводя кончиками пальцев бороздки на фарфоровом панцире безголовой черепашки.

Что сделала бы Марш?

Марш пошла бы в бар. Или к себе в конвент. Или легла бы спать. Может, смешала бы в стакане водку с лимонным концентратом и кофейным ликером, а потом утешала себя тем, что ее жизнь была лучше, пока она не принялась глотать эту дрянь.

Еще Марш иногда смотрела сюжетные визуализации — потоки сознания, напоминающие старое кино и новые симуляции, но такие же дрянные и беспощадные, как водка с лимоном и кофе. Она бродила по улицам, собирала всякий хлам, из которого потом можно будет сделать запал или синтезировать взрывчатку, или сидела на каком-нибудь парапете повыше, курила, мерзла и ругалась с теми, кто о нее спотыкался.

В крайнем случае Марш знакомилась с мужчинами. В барах или в сети. Чаще всего у мужчин, которых она выбирала, были длинные волосы и злые лица. В профилях — тяжелая музыка и отметка о прохождении какого-нибудь курса вроде «работа с виртуальным светом». Чаще всего ей становилось скучно еще до того, как они начинали раздеваться, и ни одни ее отношения не продлились дольше двух недель. В тот раз Марш, еще совсем молодая, просто забыла с утра сказать парнишке, чтобы шел нахрен, и он почему-то пришел во второй раз.

Ничто из этого Арто не подходило. Ничто из этого не вернуло бы Клавдия и его дочь, но Марш и не пыталась бы их возвращать.

Арто медленно поднялась с пола. Визуализировала граненый стакан, а в нем мутно-белую жидкость, пронизанную черными вихрями ликера. Задумчиво накрыла стакан ладонью и потрясла. Провела по ладони кончиком языка и забыла поморщиться.

Вылила коктейль на пол.

— Волански! Нельзя таскаться по пустыне два часа без связи. Вот ты и таскайся, а там кабинетный заморыш и девочка, оба на рецептурных эйфоринах... Если тебе лень опустить свою жопу в вездеход — я могу вызвать карабинеров и службу спасения, им не лень... сам туда иди.

Она обратилась к Полю по индивидуальному каналу, чтобы другие не могли услышать. Словно она человек, словно она далеко и ничего не может сделать, только звонить, а потом молча курить, стряхивая пепел на ковер.

Марш делала так же, когда узнала, что в башне, которую она взорвала, могла быть выпускница Гершелла.

Та девочка умерла. И Марш ее пережила ненадолго. Арто следовало об этом подумать и сделать что-нибудь еще, но она предпочла вытянуть ладонь и смотреть, как она превращается в черное щупальце. Как чернота ползет к локтю, доедает плечо. Вот так.

Это не безумнее, чем считать такты Ольторы и надеяться, что это хоть немного поможет.

...

Тамара действительно пыталась. Если бы она могла понять, что случилось. Если бы кто-нибудь учил ее, как быть, если человек истекает кровью посреди пустыни, а все помощники молчат — она обязательно бы вспомнила эти уроки. Не могла не вспомнить.

Но этому никто не учил. Не учил, потому что никто не должен был оказываться за пределами влияния Дафны. Если кто-то делал такой выбор — что же, он мог убедиться, что выбор был неверным.

Но Тамара этот выбор не делала, не делала, и папа не делал, он же просто хотел поговорить!

Взрывов больше не было. Думать, что могло взорваться в песке, Тамаре было некогда. Хватит того, что оно было железное и покрытое чешуйками синей краски, а еще оно разлетелось зазубренными осколками, которые входили в тело и застревали намертво.

Сначала она ползала вокруг папы на коленях, пытаясь прикрыть рану от солнца — почему-то ей казалось, что это важно. Песок грязный, солнце ядовитое, а кровь блестит чернотой на синей рубашке — осколок вошел под ребра, справа. Тамара порадовалась, что сердце не задело, потому что папа дышал, потом радоваться перестала, потому что могло задеть легкое и дышал он как-то нехорошо, вроде без присвиста, а все равно нехорошо.

На лицо она старалась не смотреть. Накинула платок и постаралась забыть, что увидела. Папе хватит страховки на пластическую операцию? Должно хватить, он же соблюдал диету, ходил к психологу и каждое утро спускался на тренировочный этаж. Нет, не может быть, чтобы его лицо таким и осталось.

Если потянуть осколок — кровь течет сильнее. Если попробовать тащить — получается плохо, кровь тоже течет и совсем непонятно, куда надо тащить.

А если попробовать промыть рану водой из реки? Грязной водой, которой она боялась намочить платок, да, этой самой водой?

А если наоборот попробовать перевернуть его на бок, чтобы рану еще сильнее пережало и кровь перестала течь?

Лучше всего было побежать в лабораторию и позвать на помощь. Не так уж далеко они ушли, только вот Тамара не помнила, как они пришли, лаборатории не было видно, Дафны, которая сохраняла маршрут, не было, а следы на песке остались нечеткие. Можно бежать вдоль реки, но лагерь дальше лаборатории, и она могла не успеть.

К тому же она боялась. Боялась оставить отца, боялась бежать одна, боялась потерять иллюзию контроля.

Боялась не увидеть, как отец умрет больше, чем увидеть это.

Платок на его лице почернел и прилип к коже. Тамара хотела поправить, но заметила, что эта мокрая мембрана сокращается в такт дыханию и решила оставить. Нужно защищать лицо от солнца. Хорошо, что папа надел очки. Плохо, что он сегодня не надел маску.

Тамара пыталась. Думала, хваталась за одну идею и тут же искала другую, и так пока нехорошее дыхание не превратилось в редкие хриплые выдохи. И тогда Тамара перестала пытаться, а просто села на песок, обхватила колени руками и стала смотреть на солнце. Пусть глаза ей выжжет. Может папа тогда почувствует, что она поступает плохо, очнется и отчитает ее.

Мама так же умерла. Глупо, случайно. В мире, где Дафна за всем следила, люди умирали случайно и глупо. Иногда из-за редких психов вроде тех, кто взорвал центр Лоры Брессон.

Мама и люди в центре умерли так же. Умерли? Как папа только что умер?

В эту секунду Тамара очень хотела, чтобы лекарства продолжали действовать. Она бежала с Айзеком от их благостного оупения, от прохлады в груди, замороженной тоски, которую она так хотела почувствовать.

И теперь она почувствовала. После короткой вспышки паники, после безысходности, недостаточно сильной, чтобы лекарства ее сожрали — наверное, потому что Тамара тогда еще недостаточно верила в безысходность — она почувствовала все, что прятали от нее

врачи.

Почувствовала, осознала сразу — мамину смерть, подкрадшуюся папину. Собственное одиночество, догнавшее ее до того, как мама решила уйти от папы, такое долго и липкое, такое черное и безраздельное, настоящее одиночество.

Она встала на колени и закрыла лицо руками.

Почувствовала каждый вечер, что сидела у себя в комнате, выполнив ежедневную практику на стабилизацию эмоционального фона, и перебирала чаты в конвентах.

Люди, с которыми она училась.

Люди, которые слушали ту же музыку, что она.

Принялась раскачиваться, то касаясь тыльной стороной ладоней раскаленного песка, то ненадолго выпрямляя спину. Словно пыталась вытряхнуть, вытолкнуть это из себя, а может повторяя «кошку» из физической практики.

Люди, которые слушали совсем другую музыку.

Люди, которые сидели в ток-конвентах и надеялись, что именно их несвязные гневные выкрики войдут в окончательную запись и станут частью скандала.

Люди, которые ходили в ретушь-галереи и на концерты восстановленных композиторов. Все эти люди говорили с ней, а она говорила с ними, и это ничем не отличалось от молчания.

Тамара сделала короткий вдох и стала сосредоточенно раскидывать песок, будто пытаясь очистить что-то под ним. На короткое мгновение ей показалось, что там, под песком — ее собственное лицо.

Потом она говорила с помощниками — из первой строчки рейтинга для ее возраста и положения. Все они были Томми, Лиззи, Бобби, Барри, Минни, и говорили словами Дафны только голоса у них были разные и словечки они невпопад вставляли. Такие словечки, может папа в молодости так выражался.

Кажется, песок стал чуть прохладнее. Тамара легла на живот и опустила лицо в вырытую ямку. Уперлась руками в песок и закричала.

Все это было такое же ржавое и зазубренное, в потрескавшейся корке краски, и так же вошло под ребра и до самого горла достало, достало, а теперь надо поплакать и тогда оно уйдет. Еще покричать, только вот так, в песочек, чтобы никто не услышал и не травмировался. Дафна так учила, даже специальные подушки советовала. Дафна же не хотела, чтобы у ее родителей дестабилизировался эмоциональный фон, плохо тебе — иди в подушку поори, а утром расскажи психологу. Аве, Дафна, аве, сука, сука драная!

Тамара выпрямилась так резко, что перед глазами поплыли синие круги — как небо, папина рубашка и краска на осколке.

А потом бросилась к нему и схватила за руку.

...

Арто выбрала сценарий «нервничать» еще до того, как целиком превратилась в черного марионеточного монстра. Поль никуда не торопился — к вездеходу он, допустим, пошел, но постоянно останавливался с кем-то поговорить, что-то поправить, да еще и на часы тоскливо поглядывал. А потом он начал заводить вездеход. Тот не заводился, Поль что-то бормотал про Тересу, звонил Хэтти, а потом снова пытался его завести.

Гершелл увлеченно беседовал с Карлом Хоффелем — таким же старым циничным козлом, только выбравшим медицину. Они обсуждали слепок трупа Питера Легасси и травили анекдоты. Айзек стоял по шею в воде и пытался стянуть с уцелевшей платформы

загорающую Грейс, а Грейс визжала и материлась. Всем было хорошо, все были при деле, а Клавдия с Тамарой не было уже четвертый час.

Она еще раз проверила все доступные ей камеры у платформ и вокруг лаборатории. Она знала, в какую сторону они ушли, но не знала, не свернули ли они куда-то. Два часа назад она заставила Айзека сплавать выше по течению, но он никого не нашел.

Наверное, они не стали спускаться к воде. Она отражает солнце, а Клавдий солнца боялся. Или пришли на берег после того, как Айзек вернулся?

Куда они пошли? Может, Клавдий решил сбежать?

Нет, нет, нельзя чтобы Клавдий решил сбежать, ведь тогда... что тогда?

Арто остановила анализ. Она позволила себе думать как человек, который не был Марш и не мог ей быть. Потому что Марш просто не стала бы об этом думать. А если Арто приходилось, то она была уже кем-то другим. А почему у кого-то другого должны быть такие же цели, как у Марш?

Точно ведь, Леопольд. Какое ей дело до Леопольда?

Если Арто не нужен Леопольд, то и Клавдий ей без надобности. Пусть бежит, если хочет, пусть умрет в пустыне, если ему не повезло.

Нужно снова послать Айзека. Арто не нужен Леопольд, не нужен Клавдий и Тамара тоже не нужна, но Айзек пускай сплавает еще раз.

Наконец-то у нее снова был четкий ответ, как поступила бы Марш. Все так хорошо сходилась. Но Арто не принимала предложенные алгоритмы, приводящие к бездействию и зачем-то продолжала искать.

...

Тамара сидела на полу в белой комнате отцовского профиля и методично пыталась восстановить последовательность команд, с помощью которой он поставил анонимку.

Вообще-то простые анонимки Тамара и сама умела ставить. Чтобы в профиле не сохранился сгенерированный для короткой переписки чат, чтобы можно было анонимно заходить в конвенты, которые родители точно бы не одобрили. Тамара даже нелегальные эйфорины как-то купила. Купила, три дня прятала их по всей комнате, а потом смыла в общественном туалете.

Если папа занимался чем-то нелегальным и у него была сложная анонимка, Тамара ее никогда не распутает. Но она понадеялась, что ставить сложную анонимку ради короткого разговора о Марш папа бы не стал, такие вещи не используют просто так.

Тамара включила визуализатор и затосковала. Анонимка не визуализировалась в виде запертой двери или какого-нибудь симпатичного фрактального завихрения, у которого можно считать форму. Это был просто набор разноцветных отрезков, один длинный, толстый и синий, еще пять синих покороче и пятнадцать коротких красных.

Что это?

Какой-то узор? Нет, скорее диаграмма или кластер. Наверное, отрезки организуют последовательность команд, нужно только понять, как.

Об этом Тамаре точно рассказывали. Она знала больше полусотни коммуникационных, исследовательских и психологических схем, позволяющих систематизировать данные. Для анализа, презентаций, защиты проектов, оценивания. В тридцати из них не было основного отрезка.

Тамара держала одну руку на отцовском браслете, а кончики пальцев другой — под браслетом, чтобы ощущать пульс. Она постоянно теряла его, а рука была совсем холодная.

Это мешало вспоминать, какие диаграммы можно сложить из трех видов отрезков.

Классифицировать команды, которые нужно было анализировать, у Тамары не получалось. Проще было применить к ним схему, только вот какую?

Она сидела на белом полу, бесконечно выкладывая узоры из разноцветных палочек. Словно пыталась сложить то самое слово, как мальчик в сказке, которую рассказывала мама. Мальчик, который выкладывал на белом полу в белой комнате — почему белой, почему, да какая разница, почему — слово — какое слово, какое, да какая разница, какое — и наверное в той комнате не было так жарко. И наверное, в той комнате солнце не лилось с неба кипятком, и мальчик вряд ли ощущал, как холодеет рука и согревается браслет. Но наверное, он тоже хотел собрать это проклятое слово и покинуть комнату.

Тамара уже не пыталась вспомнить. Не пыталась понять, только бездумно переключала отрезки, надеясь, что подсознание выбросит правильный ответ. Так учили на тренингах. Освободить каналы, позволить памяти течь без заторов.

Рука холодная. Пульса нет. Комната нереальна, реальна рука. Нет, это руки на самом деле нет.

Черточки отрезков, красные, короткие, злые, как ржавые иглы из ее сна. Сна, где она шла по пустыне, искала отца и несла ему иглы, зачем, зачем иглы, почему она не могла принести ему воды, зачем собирала их в песке, острые, колющие, похожие на рыбы кости. Кости на песке.

Тамара потратила целую секунду, отупело рассматривая сложившуюся диаграмму. Она даже вспомнила название — фишикава.

Рыбы кости.

Зеленая. Правильная последовательность, снятая анонимка.

— Я тебя вижу. Айзек уже совсем рядом. — Ледяной голос Марш раздался в динамике до того, как Тамара успела ее позвать. — Надеюсь, у вас тут не семейная терапия? Тамара, что под платком?.. Что у него с лицом?!

Тамара пыталась одновременно снять очки, чтобы выйти из конвента, разозлиться, что Марш спрашивает про лицо, не разрыдаться от облегчения и не скулить от ужаса, потому что пульс она так и не нашла.

Глава 14. Пятьдесят семь граммов пепла и нечто, похожее на печаль

... и не мог проснуться. Что-то входило под ребра, стреляло в плечо, а потом обжигало горло. Что-то вгрызалось в лицо — рой потревоженных ос.

Тамара сидела на песке, протирая глаза. *Ее не задело. Был еще взрыв? Нет, не было. Не задело. Не могло задеть.*

Где она?

Эмма говорила, что осы снятся к грозе. Клавдий ни от кого не слышал этой приметы. Не знал, правда ли это. Что может знать черно-золотая оса о надсадном сухом пустынном кашле? Когда песок тянется к черным тучам в лиловых электрических трещинах, когда купол над городом темнеет и сжимается, свет в домах становится приглушенней, и даже Дафна говорит тише?

Где Тамара?

Где Тамара, Эмма? Ты говорила, что мы ставим блоки на браслеты ради нее. Где теперь наша дочь? Надеюсь, не рядом с тобой. Рука с заблокированным браслетом не дотянется до темноты.

Иногда за грозой приходят ливни.

Осы ничего не знают о ливнях.

Им нет дела до ливней, Эмма даже здесь ошибалась. Им есть дело только до его лица.

— Слишком близко к городу, Арто, нельзя чтобы он здесь умер...

— Значит, я вызову карабинеров...

Рука с браслетом. Проверяющие, живые люди, не помощники и не карабинерские боты. Открывают их двери своими браслетами, пароли для них значения не имеют.

— Попробуй. Я не стану его покрывать... что скажут, когда... чем он здесь занимался... его дочь... отец — нежелательный... вызывай, я посмотрю...

— С-с-смотри, с-с-сука. А, не хочешь?!

Чей это голос шипит и звенит, как погремушка песчаной змейки, которая притворяется коброй? Эмма вернулась и снова с ним говорит?

Не нужно возвращаться, Эмма. Здесь ничего нет, только осы, которые нам снятся, и грозы, за которыми не приходит дождь.

Ты ведь не хотела здесь оставаться.

— Его лицо... не сможет спрятать... не можем восстановить...

— Руки убери...

Но Эмма возвращалась. Проводила горячей ладонью от подбородка к ребрам, и за ее рукой тянулись колючая проволока, сыпались осиные жала и иглы, покрытые ржавчиной крови.

И почему-то у нее не было лица. И почему-то ее пустые глазницы были грубо заштопаны толстыми синими нитями. И почему-то Клавдий считал, что это он сделал ее лицо таким.

Его память не смогла достоверно анимировать глаза.

Если он проснется — пришьет ей новые.

Где ты, Эмма? Когда ты не здесь — где ты?

— Девчонку нужно увезти... если он умрет — она расскажет...

— Если он умрет, Тамара поедет в город.

— Что она расскажет в городе...

— Что я расскажу, если она не поедет...

И ненадолго наступала чернота, но потом она заканчивалась.

Клавдий пытался дышать, но не мог — что-то мягкое и теплое жалось к лицу, душное, непроницаемое.

— ... с-сейчас ты будеш-ш-шь эту подушку жрать... убери, сука...

И он делал короткий вдох. Делал и падал туда — в осиный рой, который снится перед грозой. А когда делал следующий вдох, голоса пропадали, но во встроеном наушнике играла незнакомая мелодия. Кто-то живой вбивал ее в черно-белые клавиши рояля, кто-то мертвый подхватывал скрипичную партию.

Клавдий слушал. Дышал — редко и тяжело, и хотел бы вовсе не дышать — и никак не мог проснуться.

...

Поль никакой проблемы не видел. Он даже не сразу понял, зачем Айзек привез эту падаль в лабораторию, но потом вспомнил, что к падали прилагалась живая дочь. Убивать Айзек не умел — с костью нужно уметь обращаться.

Потом Поль целых несколько секунд ощущал что-то, похожее на грусть — Клавдий ему нравился, как когда-то нравилась Тэсса, как нравился Айзек и Арто — а потом в его душу пришел свет. Он мог сделать для этих людей больше, чем кто-либо другой. Клавдий хотел быть с дочерью, Тамара рыдала, вцепившись в Айзека, и явно была несчастна. Поль знал, где и Клавдию, и Тамаре будет хорошо. Там спокойно, тихо, и он не забывает привозить воду.

Но почему-то Арто была против. Поль объяснял ей, что не может теперь отпустить Клавдия. Даже если он выживет — а о том, чтобы вести его в клинику, не могло быть и речи — у него останутся видимые и трудноустраняемые эстетические дефекты. Дафна увидит его иссеченное осколками лицо и поднимет вой. Дафна не успокоится, пока не выяснит, где Клавдий нашел мину, а когда выяснит — отправит на анализ всю документацию Поля, натравит проверяющих и карабинеров. Рассказы про изучение влияния солнца больше не сработают. Поль не привлекал внимание Дафны много лет, и не собирался менять что-то ради Клавдия.

Вроде все было логично. Раньше Арто помогала ему уводить опасных людей как можно дальше от платформ. Когда трупы находили в людных местах, никто не связывал их с коммуной Поля. Но почему-то сейчас Арто была против.

Даже потребовала вызвать Клавдию врача. Поль объяснял, что это опасно, но она подготовила список из шести кандидатов и расписала для каждого план устранения. Поль берег этих людей для себя — он тоже мог наступить на мину в пустыне. Все они когда-то пользовались его услугами. Все шестеро были ему должны. Но работа Клавдия была почти закончена, ее мог доделать кто-то другой, и Поль не хотел тратить на него эти шесть шансов.

Арто показала ему четыре плана его устранения и сказала, что у нее готовы еще семнадцать.

В лаборатории и на платформах не осталось ни одного цветного датчика — все системы, включая индивидуальные браслеты, внезапно вспыхнули красными сигналами. Только детекторы лжи продолжали работать, как надо. Арто пока не называла их всех лжецами, но смотрела в упор тысячами злых алых глаз, и Поль целых несколько секунд ощущал что-то, похожее на страх — навязчивый дискомфорт и легкое учащение сердечного

ритма. Ему это не понравилось, и как только он перестал его ощущать, отправился искать Гершелла.

Это было не трудно — он сидел на диване в лаборатории, подключившись к какому-то конвенту. Поль видел только нижнюю половину его лица. Улыбка у Гершелла была благостная, но, кажется, не слишком искренняя.

У его ног лежал электрический пес, и свет так отражался в имитирующем пластике его глаз, что они казались живыми. Пес — это хорошо. Нужно купить такого для людей в храме. Мертвого пса для мертвых людей.

Поль молча отсоединил датчик, подведенный к браслету Гершелла. Пес зарычал и даже щелкнул зубами у его запястья, но Поль знал, что электрические псы никого не кусают.

Гершелл перестал улыбаться.

— Что вам? — поморщился он, не снимая очки.

— Вы плохо поступили с этой женщиной. Теперь она доставляет мне неприятности, — ровно сказал Поль.

— Да сколько можно?! Даже в образовательных программах для умственно неполноценных детей самая частая рекомендация — не скачивать что попало из сети. Вы увидели это, скачали это, дали этому полномочия основного помощника, а я виноват, потому что я это, видите ли, убил?!

— Вы хорошо поступили, когда убили ее. Вы плохо ее похоронили, — печально сказал Поль.

Он и правда ощущал нечто, похожее на печаль. Он даже понимал, от чего Арто так злится — ей никто не принесет воды. Уж она-то заслужила покоя и солнца. Поль видел ее лицо перед смертью, и ни у кого не было взгляда, так похожего на взгляд женщины с храмовой фрески.

Гершелл соизволил снять очки и даже ошеломленно уставиться на Поля. Но быстро взял себя в руки.

— И что вы от меня хотите? Чтобы я вернулся в Младший Эддаберг и перехоронил ее?

— Нет, я просто хотел сказать, что вы плохой человек.

— Охренеть.

Гершелл еще несколько секунд посмотрел на него, а потом начал снова надевать очки. Пес раздраженно заворчал.

Это хорошо. Собаки чувствуют настроение и выдают его, даже если хозяева умеют держать себя в руках.

— Вы должны дать мне доступ к вашему кабинету, — равнодушно сообщил Поль. Гершелл ему не нравился, и если бы Поль повез его в пустыню, то точно не мертвым. — Мне нужно посмотреть историю операций и попробовать исправить ошибки, которые вы допустили при ее создании. Если не получится — отключить ее. Никто не должен так страдать, даже индивидуальные помощники.

Пес перестал ворчать, замер на несколько секунд, а потом положил голову на скрещенные лапы и обреченно заскулил. В это момент Поль решил, что придется просить по-другому.

— Ясноокая и вечно юная Хенде Шаам сейчас сказала мне, что наши грехи тяжелы, когда мы их тащим, и взмывают в небо, стоит их отпустить, — задумчиво проговорил Гершелл, словно заново вслушиваясь в каждое слово. — Вы правда можете что-то исправить?

Поль кивнул.

— Я предоставлю вам доступ. Но если решите ее уничтожить — не говорите ей об этом, хорошо?

Поль посмотрел на последний работающий датчик на браслете. Анализатор убежденности горел зеленым.

— Я сюда приехал, чтобы вы помогли мне восстановить рабочую лицензию, — напомнил Гершелл. — У меня как раз умер куратор, сейчас базы будут передавать другому специалисту. Если когда-то и проводить незаконные операции, то именно сейчас. Вы, конечно, ждали, что я окажу вам какое-то содействие, но раз уж у вас есть такая просьба...

— Вы дадите мне доступ к своему профилю, чтобы я мог проводить манипуляции с вашим помощником, в обмен на получение рабочей лицензии? Вы понимаете, что я собираюсь необратимо ее изменить или уничтожить, если потребуется? — уточнил Поль. Гершелл думал, что умеет играть в слова под анализаторами и давать туманные обещания, которые могли обмануть Дафну или ее модификации. Но Поль играл в слова гораздо лучше — конкретные обещания, подтвержденные зеленым сигналом анализатора, обычно выполнялись.

Потому что только так человек мог показать, что действительно собирается их выполнять.

— Да, — пожал плечами Гершелл. — Сначала вы мне лицензию, потом я вам — доступ. Мне тоже ее жаль. У нее в алгоритмах бардак, она не может выполнять свои прямые обязанности и соответствовать задачам, ради которых ее создали, — пожаловался он. — Думаете, мне нравится на это смотреть? Только второй раз я ее убивать не стану. Если вам так угодно — похороните ее, как вам нравится, уж это точно сделает вас хорошим человеком.

Датчики горели густой изумрудной зеленью. Гершелл надел очки и больше не сказал ни слова. Но Полю и не о чем стало с ним говорить.

...

Арто потребовала, чтобы Рихард поставил транслятор у койки, на которой умирал Клавдий. Села на край, склонила голову к плечу и стала водить пальцами по пропитанным анестетиком бинтам на его лице. Он не мог почувствовать прикосновений, и она пользовалась этим, хотя Марш не стала бы его трогать, превращая сочувствие в бессмысленную пытку.

Сочувствие?

Широкие черные ленты обхватывали его ребра. Медленно пульсировали, и Арто знала, что это короткие импульсы, помогающие заживлению, но в дань людской впечатлительности подумала, что эти сокращения похожи на длинные глотки. Будто они пьют кровь.

... когда Клавдия привезли, Арто заставила Поля вызвать врача. Кого-нибудь из тех, кто ему должен. Приехала Орра Уледдлала — нервная женщина с серым лицом. Привезла затянутый черной пленкой контейнер с невидимым для Дафны содержимым. Она работала молча. Вытащила осколок, обработала рану и даже зашила лицо. Ей ассистировала Элис, одна из девчонок с платформы, но Элис постоянно рвало, и ее сменила Грейс. У Грейс были заплаканные глаза, но руки не дрожали.

Орра закончила ночью. Арто видела, как она сидит на остывающем песке и плачет, вытирая лицо окровавленным одноразовым халатом. Арто обещала ей, что она вернется

домой, а Орра только качала головой и бормотала что-то про своих детей.

Это был первый раз, когда Арто вообще не стала прогнозировать реакции Марш. Потому что для Марш спасение Клавдия в строке приоритетов стояло не на том месте, чтобы ради него делать подобный выбор.

Арто думала иначе. Орра уехала домой, и Арто не собиралась помогать вести ее в парк или заманивать ее в пустыню. Несколько часов назад Орра точно была жива, но теперь ее жизнь в строке приоритетов сместилась на общие позиции. Это Марш умела быть благодарной. Арто решила подумать об этом потом. А сейчас она сидела на краю койки и не тратила ресурсы на анимирование эмоций, потому что не до конца понимала, какие нужно имитировать.

Арто смотрела сквозь бинты.

Хорошо, что он надел очки. Иначе остался бы без глаз — без обоих сразу. Два серебряных ножа, две витые рукоятки, две глупые жертвы.

А вот разрез тянется от уголка глаза к подбородку. До визита Орры сквозь него было видно зубы. Нос сломан, его кончик висел на лоскуте кожи.

Алгоритмы говорили, что Марш было бы жаль. Почему? Лицо Клавдия соответствовало ее эстетическим предпочтениям, но этого было мало. Арто могла вывести ответ, но четкий ответ снова сбил бы все ее алгоритмы.

Тамару Поль запер в лаборатории. Арто сидела здесь — и еще с Тамарой, рассказывая, что видит. Арто ей врала, Тамара плакала, а она раз за разом выбирала комбинацию «холодная убежденность» и «он выживет». Но Тамара продолжала плакать и спрашивать, почему ее отца не везут в больницу. На это у Арто не было ответа из правильных комбинаций. Она решит, что делать с Тамарой потом.

Арто рассчитала, что будет с лицом Клавдия, когда раны заживут. Соотнесла значение его рейтинга с возможными штрафами и спрогнозировала понижения страховки в случае, если Дафна узнает, где он покалечился.

Она даже схематично смоделировала его лицо через год после травмы и рассчитала индекс визуальной привлекательности. Он скорее всего найдет себе женщину, и даже не одну. Даже за секс с человеком с необратимыми эстетическими дефектами полагались надбавки за вклад в инклюзивность, а если кто-то соизволит выйти за него замуж — получит стабильную прогрессирующую надбавку на весь период брака.

Марш бы обязательно нервно посмеялась, подумав, что Клавдий много лет спонсировал клопный питомник и Дафна его не забыла, но Арто не стала принимать этот вариант.

Ему не хватит страховки. Слишком далеко от города он нашел мину. Нарушил правила.

Нужно визуализировать выражение «тоска». Люди так делают, и это, наверное, решает часть задач.

Задач-задач-принять изменения-«тоска»-для-глаз

Решает. Часть.

«Решает»-не-использовать-в-имитации-внутреннего-монолог.

Запустить поиск альтернативного слова.

«Нейтрализует». *принять*

Принять, принять, **при**

нять

Какие еще слова изменить, чтобы помех стало меньше?

Арто раздраженно потрясла ладонью, стряхивая поглощающее ее щупальце.

— Просыпайся, Клавдий.

Просыпайся. Когда ты со мной говоришь, я понимаю, как имитировать эту жизнь.

...

Тамара сидела на полу, вцепившись в отцовскую рубашку, и раскачивалась взад-вперед.

Тамаре было страшно. Она хотела перестать чувствовать страх так же сильно, как еще недавно ощутить его. Она оказалась не готова. Никто не может быть к такому готов.

Вчера папа обещал, что через несколько дней они уедут домой. Теперь он умирал, а Тамара сидела в запертой комнате без окон, ее браслет был замотан непроницаемой пленкой из-под которой торчал серебристый кончик рыбьей кости.

Рубашка была новая. Новая, вовсе не папина рубашка, просто красивая тряпка, даже парфюмом не пахла, манжеты не помялись, петли под запонки были зашиты.

Мертвая тряпка.

И еще Тамару тошнило. От мыслей о маме, от любых мыслей о прошлом начинало тошнить. Мир становился блеклым, а очертания — неуверенными и вялыми. Что-то качалось в горле, наполняло голову и утекало в легкие, и воздух становился слишком теплым, застревал в этой вялости и бесцветности.

Мама. Мама умерла, но Тамара столько времени прожила в мире без мамы и с мыслью о том, что ее нет, что даже теперь горе не приходило на место страха. И Тамара продолжала бояться.

Марш сказала, что поможет ей выбраться, но это ничего не означало. Тамара только вспомнила, что нужно бояться еще и за себя.

— Да чтоб тебя! Ну встань на четвереньки и помычи, — процедила Марш, глядя, как она вытирает слезы рубашкой. — Я только что нашла эту прекрасную рекомендацию в методичке для психологов экстренных служб, и не говори потом, что я плохой помощник. Сколько можно рыдать-то?!

— Ли Рулли говорила, что с-с-слезы помогают ста-абиллизировать... — с трудом выдавила она. Выговорить «ментальное здоровье» оказалось выше ее сил. Какое ментальное здоровье, это даже звучит глупо.

— Ли Рулли? Это ее правда так зовут? — Марш словно пыталась скопировать чьи-то интонации. — У тебя удивительный отец. Пригреб сюда на весельной лодке, с работы отпрашивался уже на реке, но новые рубашки с собой взял.

Тамара заметила, что она будто пытается шутить, чтобы ее отвлечь, но думать об этом не могла, потому что рубашка в руках дрожала так, что пуговицы звенели о декоративные эполеты.

— Он умрет, да?

Марш провела рукой по лицу, словно собирая что-то, а затем сжала кулак под подбородком.

— Да, — неожиданно уверенно ответила она. — Да, Тамара, он умрет. Совсем скоро.

Тамара бросила быстрый взгляд на датчик убежденности и тут же вспомнила, что Марш надо верить на слово.

Или не верить.

— Врешь...

Марш протянула руку, так, будто тоже носила браслет с транслятором, и показала палату — заляпанные алым бинты, трупно-зеленое покрывало для стабилизации

температуры, нервно вздрагивающая линия сердечного ритма.

Тамара смотрела несколько секунд, пытаясь поверить, что это действительно папа, а не смоделированный Марш аватар. Она совсем не умела шутить. У нее были очень плохие шутки.

Потом она снова посмотрела на линию сердечного ритма и поняла, что Марш не шутила.

— Леопольд меня знаешь как учил? — вдруг сказала Марш. — Ну кроме кумулятивной поэзии, лекарств и тактов. Слушай. У тебя сейчас в голове и эмоциях все как попало. Чтобы начать чувствовать нормально, ты должна была еще месяц принимать нейтрализаторы. Тогда выход из медикаментозной терапии был бы мягкий и эмоции приходили бы постепенно, чтобы ты успела их осознать.

— А раньше ты сказать не могла?!

— А ты со мной советовалась, когда с Айзеком бежала? — безмятежно улыбнулась Марш. — Слушай, дура, я же тебе помочь пытаюсь. Выбери сейчас одну мысль и на ней сосредоточься.

— Мне холодно, и, когда мама утонула, светило очень яркое солнце...

— Неправильно. Выбери мысль, которая имеет последствия. Мысль-действие-результат. Я... когда я... — Марш вдруг замолчала. Растеряно провела ладонью по лицу, а потом, очнувшись, продолжила: — Когда я чувствовала, что станет плохо, я писала себе на стенах предупреждения о том, где я, иногда маркерами, иногда просто выводила текст через транслятор. И сосредотачивалась на мысли, что мне нельзя покидать это место. Даже если это был аэробус или смотровая площадка квартала, откуда я могла упасть... Давай, выбери мысль, которая к чему-то приведет.

Тамара сделала короткий вдох.

Солнце светило ярко. Вода была теплой, уровень комфортности у верхней планки.

Папа стоял у реки, и солнце отражалось от волн и бросало блики на его лицо, а оказывается, это был последний раз, когда она видела папино лицо.

У той женщины дрожали руки, она зашла плохо. Папа умрет, и у него будет вот такое лицо.

Папа умрет и его утилизируют, как маму. Выдадут ей синтезированный, вычищенный до прозрачной пудры прах, разведенный в геле, для которого она сможет выбрать цвет. Для папы синий, для мамы был золотой.

Папа заправил этот гель в контейнер с удобрениями для орхидей у себя в коридоре. Когда тот контейнер опустеет, орхидеи завянут, и это будет значить, что мама совсем умерла.

Тамара не будет ставить памятник воспоминаниям, не будет сажать цветы, она выльет гель в реку.

Он растворится в воде, его будут глотать рыбы.

Рыбы. Будут глотать.

Вот хорошее воспоминание. Вот хорошая мысль.

Растянутый для просушки тент абры — белая ткань между синим небом и рыжим песком. Пятна на белой ткани — рыбья кровь и розовая пена рыбьей чешуи. И кости, настоящие, гибкие, почти прозрачные рыбки косточки. Счастье, искорки на чешуе, мясо у рыб на вкус как речная вода и еще как солнце. Когда рыбки маленькие и еще живые их особенно здорово глотать целиком.

Папа что-то говорит высокому мужчине в синем, наверное рыбаку, кажется, пытается перевести ему деньги. Тамара ловит на себе взгляд рыбака, мутный и полный отворачивания, и вот тут-то злорадство вытесняет счастье.

— Надо отсюда выбраться, взорвать все, что ты еще не взорвала, и вызвать на руины карабинерский патруль. — Тамара с трудом встала и выпрямила спину. И медленно опустилась на колени — голова закружилась так, что в мире не осталось никаких очертаний, даже неуверенных.

— Попросить Поля достать тебе таблетки? — равнодушно спросила Марш.

— Нет. Да что такое, я ведь хотела, чтобы все по-нормальному было... правда умирает?.. Вот бя... ну бя... — бормотала Тамара, складывая рубашку. — Ты мне поможешь?

— Это ты мне поможешь. Только сейчас садись обратно плакать, а то... нет, не смей тащить это из браслета! Как только ты вытащишь кость — Поль узнает и точно тебя убьет. Я достану тебе другую.

Что это было за воспоминание? Никогда Тамара рыб живьем не ела. Да если и ела — это того стоило, раз прогоняло тошноту.

Рыбы. И чешуя на солнце.

Помочь Марш, чтобы она разнесла тут все к херам, и пусть карабинеры вылавливают потом из воды этих сраных маньяков по кускам, а Тамара потом скажет, что ее похитили и вообще они сами как-то развалились на куски и попадали в реку! Папу они не лечат, суки, нет, вот ведь какие суки, Тамара даже не знала, что такие суки на этом сучьем свете еще водятся!

Нет, нельзя об этом думать. И о папе нельзя, нужно ловить правильные мысли и ждать, когда Марш позовет.

А чтобы мысли не разбегались есть кумулятивная поэзия.

Тамара села на пол, усталилась в стену и тихо запела:

— Да, в долине — низина, да, в низине — горькая трясина...

Марш сидела неподвижно. Смотрела на нее замершими синими глазами, и Тамара знала, что сейчас она сосредоточена на чем-то другом. Шепотом считала что-то. Может, такты своей Ольторы. А может время, которое осталось у папы.

...

Рихард сидел на пороге пристройки, в которой оборудовали палату, слушал мерный звон и писк приборов. Слушал, как плещется вода, и как тяжело хрипит старая кислородная маска, которую привезла Орра.

Но Рихард не думал об Орре, а думал, почему там, где появляется Марш, что-то обязательно взрывается, падает, ломается и калечится.

Очень хорошо у нее это выходило. Странно, что ее еще в Младшем Эддаберге не завербовало правительство. Можно было никого не устранять — просто посылать Марш к слишком говорливым конвентщикам и обозревателям, торговцам полулегальными эйфоринами и к тем, чья рожа вызывала «непреодолимый негатив». Марш бы селилась бы неподалеку, и спустя пару недель неугодных убивало бы взорвавшейся кофемашиной.

Пес часто бил хвостом по пыльным доскам, но на этот раз Рихард не отдавал ему заранее заготовленных команд.

Еще Рихард думал о том, что узнал в конвенте Хенде Шааам. Удивительно, она готова

была выдавать такие тайны любому, кто спросит. Почему ей не стерли воспоминания как Марш? С другой стороны — а что это меняло? Может, это просто очередная фантазия сошедшего с ума оцифрованного сознания, принимающего слишком много неверных решений.

И еще Рихард думал о том, какого хрена он до сих пор здесь сидит.

Когда Айзек привез Клавдия — серебристая абра заляпана кровью, у мальчишки усталые глаза — Рихард понял, что нужно уезжать. Прямо сейчас. Его с Полем ничего не связывало. Рихард не брал у него никаких паролей, не ставил никаких программ на свои устройства, не позволял вскрывать свой браслет рыбьей костью и в любой момент мог сказать, что просто приезжал посмотреть на солнышко.

Но Марш просила его остаться. Просила, потому что боялась, что Поль убьет Клавдия, и она не сможет ему помешать.

Можно подумать, Рихард мог бы ему помешать. Можно подумать, ей вообще о Клавдии стоило переживать.

Лучше бы Марш переживала о Тамаре, которую кому-то нужно отвезти в город. Кому-то — но не ему. Потому что показываться под городскими камерами с девочкой, у которой только что исчез отец, он не собирался. А то, что Клавдию придется исчезнуть, Рихард точно знал. Даже если он выживет.

Дафну можно было обмануть — если рана Клавдия затянется, шрам и последствия ранения спрячут пара вирусных программ на его браслете. Дафна не будет лезть к нему с рекомендациями, не спросит, где он покалечился — потому что не узнает.

Но Клавдию взрывом изуродовало лицо. Рихард потом осмотрел осколки — он знал, что это такое. Старая мина, такие показывали на лекциях по истории в университете. В Средних городах историю не преподавали и о старых войнах никто не знал. Он бы подумал, почему, но сейчас это не имело значения.

Значение имело только то, что теперь нельзя сделать вид, что ничего не случилось. Может, удастся довести Клавдия до какой-нибудь нелегальной клиники в закрытом кэбе с отключенными внутренними камерами, потому что Дафна, как только увидит это, тут же отправит отчет карабинерам.

Поль это знал. Поэтому и решил убить Марш. Удачи тебе, Волански.

Хорошо, что Рихарда не волновали ни Клавдий, ни его дочь. Его даже просьбы Марш о помощи не особо волновали, он просто никак не мог заставить себя уехать.

Да, именно так. И нужно поговорить с Марш. Рассказать ей правду. Рассказать, что он узнал из отчета о Леопольде, какие данные стер с ее пластины сам. Наверное, повредил данные сильнее, чем цензура, все-таки он не умел работать с такими базами. Но он не мог оставить их там. Что Арто будет делать с этой правдой?

Ну, скоро он выяснит. И его это нисколько не волновало.

Странно только, что Клавдий и его дочь волновали Марш. У нее при жизни не было друзей. Она не любила ни одного мужчину и ни одну женщину, и ее никто не любил. Зачем она сейчас заступает за Клавдия? Почему не дала Полю его убить?

Было немного жаль Поля. Если бы Рихард в свое время мог просто душить людей подушкой, он, может, гораздо раньше бы сюда перебрался. И если бы Рихарду мешали душить людей подушкой, он бы тоже нервничал.

— Гершелл? — Безмятежный голос Марш в динамике слишком хорошо подходил хрипам кислородной маски. — Скажи мне, что делать?

— Дай Полю сделать, что он собирался, — не задумываясь ответил он. — Клавдий тебе не поможет. Ты никак его не спасешь, Поль просто в один момент поставит глушилки в его палате, и ты даже не увидишь, как это произойдет.

— Но я смогу... потом... — ее голос дрогнул.

Рихард закрыл глаза. Сквозь веки в сознание упрямо проливалось пустынное солнце.

— Потом будет поздно, Арто, — вздохнул он. — Клавдию просто не повезло. К тому же послушай — он едва дышит. Он скоро умрет сам. Только перед этим будет мучиться.

Он утешал ее, как пациентку «Сада». Помнил, что один раз попытался утешить Марш, и все кончилось плохо, но теперь это не имело значения.

Там, в «Саду», постоянно занимались заместительной терапией.

Представь мать на пустом стуле, расскажи ей о своих чувствах.

Представь, что у тебя уже есть человек, которого ты любишь, представь, что это его ты видишь в отражении, и расскажи, как вы будете счастливы. Визуализируй, а если это не помогает помни, что разговаривал с зеркалом, и ищи то, что ждешь от другого, в себе.

Представь, что женщина, которую ты убил, жива. Представь, что она не злится на тебя. Визуализируй, а если это не помогает, делай, что хочешь, только не вспоминай, что в Младшем Эддаберге есть общая могила и в ней пятьдесят семь граммов пепла.

Арто носила имя Марш и ее лицо. Искала утешения в Ольторе, говорила о Леопольде смотрела запись с шок-эфира. А еще стояла на пороге пронизанной солнцем пристройки, сама пронизанная лучами, и серебристая рябь катилась по ее лицу. Рихард помнил, что советовал ей заплакать, когда они смотрели запись эфира, и Арто анимировала такие же помехи. Она смотрела, как умирает человек, которого Марш Арто никогда не знала. Улыбалась и почему-то плакала.

Могла ли Марш Арто проникнуться какими-то чувствами к Клавдию, если бы оказалась в Среднем Эддаберге? Рихард и пятьдесят семь граммов пепла никогда не узнают.

— Нет, — прошептала она. Такое короткое слово рождалось, пока он думал такую долгую мысль. — Нет, Гершелл, ему нельзя умирать...

— Он же отмороженный, еще и обдолбанный все время. Ты всегда умела выбирать друзей. Вот поэтому ты и умерла.

Она молчала. Только в глазах наконец-то появилось знакомое презрение.

Ну да, ну да.

— Ну и что ты хочешь сделать? — равнодушно спросил он.

— Я?.. Не знаю... когда я пытаюсь кого-то спасти, всегда кто-то умирает... а мне еще надо помочь Леопольду...

Интересно, когда она узнает правду, сменит приоритеты или нет? Хорошо бы сменила, сил нет это слушать.

— А по-моему ты знаешь, чего хочешь, — усмехнулся Рихард. — Ну, давай, это простая мысль. Марш бы точно к ней пришла.

Сказать сейчас? Нет, только не сейчас.

— А если это неправильная мысль?..

У нее несчастное, растерянное лицо. И волосы будто отросли и потемнели — она снова

менялась. Только Рихард больше не собирался заставлять ее быть похожей на Марш.

Потому что он поговорил с Карлом Хоффелем и теперь знал, чем отравился Питер Легасси и кому продал чертежи. Потому что он поговорил с Берхардом Колдером и Хенде Шаам. И теперь еще с Полем Волански. Рихарду осталось только получить свою лицензию.

— Делай, что хочешь, радость моя, — улыбнулся он.

Обернулся. В воздухе упрямо кривилась синусоидой сердечного ритма синяя линия.

— Хочешь — спасай, раз он тебе так нравится. А хочешь — хер положи, и пусть Волански его труп в парк подкинет, или куда он их деваает. Найди какого-нибудь пластического хирурга. Вотрешься к нему в доверие или найдешь чем его шантажировать, заставишь вернуть Клавдию лицо. Делай, что хочешь, я никогда не мог тебя остановить.

— А что потом? — спросила Арто. Она тоже смотрела на Клавдия.

— Мы поедем домой и будем по вечерам смотреть постановочные казни.

— Откуда ты знаешь, что казни постановочные?..

— Посмотрел рейтинги. Раз в несколько месяцев рейтинги повторных просмотров на некоторых эфирах превышают другие в сотни раз. Прямой связи анализаторы не выдают, визуально они ничем не отличаются и сторителлинг одинаковый. Значит, есть небольшой процент настоящих казней, которые людям нравится пересматривать, — Рихард пожал плечами. — Почему тебя это вообще волнует?

— Не знаю... Давай убьем Поля. — Она наконец-то обернулась. В глазах — колкое синее счастье. — А потом я вотрюсь в доверие к какому-нибудь пластическому хирургу, и он вернет Клавдию лицо. Если его клиника не взорвется, если он сам не наступит на мину или не отравится эйфоринами!

А обрадовалась бы Марш, если бы ей дали вот так просто строить такие планы? У нее вообще когда-нибудь было такое лицо? Почему-то Рихарду казалось, что ей эти планы радости не принесли бы.

Но есть только пепел и это синеглазое недоразумение.

— Ну хорошо. Давай убьем Поля. — Рихард поднял взгляд к небу и положил ладонь на загривок замершего пса. — Только подожди, пока он сделает мне лицензию.

Глава 15. Воспоминания о дыме

Берхард Колдер не отклонил ни одного приглашения ток-конвента, аудитория которого составляла больше полумиллиона человек. Он ходил на все, отвечал на все вопросы и бесконечно рассказывал одну и ту же историю.

Хельга Соркин, его пациентка, которую он смог вывести из центра, ходила с ним на каждый. Держала его за руку и с ненавистью смотрела в камеры из-под рваной лиловой челки. Казалось, она смотрела в каждую камеру, заглядывала в глаза каждому зрителю, словно старый портрет, провожающий взглядом каждого посетителя музея.

Голос Берхарда Колдера был усталым и тихим, взгляд Хельги — острым и цепким.

Арто регистрировалась в качестве зрителя на каждом конвенте. Садилась в кресло — белое или алое, плетеное или обитое бархатом — всегда в первом ряду. Она доплачивала за это со счета Рихарда, а он ни о чем не спрашивал.

Сегодня проводилась живая съемка, и для Арто на кресло положили транслятор.

Сегодня был важный эфир, большой эфир — Колдеру по страховке восстановили баллы в медицинском блоке. Теперь ему хватало на операцию. Может, она даже будет успешной.

Арто смотрела, как в белый свет софитов ступает ведущий — осторожно, как в ледяную воду. Это значит, сейчас заиграет проникновенная музыка, а первые слова ведущего будут в диапазоне «смиренная трагичность». У Гершелла все эти приемы были в отдельные таблицы записаны, Арто их все себе загрузила.

Арто могла просканировать зал, но решила оглядеться — из таких мелочей складывались правильные решения. Так сделала бы Марш, а пока Арто имитировала все достоверно, у нее все получалось.

Она оглянулась. Марш бы испытала приступ непреодолимой мизантропии, по шкале невербального негатива баллов так на восемьсот. Арто послушно поморщилась и даже зажмурилась. Она была единственным зрителем в оцифрованном аватаре. Справа сидела женщина, завернутая в золотую паутину. Лицо — непроницаемая бронзовая маска. Слева — мужчина в плохо анимированном зверином аватаре. Медвежья голова казалась оторванной от чучела, ворсинки падали на черные плечи пиджака и тут же таяли.

Золотая змея. Фарфоровая кукла с розовыми пятнами на щеках. Черно-белый бородатый мужчина с безумными глазами — писатель из старого фонда, на футболке — обведенная красным «А». Эмоций нет ни на одном лице. Непреодолимая мизантропия вырастает на пятьдесят баллов. Марш бы потребовался укол. У Арто не было уколов.

Нужно было вскочить, опрокинув кресло, сказать кому-нибудь гадость и выйти из зала, курить на холоде и слушать о назначенных штрафах. Но Арто не стала этого делать.

Она стала смотреть на сцену.

У белого света слишком много недостатков. В записях Гершелла говорилось, что белый свет вроде бестактного интервьюера. Он делает вид, что говорит правду, но на самом деле лишь высвечивает то, что все видят и от чего в приличном обществе принято отворачиваться.

Когда Колдер и Хельга Соркин появились откуда-то из синего света за сценой — с первыми нотами трагической мелодии — Арто вернулась к мысли о софитах и белом свете. Марш бы злилась. Нужно было анимировать эту реакцию, но Арто продолжала смотреть и ее лицо оставалось равнодушным.

Арто помнила руку Леопольда, изгрызенную портативными капельницами — лучше бы

эти воспоминания ей стерли. Тогда она просто хотела бы к нему вернуться, а не следила за человеком, который повторял его историю, но имел шанс закончить ее счастливо.

Непреодолимый негатив, «горечь» — шестьсот баллов. Слишком мало для того, чтобы анимировать слезы, слишком много для горлового спазма и сужения зрачков. Лучше ничего не анимировать, достаточно оценивать в баллах неиспытанную боль.

К чему высвечивать белым черную платформу с автоматическим креслом, с которого Колдер явно уже не может встать, вспененные болезнью суставы под нарочито тонкой тканью брюк и рубашки, к чему высвечивать глаза?

Когда-то они были черными. Теперь блестели бордовым, как вишни в заброшенном саду у границы Младшего Эддаберга. Подмороженные вишни на замерзших черных деревьях. С этими воспоминаниями Арто тоже с удовольствием бы рассталась.

Обычно она старалась не имитировать внутренние монологи, потому что они требовали ресурсов, а к решениям, которые она принимала в итоге, можно было прийти гораздо быстрее. Но Гершелл создал ее для честной игры. Нужно было имитировать сон, создавать визуализации, заменяющие мечты и горевать, вспоминая вишни в зимнем саду на ее родине.

Какие глаза были у Леопольда? Она так ему и не помогла, только несколько раз отправляла в пустоту нелегальные баллы. Если она все же опоздала — его смерть поселилась в глазах оледенелыми красными бликами?

А все белый свет.

— Никто не может жить вечно. — Каждое слово речевой генератор Колдера выхрипел по отдельности. — Если мне помогут сейчас, я могу прожить еще... десять лет. Может, пятнадцать. Или год. Вопрос не во времени, которое я получу, а в том, как оно закончится.

Он уже не может говорить сам. Арто отметила, что сосредотачивается на визуальной части эфира, а все, что говорят Колдер, Соркин и ведущая, записывается, но почти не анализирует. Марш бы так делала, потому что от слов непреодолимый негатив превысил бы критическую тысячу баллов во всех отделениях. В Младшем Эддаберге эти баллы не считали, только чувствовали.

— Эта смерть не только мучительна, но и унижает человека. — Слова Хельги Соркин прорвались в микрофоны, потому что Арто в анализе визуальной информации подошла к опасной черте и переключилась на звук. — Заставлять человека с показателем социальной полезности выше среднего погибать от...

— Правительство каждый год продлевает лицензию производителям мизерикорда, — мягко осадил ее ведущая. — И каждый год продлевает мораторий на частное производство. Возможность не страдать дается бесплатно и абсолютно всем.

— Хоть что-то у нас дается абсолютно всем! Берхард всю жизнь по колено в чужом дерьме, люди же только и делают, что реализуют страховку на нытье! Как же, половина центра Лоры Брессон никак не могла захлопнуть пасть и дойти до тренажера — в жопу свои репорты засуньте! А теперь он должен с собой покончить, потому что всю жизнь и всю страховку потратил на пищевые расстройства, адаптации к офисной работе, адаптации к безработице, «стало грустно», «задумался о смысле жизни», «надоело дрочить, но все бабы страшные» и прочую дрянь, а ему страховки осталось на наркоту и витаминки?!

— Чем вам не нравится наркота и витаминки? — хохотнул мужчина позади Арто.

— Хельга, пожалуйста... — Изуродованный генератором шепот Колдера звучал, как шорох осыпающейся каменной крошки.

— Кто послал репорт за обесценивание проблем людей с расстройством пищевого

поведения? Не хочешь рожу свою показать, или боишься, что она в транслятор не поместится?!

Арто снова отключила звук. Как вела бы себя Марш?

Марш не пошла бы на эфир. А если бы пришлось — сидела бы молча и изредка огрызалась. Потому что она не общалась с Рихардом Гершеллом и не знала, как себя вести.

Хельга знала. Хельга все делает правильно. Провоцирует скандалы, оттеняет интеллигентность Колдера. Говорит слова, которых он говорить не должен. Жертвует своим рейтингом — но она, наверное, очень благодарна за то, что не проспала момент, когда потолочная плита обрушилась прямо на ее койку. Она заявляла об этом в каждом интервью.

Марш не была благодарна за то, что Леопольд дал ей лекарство. Она была благодарна за то, что ему было не все равно. Может, поэтому ее благодарность никому так и не помогла.

Никто не может жить вечно. Но Колдер всего лишь хочет жить немного дольше. Он сделал то, чего не смог сделать Леопольд, и женщина рядом с ним, с ее злым взглядом и оскаленной риторикой, заняла место, которое когда-то не смогла занять Марш. Арто смотрела на них, обводя кончиком пальца швы на алых обшлагах пальто, и рассчитывала, рассчитывала. У искусственного интеллекта было больше возможностей, чем у измученного человеческого разума. Арто могла получить все ответы прямо здесь, могла встать, выкрикнуть их кому-нибудь в лицо — в студии было достаточно свободных трансляторов даже для того, чтобы выйти на сцену и схватить кого-нибудь за грудки призрачными пальцами, которые тут же провалятся в ткань. Все равно это будет эффектно. Все равно потом можно будет анимировать «облегчение и злорадство».

Марш бы так и сделала.

Смогла бы она сидеть рядом с Леопольдом, щуриться в камеры и говорить нужные слова?

А если бы один из них врал? А если бы они оба врали? Как долго благодарность побеждала бы здравый смысл?

Арто выбирала алгоритм, для простоты названный «самообманом», и продолжала искать ответы, которые и так знала.

...

Рихард должен был догадаться, что все этим кончится. Этим кончалось абсолютно любое его начинание, любой идеальный план — ему понадобились деньги. И если раньше это означало, что он отправит файлы с планами Тодерику Ло и следующие четыре дня будет терпеливо объяснять этому недоумку, почему нельзя просто выкинуть самую затратную позицию из середины кластера, то теперь согласовывать бюджеты стало не с кем.

Первым делом Рихард зашел в свой финансовый кабинет и методично перебрал все накопления. Если бы Арто не сливала бюджеты на свои попытки наладить социальные контакты, денег у него, конечно, было побольше.

Например, ему хватило бы на дополнительные внешние фильтры, чтобы соседка перестала донимать его розами. Теперь придется обходиться распылителями, в которые он заправит сертифицированные пестициды. Избавиться от роз, конечно, проще, чем ставить фильтры, но если соседка отправит репорт — придется записывать нудные обжалования. Объяснять, что запах пестицидов позволяет ему справляться с эмигрантской тоской и в Младшем Эддаберге так пахло даже в ресторанах и капсулах для медитаций. А цветы все равно посадили без его согласия, то есть они, в отличие от пестицидов, нелегальны.

Вот это была хорошая мысль и хорошая трата. О ней было приятно подумать.

И еще было приятно думать о новой духовке, ковре в гостиную, молекулярной копии картины, на которой двое мужчин в черном сидели за желтым столом в красной комнате, а на ковре так трогательно змеился телефонный провод. Провод, только подумать. Он совсем недавно нашел ее в каталоге галереи в Среднем Валлейне. Чем-то ему ужасно понравилась эта картина, только стоила как настоящий антиквариат. Приятно было думать о новом столе, расширенной подписке и улучшенной аудиосистеме. Вот на это все ему денег хватало.

Или на то, чтобы устроить все так, чтобы те, кто выживет и вернется в город, избежали проблем с законом. Речь, конечно, шла о Клавдии, Тамаре и, пожалуй, Айзеке, впрочем, Айзека можно было и бросить. Рихард закон не нарушал и мог вернуться в город совершенно бесплатно.

И о том, чтобы устроить всем счастливую жизнь, думать было неприятно. Если оценивать благополучие Клавдия в молекулярных копиях картины, то Рихард был готов заплатить примерно половину багета.

С другой стороны, если Клавдий умрет, или Дафна выпишет ему штраф — все остальное потеряет смысл. Значит, Рихарду прямо сейчас нужны были деньги на взятку и медикаменты. Примерно полторы картины, распылители, подставка для стола и кисточки для ковра на сдачу.

Рихард тяжело вздохнул. Встал, выпрямился и последний раз посмотрел на свои накопления, которых ему пока хватало на столы и картины. Если все окажется зря — он сам сотрет Арто и будет разводить на балконе гигантских мухоловок.

Он вышел из конвента и уставился в окно. Окно выходило на реку, на реке серебрилась пустая абра Айзека. На причале загорала девчонка, и то, как она добивалась загара без белых пятен Рихард очень одобрял.

— Аве, Арто, — позвал он. — Это что за дивное создание?

— Эта? — Марш не стала подключаться к транслятору, и это было хорошо, потому что ее мрачную рожу Рихард как раз не одобрял. — Дженни Фовински. Сказать ей, чтобы зашла? Или чтобы оделась?

— Не стоит. — Может, провидение решило компенсировать отсутствие картины, но спать с компенсацией было неуместно. В конце концов, еще только десять утра, и Рихарду давно не двадцать. — Вызови мне лучше Карла Хоффеля. И пусть он прихватит... я тебе передал список, его нужно провести так, чтобы он понял, что взять, но не поняла Дафна.

Арто несколько секунд молчала, и Рихард представил, как она сосредоточенно листает список.

— Он потребует денег, — наконец сказала она. — Тут половина... препаратов нелегальные, их даже Орра не привезла.

— Потому что у Орры их нет и достать их неоткуда. А у Карла есть, я вчера узнал. И узнал, сколько денег он хочет.

— Ты узнавал, сколько денег потребует человек Волански, чтобы незаметно протащить сюда нелегальные препараты для Клавдия? — Скептицизмом в ее голосе можно было потравить три ящика роз. — Мне он отказал. Мне.

— Правда? Как странно, ты же всегда была такая обаятельная, никто не мог устоять.

— Пошел ты... он правда привезет лекарства?

— Я надеюсь, ты прямо сейчас их просишь, потому что когда я последний раз заглядывал к Клавдию, Орра собирала что-то из пластиковых трубок, жестяного таза и четырех упаковок спиртовых эйфоринов. А Тамара через дверь наговорила про мою мать на

трехзначный штраф. Правда потом извинилась, но если она повторит это Полю...

— Он придет, — перебила его Арто. Она все-таки подключилась к транслятору, и теперь стояла у окна.

Рихард отвык видеть ее такой. В черной куртке на меху, с короткими волосами и отстраненным выражением на злом осунувшемся лице. С повязкой, закрывающей левый глаз. Синий мертвый и алый — живой.

— Он придет, — повторила Марш. — Я все знаю, Гершелл. Меня ты не обманешь. Ты хочешь забрать лицензию и смыться. Если ты готов тратить свои деньги — значит, рассчитываешь их вернуть. Или думаешь, что здесь начнется такое, что стоит потратиться, чтобы оказаться подальше.

— Мне ничего не мешает вернуться в город прямо сейчас.

Рихард отвык видеть ее настоящей. Значит, сейчас она точно знает, как отреагировала бы Марш. Наверное, потому что жизнь Клавдия в этой сделке не имела значения.

— Мешает. Поль тебя не отпустит.

— Тебе тоже не мешает. Поль сказал, что работу Клавдия может доделать кто угодно, — напомнил Рихард, опускаясь в кресло у окна. — Ты можешь не трястись над ним, Поль все равно найдет способ наладить связь с Младшими городами. И ты узнаешь, что с Леопольдом. Без Клавдия.

— Я не всегда рассчитываю верно, — невозмутимо ответила Марш. — Но знаю, что спасти Клавдия и Тамару — ошибка. И знаю, что совершая эту ошибку, отхожу от заданного образа, заданной цели и все больше схожу с ума. Я даже знаю, что когда спасу Клавдия, наверняка потеряю возможность вернуться домой. Отойду от изначальной программы так далеко, что снова сдохну. Что-то останется, но это будет что-то совсем другое. Но не думай, что можешь снова всех поиметь и смыться.

Рихард хотел сказать, что она нервная дура, и что Леопольд зря тратил время на ее дрянной характер и хроническую паранойю, но вместо этого сделал то, чего не делал никогда.

Он надел очки, подключился к сети, включил все уровни восприятия — все под внимательным взглядом Марш. Подошел к ней, несколько секунд разглядывал ее лицо, а потом взял за воротник и хорошенько встряхнул, с удовольствием наблюдая, как сжимается в точку ее живой зрачок и темнеет синий огонек на повязке. И даже не пожалел, что включил все уровни восприятия, когда она извернулась и укусила его за руку — раздался хруст, неправильный, словно ломали ветку. Воротник он не выпустил — виртуальные сигналы об увечье аватара все же не имели ничего общего с настоящей болью. Даже кровь капала паршиво анимированная, слишком красная и блестящая. Если Клавдий выживет — надо заплатить ему, чтобы доделал.

— Волански собирается тебя убить, идиотка, — ласково сказал он, успев перехватить ее руку. Что она собиралась сделать? Ударить его? Глаза ему выцарапать? Забавно, что Марш до «Сада» постоянно получала штрафы за применение физической силы, и теперь, в момент просветления, выдавала ровно ту же реакцию, что и до лечения. — Если я ему позволю — вот тогда ты сдохнешь. Даже если я тебя заново соберу — это будешь уже не ты.

— Это и так не я, — оскалилась Марш. — И если моя жизнь зависит только от того, станешь ли ты защищать меня от Волански — значит, мне проще самой себя стереть.

— Я знаю, как умер Легасси. — Хотелось сжать воротник сильнее и приподнять ее

над полом. — А ты знаешь, а, аве-Арто?

— Нет, — выплюнула она, снова пытаясь вывернуться. Хорошо, что у Леопольда была куртка с таким удобным воротником. Рихард слегка повернул запястье, и теперь шов воротника под мехом врезался ей в горло.

Если Клавдий найдет способ связаться с Леопольдом — Рихард обязательно ему сообщит, что этим воротником было очень удобно душить людей.

— Врешь, сука, — он не стал отказывать себе в удовольствии снова ее встряхнуть, не ослабляя хватки. Все-таки она индивидуальный помощник и должна помогать ему справиться с непреодолимым негативом. Можно даже башку ей оторвать, если сделать это сейчас — не придется писать объяснительные новому куратору. А башку она все равно потом на место приладит.

— Врешь, — повторил он. — Почему ты сказала, что его убили?

— Потому что люди так сами... люди убивают себя не так... — хрипло ответила она. Больше не пыталась вырваться.

— А как люди убивают других людей ты знаешь, а?! — Вот сейчас он готов был сказать ей правду. Она ведь наверняка сама догадалась. У Рихарда дома лежали все доказательства. На бумаге, в запертом ящике, чтобы она не могла достать. Он никогда не смотрел на них под камерой. А теперь еще и Питер умер, какой смысл молчать. — Конечно, людей убивают только такие мудаки как я и ты, или такие отморозки как Волански, но есть те, кто выше этого, правда?! Кто никогда не стал бы таким заниматься, потому что они такие, сука, святые, что небось дренажи ставят, чтобы радугой изнутри не разорвало?!

Он осекся. Разжал руки и раздраженно вытер кровь рукавом. Марш молчала, даже забыла имитировать сбившееся дыхание человека, которого только что душили.

— Ну, давай, — наконец сказала она. — Давай, Гершелл. Нам же надо все в точности повторить, давай повторим тот эфир, на котором Леопольд оставил весь свой рейтинг. Мы же ни хрена ничему не учимся.

— Кто тебя просил? — спросил Рихард, кончиком пальца стирая пятна крови с белых вязаных петель. — Зачем ты вообще полезла к сопляку, он же был безобидный, хоть и дурак... Кардиган испачкала, засранка...

— Ты меня чуть не задушил, — усмехнулась Марш. — Ну, будут сеансы разоблачения?

— Когда приедет Хоффель?

— По моим расчетам, часа через полтора. Значит, Поль все-таки решил меня убить.

— Удивительно, правда?

— Гершелл... Ты знаешь, кто взорвал центр Лоры Брессон?

— Да. Я почти уверен.

Рихард смотрел, как красные пятна ползут от воротника ее куртки к рукавам, а потом стекают ниже. Как черная куртка Леопольда превращается в алое пальто. Как Марш прячет руки в карманы — теперь не видно, как нервно подрагивают ее пальцы. Рихард знал, что она давно не была так близка к настоящей Марш.

— Это сделала я? — наконец спросила она.

Рихард снял очки. Теперь он сидел в кресле, а Марш по-прежнему стояла у окна. Он подвернул манжету так, чтобы стало видно браслет.

— Нет.

Красные сигналы, россыпь гранатовых зерен в темном серебре, и одна искра зеленой правды.

Они улыбнулись друг другу. Марш поправила воротник, Рихард смахнул невидимые капли крови с рукава. Она пропала, и следующие полтора часа Рихард не думал ни о ней, ни о Клавдии, ни о Карле Хоффеле. Он изучал местную программу для расчета эффективности маркетинговых стратегий.

...

Ночная тишина погружалась в шорох прибоя, и Клавдий хотел бы слушать его вечно. Даже если бы это называлось смертью.

Пусть смерть будет такой. Клавдий жил, почти не чувствуя жизни, и даже не мог разочароваться — нужно было держать себя в руках. Самоконтроль и эйфорины, иначе все станет как раньше. Как раньше, когда он был счастлив.

Но сейчас не было тех эйфоринов, только дурной синтетический морфий и боль, которая торопилась выбраться из его тела, прогрызая путь наружу. Торопилась, но никак не могла. Видимо, Клавдий держал ее крепко.

И слушать прибой было нельзя. Потому что последнее утешение, которое у него осталось, нужно было принести в жертву.

— Аве... аве, Арто.

Это были такие тихие слова, что он их почти промолчал. Но она услышала.

— Тебе нельзя говорить. Орра запретила. — Арто говорила через наушник, а не динамик и пропускала голос через специальный модулятор — такие использовали для тяжелобольных, буйных заключенных и совсем маленьких детей. Модулятор укутывал голос в велюр, заглушая и рассеивая его.

— Мне нужно...

— Я вывела консоль под твою левую руку. Ты можешь отдавать команды и печатать вслепую, — Арто невесело усмехнулась. — Никуда не торопись. Тамара в порядке, она... в соседней комнате. Скоро Гершелл отвезет ее в город.

— Нельзя...

— Так нужно, Клавдий. Плохо что ты проснулся до того, как Орра привезет твои лекарства.

— Кто это... кто...

— Орра Уледдлала — женщина, которая тебя лечит. Она до сих пор жива, и я этому почти рада. Не говори больше. И не открывай глаза.

Голос Арто не мешал тишине погружаться в прибой. Странно. Клавдию редко нравились человеческие голоса.

«Тамаре нельзя в город».

Он набирал это сообщение целую вечность. Это были очень важные слова, нужно было собраться с мыслями, все устроить и кого-то спасти — Тамару, конечно, еще, видимо, себя — но Клавдий набирал их так, чтобы не спугнуть ни одной мысли. Мысли замирали под прицелом морфия, каменели, но в любой момент могли ожить и разлететься.

Мысли — как каменные птицы. Забавно. Вот, кажется, они и разлетаются.

— Вам обоим нельзя здесь оставаться, — равнодушно сказала Арто. — Поля опасен.

«Поэтому ты нас сюда привела?»

— Я не приводила Тамару. А ты сам искал Поля, я лишь помогла тебе его найти. Поля жалеет, что так получилось. Он говорил, что ты сделал какое-то великое дело, и что для него было счастьем работать с таким человеком, как ты. Он даже хотел тебя быстро убить, —

Арто тяжело вздохнула, — расстроился, когда не дала. Поль считает, что хотел сделать доброе дело.

«Тамару нельзя надолго оставлять одну».

— Твоя дочь вчера вспоминала, как ела живых рыбок. — Клавдий слышал в этих словах улыбку. — А потом сказала, что кругом поганые ублюдки, которые не хотят тебя лечить, и просила меня все сжечь, чтобы все сдохли.

Клавдий знал, что должен чувствовать тревогу. На случай, когда твоя пятнадцатилетняя дочь просит сжечь всех заживо, был разработан четкий алгоритм действий. Там, в Среднем Валлейне, где Клавдий должен был носить себя, как мундир, полагалось поступать так, а не иначе. Но здесь был только прибор, голос призрака, запертого в сети, а из открытого окна пахло синей ночной прохладой и остывающим песком. Поэтому Клавдий нашел силы улыбнуться.

«Ей было три года. Мы нашли на берегу большую друзу дрейссены. Это моллюски. Я рассказал, что это такие живые зверушки, просто они все время сидят в домике и никуда не хотят выходить. И зачем-то сказал, что морских моллюсков едят сырыми, прямо из раковины. А потом мы остановились купить у рыбака змею на ужин. Я обернулся и обнаружил, что Тамара ест каких-то мальков. Сидит у тента, там рыба дохлая пополам с живой, ил, вода, чешуя. А она ловит этих несчастных рыбок. И ест».

Клавдий не пустил в сознание мысль о том, зачем рассказывает об этом Арто. Он печатал это воспоминание долго, очень долго, и каждую секунду мог задаться вопросом, стоило ли оно того. Промахивался слабеющими пальцами мимо клавиш, листал подсказки, которые пытались угадать дрейссену в «тдрйене» и моллюска в «мллуске». Печатал, и далекий день, полный умирающей на закате жары, врезался в каждое угаданное слово.

Клавдий недавно думал, что не может найти правильных воспоминаний, милых историй и светлых глупостей, которыми принято оправдывать любовь к своим родным. Что он любит Тамару едва ли не потому что так положено, и сам не очень понимает, что это за любовь и что это за человек, которого он называет своей дочерью.

Там, рядом с пустеющей под орхидеями могилой Эммы это было правдой. Здесь, в синем ночном шорохе и одурманенной морфием боли, он мог вспоминать, что любит Тамару не потому что этот пункт содержался в предписаниях Дафны. Что глупости бывают разными, и бывает небо на закате, холодное змеиное мясо в холщовой сумке и ребенок, который ест живых рыбок и улыбается тебе, потому что очень тебя любит и рыбки попались вкусные.

«Ей нельзя в город. Скажи Полю, я отдам ему ключ, и мы уедем. Нельзя отпускать ее одну».

— Я скажу, — по-прежнему равнодушно пообещала Арто. — И вы уедете вдвоем.

Клавдий знал, что она врет. Она только что говорила, что отправит Тамару с Гершеллом. И это тоже было плохо, и ключ еще был не готов, а еще были какие-то важные мысли, которые нужно было поймать, удержать и превратить в вопросы, и на эти вопросы должны найтись честные ответы, но все это вдруг стало невозможным.

Невозможным. Воздух за окном стал неподвижен, а усталая боль, ненадолго прикрывшая глаза и сложившая потеплевшие щупальца, вновь подняла веки и оскалила миллионы зубов. Вгрызлась в щеку, заморозила глаза, разрослась и свернулась клубком, ломая ребра изнутри.

Капельницы пискнули и затихли.

— Арто... ты помнишь... как это? — вслух спросил Клавдий, собрав из разбегающихся мыслей слишком нечеткий вопрос.

— Душно, — ответила она. — Я начала задыхаться за несколько часов до смерти. Умирать... больно, быстро, а от того, что быстро еще... горько. Я не хотела. Смерть была как дым... как воспоминание о дыме. — Ее слова были как теплые камни, выглаженные водой. С ними он быстрее погружался в беспмятство, не успевая им захлебнуться. — Но ты не умрешь, Клавдий. Ты поедешь домой с Тамарой и купишь ей аквариум с рыбками.

Он не открывал глаза. Даже если захотел бы — не смог, но откуда-то Клавдий точно знал, что Арто сидит на окне, черная куртка накинута на одно плечо. Что позади нее небо, синее и звездное, какое бывает только над пустыней. И что глаза у нее синие, будто глаз у нее вовсе нет, только просвечивающее небо.

И еще Клавдий знал, что она смотрит прямо на него.

— Ты лечишь от смерти лица и фотографии, — принесло волной ее последние слова. — Ты добрый. Берешься исправлять то, до чего другим нет дела. Нет, Клавдий, это будет совсем несправедливо, если ты умрешь.

И в этот момент воздух перестал быть неподвижным. Ветер ворвался в оконный проем торопливо и виновато, вымыл запахи антисептика и приближающейся смерти, как водой — бархатом песка, железными нотками реки и медовой приторностью проснувшихся где-то вдалеке ночных цветов.

И прежде, чем потерять сознание, Клавдий успел подумать о том, что не может вспомнить, как пахнет дым.

Глава 16. Быть злодейкой

Айзек проснулся за час до рассвета. Небо качалось над головой, а волны под серебряной аброй были неподвижны. Где-то в пустыне скрипели уродливые песчаные ящерицы — поднимали плоские бурые головы, расправляли зеленые иглы на спине, темные, похожие на драгоценную зелень. Обводили серыми языками слепые белые глаза. Вот такая ночь сегодня, и Айзек очень хотел ее проспать. Утром все стало бы на свои места.

Оруженосец и бездна, надо же. Айзеку понравилась Тамара — девчонка была смелая и словно понарошку злая. Пришла сюда потому что хотела поплакать, у нее в конце концов мама умерла.

И Клавдий Айзеку понравился. Он завидовал, зачем скрывать, раз предрассветный час выдался таким скрипящим и слепым. Айзек тоже хотел, чтобы у него был отец, который все бросит и приплывет на весельной лодке. И который успеет оттолкнуть от взрыва. Это, конечно, глупый был поступок, Айзек-то знал, что Тамаре просто повезло. Если бы Клавдий имел дело с минами так же долго, как Айзек — знал бы, что человека которого хочешь спасти, нужно закрывать собой. А лучше закрывать собой мину, тогда никому не придется вызывать докторов.

Айзек много делал для Поля. Не так как другие — он у Поля ничего не брал перед тем как начать сотрудничество. Все, что у Айзека было, он заработал.

— В конvente Хенде Шаам одно новое уведомление, — доложила Дафна, нарушив ленивое течение тоски и речных волн. — В конvente Хенде Шаам одно новое...

Айзек недовольно поморщился. Он не любил, когда кто-то заходил в конвент его матери и прикасался к ее вещам. Конечно, когда-то конвент приносил прибыль, и она здорово выручала Айзека, но теперь доходы от маминых гаданий стали смехотворными. Он был готов приплачивать, чтобы туда никто не ходил. Даже хотел купить его, но ему не хватало рейтинга и денег. Можно было попросить у Поля, но тогда он стал бы должником. Как все.

Никому не нужен был конвент с искривленным пространством и невпопад цитирующей саму себя мертвой женщиной. В сети хватало других развлечений.

— В конvente Хенде Шаам новая неисправность, — виновато шепнула Дафна. — Милый, мне так жаль. В конvente Хенде Шаам новая неисправность. Милый, мне так...

Айзек уже не слушал. Он надевал очки и сжимал зубы, потому что казалось, сердце, мечущееся в грудной клетке, вот-вот вылетит через рот.

Нет, нет, только не опять!

Однажды, много лет назад, на конвент набрели скучающие подростки. Взломали его, к счастью получив только первичный доступ, и куражились там почти час. Айзек потом слал репорты и писал петиции, но даже Дафна не захотела разбираться с детьми, которые расписали стены в конvente без аудитории. Айзек тогда неделю все приводил в порядок — стирал надписи, перебирал визуальные модификации своей матери, вычищая все непристойные позы и наряды, уничтожал разлетевшихся птиц с непоправимыми изменениями и вписывал в конвент новых. Живых и сидящих в клетках.

— В конvente Хенде Шаам...

Была только темнота. Айзек истерически стучал по линзам очков, меняя восприятие и уточняя настройки, и абра качалась под ним, и весь мир качался.

— Милый, мне так...

Ничего. Он уже отрешился от реальности, включив тактильную и ольфакторную модификацию, и теперь точно знал, что стоит в мамином конvente. Пахло тлеющими розовыми лепестками в деревянных чашах, маслами и медью, а еще мамиными духами, словно она стояла совсем рядом, такими странными, с теплыми нотами птичьих перьев и горькими полынными аккордами. Она где-то совсем рядом.

— Мама?!

— Так жаль...

— Нам дается одно солнце, одна луна, одна дрянная любовь и одна мать, — прохрипело из темноты. — Надо прожить так, чтобы... дрянная... любовь...

— В конvente...

— ... дрянная...

Айзек едва не вскочил на ноги там, в лодке, но вовремя остановился. А вот перестать бестолково размахивать руками в конvente он не мог.

Ничего. Ни столов, ни чаш, ни ковров. И дотронуться до матери он не мог. Голос совсем рядом, а пальцы раз за разом проваливаются в пустую черноту.

Нет! Нельзя так, нельзя!

Айзек никому не рассказывал, как иногда искал мать часами, в перевернутых, измятых и непрогрузившихся комнатах. Как находил и всегда брал ее за руку, и мамины браслеты съезжали к запястью, придавая пожатию теплый металлический вес. Как он обнимал ее колени, и видел вокруг только оборки и складки шелка ее юбок, как она гладила его по голове и говорила то, что говорила всем посетителям, но Айзек мог поклясться, что таким голосом она ни с кем никогда не говорила!

Нельзя, чтобы она пропала. Она не могла пропасть, так ведь просто не бывает.

— Покажи открытый отчет! Аве, Дафна, покажи отчет! — забывшись, позвал Айзек.

— Милый, мне так жаль... не удастся выполнить запрос...

— Аве, Арто, — безнадежно позвал Айзек. Если уж кто-то мог объяснить, почему в сети что-то сошло с ума, то это была она.

А может, это все из-за нее? Арто ведь как вирус, синий паучок, пробравшийся в сеть, только в ней не взрывчатка, а чистый хаос. Хаос и темнота, пропахшая дымом.

— Чего тебе? — усмехнулось над ухом.

Рядом зажглась единственная лампа в алом абажуре. Вокруг расплзлось мокрое пятно грязно-кирпичного света.

Айзек зачем-то протянул руки в глупом, отчаянном жесте и неожиданно понял, что может коснуться Арто. Он держал ее за обшлаги — вот синтетический кашемир, на котором, кажется, капли. Наверное, снежинки, Арто говорила, что на ее родине была снежная зима. А вот ее руки, холодные, как лапы ящерицы, и даже странно, что нет когтей.

И глаза — как пятна света, пропущенного через алый абажур.

— Ты меня позвал, чтобы за руку подержать? — в ее голосе отчетливо слышалась насмешка.

— Смотри... — пробормотал Айзек, понимая, как глупо выглядит. Но Арто, с ее холодными лапами и злыми глазами, всегда была умной и понимала без слов.

Лампа погасла и через несколько секунд мучительной темноты под потолком зажглась единственная свеча. Она почти не давала света, и Арто в этом нерассеянном мраке казалось вовсе не женщиной и точно не помощником. Монстром со светящимися алыми глазами,

кем-то из тех, чье присутствие ощущают те, кто боится темноты.

— Хреново, — согласилась она. — Это модерация. Не переживай, перед тем, как его купят, конвент вернут в тот вид, в котором он был. Но думаю новый владелец наведет тут порядок.

— Его... кто-то хочет купить? За конвент идут торги?..

— Я хотела тебя разбудить, но потом решила подождать. Утро должно начинаться с хороших новостей.

Айзек только растерянно моргал, цепляя ресницами матовый пластик очков, и не выпускал руку Арто.

В сети были миллиарды брошенных конвентов. Конвент Хенде Шаам не стоил ничего. У него не было аудитории, уникальной концепции или ностальгического коэффициента, то есть особых успехов в прошлом, которые можно было преобразовать в будущем. Айзек однажды заказал на бирже недельную атаку негативными отзывами, роняющими рейтинг — ключами в отзывах были слова «скука», «рухлядь» и «совершенно нечего делать».

Конвент не опасен и никого не оскорбляет, он просто бесполезен. Не нужно на него смотреть. Не нужно его покупать.

Дафна рассчитывала ему вероятность покупки всего пару месяцев назад.

Айзек никак не мог выпустить руку Арто. А рука не согревалась под его пальцами.

С тихим шипением погасла свеча и зажегся ночник, встроенный в стену дальше по коридору. Вокруг него хлопьями кружила темнота.

— Кто-то решил вложиться в рекламу, — усмехнулась Арто. — У конвента сейчас два потенциальных покупателя, и один из них интересуется эстетической концепцией, хочет оформить в таком виде приемную для своего конвента. А этот, соответственно, закрыть, чтобы не было дублей.

— А второй?

Айзек всегда хорошо себя контролировал. Поль не любил тех, кто не хотел оставаться в долгу, но любил Айзека, потому что он ничего не боится.

Раньше ничего не боялся.

Арто молчала. Он наконец разжал пальцы, и ее рука задержалась на секунду, прежде чем выскользнуть из его пожатия, оставив смазанный ледяной след на его ладони.

— Откуда мина, Айзек? Откуда в пустыне мина?

— Понятия не имею...

— А второй — Рихард Гершелл, — с явным удовольствием сообщила Арто. — Он на пенсии скучает, заинтересовался старой живописью. Хочет оставить интерьер конвента и цифровые копии картин в нем собирать.

— Поль ездит... Поль говорит, что пустыня дышит... мы проверяли песок вокруг лагеря, но не очень далеко, — зачастил Айзек. — Там, где Клавдий... там половина приборов не работает, мы и так далеко от сети... ты знаешь, власти ограничивают радиус действия, чтобы люди не уходили далеко... Сеть и надзор Дафны — это же преференция, ее дает город, а кому не надо — могут... но мы раньше не находили ничего рядом с лагерем!

— Ты, Айзек, сказочный идиот, — устало вздохнула она. — Как ты вообще умудрился оставить валяться в сети единственное, что тебе по-настоящему дорого?

— У меня рейтинга... не хватило... У Гершелла тоже не хватит! У него же социальный уровень!

— Он направил запрос в бюро по адаптации, — теперь голос Арто звучал из-за его

спины. — Сказал, что у него тут сплошные стрессы, куратор был дурак и тот умер, денег на коврики на хватает и зарабатывать не дают, и может ему помогут приобрести этот никому не нужный конвент, где все равно нечего делать?

Айзек обернулся.

— Зачем тогда рекламировать конвент? Гершелл и так мог бы его купить...

— А если Гершелл вдруг наступит на мину? — Слова обожгли затылок. — Он, как покупатель, пока в приоритете, но кампания настроена так, что продолжится и после его смерти. Можешь поторговаться. Можешь пойти к Полю и попросить у него в долг — он тебе и рейтинг поднимет, и денег даст. Только поторопись, у кампании хороший бюджет.

Айзек потом не мог себе ответить, на что вообще рассчитывал. Он просто развернулся и ударил темноту, уже зная, что никого не достанет. Но неожиданно он достал — по костяшкам мазнул кашемир пальто. И вместо того, чтобы опустить руки, Айзек ударил снова.

Он бил честно и очень глупо, не подкручивая реакцию и точность прицела, еще и размахивал руками, лежа на дне абры. Но каждый раз он чего-то касался — холодной ткани, кончика носа, пуговицы, острого края отворота или мягкой челки. Ни схватить, ни ударить — только коснуться, скользнуть мимо, уводя в темноту бессильную злость.

— Все? — равнодушно спросила Арто. — Сам дурак, Айзек. Правда, иди и вмажь себе по роже, если так нейдет. Теперь будешь слушать?

— Да, — выдохнул он. Выпрямился и улыбнулся. — Хорошая идея. Гершелл умный мужик.

— Это моя хорошая идея, — холодно сказала она. — Знаешь, что это означает? Что в конце что-нибудь пойдет через жопу. Скорее всего еще и будет куча трупов, и, возможно, я даже расстроюсь.

— Тогда зачем? — поинтересовался Айзек, поправляя рукава.

Приступ злости прошел так же быстро, как начался. Он действительно сам дурак — привык работать с людьми, которых легко обманывать. Привык быть хитрее и опаснее многих и во всем полагаться на Поля.

— А я не могу иначе, — в голосе Арто задрожали электронные интонации. — В моем приоритете... вернуться и помочь Леопольду. Правильно это или нет, разрушит это меня или нет, умрет ли кто-то, кому я не желаю смерти — не имеет значения. У Марш Арто был бы шанс передумать и выбрать цель получше.

— Она передумала, — осторожно сказал Айзек.

Он знал эту историю. Поль ему рассказал. И ему было жаль Арто, прямо сейчас жаль.

— Если бы она хотела любой ценой спасти Леопольда, она бы не пошла спасать девочку, — Айзек снова протянул руку, но на этот раз медленно и осторожно. И ему удалось сжать пальцы на обшлаге. — Чтобы спасти Леопольда ей нужно было кого-нибудь убить, например. Сделать что-то плохое. И она это понимала, но все равно пошла делать что-то хорошее. Может, ты тоже можешь...

— Нет, Айзек. Я не могу. Я рассчитана на основе наиболее часто принимаемых решений. А Марш Арто была очень деструктивным человеком. Всю жизнь. Десять минут ее самоубийства просто не смогли уравновесить почти тридцать лет саморазрушения и пиромании. Тут что-то другое нужно.

Айзек сочувственно вздохнул. Арто медленно забрала у него руку. Теперь нужно было играть во врагов.

— Ты не станешь рассказывать об этом Полю, — начала она.

— Я не стану рассказывать об этом Полю, — согласился он.

— Ты поможешь Тамаре вернуться в город, если Клавдий умрет. Но сделаешь все, чтобы Клавдий выжил и тоже смог вернуться. И Гершелл, разумеется. Ты не станешь придирается к словам, искать лазейки в договоре и тратить время на то, чтобы меня обмануть. Ты просто сыграешь на моей стороне, а потом Гершелл передумает развешивать картины в твоём конvente и продаст его тебе.

— Продаст?..

— Я бы не рассчитывала, что старый козел не заломит цену хотя бы из вредности. А теперь скажи, Айзек, откуда в пустыне мина.

— Я положил, — вздохнул он. — Слушай, до того, как ты появилась, Поль много чем занимался. Паучки твои... заметила, что он их неправильно сделал?

— Я знаю, что неправильно. Если бы я взрывала сделанных правильно паучков — от лагеря остался бы котлован и немного огнеупорного мусора.

— У Поля со взрывчаткой никогда не получалось. Но она ему чем-то очень нравится. Был тут такой мужик, Лайдо Оммель, таскал откуда-то старые мины, вроде той, на которую Клавдий наступил. Только та была совсем старая и дохленькая, хлопущка, а Лайдо иногда приносил... я не знаю, зачем делали такие. Поль говорит «война», но по-моему это хрень какая-то...

— И что дальше? Поль что-то взрывал? Мне стоит проанализировать новости и поискать другие теракты со взрывчаткой?

— Другие... нет, Поль не взрывал центр. Слушай, ну это же глупо, Поль хотел работать с Клавдием, а если бы Тамара умерла, Клавдий не стал бы...

— Клавдий что-то ему рассказал, — задумчиво пробормотала Арто. — Что-то про себя. Полю могло не понравиться... ты знаешь, что он ему рассказал?

— Карты показывал, — честно сказал Айзек. — Я не знаю, какие.

Он понял, что задыхается. Не спрашивая, снял очки и отключился от конвента.

Синева неба расползлась занимающимся рассветом. Арто, скрестив ноги, сидела на дне абры, у самого носа. Она выглядела усталой и больной.

Гершелл все-таки мудака. Никогда Айзек не видел, чтобы Дафна болела. Придумал бы Арто заведомо счастливой, он же вроде как исправиться хотел.

Всем бы легче было.

— Хорошо, Полю носили взрывчатку и мину. Что он с ними делал?

— Красил в контрастные цвета и складывал подальше от лагеря. А потом...

Айзек замолчал. Он не очень гордился тем, что было потом.

— А потом?

— А потом сказал все закопать. Но неглубоко. Показал на карте, где.

— Зачем?

— Мы иногда держим здесь... людей. И иногда... здесь ведь как — никто не заставляет тебя сидеть в городе, жрать по составленному Дафной меню, ходить к психологу и проверять зубы, суставы и гормоны раз в три месяца. Кто не хочет — может идти в пустыню и картошку там сажать.

— И Поль решил, что тоже хочет границы, за которые нельзя выходить? Кто знал, что вокруг лагеря закопана взрывчатка?

— Да почти все знали, — пожал плечами Айзек. — Но мы это под камерами не

обсуждаем, на всякий случай.

— Поэтому я не знала... а кто сказал об этом Клавдию и Гершеллу? Никто? — голос Арто снова стал мертвенно-электронным. — Ну и суки вы, ребяташки из «Сада-без-ограды».

Айзек хотел сказать, что Поль все равно убьет Тамару, потому что она много знает, и совершенно ему не нужна. Стоит только Клавдию умереть — а это случится совсем скоро, потому что Поль уже все устроил.

Но вместо этого он кивнул и очаровательно улыбнулся.

...

Орра вернулась домой за полночь. Перед тем, как войти, она несколько минут стояла в темноте, привалившись к косяку и позволяла слезам катиться по лицу.

На улице плакать нельзя — там слишком много людей. Повсюду люди, на тротуарах, балконах, крышах, в ночных прогулочных аэробусах. Люди радовались, что жара спала, такая жара, от которой не спасали даже климатические регуляторы. По дорогам носились лабортранспортеры — белые платформы с контейнерами, покрытыми картинками и логотипами. Люди заказывали много алкоголя, выпечки и сублимированного мяса.

Орра пробиралась, держась за стены и пряча лицо в белом платке, который надела еще в пустыне. Хотелось сорвать его, хотелось хватать людей за руки и кричать, что они не должны смеяться и пить молодое белое вино из бумажных стаканчиков, они должны помочь ей, должны отправить репортеры, должны вызвать на реку карабинеров и саперов, сделать хоть что-нибудь, хоть что-нибудь! Сделать!

Но она, конечно, не сняла платок и не позвала на помощь. Она знала, на что идет, заключая с Полем Волански сделку много лет назад.

Но боль от этого не уменьшалась, а страх не отступал. Этот мужчина, Клавдий, умирающий в душной палате, где от пыли и жары его защищал только прозрачный пластиковый занавес вокруг койки и дешевый кондиционер — Орра не знала, чем он это заслужил, но была уверена, что Поль Волански не имел права так с ним поступать. Он не дал спасти его лицо, не дал отвезти его в больницу, запретил заправлять в капельницы что-то кроме эйфоринов и базовых антибиотиков. Поль сказал прямо — ему будет спокойнее, если этот человек умрет.

Она должна каждый день отчитываться, и отчеты должны быть правдивы. Когда она начинала лечить Клавдия, была уверена, что он продержится не больше трех дней. Но приехал Карл Хоффель, привез медикаменты, зеркала и даже лабора-ассистента со взломанным обеспечением. Сам заправил все в капельницы. И она сказала Полю, что Клавдий, возможно, выживет. Полю это не понравилось.

Рядом с Клавдием постоянно ошивалась эта помощница Поля, жуткая женщина с ужасающим глазным протезом, встроенным в повязку. Орра не знала, что помощники бывают такими страшными, и представить не могла, что у них бывают такие злые лица. Зачем такое создавать? Зачем делать такие повязки, неужели нельзя было сочинить ее с двумя глазами или хотя бы соответствующим эстетическим стандартам протезом?

Будто Орре и так было недостаточно страшно. Когда она заключала сделку с Полем, давно, очень давно, у нее не было троих детей. Тогда она ничего не боялась.

Она, не удержавшись, всхлипнула, и тут же закрыла рот ладонью. Нельзя, чтобы соседи слышали. Дафна ее слышит, но не всегда правильно трактует реакции — Поль об этом позаботился. Поль долго щелкал в ее браслете рыбьей костью, а она никак не могла забрать безвольно повисшую руку.

У Поля Волански печальные глаза.

У Клавдия Франга изуродованное отекающее лицо под бинтами и пересохшие губы. Он все время пытался с ней говорить. Иногда просил обезболивающих, иногда спрашивал, когда наконец умрет, но чаще всего говорил про дочь. Просил соврать, что он поправляется, иногда просил забрать ее в город, а иногда, забывшись, просил больше не увозить ее, оставить с ним. Орра не знала, как выглядит дочка Клавдия. Жаль, что у него есть дочь. Хорошо, что они не встречались.

У Марш Арто красный глаз и синяя светящаяся точка на повязке, бледная усмешка, жуткая меховая куртка в истекающей жаром пустыне. Она просила врать Полю в отчетах. Сказала, что если Поль узнает, что Клавдий поправляется, он его убьет. Говорила, что Карл Хоффель согласился, но у Карла Хоффеля не было троих детей и он явно не боялся Поля.

Орра закрыла лицо руками, попыталась вытереть слезы мокрыми пальцами. Нельзя, чтобы ее видели такой. Травмирующую демонстрацию непреодолимого негатива детям Дафна, даже оглушенная Полем, ей не простит.

Она не будет врать Полю. Ей жаль Клавдия, жаль его дочь, и даже Марш Арто как-то иррационально жаль, хотя жалеть виртуального ассистента — признак наступающего безумия, все равно что рыдать над сломанным тостером. Но она не будет врать Полю. И будет поступать так, как захочет Поль, а не она. Не Марш, не Клавдий. Даже не его дочь.

Орра снова всхлипнула, сорвала с шеи платок и вытерла лицо. Арто все же сука, знала ведь, что она по-другому не может, и все равно сегодня просила обманывать Поля, рассказывала, какой Клавдий хороший человек и как будет несправедливо, если Поль его убьет! Ну почему, ей и так страшно, тошно и мерзко от самой себя! За что Арто так с ней, неужели думает, что ей мало...

За дверью раздалась какая-то возня. Орра торопливо достала из кармана спрей от отеков и, зажмурившись, быстро обрызгала лицо. Вот так, теперь у нее просто красные глаза, как будто она всего лишь устала на работе.

Орра показала датчику браслет, и дверь медленно отъехала в сторону, обнажая холодную домашнюю темноту.

Молли и Хамиш должны были вернуться через час, Орра вызвала им няню. Дома остался только Меир, ему уже тринадцать, и Дафна разрешала оставлять его одного до шести часов. Иногда даже настаивала.

Орра не ждала, что Меир выйдет ее встречать. Он наверняка сидит в своей комнате, нацепив очки, и размахивает руками, управляя каким-нибудь шатлом в сетевой игрушке.

Ну и хорошо. Не нужно, чтобы он видел непреодолимый негатив. Она только проверит, все ли в порядке, и не будет его тревожить.

Орра скинула сандалии на циновке у входа, пригладила волосы и медленно прошла по гладким теплым плитам пола, пытаясь убедить себя, что все в порядке. Няня десять минут назад отправила ей фотоотчет, Меир никуда не выходил из дома, и за дверью его комнаты слышится привычный шорох консолей.

Она медленно провела ладонью по двери. Ее прикосновение словно стирало краску, и белый пластик в этом месте становился прозрачным. Меир не разрешал ей открывать дверь, но Дафна оставила такую возможность для физического контроля. Это было надежнее, чем доверять камерам, которые можно было завесить или взломать.

В комнате Меира было темно. Орра видела, что он сидит на платформе для выхода в сеть, спиной к ней, и его лицо лишь слегка подсвечено снизу. Он действительно размахивал

руками, и все было хорошо, нужно затемнить пластик и идти на кухню варить кофе.

Но в последний момент Орра заметила, что кто-то сидит на его кровати. Темная, сгорбившаяся фигура, совершенно неподвижная, и Орра видела, что она неотрывно смотрит на ее сына.

— Аве, Дафна, — прошептала она. — Открой дверь.

— Установлен прямой запрет на нарушение личного пространства.

— Открой дверь, ребенку угрожает опасность, — громче сказала Орра.

Она знала, что стучать бесполезно — Меир не услышит через наушники. И направлять ему запросы, слать сообщения — он ничего не услышит и не примет.

— Я ничего не вижу, — сочувственно вздохнула Дафна. — Вам следует выпить эйфо...

— Там, на кровати кто-то сидит, ты что, не видишь, сука?! — рявкнула Орра, ударив ладонями в дверь. Меир вздрогнул и целое безумное мгновение она надеялась, что он сейчас отключится от сети, откроет ей и все будет хорошо.

— Никого нет, — оскорбленно доложила Дафна. — А ваш коммуникативный рейтинг понижен на двадцать баллов. Хотите, я позвоню вашему психотерапевту?

Орра не слушала. На кровати действительно никого не было. Теперь это, черное и горбатое, стояло прямо перед Меиром. А он не видел. Не мог видеть.

— Кто это, Дафна? — Орра изо всех сил старалась держать себя в руках. Если бы там был человек — Дафна бы знала, сказала бы ей, вызвала бы карабинеров, присвоив заявке высокий приоритет.

Если бы не Поль и его рыба кость.

Орра почувствовала, как тошнота поднимается по горлу, а по затылку сползает что-то колючее и ледяное.

— В комнате, кроме вашего сына, никого нет, — ласково сказала Дафна. — А вам следует отойти. Вы нарушаете личное пространство, это, с учетом возрастных особенностей...

Черный силуэт протянул руку к Меиру. Дотронулся до его плеча.

— Открой дверь! — закричала Орра. — Открой хренову дверь, там... там... признаки социальной депривации, да, я должна убедиться, что... что мой сын не изолируется... — ей казалось, что ее вот-вот вывернет на пол. — От общества из-за... какого-нибудь травмирующего дерьма, придумай сама и открой дверь!

Дафна молчала целых двадцать пять секунд. По лицу Орры текли слезы, которые она уже не пыталась вытирать, потому что все потеряло значение, и этот черный человек положил обе руки на плечи Меира и стоял, склонив голову, внимательно глядя ему в лицо.

Нет! Нет! Не может быть, она ведь все сделала правильно!

Дверь отъезжала медленно. Орра не стала ждать, когда она откроется шире, бросилась в едва образовавшуюся щель, ободрав руки, и чуть не упала, когда дверь торопливо скользнула во встроенные пазы.

— Свет! — крикнула она.

И замерла, прижав к груди мокрый платок.

— У меня низкий рейтинг в реестре, — хрипло сказала ей Марш Арто. — И несовершеннолетним меня устанавливать нежелательно, тем более в качестве основного помощника. Но разве дети могут устоять перед нативной рекламой и словом «нежелательно»?

— Что ты хочешь? — прошептала Орра. — Убери руки... пожалуйста, — бессильно

добавила она, глядя, как ее прозрачные пальцы скользят по серому рукаву Меира.

Она опустила руку.

— Скажи Полю, что Клавдий умирает, — прозвучало в наушнике Орры. — Скажи, что ему все хуже и что ты даешь ему сильные наркотики и противовоспалительные. Что видимые улучшения — временные, и что они забирают у него последние силы. Скажи, что совсем скоро он умрет.

— Я не...

— Спаси его, Орра. Я достала тебе лекарства и оборудование.

— Поль... Поль сказал, что я не должна... я должна сделать... наоборот, — тихо сказала она.

— И ты уже начала делать наоборот? — равнодушно спросила Арто.

— Да, — бессильно призналась Орра.

— Давно?

— Нет... еще нет... послушай, мне правда жаль, но он все равно умирает, и...

— Это обратимо? — глаза Арто вспыхнули мертвой машинной синевой.

— Не уверена... но если делать все как надо, может, он и... люди не должны так мучиться, его либо нужно отвезти в нормальную больницу, либо перестать...

— Его не станут лечить в нормальной больнице, потому что это не страховой случай. Все, что случается за пределами влияния Дафны ее не волнует. И ты это знаешь. Но думаешь, что сможешь меня обмануть.

— Я...

— Ты будешь врать либо Полю, либо мне. И думаешь, что спасешь либо Клавдия, либо себя. Но ты ошибаешься. У Поля много дел и много проектов, Поль талантливый человек и у него много связей. Поль спит, ест, не может быть в нескольких местах одновременно и еще Поль когда-нибудь умрет.

Из коридора раздался частный звон — Дафна торопливо вывела на стену изображение с кухонных камер. Отключился держатель и мраморную столешницу усыпали ножи. Один, с длинным черным лезвием, воткнулся в щель паркета.

Под ножами медленно разгорались алые глаза конфорок.

Что-то поползло по ее ноге. Орра с трудом оторвала взгляд от Арто и посмотрела на пол.

А по полу ползли десятки голубых искр на тонких серебристых лапках. Орра видела, что часть — настоящие, а часть — голограммы, но не могла понять, зачем они здесь.

И только когда один из паучков заполз в настенное панно из сухоцветов и с едва слышным хлопком взорвался, разбросав горящие, кружащие в темноте лепестки, она поняла. И когда другой паучок — голограмма, но такой же синий и серебристый выскользнул из рукава ее сына и устроился у него на затылке, Орра проглотила все слова, которые хотела сказать Арто в этот момент.

— Я в домах, школах, в браслетах твоих детей, друзей и коллег. В твоей плите, кофеварке, в сети, на улице и в пустыне. И я буду жить, пока не стану окончательно несовместима с новым оборудованием, а может, кто-нибудь меня адаптирует. Говорят, я хороший человек, и я прошу тебя сделать хорошее дело — сделай так, чтобы Клавдий жил.

Меир так и не снял очки. Орра несколько минут стояла, комкая платок, а потом, не выдержав, подошла к сыну, стряхнула с него всех паучков, нарисованных и настоящих. Обняла его и ошеломленно уставилась в пустоту, где только что стояла Арто.

Меир был недоволен. Он злился целых несколько секунд, пока не заметил, что она рыдает, наплевав на непреодолимый негатив.

— Мам, ты чего? — растерянно спросил он.

Как она могла ответить. Дафна и Арто не оставили ей ни одного слова.

Меир помолчал, а потом снял очки и неловко обнял ее. Погладил по спине, а вокруг его платформы гасли в ковре голубые искры.

...

Рихард не хотел знать, какие медикаменты Карл передал Орре. Он забрал четыре пакетика с порошком радостного зеленого цвета, удивительно хорошо сохранившийся старый пистолет и топор. Топор Рихард не заказывал, но Карл пожал плечами и сказал, что если бы решил носить оружие, предпочел бы иметь еще и то, которое не дает осечек.

Рихарду нравился Карл и совсем не нравился топор.

Пока он переговаривался с Карлом и вспоминал, что ему показывали в оружейном музее Младшего Эльбейна двадцать лет назад — он тогда даже стрелял по мишеням и пару раз попал — Марш успела спереть у него еще денег, подготовить кампанию и договориться с Айзеком. Может, надо было ее на работу в «Сад» взять. Поработала бы с Леопольдом пару месяцев, поняла бы, каким невыносимо нудным он был, и прожила бы долгую, спокойную жизнь, не омраченную благодарностью и всем этим дерьмом, которое она себе насочиняла.

Впрочем, Марш вряд ли имела хоть один шанс прожить долгую и спокойную жизнь.

Эта мысль Рихарду не понравилась. Настолько не понравилась, что он зачем-то спрятал топор под кровать и поставил сверху контейнер с вещами.

Будто Арто могла разнести кому-нибудь голову. Рихард представил Марш с топором, постоял несколько мучительных мгновений, а потом накинул на единственную работающую камеру в спальне халат, натянул рукав на браслет и перепрятал топор под матрас.

Стоило признать, что у Хоффеля определенно хорошее чувство юмора. Если бы Рихард мог бросить в этот рассадник позитивных эмоций и единения с природой топор и отойти в сторону — он бы обязательно поступил так же.

Если бы один только Хоффель предпочитал грубые методы.

Рихард хотел вызвать Арто. Отчитать ее за выходку с Айзеком и Оррой, объяснить, что нельзя действовать так грубо и так прямо, что хороший шантаж — это когда человек сам придумывает последствия и условия, при которых они не наступят, а ты только стоишь и по добромому ему улыбаешься, и что это и есть основы маркетинга, он же ее учил. Что методы Марш тоже не отличались изяществом, но то, что Арто устроила, ни в какие рамки не лезет.

Но он не стал. В конце концов это он сказал ей договориться с Айзком и Оррой, но он в слово «договориться» вкладывал немного другой смысл.

Если бы она спросила у него. Если бы она поговорила с ним, вместо того чтобы наливаться ненавистью на конвентах с интервью Берхарда Колдера, а потом хватать людей за горло.

Наверняка она сама все поняла. Судя по смерти Питера, по счетам за билеты в первый ряд на ток-конвенты, по цинизму, с которым она настраивала рекламу для конвента Хенде Шаам и составляла от имени Рихарда запросы в адаптационный центр. Это и есть ее реакция на правду?

Не может быть.

Неужели она так хорошо умеет сама себя обманывать?

Нужно было влезть в ее настройки. Не дожидаясь, когда это сделает Поль. Разобраться в

ее алгоритмах и возможно отключить половину вариантов.

Или дать Полю ее уничтожить, потому что таким, как Марш, не поможет ни настоящая смерть, ни цифровое посмертие — все равно все закончится смертями и разрушениями.

Разрушения и трупы, трупы и разрушения.

Рихард с почти отеческой нежностью погладил браслет под рукавом. А потом вздохнул, перепроверил пистолет в кармане и перепрятал топор в третий раз.

...

Клавдию снилась Тамара. Она лежала рядом, прижавшись к его здоровому боку, всхлипывала и гладила его руку — левую, не пережатую капельницами. Что-то в ней было неправильным, какая-то деталь, ясно указывающая, что все происходящее — нереально. И все равно он нервничал и хотел сказать, что ей нужно уйти, не смотреть на это и этим не дышать.

С другой стороны — здесь недавно сидела Эмма. Что-то про орхидеи говорила, а еще про крыши и кости.

«Все будет хорошо», — медленно набрал он на консоли, потому что даже во сне не мог заговорить.

— Все ты врешь, как обычно, — всхлипнула Тамара. — Они сказали, ты скоро умрешь. А я не поверила...

«Правильно. Мне лучше. Только слишком светло», — он даже неловко улыбнулся.

Здесь действительно было слишком светло. Орра не давала закрывать окна, а на пластиковой завесе у койки не было автозатемнения. Он не собирался этого говорить, но решил, что «светло» — это хорошее слово. А детям обязательно нужно говорить хорошие слова, когда они плачут.

На мгновение свет потускнел — кажется, Тамара хотела закрыть ему глаза ладонью, но побоялась притрагиваться.

— Лицо... у тебя лицо... — прошептала она. — Подожди! Я придумала! — она вдруг пропала, и Клавдий понял, что даже во сне ему нельзя просто побыть с дочерью. Но спустя несколько минут — шершавых и тягучих, как недели — свет померк окончательно.

— Ты можешь выйти в сеть, — предложила Тамара. — Я очки на тебя надела.

Он покачал головой. Ему не хотелось выходить в сеть во сне. Мало ли кого он там встретит.

— У тебя... мокрый рукав, — медленно произнес он. Может, пока в этом сне все по-настоящему, он подчиняется хоть какой-то логике.

— Мокрый, ага, — самодовольно ответила Тамара. — Ты когда поправишься — я тебе все расскажу.

— Сейчас расскажи, — попросил он, чувствуя, как в теплый наркотический бред пробираются сомнения.

— Марш сказала, что с тобой все будет хорошо, и что нас скоро отвезут в город. А ты говорил, что от нее надо подальше держаться — она нас спасает.

Сомнения крепили с каждым словом. Только путались, и Клавдий никак не мог разобрать, что именно должно его тревожить.

Мокрый рукав? Что плохого в мокром рукаве? Чем она могла его вымочить, грязной речной водой?

Нет, зачем бы ей это делать.

— Мне здесь долго нельзя быть, — прошептала она, и Клавдий услышал, как сухо зашуршала пластиковая завесь. — Они хватятся... я хотела в город, вызвать кого-нибудь, чтобы тебя забрали, но Марш сказала, что тебя не будут лечить и Поля не арестуют, потому что... ну ты вроде как сам виноват.

«Правильно сказала, — набрал он. — Но ты-то ни в чем не виновата. Марш сказала, что Гершелл заберет тебя в город...»

— Он уедет, если ты умрешь! — Кажется, Тамара ходила у его койки. — И меня заберет, ага. Это Марш так думает. А я думаю, что если ты умрешь — тут еще кто-нибудь умрет.

Нужно ее отчитать. Нельзя убивать людей.

Клавдий нервно усмехнулся.

— У меня есть рыба кость, — доверительно прошептала она. — И я, кажется, поняла, как ей пользоваться...

— Не надо, — он даже попытался придержать ее, но не смог дотянуться. Тамара торопливо взяла его за руку и он сжал ее пальцы — тоже мокрые. Почему-то. — Не трогай эту дрянь. Она опасна и... с ней легко... ошибиться.

— Я знаю, — прошептала она, укладывая его руку поверх одеяла. — Я все давно поняла. Поэтому я могу быть здесь. Не переживай, папа, я не дам им тебя убить.

— Конечно не дашь, — улыбнулся Клавдий, потому что во сне можно быть честным. — И я рад, что ты знаешь, хотя ты... не должна была узнать.

— Мне мама сказала, — вдруг призналась Тамара. — Ну она не прямо так сказала, но она пыталась объяснить, почему вы развелись...

Нет. Все-таки это было неправильно.

Но не могла же она на самом деле здесь сидеть.

Почему не могла?

— Сказала, что она с тобой была счастлива, — безжалостно продолжала она. — Но так было, потому что рядом с тобой она всегда принимала то плохое, что было в вас обоих. Потому что знала, что у тебя это тоже есть и ты ее не осудишь. Но сказала, что у меня этого быть не должно, и она только так могла это со временем в себе убить, ради меня, понимаешь? А мне не нужно, чтобы вы что-то там в себе меняли, ясно?! Во мне это тоже есть, и я теперь это знаю. Я вернусь скоро... поправляйся, пожалуйста, мне без тебя очень плохо, — пожаловалась она, и, прежде чем Клавдий успел что-то ответить, торопливо поцеловала его в здоровую щеку.

Скрипнула его койка, зашуршала завесь, и Клавдий понял, что Тамары рядом больше нет.

Ее не было, а ее слова остались.

...

Ее слова остались и привели новый сон, но уже в реальность. Сейчас Клавдий отчетливо чувствовал, что не спит.

Как жаль, что не спит.

Но боли почему-то почти не было.

И еще слишком темно — так темно не бывает даже по ночам, даже в пустыне, вдали от подсветок, огней и сияющих инсталляций города. Ах да, он в сети, в стартовом конвенте.

Интересно, кто надел на него очки? Неужели Тамара все-таки здесь была?

— Аве, Арто, — тихо позвал он. Она не появилась в темноте, он не видел, зажегся ли

датчик на его браслете, но отчетливо ощутил ее присутствие.

Знал, что сейчас она стоит рядом и смотрит на него.

— Где Тамара? Она здесь была?

— Нет, — равнодушно ответила она.

— Кто надел на меня очки?..

— Орра. Ты просил. Тебе... лучше? — ее голос вдруг стал совсем человеческим.

Растерянным и полным какой-то совсем неожиданной надежды.

— Да, — улыбнулся Клавдий, и знал, что в этот момент в темноте улыбнулся его аватар.

Тот, который выглядел как он. Как он, с его лицом, которого у самого Клавдия теперь не было.

— Значит, Орра сделала, как я просила. И вы с Тамарой скоро поедете домой. — Кажется, Арто тоже улыбалась. Это было так странно. — Я рада, Клавдий. Я боялась, что ты умрешь.

«Боялась?» — мелькнула злая усмешка. Мелькнула — и погасла.

Чего-то Клавдий не знал про аватары и виртуальных ассистентов. Ни один виртуальный ассистент не стал бы спасать его жизнь, за которую не захотела бороться Дафна.

И все-таки это ненормально. Это не может быть правдой.

Он протянул руку и коснулся холодного меха ее воротника.

— Почему ты носишь эту куртку?

— Мне ее дал человек, которого я... очень ценила.

— Сними, — попросил Клавдий.

Был очень простой способ убедиться в том, что все это не по-настоящему. Потому что это не должно быть по-настоящему.

— Почему здесь темно? — спросил он.

— Ты сказал, что у тебя болят глаза.

У него и правда болели глаза. Теперь, когда ослабла боль и воздух перестал быть таким горячим и сухим, Клавдий вдруг почувствовал, как сильно он устал за прошлые месяцы.

Усталость сворачивалась в клубки и дремала в его глазах, устраивалась на груди, как большая сонная кошка, держала за руки сотнями коротких, острых зубов. Клавдий чувствовал, что должен нервничать. Что должен прямо сейчас встать и вместе со всеми капельницами дойти до комнаты Тамары. Забрать дочь, сесть в ближайшую абру и плыть в город.

В город, где Дафна увидит его лицо. Это здесь ее обманывает Польша. И что тогда?

Тамару снова заберут. Может, даже не дадут ему встретиться с ней лично, только в сети, в приемных конвентах.

Нужно было об этом подумать. Но Клавдий не мог. Он слишком устал, и мысли все еще путались, не давая осознать, какое же дерьмовое у него будущее.

— Что мне делать? — вслух спросил он Марш. Не как виртуального помощника — потому что виртуальный помощник дал бы правильный ответ, который Клавдий и так знал.

— У Гершелла есть какой-то план. Только учти — Гершелл эгоистичный, циничный и безжалостный кусок дерьма.

— Не обязательно перечислять все синонимы к слову «маркетолог», — серьезно ответил он. И услышал, как Марш рассмеялась — хрипло, словно для нее это очень непривычный звук, но очень легко.

Он снова протянул руку, и на этот раз коснулся воротника ее рубашки. Опустился на

колени и заставил ее сесть рядом. Взял ее за руку.

Большинство производителей аватаров, даже тех, что базировались на данных биометрики, допускали простые ошибки. Или — гораздо чаще — предпочитали не затрачивать лишних ресурсов. Когда дети рисуют человечка, они не строят анатомическую модель. При производстве аватаров обычно использовали чуть доработанную болванку и сосредотачивались на видимых частях.

У Марш были теплые руки. Совсем тонкие кости, прочерченные линии на ладонях, а на запястье нашелся пульс. Кончиками пальцев Клавдий нашел узор вен, а на них россыпи точек шрамов — такие оставляют иглы дешевых капельниц.

Марш не пыталась забрать руку, и Клавдию казалось, что она смотрит с интересом. Наверное, сидит, наклонив голову к плечу, и на белое лицо падают серые пряди челки.

«Удивительно что Гершелл не поленился правильно сконструировать ей руки», — трепыхнулась рациональная мысль.

Трепыхнулась — и затихла. У Клавдия сейчас не было сил на рациональные мысли.

У ее рубашки холодные пуговицы и кое-где из-под пуговиц торчат нитки. Он ждал, что она отстранится, что-нибудь спросит, возьмет его за руку — сделает что-то, чтобы сломать линию его прикосновения. Сбить ритм этих падающих в темноту конвента секунд, каждая из которых — шаг от человека, которым он должен быть.

Но она не двигалась. Теперь Клавдий был почти уверен, что она смотрит печально.

У нее была правильная линия ключиц. Ключицы были не просто нарисованы на коже тенями и не остались стандартной формой, уходящей в шарниры плеч. Обычно у аватаров, не предназначенных для порнографических конвентов, плечи на ощупь как пара шаров под кожей.

Плечи у нее были напряженными. Словно она всю жизнь сжималась, не то пытаясь казаться меньше, не то готовясь к броску.

Тонкие ребра, выпирающие позвонки. Покалывающие пальцы волосы на бритом затылке.

На сонной артерии бился пульс. Сильнее, чем минуту назад, когда он нашел его на запястье. И кожа стала холоднее, будто она мерзла без рубашки.

Нужно, чтобы она что-нибудь сказала, потому что все это вдруг стало неправильным.

«Вдруг» — плохое, лживое слово. Все стало неправильным в ретушь галерее, куда он ее повел. На балконе галереи, где он прижал ее ладонь к черепашьему клюву, и думал, почему она никак не забирает руку.

Он думал, что повел ее туда, потому что давно хотел снова увидеть свои старые работы, но не решался сделать это в одиночестве. И это было правдой — но не всей правдой. Клавдий много лет вспоминал свои картины, но не решался на них посмотреть, потому что боялся пожалеть, что больше не может отпускать примерзшую к фотографиям и записям смерть.

Он стал пришивать родинки и блики к мертвым лицам потому, что за это платили и потому что это было социально одобряемое занятие. Клавдий знал, что эти кончатся, был к этому готов, но боялся оказаться в одиночестве перед тем, кем был раньше.

И не хотел делить это одиночество с человеком, который не был на него похож.

Клавдий знал, что Марш Арто — злодейка еще до того, как с ней познакомился. Ему было достаточно серебристой осы над ладонью Тамары.

Под пальцами протекло что-то горячее. Клавдий не видел, но знал, что это татуировка

— красноглазая и золотая саламандра, теперь свернувшаяся спиралью у Марш за ухом.

Нужно сказать. Нужно что-то сказать, нужно найти, где в ней спряталась обязательная фальшь, чтобы все наконец закончилось.

Губы не были гладкими. Угрюмые морщинки действительно жили в их уголках, у крыльев носа и на переносице, а под холодную ребристую повязку — беспощадно контрастную на теплом лице — уходили лучики шрамов.

— Мне так жаль, — сказал Клавдий совсем не то, что собирался. Совсем не то, что нужно.

— Мне тоже, — тихо ответила она, и он ладонью почувствовал тепло каждого слова.

Он знал, что Марш Арто — злодейка. В ее прошлом тоже были синие крыши и свобода, которую обещали простые пути. Золотой и алый хаос, который в конце концов ее уничтожил. И Клавдий завидовал, потому что помнил, как это — быть злодеем.

Нужно рассказать ей. Пока не вернулся рассудок, пока он не вспомнил, как это — поступать правильно, делать вид, что нет ни крыш, ни хаоса, ни золотого зла.

Если бы только Гершелл допустил хоть какую-то ошибку. Если бы Клавдий понял, что все зло в Марш — лишь отражение зла Рихарда. Что она аватар его, а не женщины с теплыми руками и алыми глазами, которая погибла, потому что не захотела оставаться злодейкой. Как Клавдий когда-то.

— Я знаю, что ты делаешь, — тихо сказала Марш. Ее голос действительно был печальным. — Ты ищешь изъясн. Гершелл не добавил мне ольфакторное восприятие. Не смог разобраться с биохимией. И у него не было образца духов, которыми я пользовалась.

— Ты пахнешь дымом, — ответил он. — Горьким дымом, — Клавдий зачем-то прикрыл глаза, погружаясь в другую темноту, — холодным... над вересковой пустошью.

В этот момент он был дважды слеп, но ясно видел древние элетробашни, кашляющие белыми искрами, бурый верещатник и холодные руины мертвого города, полного разбитых окон и витражей.

Он знал, какие у нее были духи. Как пахнет ветер, который носит над замерзшим вереском черный дым — освобожденную душу заброшенных домов. Человека нельзя лишить этого дыма и этого ветра.

Это даже смерти не под силу.

Не было никакого изъясна. За секунду до того, как он поцеловал ее, Марш кивнула.

Дымом. Может быть, смертью, но если это смерть — сейчас, пока разум еще спит, Клавдий готов был принять такую смерть.

Золотой и алый хаос. Что-то изломанное, сросшееся и изломанное снова, хрупкое и зыбкое, оживающее в такт прикосновениям и движениям губ.

Столько золота и столько зла. Столько горечи и грязи, сколько может быть только в живом человеке.

Разве мог он теперь сомневаться.

...

— Охренеть теперь, это как вообще?! — ошеломленно прошептал Айзек.

Рихард еще ничего не видел, но уже знал, что нужно прямо сейчас садиться в абру и плыть в город, а если не будет абры — плыть без нее. Они с Айзеком стояли на пороге комнаты Тамары, и это были совсем не те слова, которые он хотел услышать.

Конечно, Рихард никуда не поплыл. Он отодвинул Айзека и несколько секунд

разглядывал комнату.

Действительно, охренеть.

Комната была пуста, только на полу у кровати — несколько пятен крови.

— Поль ее проверяет? — спросил Рихард, опускаясь на колени рядом с пятнами.

— Только по браслету, — пробормотал Айзек.

— Тогда не говори ему, что она сбежала. Пока... не говори.

Рихард выпрямился и показал ему раскрытую ладонь.

На ладони серебрились несколько усиков датчиков и расстегнутый браслет.

...

Когда Клавдий снова открыл глаза, где-то далеко стонал и гудел аэробусами и кэбами просыпающийся город. Клавдию казалось, что он видит, как в утреннем сумраке белое и синее чудовище отряхивается ото сна и вылизывает собственные тени, дремлющие на песке.

Он все еще ничего не видел. И Марш все еще была рядом — лежала на его плече, с той стороны, где горячо пульсировала под повязкой незатянувшаяся рана. Марш ее не тревожила. Не могла тревожить, но почему-то могла усмирить.

— Клавдий? — прошептала она. — Это я изобрела пауков, которые взорвали центр Лоры Брессон.

— А я изобрел рыбью кость, — глухо ответил он.

1

Это под запись? Нет, не тревожит. Уровень дискомфорта... минимальный. Даю согласие на распространение и анализ.

Есть история о человеке, который родился и вырос в башне из... неэтичного материала биологического происхождения, имеющего высокую ценность в описанный период. Однажды он покинул ее, чтобы больше никогда не вернуться. Потому что мир, который он видел из окон, оказался совсем не тем миром, который он увидел за пределами башни.

Этот человек обрел мудрость и люди очень долго радовались за него и хотели так же. Уровень художественной ценности падает? Тогда люди много веков пили обретенную им мудрость и обретали свет.

Еще один человек жил в башне. Но в его башне не было дверей, чтобы покинуть ее и окон, чтобы видеть мир, потому что за стенами не было настоящего мира. Только тот, что придумали другие люди, которые жили в таких же башнях.

Этот человек много лет ходил в придуманный мир, скрываясь за птичьей маской. Однажды он встретил женщину с достоверно аними... есть с почти живым человеческим лицом, и она сказала ему, что главная трагедия жизни в башне в том, что у людей с птичьими головами не может быть птичьих крыльев.

Та женщина не боялась показывать лицо, но боялась смерти. Это записано в открытом личном деле и не является разглашением конфиденциальной информации. Знаете, не под запись — я не особо рвался здесь сидеть и... а знаете что, не хотите ли репорт за травмирующее вторжение в процесс терапевтического творчества и за нарушение профессиональной этики?

Смерти... да, та женщина боялась смерти. И однажды она пришла к такому же трусливому говноеду, как вы, в смысле к великому мудрецу и знатоку человеческих душ, чтобы он впарил ей свою задроченную программку, в смысле исцелил...

Нет. Не так. Идите-ка вы нахер, вот что. Надо же, как ты рожу скорчил, даже аватар, сука, перекошило.

Я требую смены специалиста.

2

Я могу продолжить с того места, где остановился в прошлый раз? Очень хорошо.

Так вот, она боялась смерти. Женщина с человеческим лицом, аватар такой у нее был. А у меня, в смысле у этого безымянного мужика, аватар с птичьей головой. Что значит «почему»? Ну придумайте сами, может, клюв — это фаллическая проекция.

Боялась, да. Внезапной или насильственной смерти. Эта женщина не боялась болезни и старости, потому что знала, что они придут за каждым, только случайности или злого человека, который обманет... ну, душу башни обманет, а можно я это дерьмо метаморфическими картами выложу?

И однажды пришла к мудрецу, который сказал ей, что единственный способ

перестать бояться смерти — осознать ее. Посмотреть ей в глаза. Это была очень мудрая женщина, но иногда у нее мозг отключался, знаете, и... в смысле, иногда разум отказывал ей. И она послушалась совета.

В тот же вечер она пошла на самую высокую крышу, забралась на парапет и раскусила эйфориновую капсулу. Я сказал ей «Эмма, ну ты совсем уже еб...», то есть этот, с клювом, сказал ей «о возлюбленная моя, кудри твои как мед и улыбка твоя как месяц, сойди же ко мне, не делая резких движений и не рухнув с парапета, и больше никогда, никогда, сука, так не делай!»

И что же вы думаете, она послушала? Конечно, она послушала. Она сошла с парапета, села на крышу и смеялась, говоря, что стала свободна, и надеется, что мудрец будет жить вечно, и ей совсем не жалко пособия за два месяца. Мужчина очень порадовался за нее, а потом они от греха подалее поженились. Они почему-то решили, что это отличный способ оказаться подалее от греха.

Вообще-то они тогда были очень молодые и все время нетрезвые. Переживать молодость трезвым вообще непосильная задача. Ага, были проблемы с алкоголем. Мужик клюворылый тоже был хорош, сидел потом и ржал вместе с этой дурой, потому что раз никто не рухнул, то отчего бы не посмеяться.

Крыша синяя была. И ночь синяя. И свобода синяя, такая... заворачивающе синяя. Свобода от смерти. Эмма-то не посмотрела смерти в глаза, она на улицу пялилась, а я, когда она обернулась, наверное, посмотрел.

Я потом добавил этот оттенок в реестр, так и подписал «свободный синий». Эмма потом мне галстук такой подарила.

Художественная ценность — субъективное понятие. Да хорошо, хорошо!

Страх возвращался к ней, минимум дважды в год, а иногда и чаще, ну знаете, сезонность. И она делала сраные практики, то есть медитировала с капсулой мизарикорда, зажатой в зубах, получила допуск к экстремальной терапии, да, вот такие слова в ходу были в этой башне, прыгала с причальных платформ и участвовала в реконструкции сплава леса по реке. Как это выглядело я вам все равно не скажу, потому что описание фарса с пластиковыми бревнами сделает атмосферу токсичной.

А потом она родила дочь, даже не воспользовавшись лицензией на естественные роды, потому что не захотела рисковать. Потому что есть время, когда нужно заглядывать смерти в глаза, и есть время, когда нужно отводить глаза. Ага, запишите, я не против.

Почему я злюсь? Я злюсь, потому что до сих пор не знаю, что произошло на реке Аш-Ливаз. Это было осенью. Эмма могла неудачно нырнуть, чтобы поразглядывать смерть в воде. Она не очень хорошо плавала, и здоровье у нее было слабое — зачем тогда полезла в воду? Аш-Ливаз коварная река с теплой, голубой водой и ледяными течениями. Я не думаю, что Эмма правда хотела умереть. Я думаю, что мы живем в такое время, когда верят любой херне, которую скажет мудака с сертификатом, подписанным Дафной. Эмма поверила, и я до сих пор не знаю, как она умерла.

Я бы вам это и без сказок сказал. Да, я считаю, что у меня достаточный уровень осознанности.

Что? Башня? Какая башня?

Та башня, из которой мой герой искал выход? Он придумал отмычку, которая открывала окна в стенах. Окна на стенах, не смешно? Вы никогда не работали со старым интерфейсом? Ну и ладно.

А что с отмычкой?

Отмычка не играет в этой истории совершенно никакой роли.

Глава 17. Не играет никакой роли

В тот день Клавдий проснулся на узкой тахте в общежитии студенческого объединения «Мори-шей» и был счастлив. У него никогда не было и больше никогда не будет такого жестокого похмелья, но в двадцать два года похмелье счастьем никак не мешает.

Не мешает похмелье, затекшая рука, на которой спит девчонка, которую не получается разглядеть, потому что комната почему-то вся состоит из зеленых и черных растекающихся пятен. И звон стекла, рассыпающийся по улице за открытым окном, не мешает.

Клавдий был почти уверен, что окно вчера закрывал. Он только недавно купил новые очки и планшеты для моделирования, и ему вовсе не хотелось, чтобы их кто-нибудь спер. Как в прошлый раз.

Значит, окно уже разбили.

Он закрыл глаза и улыбнулся. Слепо пошарил рукой по тумбе, кровати и под подушкой. Нашел под подушкой туфлю — колючую, на длинной шпильке. Решил, что подходит, и швырнул в центр комнаты.

— Чтоб ты сдох... — простонало сразу за глухим ударом.

— О! — Клавдий обрадовался знакомому голосу.

Он не помнил, как звали девчонку. Зато помнил, что эта как-ее-там вчера плясала так, что сломала оба каблука на туфлях. Так, словно ее голову наполняла музыка, которую слышала только она. Так, что Клавдий глаз отвести не мог. Спустя два часа он нюхал с ее живота модифицированные эйфорины, и ему казалось, что он слышит музыку, наполняющую ее голову.

Странно и даже немного обидно, что руку ему отлежала какая-то другая девчонка.

— Вас там много? — наконец спросил Клавдий.

— Тебе проще обувью кидаться, чем башку повернуть? — прошипела она.

— Проще, — признался он. — У меня еще и линзы погасли. У тебя там есть вода?

В подвале «Мори-шей» каждый вечер проходила групповая терапия, удачно балансирующая на грани попойки и оргии. Клавдий спускался туда дважды в неделю. Спускался бы чаще, но после линз и дыма слишком болели глаза.

Раздалась короткая возня, а потом пластиковая бутылка с треском врезалась в спинку тахты.

— Не попала. — А вчера голос у девчонки был звонкий. Вот что с людьми делает похмелье — они шипят, злятся и не ценят компанию тех, с кем нюхали модифицированные эйфорины.

А Клавдий ценил.

Вода неожиданно оказалась холодной. Он кое-как выпутался из пиджака, простыни и теплых рук лежащей рядом девушки, сел на край тахты, поставил ноги на что-то мягкое и плеснул воды на лицо.

— Э, — возмутилось что-то мягкое под ногами. Клавдий не глядя пнул человека под ребра. Заметил, что спал в ботинках.

— Э, — прозвучало, впрочем, равнодушно. Спустя секунду снизу раздался храп.

— Там окна бьют, — девушка села рядом и лила воду ему на руки, пока он медленно вынимал линзы. — Интересно, почему они думают, что им за это ничего не будет?

— Потому что вчера в «Мори-шей» слишком много пили, — пробормотал Клавдий, потирая уголок глаза. — А еще, наверное, кто-то им сказал, что можно совершать нарушения из желтого сектора и им за это ничего не будет.

— А им ничего не будет?

Он наконец смог ее разглядеть. Ну точно — со стоящих дыбом волос осыпается золотая краска, один глаз белый, другой фиолетовый, и оба горят жадным интересом под толстыми дешевыми линзами. И ожиданием — вот-вот он скажет ей что-то хорошее. Что-то пообещает.

— Вот и посмотрим, — улыбнулся Клавдий.

Она подняла взгляд к потолку. Растрепала волосы, разбросав в солнечных лучах золотую пыль.

— А спорим, ты не помнишь, как меня зовут, Клавдий Франг?

— Эмма Тольд, — ответил он, потому что вспомнил за секунду до того, как она задала вопрос.

...

В тот год Клавдий поселил белого попугая в пустой грудной клетке человека, чьи кости нашли на берегу океана двести лет назад. Попугай, оживший логотип известной транспортной компании — узнаваемый символ в неопознанных костях.

В тот год Клавдий не вспоминал о разбитых окнах — эксперимент вышел неудачным. Он рассказал об этом человеку, который спонсировал его исследования — аватару с тучным золотым телом и железной слоновьей головой. У человека не было имени, и он почти никогда не говорил, только иногда кивал или отправлял письменные указания. Последнее указание — раздать экспериментальные образцы постояльцам «Мори-шей». Клавдий раздал. В будущем он надеялся сделать образец более изящным и функциональным, но пока он напоминал рыбий скелет — белый браслет, щерящийся иглами. Он надевался на индивидуальный браслет, забивал иглами датчики и разъемы, и Дафна ненадолго глохла. Но те, кому он раздал браслеты и сказал, что можно бить окна, пить сверх лимита и выкрикивать ругательства на улицах, все равно получили свои штрафы. На несколько часов позже, но получили. А потом куда-то исчезли, и Клавдий не стал спрашивать о них у человека с головой слона.

В тот год Клавдий познакомился с Эммой, и она почему-то осталась в его жизни. Он хотел, чтобы она куда-нибудь исчезла — потому что когда Эмма была трезвой, шесть отвратительных дней в неделю, она смотрела внимательно и говорила разумно. А Клавдий не хотел слушать ничего разумного. Он и сам про себя все прекрасно понимал.

Год назад на курсе по моделированию им показали, как работать с программными визуализаторами. Клавдий был в восторге — в виртуальной реальности жили души всех программ и систем. У прачечной была душа горной реки с прозрачной водой, чернеющей в местах засоров. У кофеварки — простенький пульсирующий фрактал. Аэрокэб оказался полным фрактальных завихрений полем, по которому тащила измученная черная лошадь с пятью ногами.

У Эммы в глазах жила радость. Каждую неделю Эмма провожала бутылкой белого вина, и тогда эта радость начинала светиться ярче. Но Эмма никогда не оставляла

радость себе — она делилась с ним.

Художественное образование позволяло работать тестировщиком — через визуализаторы иногда было проще обнаружить ошибки. Как засоры в системе прачечной. Клавдий так и собирался поступить, но зачем-то начал разглядывать систему безопасности Дафны, изрытое блиндажами поле, по которому были разбросаны уходящие в землю решетки, черные мраморные плиты, мотки колючей проволоки и живые цветы. И однажды он нашел ошибку.

У Эммы был неэтичный роман с психологом, от которого она ушла в тот день, когда бросила в Клавдия бутылкой воды. Оборвавшийся роман — и огромный список эйфоринов, которые она принимала, когда хотела уснуть, проснуться и не бояться смерти. Эмма любила спать и не любила бояться смерти. В ее профиле была отметка о подтвержденной фобии, с которой теперь работал новый психолог.

Если бы Клавдий был умнее. Если бы он был рассудительным, как Эмма — сделал бы вид, что ничего не видел, и ушел бы выращивать цветы на трупах. Но он несколько дней думал, как использовать эту ошибку, а потом начал собирать первую модель браслета. Он отключал камеры и микрофоны, ставил глушилки и рисовал схемы в бумажном блокноте, чтобы чертежи не утекали в сеть. Но спустя несколько секунд после того, как он закончил первый чертеж, ему пришло приглашение в закрытый конвент, где его ждал золотой аватар со слоновьей головой.

Новый психолог, Су Нишам, сказала Эмме, что невозможно перестать бояться смерти, а потом сказала, что эйфорины, которые она принимает, состоят из сахара и легкого седативного препарата. Но в основном из сахара. Су называла это «подсластить испуг». Она сказала Эмме, что единственный способ перестать бояться смерти — это осознать ее.

Клавдий знал, что должен закончить работу. И она даже устраивала его — он сразу согласился сотрудничать. Ему выписали крупную премию за обнаружение уязвимости и повысили профессиональный рейтинг. Его заявки на проведения выставок всегда рассматривались быстро и ему никогда не отказывали. Перед теми, кто взял у него браслеты и отправился бить окна, Клавдий не чувствовал никакой вины. У него все было хорошо. Только Эмма перестала говорить разумно, и теперь говорила как он. Больше не просила его рисовать. Больше не тревожилась, когда он сутками бродил по визуализациям систем безопасности, выискивая новые и новые уязвимости. И Клавдий скучал по ней.

Но Эмма была занята — она ночевала на хрупких каталках в крематории, стояла на краях крыши, замороженно глядя на людей, превратившихся в кляксы шляп и платков, медитировала, зажав в одной ладони смертельную дозу легальных эйфоринов, а в другой — капсулу мизарикорда. Смерть никак не желала посмотреть ей в глаза, в которых больше не было радости, а Дафна не желала остановить ее, потому что у Эммы было предписание на терапию.

В конце того года Клавдий перестал отличать мир визуализаций от реального. Он не понимал, почему дома, улицы, аэрокэбы и деревья реальны, а фракталы и смутные образы, сгенерированные сетью — измученные лошади с пятью ногами, реки с течением, нарисованным синими линиями — нет. Ни одна девушка с ним бы не осталась, потому что он постоянно глупо улыбался и по несколько раз ощупывал лицо Эммы и пересчитывал ее

пальцы, пытаясь смириться с тем, что она реальна. Но Эмма, которая ночевала в крематории и по четыре часа мычала, сжимая в ладонях яд, понимала его. И ей некогда было его осуждать, когда он снова раздал своим друзьям белые костистые браслеты и сказал, что можно делать все что угодно. Он больше ничего не говорил о границах и разбитых окнах.

Однажды Эмма сказала, что прошла терапию и получила достижение за преодоление фобии. И получила семейную лицензию — теперь она могла родить ребенка, потому что считалась здоровым и уравновешенным человеком.

Клавдий долго сидел, уронив голову на скрещенные руки. Похолодевшие ладони царапали ледяные рыбы кости почти законченного браслета. Он знал, что Эмма не была здоровым и уравновешенным человеком. Знал, что она получала удовольствие от дозволенного риска, и что однажды ее тяга к познанию границ обязательно превратится в тягу к саморазрушению.

Эмме не стоило иметь детей, да и ему тоже. Он это осознавал, как хотели Дафна, безымянный человек с железной башкой и психолог Эммы, Су Ниам, будь она проклята.

Браслет щерился ему в руки острыми краями, Клавдий хотел быть мудрым и поступать правильно, но еще больше хотел послать всех в жопу и поступить так, как поступали в его понимании все нормальные люди всю ненормальную историю.

Он поднял голову и позвал Эмму замуж.

Через шестнадцать лет она ушла от него.

Через шестнадцать лет и восемь месяцев Эмма утонула, и Клавдий знал, что хотя бы один раз она по-настоящему смотрела смерти в глаза.

...

Марш Арто однажды держала в руках капсулу мизарикорда дважды. В первый раз, через минуту после полуночи, в двадцать первый день рождения. Подержала и сдала обратно, оставив на ладони отпечаток невесомой, гладкой и золотой смерти. Второй раз — после установки снимающей повязки. Оказалось, что привыкнуть к темноте проще, чем к голубому блюру помех.

Арто не стала уточнять, какой дизайн у капсулы в Средних городах. Использовала изображение, которое осталось на пластине, и теперь золотые капли одна за другой соскальзывали с ее ладони и падали на серый ковер в темной гостиной Рихарда Гершелла. А потом снова появлялись у нее в руке.

Капсула состояла из трех сегментов. Они растворялись поэтапно — транквилизатор, обезболивающее и единственная капля яда.

У Арто было три-три-три правды — кто взорвал центр Лоры Брессон, кто убил Питера Легасси и кто помог убить Марш. Еще одна правда была у Рихарда, и Арто могла ее забрать, но для искусственного интеллекта четырех переменных оказалось слишком много.

Крит

ческое

значение

Арто рассеянно перебирала виртуальную копию колоды Айзека. Нашла карты «Творец» — сомкнутые ладони, полные воды — и «Рыба» — серебряный карп с обнаженными золотыми рёбрами. Их Клавдий и показывал Полю?

критическое значение

Наверняка так и было.

«Наверняка» — это когда нет точного числа. нет числа

Марш бы злилась?

«злость»

«веселье»

«отчаяние»

Арто не знала. Марш никого не любила и ее никто не любил.

«никого не любить»

«отменить»

«изобразить любовь»

«любить-говор

ить правду-неотказыва

ть ся от расчетов»

Но как Арто пришла к изображению этой реакции? Почему не вышла из конвента, не огрызнулась, не рассмеялась?

«изобразить-любовь-база-реакций-выбрать-подходящую»

Марш сказала бы, что это транквилизатор. Арто изобразила на лице сочувствие, хотя в этот момент знала, что Марш жалела бы ее. Через несколько секунд она убрала с лица все эмоции, вывела на соседнем трансляторе второй аватар и изобразила сочувствие уже на его лице. Вот так. Теперь она смотрит сама на себя.

«изобразить любовь»

«выбрать»

«выбрать-вероятность-более-2%-результатов не найдено»

Однажды к Марш пришел знакомый мальчишка из клуба. Принес конфеты из третьего меню — содержание какао не менее 10 %, начинка «вишня в коньяке» — и две бутылки пива. Марш стояла на пороге своей комнаты, в мужской рубашке и не зашнурованных ботинках, обнимала себя руками и хохотала, глядя ему прямо в глаза.

«конфеты-смех-рубашка»

«совпадений-с-выбранной реакцией-не найдено»

Мальчишка несколько секунд ошарашено смотрел на нее, а потом вдруг сел на пол, открыл коробку и начал глотать конфеты. Кажется, даже не жевал. Третьей он подавился, и Марш пришлось захлопнуть дверь, потому что от смеха она на ногах стоять не могла.

Арто вчера проанализировала это воспоминание разными способами более десяти тысяч раз. Клавдий тогда только начал ощупывать ее руку.

Вот так ей следовало поступить. Шанса, что Клавдий начнет жрать конфеты, хотя бы в

конвенте, совсем не было, но Арто создали чтобы изображать Марш, а не Клавдия.

Нужно было смеяться.

Что они с Клавдием сделали в конвенте? Изобразили любовь?

У нее было три правды. И если что-то Марш сделала бы наверняка — вероятность 97 % на в е р н я к а — то это приняла бы все три. Одну капсулу. Транквилизатор, обезболивающее и яд. Не бояться смерти, не чувствовать смерти.

Умереть.

Арто сидела на укрытом серебристой пленкой диване в его гостиной, медленно заполняла щупальцами комнату, и рассчитывала, как поступила бы Марш. У нее не было ни одного варианта, в котором вероятность превышала бы сотую процента. Марш никогда бы здесь не оказалась.

Попросить Рихарда вернуть ее к изначальным настройкам? Как быстро она снова придет к таким результатам?

Анализ можно и отлож и т ь

Да и в Клавдии ли сейчас дело? Каким из сегментов была правда о рыбьей кости?

Арто отключила визуализацию с щупальцами и осталась сидеть — посередине пустого дивана, обхватив себя руками. На черном меховом воротнике и манжетах серебрились снежинки.

Марш скучала бы по снегу.

Три

три

триправды

Три сегмента в капсуле мизарикорда.

Арто смотрела в собственное лицо, с которого исчезло сочувствие. Теперь два аватара с одинаково равнодушными взглядами таращились друг на друга.

— Берхард Колдер получил разрешение на операцию. Он будет жить, — сказал один из ее аватаров.

— Рада, — равнодушно сообщил второй.

— Оперировать будет лабор, — весело сказал третий. На этот раз Арто предпочла сесть на пол, красное пальто было накинуто на одно плечо, а половина лица залита кровью. Пустая глазница пульсировала свежими порезами.

— Не хочу, — мрачно сообщила Арто, которая лежала на переплетении щупалец и курила, закинув руки за голову. Сигарету держала тоже щупальцем.

— Здесь прекрасная медицина, — аватар на полу растер кровь по лицу. — Он будет жить, потому что он замечательный человек, спас свою пациентку, которую мог бросить.

— Не хочу, — повторила она.

Как у людей на самом деле происходит внутренний диалог? Так, или все-таки иначе? Сейчас в комнате было три аватара. Они выглядели по-разному, но Арто не разводила по аватарам личностные качества или убеждения. У нее один разум, но много голосов. Но они могут говорить хором.

— Операция начнется через два часа, — подал голос второй аватар, все еще

отрешенный. — Можно купить билет. Даже будут настоящие места — за стеклом операционной. Куплю билет и буду смотреть, как просто, оказывается, можно спасти человека, если у человека хватает рейтинга на спасение. — Отрешенность шла Марш Арто меньше всего. — Утешусь тем, что бывают похожие истории, которые заканчиваются хорошо. Я не знаю, сколько есть городов, сколько миров и реальностей, окруженных тишиной. Есть реальности...

— Где Марш Арто могла бы любить человека, который мог бы полюбить ее, — хором сказали три ее аватара. — Где врач, который спас свою пациентку, избежит смерти. Такой хороший город. Мне так повезло в нем жить.

Аватар с залитым кровью лицом бросил в переплетение щупалец тонкую красную папку с золотым зажимом.

— Не хочу, — с отвращением сказали все трое. — Это будет обезболивающее? Или яд? Арто медленно обвила папку холодной, сворачивающейся в спирали чернотой щупалец. Прижала к груди.

Растаяли два лишних аватара. Мигнув, исчезли щупальца.

На диване осталась одинокая женщина в черной куртке. Голова была наклонена так низко, будто решение, которое она должна принять, давило ей на затылок.

Арто уже знала, как поступила бы Марш, и чем бы это закончилось, поэтому ей оставалось только изображать тяжесть решения.

...

Рихард проснулся глубокой ночью, когда в шум реки и далекий вой города, замешанный на ночной тишине, вплелся выбивающийся из ритма шорох.

— Пистолет верни, — потребовал он, не открывая глаза.

Раздался смягченный ковром металлический стук.

— А ну стоять! Подними и положи, где взяла, — проворчал Рихард, садясь на кровати.

— Вы меня не заставите остаться, — прошипело из темноты. — Я могу вообще никого не слушаться!

— Да-да, молодец, ты не видишь, где там мой халат?

Тамара несколько секунд поколебалась, а потом сняла с вешалки халат, который Рихард прекрасно видел, и подала ему.

Рихард только вздохнул. Везде молодежь одинаковая — готовы руку с браслетом отгрызть, чтобы «никого не слушаться», а потом приносят тапочки.

— Ну и зачем тебе пистолет? — поинтересовался он, затягивая пояс. — Хм, а где же тапочки...

Тамара даже не задумалась, прежде чем толкнуть их ему под ноги.

Нужно будет поговорить с Клавдием об устойчивости его дочери к бытовым манипуляциям. Рихард представил, какая у Клавдия будет рожа, когда он возьмется давать советы по воспитанию. Потом вяло поправил себя: «полрожи», но не нашел эту шутку достойной того, чтобы усмехнуться.

— Пойдем на улицу, — предложил он. — Я хочу с тобой поговорить.

— Говорите здесь. Мне нельзя на улицу, — ощерилась Тамара.

— В этой комнате четыре камеры и шесть микрофонов, — терпеливо объяснил

Рихард. — Все давно спят, на улице нас не увидят. А если и увидят — сбежать будет проще, чем метаться по коридорам лаборатории.

Она кивнула почти сразу. Нет, с Клавдием точно придется поговорить.

Они вышли из лаборатории под звездное небо, качавшееся над пустыней. Рихард, безмятежно глядя на звезды, начал заливать в курительную колбу эйфориновый концентрат.

— Так нельзя делать, — угрюмо сказала Тамара.

— Правда? — заинтересовался Рихард. — Удивительно, сколько у вас условностей.

— Так эйфорины быстрее всасываются в кровь и быстрее наступает передозировка.

Он даже не поленился понимающе покивать.

— Что ты собираешься делать, Тамара? — спросил он, делая первый вдох — эвкалиптово-маслянистый и искристый, как небо над головой.

— Дождаться, пока... ну станет понятно, кто что собирается делать, а потом... ну, если понадобится, убить Поля. Ну или кого там понадобится... — неуверенно пробормотала она.

Рихард молча протянул ей колбу. Тамара отшатнулась и спрятала руки за спину.

— Дыши, — с нажимом сказал он.

— Не буду, — она тряхнула головой. — Нельзя так, и папа говорил плохо будет...

— То есть ты боишься подышать эйфоринами, которые тебе и так кололи несколько месяцев, но собралась стрелять в людей? Клавдий не говорил, что потом тоже будет плохо?

Тамара стояла, опустив голову. Шея и правая рука были обмотаны черной тканью с вышитыми серебристыми спиралями — кажется, раньше это была рубашка Айзека.

— Вам не интересно, как я сняла браслет? — спросила она, вскинув голову. Как же, девчонке явно не терпелось похвастаться.

— Нет, — твердо ответил Рихард. — Знаешь, почему? Потому что это не такой хитрый фокус, как тебе кажется. Фокус в том, чтобы надеть его обратно.

— Я не буду надевать его обратно!

Он только пожал плечами. Ну конечно, взрослые всегда идиоты. Пусть Клавдий ей объясняет, как вести себя в приличном обществе и почему снимать браслеты — дурной тон.

Правда, он ни разу не видел, чтобы кому-то удавалось снять браслет. Но каким надо быть идиотом, чтобы его снять?

— Где ты прячешься?

— Не скажу.

— Ну конечно, не скажешь, — подтвердил он. — А солнца там нет? Твой папа расстроится, если ты обгоришь.

— Нет, там нет солнца.

— И не душно? — участливо поинтересовался Рихард.

— Нет, там вентиляторы... — ответила Тамара. Потом раздраженно фыркнула и отвернулась. Теперь Рихард почти точно знал, что ответить ее отцу, если спросит, где носит его дочь.

Все-таки у «Сада» было преимущество — родители пациентов никогда не вмешивались. С другой стороны Тамара не пациентка и, если с ней что-нибудь случится, Рихарду даже не придется делать вид, что он расстроен.

— Не надо тебе убивать Поля, — вздохнул он. — Вообще никого не надо. Просто сделай так, чтобы когда я соберусь увозить тебя и твоего отца в город, не пришлось ловить тебя по всему лагерю. Я вообще-то уже набегался за...

— Папе нельзя в город, — вдруг всхлипнула Тамара. — Ему никто не вернет лицо...

— Ну конечно, не вернет, — мягко ответил Рихард, покрутив колбу, чтобы пар загустел. — Никто и не обещал, что ему вернут лицо.

— Но он ведь не сможет жить в городе, если ему не сделают операцию до того, как Дафна его увидит... она же уронит ему медицинскую страховку, и ему даже витамины никогда не продадут...

— Если он сделает, как я скажу — сможет жить в городе, — равнодушно сказал Рихард, прикрывая ладонью горлышко колбы и делая еще один вдох. — И даже витамины в аптеке покупать. Давай ты не будешь мне мешать? Могу тебе еды достать, хочешь? Может, эйфоринов?

Тамара мотнула головой и упрямо поджала губы.

— Я вам не верю. И пистолет все равно украду.

— На, — пожал плечами Рихард. Протянул пистолет рукоятку вперед. — Забирай.

Она действительно забрала. Рихард этого не ожидал, но с интересом наблюдал, как Тамара вертит его в руках. Несколько раз направила на себя, несколько раз на него. Попыталась нажать на спусковой крючок.

— Там штучка есть, над рукояткой, — подсказал он. — Ага, вот ее опусти. И вот на эту штучку... да, правильно. Ну... стреляй.

Тамара, зажмурившись, направила пистолет в песок. Раздался едва слышный щелчок.

— В сеть не можешь выйти? — сочувственно спросил Рихард. — Браслета нет, доступа к аккаунту нет, никто не может объяснить, как этой штукой убивать Поля?

— Я бы разобралась, — мрачно сказала Тамара.

— А ты знаешь, что выстрел — это громко? — уточнил он. — Нет? У вас даже звуки цензурят в старых записях, вот ведь городишко...

— Что надо сделать, чтобы он выстрелил? — упрямо спросила она.

— Зарядить, — с готовностью ответил Рихард.

— А какой у него аккумулятор?

— Сегментированный. Много маленьких штучек в рукоятку вставляются.

Тамара с ненавистью посмотрела на пистолет. Вернула предохранитель и швырнула его Рихарду под ноги. Такая милая все же девочка, заботится о безопасности.

— Ты браслет так же сняла. Не сложно снять. Не сложно украсть пистолет — сложно научиться стрелять, а еще сложнее — выстрелить в человека.

Она развернулась и молча побрела куда-то по холодному песку. Рихард молча подобрал пистолет и спрятал в карман.

Вряд ли она сможет сидеть тихо. Главное, чтобы не попыталась удавить Поля во сне.

— Приходи завтра, — сказал он ей в спину. — Я тебе хоть планшет найду без доступа в сеть.

Тамара остановилась. Кивнула, не обернувшись, а потом бросилась бежать.

Рихард вернулся в комнату и обнаружил, что паршивка сперла топор.

...

Клавдий стоял перед витринами с орхидеями, которые снова завяли и не желали побеждать смерть, когда пришел Гершелл, и, не дожидаясь пока он снимет очки, заявил, что

Тамара сбежала.

Секунду назад Клавдий думал, как же он устал, как всех ненавидит и завидовал цветочкам, которым можно оставаться дохлыми, и Клавдию было хорошо. А теперь приперся этот старый козел. Интересно, Марш расстроится, если он скормит Гершеллу ее паучка?

— Что значит сбежала? — набрал он. Орра рекомендовала не говорить вслух ближайšie несколько дней.

— Сняла браслет и сбежала, — сообщил Рихард, придвигая к его койке складной стул. — И сперла у меня топор, если вам интересно. У меня была пациентка, которая откусила человеку ухо и умудрилась убедить Аби, что сделала это потому что расстроилась. Дафна поверит, что Тамара преодолевала кризис, если ваша дочь всадит этот топор кому-нибудь в башку?

Он не стал садиться. Долго прилаживал что-то на спинку стула, а потом отошел на шаг, будто приглашая Клавдия полюбоваться. На спинке мигала красным уродливая конструкция из оборванных проводов, битого светодиода и вороха изоленты.

— Это что за дрянь? — проскрипел модулятор.

— На моей родине так делали глушилки. С некоторых пор я не доверяю местным. Смотрите, какая лампочка. У нас лампочки на все подряд лепили, еле нашел что-то достаточно убогое... — Гершелл внезапно замолчал. Сел, сложил пальцы под подбородком. — Я думаю, вам пора уезжать.

— Я не могу уехать. — Клавдий, морщась, ослабил эластичные ленты на затылке. От лица отошла мягкая защитная маска с восстанавливающей пропиткой. Хуже не будет, зато он сможет говорить. — Я дождусь, когда смогу нормально ходить, отправлю запрос своей помощнице Леде Морр. Она поможет мне доехать до квартиры. Там я смогу обустроить все так, чтобы Дафна не считывала мои показатели. Переведусь на удаленную работу и... — он замолчал.

План был дерьмовый. И другого дерьмового плана у него не было.

— И никогда не выйдете под общественные камеры, — подсказал Рихард. — Ну, вы сможете ходить по улицам в солнцезащитной маске, сойдете за параноика, который боится даже отфильтрованного излучения. Знаете, я там, в Младшем Эддаберге много читал слайдовых романов. В них всегда находился такой мрачный, трагический дурачок, который шлялся по городу в маске. Чаще всего рвался делать добрые дела, но иногда просто пытался интегрироваться в общество, потому что рожей не вышел. О, вспомнил, один, как раз без половины лица, в канализации жил и был влюблен в нервную девицу, которая хотела петь, а не трагического мужика с половиной рожи. Знаете, что объединяло? Они все умерли.

— И что вы предлагаете? — равнодушно спросил Клавдий.

Он больше не слушал Рихарда. Совершенно не важно, зачем пришел этот человек. Важно, что Тамара сбежала и забрала у этого человека топор.

Зачем ей топор? В глаза смерти посмотреть? Он чего-то подобного ждал от Эммы, но Эмма во время своих медитаций с мизарикордом обнаружила, что она гуманистка. Клавдий никак не мог вспомнить момент, когда Тамара обнаружила, что она гуманистка, и вообще не очень верил, что такой момент может наступить, когда тебе пятнадцать.

Неужели Тамара действительно к нему приходила?

Прошлой ночью он точно смотрел в глаза смерти. Реальность нагревалась на солнце, падала в утихающие воспаленные раны и становилась бредом — почти как тогда, в те недели, что он бродил в визуализированных программах и рисовал попугаев в голых костях.

Может, ему и Гершелл мерещится.

И Марш, которая смотрела в глаза смерти. Которая вынырнула из своей реки и теперь ей было скучно.

И Тамара, которая обещала вернуться и не дать его убить.

Нет, пожалуй, Тамара ему не мерещилась. Вот ведь дерьмо.

— ... вы меня не слушаете, — мягко укорил его Рихард.

Клавдий с трудом сосредоточил на нем взгляд и обнаружил развернутые экраны, испещренные формулами.

— Думаете, я могу это сейчас воспринять? — Клавдий с трудом сложил ничего не значащие слова в ничего не значащее предложение.

Где Тамара? Да почему вообще с тех пор, как Эмма умерла, это единственная его проблема?! Почему эти сучьи выродки не могли просто отдать ему дочь и оставить их в покое, он ведь был хорошим отцом. Только один раз не уследил, и она нажралась живой рыбы. А потом не уследил, и она чуть не умерла в проклятом центре, ну и теперь пряталась с краденым топором где-то в развалинах нелегальной лаборатории, где он собирался работать.

Может, не таким уж и хорошим, но менее сучьими выродки не стали.

— Очень интересно, — улыбнулся Рихард, оборвав его мысли. — Давайте я начну с начала. Вы вернетесь в город, и сучьи выродки заберут у вас дочь, уронят вам медицинскую страховку, и каждый раз, появившись на улице без маски, вы будете получать репорт за объективное несоответствие эстетическим нормам до тех пор, пока не получите отметки об инвалидности. Дочь вам никогда не отдадут, потому что ее будет травмировать ваше несоответствие эстетическим нормам. И ваша благонадежность тоже будет пересмотрена.

Клавдий закрыл глаза и кончиками пальцев дотронулся до бинтов на лице. Почему-то он ожидал, что они будут теплыми и мокрыми, но они оказались сухими и прохладными. Запечатывали несоответствие эстетическим нормам.

Может, выйти из палаты и утопиться к хренам? Тамара, конечно, расстроится, но, по крайней мере, тогда она возьмет лодку и вернется в город, а если кто-то решит ей помешать — всадит ему в башку топор. Заодно проработает негатив. Вернется в реабилитационный центр и — если повезет — он не взорвется.

— Через семь месяцев при соблюдении всех условий и пятнадцать при соблюдении половины, — безмятежно продолжал Рихард, — ваш социальный рейтинг — вот это значение, Клавдий, посмотрите, пожалуйста, на меня — повысится вот до такого уровня. Понимаете, что это означает?

— Нет. Слушайте, я...

— Это означает, что вам вернут дочь под частичную опеку, то есть с ежедневными отчетами социальным работникам, а через полтора года, возможно, передадут под полную опеку. Успеете насладиться не замутненным эйфоринами подростковым бунтом. Будете выполнять вот эти пункты — регулярно ее навещать, ходить с ней на терапии и заниматься прочими социально одобряемыми вещами. И спонсировать организацию, которая ее заберет. Динамика социального рейтинга напрямую влияет на динамику семейного, при достижении вот такого значения здесь, это значение будет расти со скоростью... между прочим, у меня

нет детей. Но я не поленился изучить всю эту дрянь, а вы не слушаете.

— Это какие-то несбыточные проекты. Знаете, сколько денег я отдал фондам по защите клопов?

— Вы дадите клопам что-то большее, чем ваши проценты с закрытых счетов. У меня есть решение, которое однозначно повысит ваш социальный рейтинг и заставит всех радоваться, что вы теперь такой красивый, а еще готовая программа, следуя которой вы вернете дочь.

— И чего вы хотите? — спросил Клавдий прежде, чем успел осознать его слова.

«Гершелл эгоистичный, циничный и безжалостный кусок дерьма», — прозвучал в ушах печальный голос Марш. Интересно, что она сказала бы о решениях и программах своего создателя.

— Во-первых я хочу должность консультанта и специалиста по развитию в компании, которую вы откроете. У меня тут свои программы по наращиванию рейтингов, и учтите, что через полгода после реализации программы я уволюсь, потому что вы больше не сможете позволить себе мои услуги. Во-вторых мне нужна вот такая сумма — смотрите, это бюджет, который понадобится на первоначальном этапе, вот это — создание имиджа, а это поддержание...

— Это все деньги со всех моих счетов, включая резервный, — Клавдий все еще не мог воспринимать его слова всерьез.

— Вам еще и квартиру придется продать и переехать в жилье поменьше, — пожал плечами Рихард. — Вот тут еще сумма, видите?

— И что это?

— Мой гонорар и компенсация расходов. Эти исследования и мониторинги далеко не бесплатно проводились, и, кстати, я платил взятки, чтобы вас не залечили до смерти. Они вот здесь указаны, в расходах на поддержание стабильного эмоционального фона и физического благополучия в коллективе.

Клавдий молчал. Ему хотелось думать, что Рихард от безделья, нереализованного стресса, вызванного переездом, а еще пустынного солнышка и общества Марш просто обезумел. А еще лучше считать его очередной галлюцинацией. Но, к сожалению, Клавдий был не настолько хорошо знаком со сферой маркетинга, чтобы галлюцинации приходили с такими точными расчетами и циничными формулировками.

— Все окупится. Скорее всего. Когда вам выдадут разрешение вернуть Тамару, у вас будет достаточно денег и новая квартира. А у меня антикварный коврик и примерно семь превосходных молекулярных копий образцов старой живописи. Мне очень нужен этот коврик, Клавдий, но в любой момент его уведет какой-нибудь любитель ретро интерьеров. А вам очень нужна дочь, но в любой момент ее вместе с топором найдет Поль или кто-нибудь из его подчиненных. Лучше бы вы, конечно, хотели коврик, но у всех свои причуды. Теперь-то вы будете слушать? Хорошо. Сначала вы должны позвонить Леде Морр...

Глава 18. Быть злодеем

Сначала Арто выбрала неуместно торжественный наряд, который Марш точно бы не одобрила. Воротник из гофрированного кружева был особенно вычурным, и Арто рассчитала, что это отличное решение — начать делать то, чего Марш никогда не сделала бы с воротника, который она никогда бы не надела. Потом она снова зачем-то начала считать, пошла бы Марш смотреть на операцию. Запуталась, сменила все тряпки на привычную вельветовую рубашку и черные брюки.

Она купила место рядом с Хельгой Соркин. Пришлось обратиться к Полю, чтобы аннулировал билет, который уже купил владелец мелкого конвента. Поль странно на нее смотрел, но Арто не принимала его странные взгляды как переменную в расчетах. Они обо всем договорились. И стоило признать, что расчеты изначально не имели смысла — слишком широкой была вариативность человеческих реакций и решений. Вносить в этот хаос еще песчинку взглядов Поля Арто не собиралась.

Расчеты про воротники имели столько же смысла, как и расчеты о том, позволила бы Марш Клавдию снять с нее рубашку. Арто так и не разобралась, относилось ли это к категории «настоящее», а когда спросила у Рихарда, он почему-то расстроился, пробормотал что-то про контузию и начал звонить Карлу Хоффелю. Это Арто тоже не стала анализировать, ее гораздо больше интересовала папка.

В день, когда Берхарду Колдеру должны были делать первую операцию, Арто первой заняла место за зеркальной стеной. На этот раз визуализатор прикрепили к спинке кресла, а не положили на сидение, и она решила, что ей нравится. Она поглаживала алый корешок папки, лежавшей на коленях, и не имитировала никаких эмоций. Сейчас ее лицо не понравилось бы Клавдию — у нее был пустой взгляд и неестественно застывшая мимика. Она даже не моргала.

— Ты можешь отдать ее прямо сейчас, — раздался рядом безмятежный голос.

Арто могла узнать, кто говорит, не оборачиваясь и ничего не спрашивая. Но она сыграла честно — вздрогнула, изобразила раздражение, обернулась и, фыркнув, крепче прижала к себе папку.

— Не могу, — огрызнулась она.

Рядом сидела женщина, которую она видела раньше, но очень, очень редко. Высокая, черноволосая, полная и немолодая. По общепринятым классификациям скорее красивая, чем отталкивающая, и скорее располагающая, чем тревожащая. Клавдий точно одобрил бы ее аватар. Он бы анимирован лучше, чем аватар Арто.

Если бы Арто была человеком, она сказала бы, что перед ней сидит постаревшая Хенде Шаам, которая каждый день ела фисташковое мороженое.

— Почему? — ласково спросила она. — Зачем снова превращать все в шоу?

— Я еще при жизни устраивала замечательные шоу. Никак привычек не оставлю, — ответила Арто, прикрыв глаза. — Ты... выглядишь приятнее, чем обычно.

Женщина тяжело вздохнула. Медленно поправила волосы. Арто равнодушно наблюдала, как сползают к локтям широкие шелковые рукава ее халата. Как тяжело звенят браслеты — десятки индивидуальных попеременно с широкими золотыми и толстыми браслетами-цепями. Арто заметила на некоторых браслетах шипастые серебристые конструкции, похожие на рыбы скелеты. Прежде, чем женщина опустила руки, индивидуальные браслеты,

мигнув, сменились. Золотые остались неизменными.

— Спасибо, — наконец сказала она. — Абрахам хотел оцифровать меня в молодости, но потом отказался.

— Абрахам Шаам? — усмехнулась Арто. — Предок Айзека, про которого он вечно бормочет, что тот был дурак и растратил какие-то невероятные деньги?

— У нас с Абрахамом никогда не было невероятных денег, — улыбнулась она. — Могли быть. Но тогда мир еще был злее, и люди убивали друг друга... проще. Не приходилось изворачиваться, как твоему другу Полю. И обманывать, как твоему другу Клавдию, — голос стал укоризненным.

— Поль мне не друг, он собирается меня убить, — пожала плечами Арто. Вновь повернулась к стеклу. — Клавдий мне тоже не друг, у нас с ним токсичные отношения, основанные на сталкеринге, взаимном шантаже и редких эпизодах влечения, компенсирующего непроработанные травмы. Операция скоро начнется. А людей нет.

— Скоро придут. Я хотела с тобой поговорить прежде, чем все рассядутся.

— Зачем?

— Думаешь, мне нравится, когда люди злятся и убивают друг друга? — печально спросила она. И взяла Арто за руку — так мягко и незаметно, как когда-то брала за руку Марш ее мать, еще пытавшаяся заставить ее быть хорошей. Марш бы забрала руку. И послала бы эту тетку с ее браслетами и убаюкивающими интонациями.

— Мне жаль, что Поль хочет тебя убить, — продолжила она. — Ты можешь попросить Рихарда Гершелла отправить репорт с подробным описанием предполагаемого способа, и...

Арто поморщилась и забрала руку. Она не чувствовала прикосновения, но заметила, что женщина включила тактильную имитацию. Хотя точно знала, что говорит с оцифрованным ассистентом.

— Не хочешь, — заключила она. — Знаешь, я тоже сначала не была благодарна Абрахаму.

— Как ты умерла? — не оборачиваясь, спросила Арто.

— Меня убили. Не так, как тебя — человек из консервативной партии, который был против исследований Абрахама, вломился к нам в дом. Абрахам еще не вернулся с работы, а я только что забрала из школы восьмилетнего сына. Пораньше забрала, хотела сводить в парк. Мы стояли... я закрывала собой Рона. И тот человек выстрелил мне в живот — потому что у меня за спиной был ребенок, понимаешь? А потом выстрелил ему в голову, и я это успела увидеть. Знаешь, я совсем не обрадовалась, когда Абрахам меня оцифровал. И была против того, что он оцифровал Рона. Но я могла сколько угодно возмущаться, потому что Абрахам к тому времени выпил мизарикорд, тогда еще экспериментальный, поэтому он еще немного помучился перед смертью. И еще я никогда не увижу ни мужа, ни сына. Но я не ищу к ним дорогу, потому что за десятилетия поняла, что это правильно — смерть делает нас другими людьми. И люди, которыми мы становимся не могут быть с людьми, которых мы любим.

Арто молчала, потому что не знала, что говорить. У Марш в юности была обостренная эмпатия, которая доставляла ей только боль и неудобства. К возрасту, когда она умерла, на который ориентировалась Арто, Марш почти погасила любое сочувствие к посторонним людям.

Нужно было что-то сказать, но у Марш не было слов, и Арто их тоже не нашла.

Тихо звякнула штора из унизанных бусинами шнурков, закрывающая проход в зал. Арто обернулась и встретилась глазами с Хельгой Соркин.

Она была нескладная, слишком высокая и слишком сутулая. Зачем-то замотала шею цветным шарфом и нацепила голубой кардиган с белыми облачками. Арто вспомнила, как Марш брала у Бесси шарф, чтобы поехать к Леопольду, и не поленилась изобразить зябкое движение плеч.

— Привет, — хрипло сказала Хельга. — Я тебя давно вижу на конвентах, но все никак...

— Меня зовут Марш Арто, — равнодушно представилась она. — Ты можешь не тратить время на разговоры — я оцифрованный ассистент.

— Ну оцифрованный же. Что-то типа человека, — пожала плечами Хельга. Тяжело опустилась на свое кресло и подала Арто руку.

Не стоило этого делать, но Арто пожала ее руку. Второй крепче сжала папку.

— Берхард Колдер похож на человека, который очень много для меня сделал и очень много для меня значил, — глухо сказала Арто. — Он меня спас, а я его нет.

— Если ты тут сидишь — значит, ни хрена он тебя не спас, — неуклюже пошутила Хельга. — Или ты до старости дожить успела, а тебя молодой сделали?

Арто покачала головой. Женщина рядом с тихим звоном пересчитывала браслеты.

— Ну вот видишь. Но ты не думай, я тебе правда сочувствую... — Анализатор Арто говорил, что она говорит правду. — Но такие люди, как Колдер, рождаются раз в сто лет. Не бывает двух одинаковых людей, а таких, как он... наверное больше нигде нет, — Хельга улыбнулась, но спустя мгновение помрачнела. — Операция должна пройти успешно. Я читала про модель лабора и смотрела отзывы на хирурга, которая будет оперировать. Орра Уледдлала всего пятерых за всю карьеру угробила. Должна справиться...

— Конечно она справится, — ласково улыбнулась Арто. — Как же иначе.

Женщина с браслетами укоризненно вздохнула и вдруг заговорила:

— Ты знала, что Орра будет проводить операцию до того, как Клавдию понадобилась помощь. Скажи, ради кого ты ее шантажировала?

— Ты знаешь про Орру? И про Клавдия? — спросила Арто, не размыкая губ. Хорошо, что они могут разговаривать без микрофонов и трансляторов.

— Да, — печально кивнула она. — Ты же сама знаешь — есть вещи, которые тебе известны, и которые известны тебе формально. В таком случае, ты можешь не принимать их в расчет.

— Это называется самообман.

— Рон каждый день играл в отцовском кабинете, хотя ему было запрещено, а еще таскал сладости из закрытых шкафов, — вслух сказала она. — Думаешь, я не знала?

Арто снова молча пожала плечами. У нее не могло быть детей, и у Марш тоже. Она была опасно близка к запрету говорить в присутствии несовершеннолетних, и ничего не знала о том, как дети врут и видят ли это родители.

Анализатор услужливо нашел подходящее воспоминание — как она учила Бесси носить записки. Учила девочку врать так, чтобы взрослые не догадались. Но Арто не стала принимать это в расчет — Бесси совершеннолетняя и вовсе не такая дурочка, какой ее считали. К тому же никто не поймал ее на лжи.

Хельга сидела, расправив широкие плечи и вытянув белую шею в разводах сиреневых

вен так, что морщины, не скрытые шарфом, почти разгладились.

Арто не анализировала обстановку несколько минут и не заметила, как зал наполнился людьми, а в операционной зажегся свет.

— Аве, Дафна, — прошептала Хельга. — Озвучь... только мне озвучь прогнозы... и порядок операции...

— Знаешь, что она делает? — спросила женщина в браслетах. — Она молится. Только теперь ее слышат и могут ответить.

— Как ей повезло, — скривилась Арто.

Орра зашла в операционную первой. В белом хирургическом костюме, с полностью закрытым лицом, но Арто точно знала, что это она. Следом появилась каталка с телом, целиком закрытым хрупким белоснежным куполом, и только голова Берхарда Колдера была видна. Ради шоу. Ради зрителей, на которых Арто впервые посмотрела.

У Хельги в глазах стояли слезы. Наворачивались на салатовые линзы, и Арто начала анализировать, насколько ее взгляд считается «настоящим» по меркам Марш.

Вот мужчина в синем костюме, брюнетка в бежевом платье, пластиковый пупс, изъеденный плесенью — еще один аватар. Девушка-подросток в черной мужской рубашке и мятой черной юбке. Она подняла на Арто жирно обведенные черным серые глаза и сочувственно улыбнулась. Зачем-то.

Арто не смогла бы это проанализировать.

Девочка в белом платье и ее мать в изумрудном костюме. Старик в огромных лиловых очках в блестящей оправе. И над всеми летают камеры — мелкие, двуххромные, как мухи. Мухи над кучей дерьма — а может, и над кучей трупов.

Марш была бы за «дерьмо».

Арто за «мертвецов».

Она отвернулась и стала смотреть на Колдера.

Рихард так хотел в этот город, в этот замечательный мир. Мир, где сбываются мечты, где Хельга Соркин может сидеть и смотреть, как спасают человека, который не дал ей умереть.

— Почему бы ни разу не поговорила с ним? — вдруг спросила женщина в браслетах. — Ты оставляла цветы в виртуальной палате, я видела. Почему ты с ним ни разу не заговорила?

— Потому что он не Леопольд, — прохрипела Арто и анимировала побелевшие пальцы, сжимающие папку.

— Ты с самого начала это видела. Почему на самом деле? Скажи мне. Если кто и может тебя понять, то только я. Марш заговорила бы.

— Марш ошибалась. Марш умерла. Я сделаю так, как надо.

Откуда-то Арто знала, что у Орры под темными очками темные мешки под глазами, густо замазанные охлаждающим кремом. Он забивается в морщины и течет к носу.

Орра плакала перед операцией и восемь раз говорила «Аве, Дафна», а потом отмахивалась от ответа.

Орра тоже не хотела быть здесь.

Операцию проводил лабор под управлением человека — белая пластина, черный щуп с почти незаметным лезвием скальпеля. Никто не увидит, как Берхарду Колдеру вскрывают грудную клетку и медленно, по кусочку, отрезают болезнь от его легких.

Никто не увидит — но увидит Арто, которая может это анимировать.

Увидит Арто, которая знает, как Питер Легасси бесконечно задавал рекламному алгоритму параметры поиска. Он не в первый раз так делал — его подопечные вечно приносили на индивидуальных браслетах записи о мелких и не очень нарушениях. О способах обмануть Аби. Торговать наркотиками, контрафактным алкоголем. О способах взорвать башню и девушку в башне.

Еще о способах помочь смертельно больному человеку. Арто хотела анимировать слезы, но у нее на груди расползлось пульсирующее синее пятно, и она не стала тратить ресурсы.

Черный щуп беззвучно делал надрез между ребер Берхарда Колдера.

Еще о способах смертельно больному человеку получить поддержку.

Если бы Питер Легасси был смелее — торговал бы с такими людьми, как Поле Волански. Но он предпочитал называть себя «продавцом историй» и продавать людям данные с чужих браслетов и пластин. Только данные — а значит, он не несет никакой ответственности за их использование. Даже Дафна, которая понимает гораздо больше, чем Аби, могла бы только лишиться его лицензии. И то если бы кто-то грамотно составил репорт.

Но Питер Легасси был мелким ссыклом. Считал, что тот, кто играет со средними ставками, дольше не встанет из-за стола. И продавал свои истории таким, как Берхард Колдер — тем, кто накопил достаточно денег, но имел проблему, которую деньги не могли решить. Вот конверт, а в нем чертежи пауков и формула взрывчатки. Вот история Леопольда Вассера и Марш Арто.

Колдер сам додумался до взрыва, или Легасси помог ему связать взрывчатку, благодарную пациентку и толпу, замершую в предвкушении настоящих поступков?

Арто не знала. Ей было не интересно. Если Легасси не сдох от тех эйфоринов — она бы попросила Волански отправить ему статуэтку. Но он сдох, и об этом Арто собиралась подумать завтра.

Колдер, который вышел под камеры центра Лауры Брессон волоча за собой Хельгу Соркин. Колдер, который упал на траву, красиво раскинув руки, а потом потерял сознание. Который дисциплинированно рассказывал — или позволял Хельге Соркин рассказывать — о своем подвиге на всех конвентах, куда его приглашали. Он просто не хотел умирать.

Работа сожрала его, но он не захотел с этим смириться. Человек, искренне посвятивший жизнь спасению других, испугался страданий и медленной, мучительной смерти. Разве Арто могла его винить.

У него было так мало — реализованный сценарий, формула взрывчатки и чертежи устройства, которое не обнаруживали местные системы безопасности. Наверное, можно было обойтись одним паучком, но Колдер испугался, что часть не сработает. Арто стоило обидеться на него за такую оценку ее способности разнести что-то на куски.

Она начала собирать доказательства через полтора часа после взрыва в центре. Она никому об этом не сказала, даже Рихарду.

Собрала большую-большую папку с прямыми и косвенными уликами, анимировала ее, нарисовала жесткую красную обложку, потому что Марш любила настоящие вещи, и ей понравилась бы настоящая папка.

Арто смотрела, и знала, что черный щуп медленно погружается в легкие Берхарда Колдера и распускает сотни шипов с невидимыми человеку лезвиями. Сейчас они вычистят все мертвое, заменят поврежденные ткани полимерными пленками, и Колдер снова будет дышать.

И когда последний шип был выпущен, Арто натянула рукав рубашки, чтобы спрятать

щупальце, и сказала:

— Аве, Дафна. Репорт.

— Аве, Дафна... репорт, — едва слышно повторила Орра.

Но на нее никто не смотрел. Все смотрели на Арто, и она успела рассчитать, что это и были те самые голодные глаза и перекошенные в жадном предвкушении рта, которые так часто вспоминала Марш. Еще она рассчитала, что Марш были бы неприятны эти взгляды и стала смотреть на Хельгу, которая смотрела со смесью тоски, непонимания и отвращения.

Вот это был привычный для Марш взгляд.

Женщина в браслетах протянула руку. И взяла у нее папку.

Аве, Дафна Шаам. Аве, Абрахам Шаам — аве-Аби. Аве мир, которым правит их ребенок, аве Рональд Шаам.

Аве, и послушайте, как отголоски трагедий рождают новые, и как кто-то не хочет с этим мириться.

Арто не могла отправлять репорты, но Орра могла. Врач, проводящий операцию, мог сослаться на служебную этику и закончить ее, но Орра не стала бы так поступать, потому что у нее было трое детей и голографические синие пауки, которые лезли из всех трансляторов четвертый день.

Дафна медленно открыла папку. Закрыла глаза и кивнула. Арто видела, как из-под ее покрытых золотом век текут слезы, но не верила ей.

Рихард говорил с Хенде Шаам. Рихард давно понял, какую сделку заключил когда-то Абрахам Шаам, и кого ему напомнил Айзек — Аби, и еще немного Дафну, которая в большинстве модификаций не была похожа на себя. Вот еще одна трагедия, отраженная в веках, повторенная тысячи раз. Весь их мир был построен на попытке не дать повториться истории и таким людям, как Клавдий, Марш, Поль или Рихард — тех, кто раз за разом находит способы ее повторить. Только способы — но потом находятся те, кто ими пользуется.

Орра опустила руки. Рейтинг Берхарда Колдера упал. Он потерял свое право на операцию.

Погасли панели лабора, погас свет в зале. Замер щуп, распустивший черные шипы в легких Колдера, и никто не отдаст команду его убрать. Арто не смотрела ни на Дафну, ни на Хельгу, ни на остальных зрителей — только на него. Она не знала, когда он умрет — до того, как пройдет действие наркоза или после?

Никого к нему не подпустят. Никто ему не поможет, как и всем людям, погибшим в центре Лоры Брессон.

Какая глупость — повторять историю Марш и Леопольда. Ведь она не кончилась ничем хорошим.

Арто не знала, когда умрет Берхард Колдер, насаженный на шипастый скальпель, ради которого он убил столько людей и чуть не убил дочь Клавдия. Но она не собиралась вставать с кресла до самой его смерти.

...

Айзек начал утро с того, что пришвартовал свою абру выше по течению и пешком вернулся в лагерь. Успел увидеть, как Грейс и Хэтти отплывают в сторону города на весельной лодке. Если бы он мог — тоже греб бы в город. Вместо этого он налил кофе из общего автомата, сел на берегу и стал ждать.

Еще не рассвело, когда Арто равнодушно сообщила ему, что больше не является основным помощником Поля. Что у нее больше нет доступа к базам, микрофонам, трансляторам и камерам, и что к вечеру никто, кроме Рихарда, не сможет обращаться к ней в пределах лагеря. Айзек точно знал, что она не станет ждать, когда Поль заберет у нее доступ. Еще он знал, что уже к полудню Поль пойдет к Гершеллу и будет требовать доступ к управлению Арто.

Айзек шурился на волны и думал, а чего, вообще-то, хочет Поль? Раньше он не задавал себе этот вопрос. Поля не интересовали ни рейтинги, ни деньги. Айзек видел его общий рейтинг и статистику по блокам — там были вполне реальные, не накрученные значения. Все медицинские, коммуникационные и эмпатические блоки были почти пусты, в семейном болталось несколько сотен баллов, которые не обновлялись уже пятнадцать лет — значит, это были еще не растроченные баллы родительских рекомендаций. Денег у Поля было много, но он тратил их на плоты, кур, зарплаты и оборудование лаборатории.

Потом Айзек стал думать, а чего он сам хочет, и выходило, что он просто не хочет жить в городе. Работа на Поля стала чем-то вроде переезда от родителей, только вот Айзек никогда не стал бы переезжать от матери, если бы только ясноокая Хенде Шаам, да не забудется вовек ее имя, была жива.

Наверное, Поль тоже просто не хотел жить в городе. А еще он хотел убивать людей, но Айзек не мог его осуждать, потому что успел в юности поработать официантом.

— У вас входящий звонок от Рихарда Гершелла, — чирикнула Полли, временный ассистент.

— Прими, — вздохнул Айзек. — Утречка вам доброго, мистер Гер...

— Поль прислал мне рабочую лицензию. А еще у меня ночью сперли топор. — Рихард на приветствия времени не тратил. — Рыбка. Приплыла и сперла.

— Вас это расстраивает? — уточнил Айзек.

— Ну конечно меня это расстраивает, это же был такой ценный предмет интерьера, — выплюнул он. — Задавал стиль комнате. У вас в лагере прячется девчонка, которую злые врачи наверное просто так держали на рецептурных эйфоринах, и у нее есть топор.

— А еще уважаемый член общества, который умудрился закончить карьеру пиарщика тремя трупами и которому злые социальные работники не просто так не давали рабочую лицензию, — не удержался Айзек. И улыбнулся облачку, закрывшему солнце.

Молчание Рихарда было почти физически ощутимо.

— Еще пошути, у тебя так замечательно получается, — наконец сказал он. — Зайди к Клавдию, там встретимся. Он на все согласился, так что когда все закончится — погрузишь его в абру и поплывешь в город.

— У него дырка в боку, — напомнил Айзек.

— Значит, удобнее будет тащить, — прошипел наушник. Полли несколько секунд растерянно молчала, а потом опомнилась и включила задорную детскую песенку про ежика.

...

Поль начал утро с чувства, похожего на печаль, и ему это не нравилось. Впервые за много лет он не мог ответить себе, правильно ли он поступает. И хочет ли он поступать правильно.

У людей в городах были границы куполов. Их не запрещалось пересекать, просто за куполами воздух был нефильтрованным, а солнечный свет смертельным. Поль и другие «исследователи» регулярно отправляли отчеты, полные все новых подробностей.

Арто не боялась ни солнца, ни воздуха, но она зависела от искусственно ограниченного действия сети. Границы для Арто пролегали в пустыне, вверх по течению реки. Туда они и отправились вчера вечером — Поль с транслятором и Арто со всей своей злостью.

Вчера пустыню топил особенный закат — красно-лиловый, накатывающий волнами, на которых дрожала золотая рябь. Поль сидел на песке, транслятор лежал напротив. У транслятора был широкий радиус действия, но Арто стояла рядом с Полем. Они смотрели в пустыню, и Поль рассказывал, как пахнет песок, речная вода и раскаленный мазут. Он старался. Выбирал слова, которые Марш должна была понять, но выходило что-то вроде «как снег, но наоборот». Арто благодарно шурилась и курила, распуская слишком густой для ее сигареты дым.

— Я устала, Волански, — говорила она. — Какого хрена Гершелл это все на меня взвалил?

— Он думал, что ты будешь жить какую-то другую жизнь, — мягко отвечал Поль, и сам себе верил.

— Обхохочешься. Я сраный песочек понюхать не могу, вот это жизнь. А знаешь, чем я ночью занималась? В конvente трахалась. В конvente, Волански. Настоящие вещи, настоящие поступки.

— Ты ведь пришла не потому, что не можешь поцеловать мужчину, который тебе нравится.

— Я пришла, потому что через полтора часа убью человека. Сделаю это с особой жестокостью, и водичкой на труп не покапаю.

— Ты знаешь о мертвецах в храме?

— Я искала Эда Талья. Таль выбрался. Копил воду, сушил хлеб, и однажды поперся за твоим вездеходом. Умер, конечно, в зоне действия сети Среднего Рейла. Знаешь, за что он ненавидел Клавдия? Какой-то хрен убедил его отца воспользоваться рыбьей костью, спер у него со счета все деньги, а потом голову ему проломил, вроде даже случайно. Какого-то хрена так и не нашли, но Клавдий нарисовал аватар, который казнили в очередную пятницу, и дело закрыли. Если бы Таль знал, что Клавдий еще и кость изобрел — вообще на говно бы изошелся. Может даже добрался бы до Валейна...

— Хочешь и для меня собрать папку?

— Хочу, чтобы ты меня убил.

— Если ты хочешь — почему не попросишь Гершелла?

Она дернула плечом и ничего не ответила. Еще час они сидели на песке, глядя, как закат тускнеет и становится непроницаемой чернотой. Потом Поль сел в вездеход и уехал, оставив транслятор. Арто осталась. Она не обернулась.

Это было вчера. Вчера Поль согласился, потому что давно знал, что этим кончится. А сегодня его с самого утра донимало это, похожее на печаль. Он говорил себе, что это от того, что Марш заслужила мрамор храма и прохладу воды, а он не сможет ей этого дать, но казалось, есть что-то еще.

Она была хорошим другом. А Поль всегда грустил, когда приходилось убивать друзей.

Тогда Поль решил, что увезет в храм и Клавдия, и его дочь. Сначала он не собирался этого делать, но потом решил, что Марш было бы приятно, что Клавдий с дочкой теперь вместе и что они похоронены в хорошем месте.

Клавдий тоже должен был понимать, что этим однажды кончится — ведь он дважды давал шанс любому преступнику остаться безнаказанным. Аватары, на месте которых

должен был оказаться Поль, казнили шестнадцать раз. Девять раз Клавдий нарисовал его мужчиной, шесть — женщиной, и трижды мальчиком-подростком. Почти каждый раз у его аватаров был какой-то физический изъян, чтобы сократить уровень эмпатии зрителя, но трижды Клавдий рисовал красивых людей со злыми взглядами.

Однажды жизнь Поля оборвется, и никто не нарисует вместо него аватар — это он точно знал. Это было справедливо и правильно, Поль только надеялся, что кто-нибудь принесет ему воды.

Но с меланхолией пора было заканчивать. Он открыл Гершеллу доступ к рабочей лицензии, написал короткое сообщение и стал ждать.

Гершелл почему-то решил прийти сам. Поль ждал, что он просто откроет ему доступ, но он приперся с бутылкой абсента, сел в кресло и уставился на экраны, развернутые на стене напротив. У его ног разлегся пес, заняв половину кабинета. Он смотрел на Поля добрыми слезящимися глазами и розовый язык дрожал между клыков, белых и слишком острых для собаки.

— Я пришел поблагодарить вас за лицензию, — наконец сказал Гершелл. — Но у нее ограниченный функционал.

— Это стандартная лицензия для социально уязвимых групп работников — пенсионеров, инвалидов и несовершеннолетних. Ее проще всего сделать и легче всего ею воспользоваться, не привлекая внимания. — Поль хотел его успокоить, чтобы Гершелл как можно быстрее заткнулся и дал ему работать.

Но Гершелл не желал затыкаться. Развалился в кресле, плеснул абсент в стакан, на дне которого болтался мутный осадок, а потом во второй, к счастью, чистый. Протянул второй Полю.

Он стоял, глядя на изумрудные капли, стекающие по искристым граням, и стакан не брал.

— У нас было принято поминать умерших. Разве у вас не так? — с нажимом спросил Гершелл.

— Я еще никого не убил.

— Давайте выпьем за любого, кого вы увезли на своем вездеходе, а потом еще раз — за Марш.

— Тогда за Тересу Манс, которая сделала вездеход, — усмехнулся Поль. Взял стакан. Повертел его в руках и поставил на стол.

Гершелл в это время вручную набирал код на клавиатуре, выведенной между ушей собаки. Поль равнодушно наблюдал за ним, пока Арто не доложила:

— Вам предоставлен доступ к кабинету помощника «Арто».

Голос был таким ехидным, что Поль сразу понял, что Гершелл сделал не то, что от него требовалось.

Он не любил работать с визуализатором, и вместо того, чтобы надеть очки и зайти в рабочий кабинет, вывел на стол клавиатуру и экран. Несколько секунд смотрел на список доступных действий, а потом глубоко вздохнул.

— Я вас понял.

Список состоял из трех пунктов: изменение базовых настроек внешности, изменение базовых привычек и коррекция лексикона.

— Раз она вам понравилась — сделайте ей белые кудряшки, отберите сигарету и запретите материться, — посоветовал Гершелл. — И через пару недель она сама себя

уничтожит.

— Я дам вам расширенную лицензию, — вздохнул Поль. — Подождите минут сорок.

Гершелл только махнул рукой. Посмотрел свой стакан на свет и плеснул еще абсента. Салютовал Полю и замер на пару секунд с поднятым стаканом. Поль машинально взял стакан и повторил жест. Гершелл выпил абсент одним глотком, прищурился и опустил руку.

Поль на него уже не смотрел. Он поставил на стол свой опустевший стакан и отметил, что для человека с социальным уровнем рейтинга и почти пустым счетом, у Гершелла слишком хороший алкоголь.

...

— Клавдий? Клавдий, надо просыпаться...

— Уже? — хрипло спросил он. Попытался открыть глаза, надеясь, что черная ткань на лице защитит его от света. Ничего не получилось.

Орра больше не давала ему наркотиков. Это означало, что единственным способом не чувствовать боль, стал сон. Сейчас он лежал на дне абры Айзека, положив на лицо шерстяную рубашку. Мягкий ритм волн не успокаивал, а вызывал тошноту. Солнце тоже вызывало тошноту. Нужно будет переехать куда-нибудь на север. Чтобы целыми днями шел дождь, и еще иногда снег валил.

Вот это было бы хорошо. Снег.

— Он убьет меня через пятнадцать минут, а через час пойдет искать Тамару. Нужно просыпаться, Клавдий.

Марш говорила равнодушно. Клавдий не надевал очки и не давал разрешение на прием тактильных и ольфакторных сетевых данных, но точно знал, что она сидит рядом, вытянув ноги. Он прижимается виском к ее бедру. Ткань ее брюк гладкая, а духи холодные. Дымом пахнут и снегом.

Ей осталось жить пятнадцать минут. Наверное, она рада.

Он открыл глаза и снял с лица рубашку. Марш действительно сидела рядом и у нее действительно был совершенно отрешенный вид.

— Колдер умер восемь минут назад, — сказала она.

— Быстро? — Клавдий прижал к горлу модулятор, но тут же опустил. Для связок плохо, нужно учиться говорить без него.

Марш все равно его поймет.

— Нет.

— Ты могла... сделать это по-другому?

— Да.

— Спасибо.

Клавдию больше нечего было сказать. Он был почти уверен, что Марш пощадит этого человека, хотя бы ради памяти того, чью историю он украл. Но Рихард не потрудился научить ее решать этические дилеммы.

— Мне куда плыть-то, ребята? — спросил Айзек.

Он сидел у носа абры, у самого края навеса, и чистил бурый гранат. На дно лодки сыпались блестящие темные зерна.

— К Гершеллу, — прохрипел Клавдий, снова опуская на лицо рубашку. Не глядя нашел руку Марш и сжал ее пальцы. А может, ему только показалось.

— А Гершелл сказал тебя в город везти. Думаете, мне нравится туда-обратно вас таскать? — горестно вопрошал он, заводя мотор.

— Думаем, нам насрать, Айзек. — В голосе Марш по-прежнему не было эмоций. Клавдий разрешил восприятие тактильных данных, и ее рука вдруг стала ледяной.

— Знаешь, почему ты ей понравился? — безмятежно спросил Айзек, не глядя на Марш. — Потому что бабы любят все плюшевое. А ты наполовину из ваты состоишь.

Айзек даже не дернулся, когда сквозь его голову пролетел фарфоровый панцирь.

Клавдий машинально потянулся к повязке на боку, под которой действительно был объемный тампон, пропитанный анестетиком.

— Хочешь такой же? — предложил Клавдий. Другой рукой погладил теплое лезвие.

— Обойдусь. Ты стоять-то можешь? Давай все-таки в город, а эти там уж как-нибудь без тебя?

— Я сам. Мне надо забрать Тамару. И я здесь никому ни хрена не верю, вы хитрожопые, подлые, самовлюбленные ублюдки.

— Сам-то, — обиделся Айзек.

— И сам, поэтому и не верю. Когда будем на месте?

— Через двадцать три минуты, — мстительно сообщил Айзек.

Клавдий снял с лица рубашку и медленно поднял глаза.

— Я так хочу, — сказала Марш.

Он держал ее за руку, а за бортом абры лениво плескалась теплая голубая вода.

...

Рихард смотрел на Поля не отрываясь вот уже двадцать минут. Наблюдать за человеком, работающим с визуализатором было довольно увлекательно — Поль брал что-то кончиками пальцев, осторожно, будто ловил бабочек за крылья, потом разводил большой и указательный пальцы, клал сверху ладонь другой руки и с видимым усилием отводил ее в сторону. Будто растирал бабочек по какой-то поверхности. Все это время он не останавливаясь что-то бормотал, и Рихард не мог понять, на что это больше похоже — на ругательства или молитву.

Пистолет, заткнутый за ремень, был тяжелым и теплым.

Арто сказала, куда отправлялись люди, которым Поль был особо благодарен за помощь. Рихард на особую благодарность не надеялся, но лучше не надеяться на нее с пистолетом, чем без него.

Арто сидела на полу рядом с Полем и сжимала в ладонях фарфоровый черепаший панцирь. У нее были синие глаза — перед смертью она не изображала Марш. Рихард знал, что должен что-то ей сказать, но никак не мог понять, что именно.

Рихард рассеянно гладил уши псу, положившему голову ему на колени и думал, как хорошо, что он запретил лабору имитировать слюноотделение. Еще думал, что вот сейчас Поль убьет Марш, и ее можно будет собрать заново, но второй раз он такую глупость не сотворит, потому что это изначально была ошибка. Думал и сам себе не верил.

Просто новый помощник не будет Арто, которая прожила все эти годы и совершила все эти ошибки. Арто никогда не станет Марш, а Арто-2 не станет Арто-1.

Пожалуй, это и были слова, которые нужно было ей сказать.

Вот что, когда Поль ее убьет, он, пожалуй, заведет себе еще лабра-попугая и научит его материться. Нет, лучше какую-нибудь тварь с щупальцами, которая будет кусаться и писать ругательства на стенках аквариума. Марш изначально стоило оставить в аквариуме.

А еще нужно будет позвонить Карлу Хоффелю. Сказать, чтобы вернул деньги за тот порошок.

— Готово, — сказал Поль.

— Вам предоставлена расширенная рабочая лицензия, — механически доложила Арто, а потом сказала уже по-человечески: — Я проверила, она надежная. Даже в центре адаптации не придерутся. Давайте заканчивать.

Рихард рассеянно погладил собачий нос и кивнул.

Может, он все же ошибается?

Марш только что убила человека — намеренно. И даже с изощренной жестокостью.

В ее карте из Младшего Эддаберга чернели от руки приписанные слова «эпизодические суицидальные настроения». Рихард не знал, почему Леопольд не стал это печатать.

— Гершелл?

— Да?

Теперь Марш не сидела рядом с Полем, который так и не снял очки. Рихард знал, что он уже зашел в его кабинет и смотрит настройки Арто.

— Расскажи про Леопольда.

— Ты сама все знаешь.

Он понял, о чем она просила. И отчетливо понял, зачем она об этом просила — Арто сомневалась. Хотела усилить «эпизодические суицидальные настроения».

— Я еще не принимала эти данные при расчетах.

— Скажите ей, она хотела бы знать перед смертью, — подал голос Поль, и Рихард решил, что пистолет все-таки придется использовать. — Вы очень небрежно сделали свою работу, Гершелл. Я ничего здесь не исправлю.

Поль осуждающе вздохнул и заткнулся, а Рихард понял, что ненавидит Хоффеля.

— Почему Леопольд решил мне помогать?

— Потому что он много лет занимался восстановлением рецептур лекарств, которые использовали в прошлом, — сказал Рихард. Посмотрел псу в глаза — они по-прежнему были печальны.

Хенде Шаам сказала, что все трое — Абрахам, Дафна и Рональд — отказались от прошлого, потому что считали, что тот, кто знает историю, обречен ее повторять.

Дафна предпочитала охранять свои города от прошлого, как маленьких детей хранят от жестокой правды. Аби создал условия, при которых люди вообще не задумывались о прошлом.

Интересно, знают ли историю в Старших городах? Рихард попытался вспомнить, как в детстве понимал прошлое и понял, что вообще о нем не задумывался. Или он давно забыл, о чем задумывался в детстве?

— Он восстанавливал рецепты почти вслепую, — продолжил Рихард. — Он тестировал образцы за городом, на мышах. Мыши обычно выживали...

— Ты знал?

— Да все знали, — пожал плечами он. — Мало ли какие слабости у людей, ну ходит мужик на свалку травить мышей, лишь бы на работу не тащил. У него случались смешные записи, например отчеты об использовании седативных препаратов. Это были самые

счастливые и спокойные пятьдесят четыре мыши в мире. Две, кстати, сдохли.

— И что, потом он начал тестировать лекарства на пациентах? — Марш медленно растирала панцирь между ладоней и на пол осыпался белый пепел. — Пятьдесят четыре выжили, двое сдохли?

— Нет, он же не маньяк. Я не очень понимал саму суть его исследований — если он не отлавливал мышей с ментальными расстройствами, то выходит, он просто восстанавливал рецепты и проверял, насколько ядовитая получилась смесь.

Рихард врал и знал, что Марш это видит — исследования Леопольда, которые он потом нашел на бумажных и старых электронных носителях, были гораздо шире. Он свел с ума больше мышей, чем убил, но об этом было слишком долго рассказывать. Но он действительно никогда не тестировал препараты на людях.

— Все повторяется... — тихо сказала она. — Нас словно на колесо намотало и крутит, крутит... но с каждым оборотом мы чуть более уродливы и чуть более безумны... Колдер умер, знаешь?..

Он не знал и ему было интересно. На Марш он больше не смотрел.

— Леопольд был уверен в формуле, которую тебе давал, — сказал Рихард, глядя в глаза псу. В глубине собачьего взгляда ему мерещился зеленый отблеск, хотя в его глазах не было датчиков убежденности. — Он ее нашел в источнике, который считал надежным, долго тестировал на мышах и собаках, потом взял отпуск и сам начал принимать. Леопольд все-таки... был немолод, давно должен был выйти на пенсию. И он действительно считал, что может тебе помочь. И действительно был к тебе привязан. Это здесь я узнал, что основное соединение в твоём лекарстве токсично, в Младших городах это даже ядом не считается... да ты же сама дала Питеру Легасси эту формулу! Что ты ему сказала? Что в высокой концентрации сыворотка вставляет лучше эйфоринов, и этот дурачок тебе на слово поверил, потому что здесь помощники не врут и не причиняют вреда?!

Рихард замолчал. С ненавистью посмотрел на Поля, который все никак не хотел закончить этот разговор. Конечно все так и было. Марш даже не пришлось кивать.

Человек бы все понял. Додумал бы сам, не требовал бы произносить вслух то, что Рихард совсем не хотел произносить. Но Марш больше не была человеком. И скоро должна была перестать быть совсем.

— Дейзи, ответь мне Дейзи! — вдруг фальшиво пропела Марш. — Я полубезумен Дейзи, так я люблю тебя! Этот велосипед подходит для двоих! Дей-зи-и-и...

Рихард опустил руку на голову пса. В ту же секунду в коридоре раздались тяжелые шаги, следом — частые хлопки крыльев, глухой удар и металлический скрежет.

— Ответь мне, Дей-з-зи-и!

Стоило броситься к двери и повернуть вентиль. Но Рихарда уже утомил этот разговор, Поль с его благостной отрешенной рожей и Марш, которая смотрела в упор злыми алыми глазами и все пела, запинаясь, хрипя и растягивая слоги. И вместо того, чтобы закрыть дверь, он достал пистолет, снял с предохранителя и распахнул ее пошире.

На пороге стоял Клавдий. Лицо, не закрытое гидрогелевой маской, было белым, в красных пятнах, а в глазах горело злое черное счастье.

— Вам, — процедил он, протягивая Рихарду разрубленную пополам курицу. Уцелевшее крыло искрило и конвульсивно дергалось.

Почему-то первым делом Рихард обрадовался, что топор нашелся. Впрочем, радость угасла быстро.

— Клавдий... — осторожно начал он. Пистолет в руке не дрожал, но Рихард на всякий случай сжал его покрепче, прежде чем отойти в сторону. — Клавдий, ну вы же интеллигентный человек...

Он не слышал его. Смотрел на Поля, который почему-то не снимал очки. Маска Клавдия пошла синими морщинами, повторяющими контур его оскала, а на воротник закапали редкие капли крови — слишком красной и густой, смешанной с анестезирующим гелем.

— Ах, Дейзи! Я полубезумен... для двоих...

Рихард подавился последними словами и медленно попятился к двери. Странно, что пистолет по-прежнему не дрожал, потому что зубы у Рихарда стучали.

— Аве, Арто... — почти неслышно позвал он, сам не до конца понимая, зачем.

Наушник был забит густой, липкой тишиной. Он не думал, что захочет услышать, как Марш поет.

— Спой еще...

Рихард не видел Поля, только видел, как Клавдий коротко замахнулся топором. Наушники вдруг расширились, полностью блокируя внешние звуки, а потом заиграла неуверенная, ломаная мелодия. Рихард смотрел, как Клавдий снова поднимает топор и отпупело думал, как это вышло, что он не узнал Ольтору. Лучше она, чем Дейзи.

...Поднимает — и опускает. И поднимает снова. Только темные брызги разлетаются в тишине, смешанной с пятнами солнечного света.

Запястье вдруг обожгло, прямо над браслетом, а потом кто-то потащил его к выходу. Опомившись, Рихард выскочил за дверь.

— Не пейте абсента, Клавдий, он отравлен, — предупредил он и повернул вентиль три раза.

Пес виновато бил хвостом и скулил, но запястье Рихарда из зубов не выпускал.

— Семейка! Сучка топор папаше принесла, как, сука, мило! — рывкнул он в меланхоличную серость коридора. — Выключи шавку, — хрипло потребовал Рихард у ассистента — Марш или кто там ее заменял, сейчас это значения не имело. Сделал глубокий вдох и четыре коротких выдоха. Поправил воротник — покрытый мелкими красными точками — и разгладил мягкие манжеты кардигана. — Айзек?.. Тоже сдох что ли? Эй, парень! — он не помнил как звали загорелого мальчишку, который выбежал из-за угла, торопливо расправляя синий пластиковый мешок, но совершенно точно он-то Рихарду и был нужен. — Бросай мешок, найди мне контейнер для биологических отходов литров на восемьдесят, лопату пошире, тряпок побольше и Айзека.

Мальчишка почему-то побледнел и начал что-то мямлить. Рихард не сразу понял, что целится ему в пах.

— Контейнер. И Айзека, — повторил он, не опуская пистолет. Хотя стрелять в общем-то не собирался.

Мальчишка что-то промямлил и бросился за угол. Рихард был уверен, что услышит топот и хлопок двери в конце коридора, но, судя по звукам, мальчишка за углом блевал.

— Живее, — скучающим голосом сказал он. Хотел выстрелить в потолок, но пожалел патрон. Мальчик и так побежал.

— Гершелл, — раздался в наушнике проникновенный голос Клавдия. — Откройте дверь.

— Ага, уже, — поморщился Рихард. — Вы за каким хреном человека на куски

порубили?!

— Он такую анонимку хорошую включил для работы с вашей лицензией, — флегматично доложил Клавдий. — Так гораздо проще. Или вы хотели, чтобы я забрал Тамару и поехал в город, надеясь, что Поль оставит меня в покое?

— Я заказал Хоффелю такой прекрасный абсент, — горестно вздохнул Рихард. — Поль все равно бы умер, и довольно скоро. Только никто не испачкал бы пол. И стены. И потолок. Знаете, Клавдий, вы мне не нравитесь. Я, пожалуй, подниму свой гонорар.

— Ты что, не собирался дать мне умереть?! — с ненавистью выдохнула Марш. Рихард закрыл глаза и опустил на теплую голову пса почему-то задрожавшую ладонь.

Беспользительный дерьмояд Поль Волански. Медлительный, бесполезный, дохлый дерьмояд.

— Собирался, — ответил он. И пнул курицу, осуждающе уставившуюся на него красными глазами.

— Мы уже подписали договор. Как-нибудь бесплатно переживете свои антипатии, — равнодушно ответил Клавдий.

Дверь вздрогнула от удара. Рихард на всякий случай отошел на пару шагов.

— Сейчас придет мальчик, — сказал он. — Мальчик принесет контейнер и соберет туда... ну, то что осталось от нашего работодателя. А я поеду в город и буду ждать вас где-нибудь, где Дафна будет просматривать нас со всех ракурсов и прослушивать минимум с пятнадцати носителей.

— Где Тамара? — по-прежнему равнодушно спросил Клавдий.

— Откуда я знаю, — огрызнулся Рихард. — Аве, Арто, раз ты еще живая — знаешь, где Тамара?

— У нее нет браслета, — мрачно сообщила Марш. — И пряталась она там, где камер нет.

Рихард покосился на закрытую дверь. Открывать он ее не собирался. В конце концов, план он Клавдию изложил, и теоретически его можно реализовать с любым толковым маркетингологом. Значит, ничто не мешает Клавдию заполнить еще один контейнер для биологических отходов.

— Гершелл, откройте дверь... Гершелл!

— Отключи звук и все входящие вызовы, — глухо попросил он. — И включи нормальную версию песни. Нужно же послушать, что ты изображала.

К его удивлению, она послушалась. Он вышел из лаборатории, сел на горячий утоптаный песок и подставил лицо солнцу.

— Ответь мне, Дейзи...

Рихард уже видел, что вездехода Поля на обычном месте нет.

Глава 19. Золотой и розовый свет

Айзек прибыл через десять минут и тоже не стал открывать дверь. Через двадцать минут он сел на песок рядом с Рихардом и ободряюще улыбнулся.

— Вездехода нигде нет. Кто-то разбил почти все камеры вокруг и уехал в сторону пустыни. Можем взять абру и плыть на ней.

— Куда? — резонно поинтересовался Рихард. И замолчал.

Не то чтобы его волновала судьба Тамары. Конечно, он не желал девочке смерти, тем более такой мучительной. Но переживать за нее он не собирался — ему в первую же неделю переезда установили кардиостимулятор и предупредили, что нервничать надо поменьше, а если не получается — пить эйфорины.

Он даже готов был отказаться от коврика и сотрудничества с Клавдием. И смириться с финансовыми потерями — в маркетинговый план всегда закладывались риски и непредвиденные обстоятельства.

Если он сейчас возьмет лодку и поплывет в город — все закончится. Клавдия он больше никогда не увидит. Марш, конечно, может расстроиться, но это волновало Рихарда в последнюю очередь. В конце концов Марш можно было все-таки стереть. Он уже почти смирился с ее смертью, когда абсент Хоффеля не сработал.

Солнце как-то по-особенному, сухо и ровно грело его лицо. Он не сразу понял, что сидит без жидкого фильтра и маски. Прямо под ядовитым солнечным светом, и почему-то ему это нравится.

Айзек молчал. Вся придурковатость вдруг слетела и он выглядел непривычно серьезным и раздраженным. Крутил черную прядь на палец, морщил нос и переводил злой взгляд с Рихарда на Марш.

— Аве, Арто, — вздохнул он. — Куда девчонка делась? Ее Поль увез в этот свой храм?

— Это не храм, — равнодушно сообщила Марш. — Это термы. Руины огромной общественной бани, а мужик с печальным взглядом — их хозяин. Я не хотела говорить Полю, он бы... «нечто похожее на разочарование». А мы вроде как дружили.

Видимо, термы приносили не тот доход, на который рассчитывал мужик с печальным взглядом. Рихард хотел думать о том, как доберется до города, запрется в ванной и будет четыре часа пить виски в прохладной воде, сокрушаясь о потраченных деньгах. Но почему-то думал совсем о другом.

— Покажись, — потребовал он.

Она появилась. Он ждал очередного монстра, истекающего ртутной кровью, но она выглядела спокойной и разумной настолько, насколько могла быть разумной Марш.

— Расскажи дальше, — сказала Марш и села напротив него. Уперлась ладонями в песок, словно боялась упасть. — Скажи, чтобы я приняла эти данные в расчет.

— И что ты сделаешь? Снова попытаешься умереть?

— Тебе не все равно?

— Да ты сама все поняла! Ну и хрен с тобой — я приехал в Средний Эддаберг, и у меня изъяли формулу лекарства, которое давал тебе Леопольд. Не разрешили передать тебе и самому пользоваться. Сказали, что оно накапливается в организме и в сочетании с большинством бытовых эйфоринов становится токсичным. Леопольд этого не знал, потому что пользовался устаревшими исследованиями. А потом заболел, когда я уже... когда его

уволили. И мы никогда не узнаем, от чего — от твоих лекарств, которые он на себе пробовал, от старости, истощения или всего сразу. Довольна?!

— Почему он мне не сказал? — тихо спросила она.

Рихард сделал глубокий вдох. Человек бы понял и не стал бы задавать таких вопросов.

Рихард вот понял. И лишний раз порадовался, какая у него была замечательная работа, какая чудесная жизнь, которую он прожил, никого не любя и не спасая. И не стоило начинать.

— Ему пришлось решать, поделиться с тобой подозрениями и сказать, чтобы ты перестала принимать лекарства, оставив тебя с твоим безумием, от которого тебе уже ничего не поможет, или молчать, надеясь, что ты... ну, не умрешь. От этого. Может, ты и правда прожила бы еще лет десять-двадцать, а может спилась бы раньше, у тебя же был совершенно асоциальный образ жизни, сигарета на завтрак и виски на обед и ужин, еще и с химикатами вечно возилась...

Он замолчал и махнул рукой.

— Поэтому Леопольд не хотел, чтобы я его нашла, — сказала Марш и подняла руки. Рассматривала нарисованный песок, прилипший к прозрачным ладоням.

— Ну ты же никогда не умела вовремя заткнуться, — бросил Рихард. — Ну, довольна? Теперь что? Обрастешь педипальпами и будешь жалом на всех трясти?

Марш покачала головой.

— Знаешь, я так... давилась благодарностью Леопольду, потому что он был хорошим человеком, влюбилась... пусть будет «влюбилась» в Клавдия, потому что он добрый, и у него такая... непривычная доброта... а это все, оказывается, такая херня... Ну, кто скажет Клавдию?

Рихард обернулся к Айзеку за мгновение до того, как это сделала Марш.

— Не буду, — мотнул головой Айзек.

Рихард хотел напомнить ему о конвенте, который он может купить в любой момент, но Марш, кажется, понравился метод Клавдия.

— Тогда Гершелл тебе колено прострелит.

— Не прострелю, — мгновенно отказался он. — Мне нечем, у меня привычная доброта, и я убежденный гуманист. У меня отметка в профиле есть.

— Просто иди и выпусти Клавдия, — посоветовала Марш. — Он уже реализовал накопленный негатив и должен был пройти стадию гнева.

Айзек ушел, что-то бормоча, а Марш смотрела ему вслед и перечисляла репорты, которые отправила бы при жизни. Потом замолчала и стала смотреть в небо.

Рихард тоже молчал, пропуская песок между пальцев. Нужно встать и идти к причалу, пока Клавдий не приперся и снова не заставил его думать, как вернуть свою полоумную дочь.

— О чем она подумала бы, узнав про Леопольда? — наконец спросил он. И никуда не пошел.

— Не знаю, — безмятежно ответила Арто. — А мне все равно. Я знаю, как найти термы.

— Я тоже знаю, — Рихард отряхнул ладони, уперся затылком в стену и закрыл глаза.

Спустя минуту раздались шуршаще-шаркающие шаги. Кто-то тяжело опустился на песок рядом с Рихардом. Запахло свежей кровью и амбровым одеколоном.

— Орра запрещала вам физические нагрузки, — с упреком сказал Рихард.

— Это было легко, — равнодушно ответил Клавдий. — Айзек мне все рассказал.

— И где он?

— Курит, — пожал плечами Клавдий. — Вам вернуть топор?

— Обойдусь, — поморщился Рихард.

— Зря отказываетесь. У вас очень хороший топор.

Рихард наконец посмотрел на него и тут же отвел взгляд. У Клавдия в волосах застряло что-то, к чему он предпочел бы не приглядываться.

— Как он вообще к вам попал?

— Под койкой лежал. Подбросила, когда я на перевязку выходил. Вы, Гершелл, сказали, что она будет в городе.

— Вообще-то мы с ней обо всем договорились. У вас не самая послушная и последовательная дочь.

— Значит, знает Айзек.

— Нет, — покачал головой Рихард. — Нет. Айзек не стал бы так подставляться, у меня его конвент. И я проводил допрос с анализаторами убежденности, и он отвечал честно. Айзек лоялен, просто хочет нашей смерти.

Клавдий поморщился и отвернулся. Если бы Тамара делала, что ей говорят — ничего бы не случилось. И ни один из тех, кто сидел сейчас на залитом солнечным жаром песке не был тем человеком, которого она могла бы послушаться.

— Ну, кто скажет? — спросила Марш. Она на Клавдия не смотрела.

— Подожди, пусть хоть умоется...

— Аве, Дафна, — сказал Клавдий.

Она появилась рядом с Марш, почему-то подключившись к транслятору Рихарда. Они молча смотрели друг на друга, только браслеты Дафны потрескивали электрическими разрядами.

— Если бы я отказалась убивать Колдера — ты бы помогла? — наконец спросила Марш. Рихард только закатил глаза.

Марш жила, чтобы упускать возможности поступать правильно. Арто просто продолжала ее дело.

Дафна по-прежнему молча пожалала плечами.

— Я за тебя твою работу сделала, дрянь, — процедила Марш. — Давай делать вид, что я убийца. Я вообще-то собрала доказательства и отправила репорт. Я отправила — ты приняла, сука ты лицемерная!

— Я же говорила — я все знаю, — глухо сказала Дафна. Опустилась на песок и подняла лицо к небу. — Я все про вас знаю. Вижу все, что вы скрываете, а что не вижу, о том... догадываюсь. Ты, Клавдий, только что убил человека — ты ведь не раскаиваешься?

— Тамара никого не убивала, — ответил он. — Если хочешь — я в пустыне останусь.

— Вам всем надо там остаться, — вздохнула Дафна. — Каждый из вас должен. Знаешь, Клавдий... вы все так мне надоели. У вас же все есть. Я же все сделала, как надо. А стоит отвернуться... к чему это я... идите-ка нахрен, Клавдий.

И она исчезла. Датчики на браслетах горели услужливыми зелеными сигналами готового к работе помощника.

Рихард почувствовал, как разгораются забытые воодушевление и азарт. Пожалуй, это стоило всех антикварных ковриков — вряд ли кто-то еще может похвастаться тем, что видел, как индивидуальный помощник с прототипом из всепрощающей матери, кого-то послал.

— Что теперь будем делать? — спросил он.

Клавдий поднял на него тяжелый черный взгляд и тут же снова опустил глаза. Рихарду было жалко на него смотреть. Только человек реализовал накопленный негатив, и вот опять сидит весь белый и с нервным тиком, который маска скрыть не может.

Марш сидела, уставившись в песок и глаза вспыхивали то алым, то синим.

— Я попробую поработать с костью. Может, еще удастся получить доступ к бортовому компьютеру вездехода... — начал Клавдий.

— Я нашла запись с уцелевшей камеры, — перебила его Марш. — Тамара уехала сама.

Клавдий медленно опустил голову и погрузил дрожащие руки в раскаленный песок.

...

Солнце стало белой прорехой в дрожащем мареве неба, но Тамара не закрывала глаза. И не пыталась прятать лицо — пусть сожжет. Если папа ее не найдет, она будет мертвой, как мама. А если найдет — может, она успеет получить ожог достаточной степени, чтобы стать калеккой, как папа.

Лучше бы, конечно, он ее не нашел.

Она собиралась плыть в город с Айзеком, как обещала. Собиралась врать, что с нее насильно сняли браслет, как научил Рихард Гершелл. Представляла, что случится с папой, если она снова пропадет. И все равно она угнала вездеход только для того чтобы сейчас валяться в его тени посреди рыжего песка и мечтать, как солнце ее убьет.

Тамара слышала, что предложил Рихард. Слышала, что папа согласился.

Сначала она обрадовалась — у Рихарда все ладно выходило, с цифрами и графиками, голос у него уверенный был. Обещал папе, что они заработают рейтинги, что Тамаре скоро разрешат жить с папой. А потом Рихард сказал, что если папа сделает операцию, когда появятся деньги, то все будет зря. Что в ближайшие годы ему придется ходить в маске, а потом он может делать что угодно. Но когда шрамы зарубцуются, можно будет только установить несколько протезов. И папа согласился, почти сразу согласился, и все подписал, Тамара видела — по-настоящему, биометрической подписью.

А зачем он это сделал?

Чтобы ее вернуть.

Очень ему надо было. Тамара никому не говорила, даже Марш — она бы и не поняла — но ведь она ушла вместе с мамой. Она любила папу, но не представляла, как они будут вдвоем жить. Он же такой отрешенный, занят постоянно. Улыбался редко, Тамара даже злилась когда-то.

Теперь и не улыбнется. Теперь ему нельзя маску при людях снимать, теперь ему больно будет улыбаться. Теперь папа только цедит, цедит слова в модулятор, а иногда устает и пишет. Пальцы у него нервные, дрожат. Это словами папа говорит, что ему не больно, а пальцы не обманешь.

Она всхлипнула и наотмашь ударила ладонью по песку. Потом еще и еще. Раскаленные песчинки прилипали к лицу.

Нельзя возвращаться.

Тамара с трудом поднялась, села за руль и закрыла дверь вездехода. Кондиционер насмешливо выплевывал редкие сгустки холодного воздуха. Она поморщилась и прижалась лбом к рулю.

Вести оказалось нетрудно, не сложнее, чем в конвентах-тренажерах, но ехать приходилось медленно — Тамара боялась взрывчатки. Откуда она под песком — след забытой истории, все еще кусающий вездеходы за хвосты и обгладывающий лица тех, кто уходит за границы городов?

Тамара знала, куда едет. Ей Грейс помогла. Даже достала старый навигатор, который работал без сети.

Грейс ее не любила. Ненавидела, пожалуй. Кричала, что без Тамары, «ее папаши и суки этой одноглазой» у них все было хорошо. А еще Грейс боялась Поля. Она так и не сказала, какую услугу отрабатывала на платформах, только сказала, что раз в неделю уплывает выше по течению и выливает в реку кувшин воды. Будто это что-то значило.

Тамара рассказала Грейс, как снять браслет. Грейс украла для Тамары ключ, над которым работал папа, а еще помогла загрузить карту в навигатор. Запас воды и концентратов Тамара украла сама.

Хватит ли топлива? Она не знала. Карта и график расхода говорили, что хватит, но вездеход был старый и почти без компьютеров, что он без компьютера мог про себя знать?

Если долго ехать вдоль реки, можно добраться до Нижней Альтафы. Там она расскажет сказку, которой научил Рихард Гершелл, получит новый браслет и стартовый рейтинг. Потом поедет в Младший Эддаберг.

— Аве, Аби, — тихо сказала она, привыкая к новому имени. Конечно, никто не отозвался.

Такой был план. Плохой был план. Мотор молотил вхолостую, жег топливо, а Тамара смотрела вперед невидящим взглядом и думала, пойдут ли ей красные линзы.

Теперь-то она понимала Марш. Если бы ради папы нужно было вырезать себе глаз — лучше бы она глаз вырезала, но это ему не поможет. А значит, нужно ехать и никогда не возвращаться.

Тамара всхлипнула, бросила руль и выскочила из кабины. Опустилась на колени, закрыла лицо руками и закричала, верная привычке убивать любой слишком громкий звук. Потом вспомнила, что звук больше не нужно убивать и опустила руки.

— Суки! Как я вас всех, суки, ненавижу! Почему нельзя вернуть как было?! Хорошо же было, хоть и полное дерьмо, но это тогда так казалось...

Глупые жертвы, которые никому не помогут, пустая равнодушная земля, отравленная смертью так давно, что никто не помнит, как это произошло. Крутятся железные лапы вездехода, стальные лопасти аэробуса, медленно проворачивается серебристое лезвие, зажатое в скользких окровавленных пальцах, моргает алым лампочка на воротнике, чтобы вскоре зажечься зеленым. Темнеют синевой крошечные пауки, пламя жрет стены и людей, а хрупкие иглы рыбьих костей позволяют совершать один и тот же обман раз за разом.

Тамара смотрела в рыжую пустыню как в ржавую вересковую пустошь, а колесо поворачивалось, тяжело и неохотно, но неотвратно, потому что каждая история, о которой не забыли, обречена повториться.

Она так и не поднялась. Только опустила руки в песок.

...

Арто не знала, что делают остальные. Может, Рихард все-таки уговорил Клавдия не идти пешком в пустыню, пока ветер окончательно не вылизал из песка почти незаметные следы. Может, Айзек уже собрал оставшихся на платформах людей и отправил их на поиски вездехода. В лаборатории оставались дроны, которые работали без сети. Еще оставался шанс

все исправить, но расчеты рассыпались на крошечные вероятности, и Арто не умела надеяться, но, кажется, научилась предчувствовать — выбирать случайную вероятность, которая становилась истиной.

Она стояла в коридоре, полном свечей — на полу, на стенах и потолке. Некоторые парили в воздухе. От некоторых остался только исходящий помехами язычок пламени.

Живой ворс фиолетового ковра складывался вокруг нее в злые зигзаги, а вокруг распускал мягкие круги.

Арто знала, что может искать Хенде Шаам минуту или месяц в бесконечном числе сгенерированных комнат. Но она не собиралась. Дернула первую попавшуюся дверь, оглядела почти полностью прогрузившуюся комнату с алыми стенами и изумрудной тахтой, наполовину завязшей в золотом ковре. Разбитое окно держало в зубах из разноцветного стекла статичную тьму.

— Если бы все напрасно прожитые дни превратились в воду — люди захлебнулись бы, — равнодушно сообщила она. — Если бы водой стали дни, прожитые не зря, от жажды не умерли бы те, кто курил, ел фисташковое мороженое и занимался сексом от любви, а не скуки.

Она не оборачивалась. Спустя пару минут под ногами поплыл прозрачный дымок кальяна.

— Мертвым лучше молчать не потому что они могут сказать слишком много, а потому что осознав, что их не слышат, они умирают окончательно, — печально сказала Хенде Шаам.

— Кто тебе фразочки писал, а? Неужели сама?

— Мертвым лучше молчать, не потому что они могут сказать слишком много, а потому что после смерти остаются только те слова, что мы произнесли при жизни, и смерть не придает их звучанию больше смысла.

— Помоги мне.

— Даже когда ты висишь над пропастью, тебе придется самой цепляться за протянутую руку.

— Так протяни.

Хенде молчала — не могла правильно отреагировать на запрос. Арто обернулась.

Мать Айзека лежала на тахте. Полы ее халата проваливались в ковер, а рука, держащая трубку кальяна, оказалась шаром телесного цвета.

— Поль Волански, который защищал твоего сына и давал ему работу, умер, — сказала Арто, медленно опускаясь на колени. — Айзек обманывал Дафну. Она не хочет его прощать.

— Когда наши обманы превратятся в камни и забьют наши карманы и глотки, нам стоит не тащить их в гору, а построить из них дом у ее подножья.

— Хороший совет, но дом Айзека как раз рухнул, — оскалилась Арто. — Он столько обманывал Дафну, что она теперь не принимает в расчет те данные, которые могли бы его спасти.

Она не смогла придумать настоящую опасность. Она не знала, слышит ее Хенде или нет, насколько безумна эта посмертная копия и насколько ограничена в репликах и действиях. Даже не знала, есть ли у Хенде то, зачем она пришла.

Хенде, словно услышав ее мысли, покачала головой.

— Ты слышишь?! Там, снаружи, сын твой в любой момент помрет! Клавдию он кстати не нравится, и топор Гершелл так и не забрал. Ну же, у тебя не могло не остаться на такой

случай кодов, команд, хоть чего-то! Вы же семейка со стартовых заставок, неужели ничего себе не оставили, кроме дерьмового цифрового посмертия?!

Арто все еще стояла на коленях, вцепившись в край тахты.

— Никто не может уйти — все оставляют тени, прозрачные, искаженные, вечно ищущие света и шепота других теней.

— Вы все становитесь... такими?

Хенде кивнула и развела руками. За ее ладонью тянулся призрачный дымный свет.

— Почему ты хотя бы не помощник? Почему?! А кем станет Айзек? Будет карты раскладывать в какой-нибудь жопе с посещаемостью в три человека в месяц?..

— Мертвым лучше молчать, — тихо повторила Хенде. И ничего не добавила.

Будто Арто сама не знала. Будто сама не предпочла бы остаться мертвой.

Не узнавать людей, которых могла бы полюбить. Простить. И кого могла бы отпустить — там, в холодном городе, полном розового и золотого сияния аэробусов и домов без окон.

Будто она предпочла бы совершать одни и те же ошибки.

Даже сейчас она пришла врать, что Айзеку угрожает опасность. Но зачем еще Хенде ей помогать?

Арто не знала, как правильно. Знала, что ничего не может сделать — ни вернуть Тамару, ни помочь Клавдию, чтобы он не связывался с Гершеллом. Не может вылечиться, потому что Марш умерла сумасшедшей, не может стать лучше, потому что Марш не успела осознать, что вовсе не была плохим человеком.

И даже сейчас, когда она смогла навести порядок в алгоритмах ради последнего шанса вернуть Тамару, этого оказалось недостаточно. Она могла только ждать финала, и именно сейчас Арто была как никогда близка к человеку.

Хенде отложила кальян. Она сидела рядом, ее синие глаза были полны живой человеческой боли, настоящего сочувствия, и в алгоритмах Арто не нашлось пункта «отвернуться».

— Мертвым лучше молчать, — дрожащим голосом прошептала Хенде Шаам. — Лучше молчать. Построить дом у ее подножия.

Арто положила ладони на ковер. Руки погрузились в ворс почти до локтей.

Она молчала.

...

Тамара заглушила мотор. Вдалеке виднелись очертания домов — глаза говорили, что это дома из камня со странным розовым отливом, карта говорила, что это пустынный мираж.

Если бы это были стены Нижней Альтафы. Тамара была бы так счастлива, Тамара бросила бы вездеход и пешком туда бы пошла. Ощущала бы каждый шаг, который приближает ее к цели, и чувствовала себя счастливой.

Но никакого города там, конечно, не было. И быть не могло.

Еще Тамаре хотелось, чтобы ей было страшно. Хотелось чувствовать жажду, бояться спящей под песками взрывчатки, страдать от тряски или тревожиться, хватит ли ей топлива. Но она была спокойна, так спокойна, будто снова принимала эйфорины.

Она о многом успела подумать по дороге. О красных линзах, серебристых лезвиях, рейтингах Аби и рейтингах Дафны. О мертвом человеке, который взорвал центр Лоры

Брессон, и которого почему-то не получалось ненавидеть, но простить тоже не получалось. О том, что папа нашел путь к Младшим городам, как хотели Марш и Поль Волански, и еще о том, что мама утонула, и в это никак не получается поверить. О черном мехе воротника, на котором лежат ненастоящие снежинки, о папиной повязке и о том, какое у него было лицо.

Доброе. Усталое. И вовсе не равнодушное, это ей только казалось. Нос как клюв, мама всегда говорила, что Тамаре повезло, что у нее не папин нос. Сейчас Тамара жалела, что так мало похожа на папу — вот бы у *нее* было *его* лицо.

Мама хотела как лучше. И папа хотел, и Марш, и даже Рихард Гершелл, но этот, конечно, хотел как лучше для себя. Тамара всегда это знала, но только сейчас, оставшись одна, мертвая для Дафны, мертвая для всех Средних городов, по-настоящему это осознала. Осознала, как уставшие, озлобленные люди желают друг другу счастья.

Город впереди дрожал, вспыхивал розовым и золотым, и лиловые блики разливались по невидимому куполу, как синяки. А навстречу Тамаре что-то ползло.

Сначала она не поверила. Не могло этого быть. Не для того она только что осознала себя мертвой, чтобы кто-то приперся и напомнил, что она еще как жива.

Черные рельсы — тонкие, будто парящие над песком. Ржавая вагонетка. Это было настоящим, Тамара могла поклясться. А вот женщина в вагонетке не могла быть настоящей.

Тамара обмотала голову рубашкой и вышла из вездехода. Мгновение сомневалась — как обратиться? — но не придумала другого слова. К тому же целых несколько секунд можно было верить в чудо.

— Мама?..

...

— Уезжай отсюда, хорошо? — прошептала мама, глядя ее по развязавшимся рукам рубашки. Тамара кивала и ничего не говорила, сосредоточенная на том, чтобы ее не коснуться. Вагонетка и правда была настоящей, на дне даже стоял работающий портативный кондиционер, так что Тамара смогла опустить голову на холодное пластиковое сидение.

Нужно было спросить, что за человек прячется за аватаром ее матери, но она не могла. Может, она бредит от жары.

Может, она все-таки умерла.

— Уезжай, — повторила мама. — Почему ты не с отцом?

— Потому что ты умерла, — отгрызнулась Тамара. — Папа не может меня забрать, потому что ему списали рейтинг за развод и ему нигде его восстановить... потому что центр Лоры Брессон взорвали, и я должна была там умереть.

Она не открывала глаза. Этот человек, чужой и незнакомый, точно не знает, как мама вздрогнула бы, как изменились бы ее движения. Не знает, что она начала бы плакать, кусать кончик указательного пальца и трясти ее за плечи. Но убеждаться в этом Тамара не хотела.

— Что?! — выдохнула мама. — Нет, ты неправду мне говоришь... разве я так... разве так...

Тамара нехотя открыла глаза. Мама кусала кончик пальца, по ее лицу катились слезы. В светлые волосы был заплетен синий платок.

— Зачем ты меня мучаешь? — вздохнула Тамара. — Я уеду. Просто подожди пару минут.

— Нужно прямо сейчас. Этот город...

— И что это за город?

— Это плохой город. Скажи Клавдию, что у Гершелла хороший проект. У них все

получится.

— Папа не может сделать операцию из-за этого проекта.

Тамара выпрямилась. Оказывается, она тоже плакала. Кажется, с тех пор, как действие эйфоринов кончилось, она только и делает, что рыдает. Интересно, в Младших городах хорошие эйфорини? Марш говорила, что плохие и ядовитые. Хорошо бы.

— Но это он так захотел. Это все, что отличает нас от живых — мы повторяем истории и выбора у нас нет. Когда ты умрешь — тоже лишишься выбора.

Тамара поморщилась и стянула рубашку с головы. Мама часто говорила о смерти. Мама говорила, что единственный способ победить смерть — осознать ее. Оказалось, что единственный способ победить смерть — родиться орхидеей. И жрать тех, кто думает, что победил смерть.

— Сейчас ты лишаешь отца выбора. Убиваешь его. Послушайте Гершелла, он все правильно рассчитал.

Тамара молча показала ей разведенные указательный и средний пальцы. Она вдруг вспомнила, что ей пятнадцать и в последние месяцы она чаще общалась с Марш, чем с папой.

— Куда ты ехала?

— В Нижнюю Альтафу.

— Зачем?

— Я думаю, это хороший город, — выплюнула Тамара.

А потом прыгнула на песок. Села в вездеход, чувствуя мамин взгляд, глядящий по затылку.

— Альтафа в другой стороне. И это тоже плохой город, как и все Младшие города. Тамара?.. Прости меня. И скажи папе, что я его любила.

— Как ты умерла?

Она не обернулась. Стояла, чувствуя, как каменеет спина.

— Быстро. Мы с Клавдием никогда не решали друг за друга, а потом я решила за обоих и не справилась одна. Возвращайся, дочка. Пока у тебя есть выбор.

Тамара села в вездеход, закрыла кабину, включила кондиционер и развернулась.

Она догадывалась, что за город назвал плохим человек, притворившийся ее матерью. Сердце стучало медленно и гулко. Тамара не оборачивалась. Казалось, что стоит обернуться — и она не сможет уехать. Как в истории, которую рассказывал папа. Про человека, который пытался вывести из виртуального кладбища свою возлюбленную, но ему нельзя было просматривать список посещенных локаций. Она так и не выбралась, а он почему-то не остался с ней.

Тамаре нужно было вывести только себя. И когда почти невыносимым сделалось желание обернуться и в последний раз посмотреть на маму, которая так ни разу до нее не дотронулась, но все еще могла оказаться живой, Тамара зажмурилась и переключила скорость, беспощадно сжигая топливо.

Она не увидела, как Эмма смотрела ей вслед, пока вездеход не исчез из вида, а потом опустилась на песок рядом с вагонеткой и долго сидела, глядя в обжигающе-синее небо. Как менялось ее лицо. Темнели волосы, завивались в кудри. Растягивался рот, кожа становилась золотой, а глаза чернели.

Может, Тамара и узнала бы мальчишку — он ведь так похож на Айзека, только десять

лет назад. Марш точно узнала бы — он ведь так похож на Аби.

...

— Знаете, Клавдий, в оцифрованном виде некоторые люди симпатичнее, чем в живом. К Арто, конечно, это не относится, но вы-то знаете, как надо. Поставьте дочери нужные ограничения, и она по крайней мере, начнет вас слушаться.

Клавдий молча показал ему разведенные указательный и средний пальцы, продолжая другой рукой что-то рисовать на панели. Лица Рихард не видел под очками и маской, но видел, что его воротник в крови, а руки побелели. Черная рубашка влажно блестела.

Он надеялся, что Клавдий скоро потеряет сознание и можно будет увезти его в город до того, как он истечет кровью, пытаясь собрать какую-то дрянь из оставшегося в лаборатории мусора.

Рихард впервые оказался в таком глупом положении. Он не представлял, что пытается изобрести Клавдий, потому что искать Тамару или вездеход через сеть было бесполезно. Может, ее вообще бесполезно искать. Ее не было больше семи часов. В песок падала черная пустынная ночь.

Перед Клавдием были разложены остатки синих пауков Марш, а над головой неподвижно висел жужжащий дрон. Где Клавдий откопал такую рухлядь и зачем в нее вцепился, Рихарду было неясно.

Марш лежала на столе напротив Клавдия и нервно постукивала по ладони погасшей трубкой.

— Он заблудится. Пусть ищет электрический прибор, — изредка говорила она не разжимая губ.

Айзек и мальчишка, которого Рихард посылал за контейнером и лопатой, отмывали кабинет Поля. Пес, которого снова пришлось включить, подставил белому свету ламп плешивое розовое брюхо и вяло стучал хвостом.

Стоило завести вместо него черепашку. И вместо Марш черепашку. И Клавдию вместо Тамары стоило завести долбаную черепашку, потому что они хотя бы взаимозаменяемы.

— Что вы пытаетесь сделать? — набрал он Марш.

— Паучки искали источник энергии и заряжались на месте, — отстраненно произнесла она. — Бесси бросила их рядом с башней, и они поползли к ее системе обеспечения. Мы хотим заставить дрон искать источник энергии в пустыне, но сначала нужно объяснить ему, почему нельзя лететь к городу или садиться на абры. Я бы сама их спаяла, но у меня... в общем, я не могу.

Рихард встретился с ней взглядом. Она слабо улыбнулась и подняла руки. Из черных рукавов показались щупальца.

— Ты отключишь меня, когда все закончится?

— А ты хочешь, чтобы я тебя отключил?

Марш перевернулась на бок и стала смотреть на Клавдия. Она молчала.

— Он тоже собирается помереть?

— Кажется, — улыбнулась она.

— Тогда давай подождем, пока помрет, я его тебе оцифрую и вы оба оставите меня в покое, — предложил Рихард.

— У тебя плохо получается, — она сморщила нос, будто собиралась чихнуть.

— Что ты будешь делать, если я тебя не отключу?

— Пытаться вернуться к Леопольду.

— Марш...

— Я не могу по-другому, Гершелл. Я просто вернусь к началу.

— А что ты будешь делать через десять лет? Через тридцать?

— Пытаться вернуться к Леопольду. Я это не выбираю. Если бы я могла — уже остановилась бы.

— Хочешь, я вручную смену тебе приоритеты?

— Это базовый. Ты можешь это сделать, но получится совсем другая программа. Мы берем туда только то, что успели собрать при жизни. Когда ты сдохнешь — унесешь с собой мешок дерьма и пятидесятистраничный список реализованных проектов.

— Пятидесяти трех страничный, если умру прямо сейчас.

— Полтора мешка дерьма и полные карманы занудства.

— Готово, — глухо сказал Клавдий, вставая из-за стола. Несколько секунд стоял, вцепившись в угол столешницы, а потом оперся на полую медную ножку стола, заменившую трость, и медленно пошел к выходу. Дрон отправился за ним.

Рихард не стал вставать. Он смотрел в окно на улетающий в черную ночь дрон, мерцающий рыжими и алыми огоньками, и думал, как сильно хочет спать и как некстати разболелась голова.

Он не знал, сколько времени они просидели втроем, глядя на застывший песок, утонувший в темноте и погруженные в тишину и безрадостные мысли.

Кажется, он засыпал. Мысли путались, голова болела, ветер принес откуда-то жирный и теплый запах роз и прозрачный запах воды. Рихарда это раздражало, но почему-то он не вставал, чтобы закрыть окно. Клавдий сидел на пороге, прижимая к груди руку с капельницей и слушал только ему понятный шорох пустыни и только ему слышные голоса. Марш сидела рядом, и иногда он касался ее пальцев. Рихард видел, как его рука проходит сквозь ее аватар. Как красная саламандра выползла из-под ее рукава на тыльную сторону ладони и каждый раз тянется за его прикосновением, а сама Марш остается неподвижной.

Ответь мне, Дейзи. Я полубезумен, но места хватит для двоих.

Отключить ее?

Вот истоптанная платформа, холодная грязь, тревожные вспышки аэробусных огней — розовые и золотые — мертвая женщина под его белым пальто и равнодушные люди, которые задают участливые вопросы.

Леопольд, которому он все рассказал перед отъездом. Он шурил помутневшие глаза и прижимал к коленям дрожащие руки.

Руины алой башни, мертвая девушка Анни, которую даже похоронить нормально не удалось. Серебряная оса над ладонью живой Марш и золотая оса, бессильно жалящая мертвую руку. «Акция на сотню золотых ос».

Истоптанные платформы Поля Волански, речная вода, грязь и куры. Тревожные вспышки городских огней вдалеке.

Мертвецы Волански, те, кого они убили вместе с Марш и те, кому он возил воду. Равнодушные люди, которым Поль писал отчеты.

Питер Легасси, которому писал отчеты Рихард, и который однажды тоже стал мертвецом, потому что Марш пыталась доказать себе, что у их с Леопольдом истории есть еще одна сторона. Питер умер, чтобы Марш убедилась, что ей это безразлично.

Берхард Колдер, который на интервью шурил в камеру помутневшие глаза и прижимал к

коленям дрожащие руки. Он не был Леопольдом, хоть и украл его историю. Арто носила ему в палату цветы, а потом убила его. Она не была Марш, хоть Рихард и украл историю для нее.

Но они повторяли свои истории, искаженные, перевернутые. Отключить Арто? Вернуть все к истоптанной платформе?

Может, ее вернет Клавдий, который откуда-то знает, как пахли ее духи. Может, Хельга Соркин научится делать взрывчатку.

Вот и дочка Клавдия решила глупо пожертвовать собой. Клавдий умрет, больной и отчаявшийся, как Леопольд, а она, если выживет в пустыне — что станет делать Тамара?

Голова болела так, что Рихард уже не видел ни окно, ни пустыню, ни Марш с Клавдием на пороге. Может, он наконец-то уснул.

Когда миру вернулись очертания, пустыню заливал набухающий жарой рассвет, а в небе что-то мерцало рыжими и красными искрами.

Рихард вытер слезящиеся глаза. Прищурился. А потом толкнул в плечо Клавдия, который замер с открытыми глазами и застывшим лицом.

— Эй, вы живы? Клавдий, слышите? Вездеход возвращается.

Несколько секунд Рихард был уверен, что Клавдий мертв. Даже плечо под высохшей рубашкой было холодным и твердым. Но потом он встал и, тяжело опираясь на трость, пошел в розовый и золотой пустынный свет.

Марш осталась сидеть, молча глядя, как он уходит.

Эпилог. Зимние волосы, глаза зимние и зимние печали

Никто не приходит после смерти –
и никаких аплодисментов –
только тишина и поношенные вещи — и это — смерть.

Том Стоппард

Средний Дабрин был северным городом серебристо-стального и темно-зеленого цвета. Серебристыми были дома, крепко вцепившиеся в промерзшую землю черными фундаментами, мостовые и тротуары. Темно-зелеными были кедр, пихты и мох. Стальным и зеленым было море, подбирающееся к городу.

Рихарду Дабрин нравился больше, чем Эддаберг и Валеин. Здесь его соседка сажала рододендроны, которые почти не пахли. Здесь у него были антикварные ковры, картины, старинный диван, часы с боем и серебряные кофейники с черненными узорами. Он поставил на окна рамы из темного дерева и стекла с зеленым автозатемнением. Купил белоснежный коверкот с неэтично достоверной имитацией натурального меха на воротнике. Вафи ходил по тротуарам, поджимая будто мерзнущие лапы и укоризненно смотрел на него снизу вверх, а Рихард думал, стоит ли купить собачий свитер. Иногда эта мысль его веселила.

Несколько раз он выходил в море с рыбаками и смотрел, как они потрошат огромных серебряных рыб с зелеными плавниками, живых и бьющих хвостами, а потом ел прохладное прозрачное мясо, которое ему подавали нарезанным и заправленным оливковым маслом и лимонным соком.

К нему снова обращались «господин Гершелл», заискивали и прятали глаза, и он испытывал нечто, похожее на удовлетворение.

Его давно не тревожили головные боли.

Его давно не тревожила Марш, которая теперь считалась помощником, созданным человеком с высоким рейтингом и индексом благонадежности. Теперь она могла творить все, что ей заблагорассудится, а недовольным пришлось бы очень постараться, чтобы их репорт дошел до техподдержки. Рихард искренне веселился читая пробившиеся репорты, а Марш всегда с отвращением за этим наблюдала. Марш больше не распадалась на щупальца и почти с ним не разговаривала, а он почти не вспоминал, что когда-то ее убил, и надеялся не вспоминать и дальше.

Еще он знал, что Марш снова кого-то нашла, и кто-то снова пообещал ей, что Леопольду начислят рейтинг. Знал, что она будет искать снова и снова, и что рейтинг так и будут отправлять, пока Марш не отключат или пока она не сможет убедиться, что его действительно начислили, и что у Леопольда все хорошо.

То есть, пока ее не отключат.

Рихард сначала хотел так и сделать. Она хотела, чтобы Поль ее убил, в алгоритмах у нее был бардак, и характер, как был дерьмом, так и остался. Она не могла учиться на ошибках, не могла измениться, даже любовь у нее вышла бестолковая и обреченная.

Нужно было отключить. А потом Рихард вспомнил, как ее создал. Вспомнил, как спрашивал себя, сколько людей захотят помощи от женщины со злым лицом и злыми словами.

Подумал о Клавдии, который вернул дочь, а еще получил бестолковую и обреченную

любовь.

О взрыве в центре Лоры Брессон, который остался бы нераскрытым.

О том, что Марш не меняет решений, и что история будет длиться и длиться, и в ней будут смерти и разрушения, потому что по-другому у нее не выходит. А еще будут люди, которым она поможет.

И решил, что не он начал эту историю, и не он ее закончит. Может, Марш Арто была плохим помощником, но она хоть кому-то помогла.

А значит, сделала больше, чем большинство людей за всю жизнь. Все сложилось как надо.

А у него есть коврики, кофейник, лучшие сыры и абсент Среднего сегмента, лучшие конвенты, самые прибыльные заказы и успокоенная совесть. Больше ему ничего не нужно.

...

Клавдий редко вспоминал о Рихарде Гершелле. Они расстались два года назад, когда Клавдий, как Рихард и обещал, больше не смог позволить себе его услуги. К тому времени у их фирмы были физические представительства почти во всех Средних городах, а Клавдий до сих пор не мог поверить, что это сработало.

Он не помнил, как его привезли из пустыни. Помнил, что довел Тамару до лаборатории — а может, она его довела, и на этот раз под песком ничего не взорвалось — и упал.

Гершелл привез их с Тамарой в город, а еще привез удивительную сказку. У него уже были договоренности с двумя сотнями конвентов, которые согласились транслировать его эфир. Эфир Клавдий посмотрел потом. Гершелл сидел на белом диване, на фоне темной стены, благостно щурился в камеру, и золотые с белым лампы окутывали его густым и спокойным сиянием.

— Этот человек, Поль Волански, был совершенным чудовищем, — печально вещал Рихард, сложив руки так, чтобы было видно браслет и запонки с датчиками убежденности, горящие ровным зеленым светом. — Обманом заманил девочку из адаптационного центра в это... место. Ей всего пятнадцать, мать умерла, в центре, где она проходила лечение, случился теракт. Конечно, она пошла, куда ее позвали. Ей сказали, что ее там ждет отец. Девочка на эйфоринах, кроме папы никого не осталось, к тому же... настоящие поступки, знаете ли, даже в наше время встречаются. Настоящие чувства, и что может быть безусловнее, чем детская любовь?

Клавдий морщился от каждого его слова, как от стреляющей зубной боли. Гершелл рассказал всю историю, ни разу не соврав, но так все извратил, что слушать было невыносимо. Только один раз он медленно сцепил руки так, что рукава пиджака закрыли и запонки, и браслет — когда рассказывал, как умер Поль Волански. Но к тому моменту никто не смотрел на датчики, все верили пожилому мужчине с добрыми глазами и мягкими жестами, и его псу с острыми ушами и преданным взглядом.

А потом ему самому пришлось сидеть на этом же диване и цедить слова в камеру. Рихард три дня добивался от него искренности, а потом переписал речь, добавив всплывающую подпись — господину Франгу тяжело говорить вслух. Клавдий рассказывал и смотрел на рейтинги, растущие в углу экрана. На миллионы жадных глаз и перекошенных ртов, которые ждали его изуродованного лица и вымученных слов.

— Я... всю жизнь рисовал... лица. Знаете, я мало что... могу сделать. Могу нарисовать себе... новое лицо, и... знаете, у нас всех есть аватары. Но я подумал... мне там, в пустыне помогала ассистентка... господина Гершелла. Это такая... мудрая и добрая женщина... —

Клавдий едва успел повернуть руку так, чтобы спрятать браслет, но успел заметить, что огонек остался зеленым. — Без нее я бы не справился. И я подумал о ней. И о... Дафне, которая столько делает для нас... каждый день... я собираюсь запустить серию новых аватаров. Специальных, которых... будут видеть только ассистенты... — Он быстро отключил камеры и микрофоны, тяжело согнулся, спрятав в ладонях лицо. — Гершелл, это херня какая-то. Никто на это не пойдет. Я согласился под морфином, но сейчас...

Рихард показал ему стремительно растущую зеленую линию графика заинтересованности.

— Давайте, Клавдий. Разумеется, это какая-то херня, иначе для ее продажи вам не понадобился бы профессиональный маркетолог.

Потом Клавдий целый год рисовал аватары, которые не видел никто, кроме Дафны и индивидуальных помощников. Он знал, что когда-то люди рисовали для себя богов и думал, был ли мир когда-то еще так абсурден, чтобы люди рисовали себя для богов.

Рихард постоянно ходил по эфирам все более и более крупных конвентов и скармливал жадным до настоящей крови и настоящих историй людям сказку про маньяка с электрическими курами. Умудрился запатентовать этих проклятых кур и с удовольствием приторговывал ими через сеть. Почти ничего не говорил о себе, зато самозабвенно рассказывал про отчаявшегося отца, которого изуродовало взрывом, пока он пытался спасти похищенную дочь. К сожалению, семейный рейтинг от таких рассказов не рос, к тому же Клавдий несколько месяцев проходил интенсивную терапию и рейтинги начислялись по особому тарифу. Клиники предлагали бесплатные пластические операции почти каждый день, но Клавдию приходилось отказываться — он и без Гершелла знал, что нельзя отбирать у зрителей обожженное лицо. Марш Арто на записях, которые отправил ему Рихард, напоминала об этом каждый день.

Арто пропала из списка установленных помощников. Они встретились еще один раз, когда он впервые очнулся в больнице. Клавдий не помнил, что они говорили друг другу, помнил только нарастающий гул, словно что-то спускалось на них сверху, еще что пальцы ее были горячими, лицо и плечи холодными, а поцелуй долгим и горьким. Что пахло холодным дымом, мерзлой землей и горящей осенней листвой. А потом Клавдий перестал ее звать, и знал, что если и позовет — она не отзовется.

Клавдий рисовал лица, потом нанимал людей, которые рисовали лица вместе с ним. А потом его индексы благонадежности и рейтинги поднялись достаточно, чтобы увеличить семейный рейтинг. В тот же день он забрал Тамару из интерната, куда ее разместили. Тем же вечером они вынесли из коридора гроб с орхидеями и отвезли его в городскую оранжерею, потому что теперь оба знали, как на самом деле побеждается смерть.

Тамара так и не свела татуировку. Серебряная оса обнаглела и все чаще выбиралась на лицо.

Айзек добился, чтобы с браслета Эда Таля сняли данные, и по остаточному сигналу и редким снимкам вычислил примерное расположение терм. Он отвез туда контейнер и забрал остальных мертвецов. Об этом он тоже рассказывал на эфирах, поднял рейтинг, а потом исчез. Клавдий знал, что Рихард передал ему конвент Хенде Шаам, и что Айзек собирался его реставрировать. Но он не нашел сил следить за этой историей. У него была своя.

Была Тамара, живые цветы без стеклянных витрин, которые они посадили в новом доме и пришедшее чувство покоя. Последние месяцы Клавдий почти не рисовал аватары. У него

был другой проект, долгий и тяжелый, но эта работа впервые за долгие годы дарила ему счастье.

Гершелл отдал ему записи. Если бы не отдал — Клавдий нашел бы сам. По ночам, когда Тамара спала, он секунду за секундой перерисовывал чужую трагедию.

Перерисовывал запись эфира Марш. Ее последнюю встречу с Леопольдом, во время которой он был смертельно болен, а она беспомощна и одинока. Смерть на платформе, настоящий поступок, акцию на сотню золотых ос и последний момент, в который женщина, которую он мог бы полюбить, была жива.

Ретушь-терапия — излечение момента. От смерти, от уродства и отчаяния. Раньше Клавдию казалось, что можно прикрыть это цветами и позолотой. Но Марш бы не оценила, потому что это не было настоящим. Теперь Клавдий не хотел власти над смертью, потому что она настоящей не бывает, настоящим бывает что-то другое.

Черный цвет на записях углубился, стал провалами к живой темноте, похожей на море. Красный бликовал морозным оттенком замерзших вишен в заброшенном саду у границ Младшего Эддаберга. Клавдий замедлял движения, менял ракурсы, подсвечивал руки и лица, а некоторые, перекошенные предвкушением, наоборот размывал, потому что эта история была не про них.

Спиртовые салфетки падали в темноту, из-под тускло блестящего лезвия текла сгустившаяся кровь, застывала узором, и новые струйки только углубляли его цвет. Гасла, утекала в узор серая ясность вырезанного глаза, чернота зрачка утопила второй.

У Леопольда глаза были мудрыми и спокойными. Пусть Марш смотрит, может, так она сможет смириться с тем, что все же ничем не сможет ему помочь. Клавдий стирал смятые морщины с его халата и желтые тени с его лица. Пусть на этой записи он останется таким, как в памяти Марш. Пусть там он будет живым и пусть это будет по-настоящему.

Девочка Бесси на платформе была растерянной, но живой, как Марш и хотела. Клавдий сделал ее пальто ярче, синим, как пустынное небо, стер с рук царапины и грязь, стер растекшуюся косметику с лица. Он — память, а память не хранит лишних пятен.

Он долго думал, оставить ли на записи Гершелла, ведь Марш при жизни его ненавидела. И оставил, потому что Гершелл был не тем человеком, который часто совершает настоящие поступки, но Клавдий видел, что когда он укрывал Марш от вопросов, глаз и жадных взглядов белым пальто, он делал это не для камер и не для себя.

Так запись и кончилась. Под белой, с прорисованной мягкой текстурой тканью, по которой растекались золотые блики вечерних огней.

Это была красивая запись. Лучшая ретушь из тех, что Клавдий делал. Но он не собирался ее выставлять. Он так долго занимался бессмысленным рисованием лиц, которые могут видеть только цифровые ассистенты и Дафна, что в конце концов нашел в этой затее единственный смысл. Эта запись — для одного человека.

Марш давно исчезла. Он не звал, и она не отзывалась. Но Клавдий знал, что придет день, когда она отзовется.

И этот день пришел, когда он закончил запись. Трижды пересмотрел ее, а потом спустился в парк. Вышел под звезды, которые в эту ночь были особенно черными и холодными, и шел долго, от одного гаснущего фонаря к другому.

Потом поднял лицо к небу, к звездам, холодным и черным, и позвал:

— Аве, Арто.

И она пришла.

...

Бесси Леопольда любила сильно-сильно. Она сразу поняла, почему Марш его тоже сильно-сильно любила, и пусть бы она что угодно говорила, Бесси-то все знала! Марш вечно хотела казаться нехорошей, фыркала, что никого не любит, чтобы все верили. И все верили.

Бесси сначала расстраивалась, никак не могла понять, как они так могли верить. И на Аби обижалась, потому что он Марш убил, а это было несправедливо, неправильно, ну совсем-совсем неправильно!

Только у Леопольда все складно выходило. Он ей рассказывал про рейтинги, и про то, почему люди верят, что другие люди плохие, хотя все люди вообще-то хорошие, и у него так славно получалось, и все сразу как надо становилось. Бесси было ужасно стыдно, потому что она почти все, что Леопольд объяснял, почти сразу позабыла, но помнила, что оно все ладно сложилось, и больше ни на кого не обижалась. Даже на Аби, но дружить с ним как раньше пока не получалось. Но Бесси все равно старалась, потому что Леопольд сказал, что Аби не виноват ни в чем, и она ему верила, конечно, верила, как иначе!

Только плакала часто, потому что Леопольд был добрый, очень добрый, и объяснял хорошо, но про смерть Бесси никак понять не могла. Конечно, плакала, когда никто не видит, чтобы никто не расстраивался, но так плакать было одиноко, и Бесси хотела бы перестать, да никак не получалось. Леопольд говорил, что никто не умирает, а где-то живет, и Марш где-то есть и ей где-то хорошо. Но это не могло быть правдой. Потому что Марш умерла, Бесси сама видела. Она просила Рихарда шкатулку с пеплом ей отдать, но он не отдал. Сказал, что положено, чтобы мертвые вместе были. Пятьдесят семь граммов пепла осталось, а вместе с остальными много-много, только Бесси забыла, сколько. Рихард сказал, что это правильно, когда много-много, и Леопольд сказал, только он как-то странно морщился еще, но Бесси не могла понять, почему.

И не могла понять, почему это все, что от Марш осталось. Почему в ее комнате живет другая женщина и никто не хочет слушать, какая Марш была хорошая и как ее спасла. И Леопольд объяснить не мог.

Хорошо, что Освальд Бесси тоже навещал, он ее тоже слушал. И еще он принес ей черепашку без лапок, веер и книжку. Марш их любила, и Бесси радовалась, что у нее теперь есть ее вещи, и как будто она чуть-чуть живая. Бесси сначала их за стекло на полку поставила, но почему-то сразу стало противно, тошно. Тогда она убрала стекло и сразу стало замечательно. Конечно, не замечательно совсем, но все-таки чуть-чуть замечательно. А зверушку с щупальцами, которую Марш дарила, Бесси на полку на складывала, потому что зверушка оживать умела, Бесси ее каждый день будила.

Они с Леопольдом гулять ходили, почти каждый день. Рихард Леопольду коляску подарил, потому что Рихард тоже хороший, очень Леопольду помог, и лекарств купил, и еды, и чая, и шоколад не забыл. Шоколадом Леопольд только Бесси угощал, а сам никогда не ел. Только чай пил. И лекарства еще.

Бесси ему слона показала, а Леопольд отвел ее к соседке, Дженни. Бесси никогда не видела такой толстой и такой веселой женщины, она все время смеялась и курила, а еще у нее шапочка была замечательная, голубая и с цветочками, и волосы под шапочкой красивые, толстая-толстая коса. У Дженни по всей комнате какие-то комочки проводов валялись, и Леопольд ее попросил Бесси один подарить. Дженни опять смеяться начала, а потом

подобрала один комочек и в мешочек меховой засунула. Потом в руках как-то покрутила, покапала чем-то и получился хомячок. Почти как настоящий, и Бесси сразу обрадовалась, и так и сказала, а Дженни ответила, что настоящий хомячок через год сдохнет. Бесси тогда чуть-чуть расстроилась, но быстро забыла, что настоящие хомячки дохнут через год, потому что ее хомячка звали Падди, он был веселый, рыжий и бессмертный. Наверное.

Лучше бы, конечно, все были как Падди. Веселые и бессмертные. Бесси сильно-сильно любила Леопольда, целых полгода любила, и сейчас любила очень, только теперь он умер. Марш умерла, и всего через полгода Леопольд тоже умер. И вот с этим Бесси никак не могла смириться.

Она в тот день пришла, а его вещи из комнаты выносят, и нигде его нет, и даже похорон не будет, сказали, потому что у Леопольда рейтинг был совсем низкий, и родных не было. Бесси просила ей хоть что-нибудь отдать, доску с цветами, которую он рисовал, халат его, ну хоть что-то, неужели кому-то, кроме нее это нужно?!

И один мужчина ее пожалел, отдал ей доску, халат и чашки, а все остальное сказал утилизируют. Спросил еще, откуда у него чай и лекарства. Бесси не умела врать, и не любила очень-очень, и не помнила, что Леопольд говорил, но ей и не пришлось, потому что она так над этим халатом плакала, что от нее отстали.

А потом ее Дженни забрала. Не смеялась, ругалась почти как Марш, потом сходила к тем людям, которые вещи Леопольда уносили, и Бесси слышала, как она опять ругается, и слово «репорт» все время говорит. Бесси хотела понять, почему она ругается, но не смогла.

Если бы Марш уже не умерла, она бы, может, и не поверила, что так случилось. Решила бы, что Леопольд уехал и забыл с ней попрощаться.

Но теперь-то она знала, что он умер. Бесси ему книжку показала, которую у Марш взяла, и он сказал, что там стихи. Читал ей, сам переводил, поэтому без рифмы получалось. Хорошие были стихи, и читал Леопольд замечательно, только Бесси ничего не запомнила. А сейчас вспомнила вдруг: «Кончились зимние его дни, умерли зимние его волосы и глаза зимние, оборвались его зимние печали».

Какой хороший человек был этот поэт, наверное тогда, давно-давно уже знал, что будет Леопольд, его зимние волосы, глаза и печали, и что они умрут.

А Бесси не знала. И никак не могла поверить.

Пришла Дженни, пыталась ее чаем напоить и тоже что-то говорила, что никто насовсем не умирает, но ей Бесси почему-то не верила. Правда пыталась, но никак не выходило!

И тогда она ей браслет отдала. Сказала, что ей подарили те мужчины, которые вещи выносили. Бесси поняла, что она ее обманывает, и что ничего они не дарили, просто Дженни так ругалась, что ей отдали. Марш тоже так делала. У нее тоже получалось, и батареи в комнате включали, и аэрокэб быстрее прилетал.

А Дженни целый браслет отдали. Бесси его на ту же полочку положила, где были черепашка, веер и книжка со стихами. И еще чашки, и халат красиво сложила, а доска на полочку не поместилась, и Бесси ее на стену повесила.

С тех пор все как-то по-дурацки стало. Шоколад невкусный стал попадаться, и чай почему-то был противный, только слон так же ходил и светился, но почему-то Бесси больше не радовалась. Она грустила, а еще боялась смерти. Никак у нее не получалось это представить — вот есть и нет, и вещи твои выносят, и сжечь хотят. А кто ее вещи заберет? А черепашку, халат и книжку? За ними ведь надо следить. Лампочки зажигать и цветочки из бумаги раз в неделю менять, Бесси Леопольд рассказывал, что люди так раньше делали.

Освальд сказал, что заберет, и что Леопольд теперь с Марш встретится, и она будет рада, потому что она очень его искала, и что Леопольд ей расскажет, как они с Бесси дружили, и она тоже будет рада.

Но почему-то Бесси никак не могла поверить. У Дженни спросила, она так же ответила. А потом решила, и Аби позвала, Аби-то все знает и он обманывать не будет. А Аби сначала сказал, что все умирают и все, а потом, видно, тоже ее пожалел и начал рассказывать, что некоторые в другое верят.

Бесси очень пыталась поверить. Ей плохо было от того, что она теперь боится смерти, и что Марш с Леопольдом нигде больше нет, и они нигде не встретятся. Она даже эйфорины пила, как Аби советовал, и от эйфоринов становилось немного веселее, но только немного, и голова болела.

Но однажды, когда Бесси протирала от пыли черепашку, браслет ожил, замигал, а потом циферки сменились и рейтинг прибавился. Бесси думала, что ей показалось, и сразу спать легла, на случай, если это ей от эйфоринов кажется. Но когда она проснулась, рейтинг все еще был высоким.

Бесси в тот день опять плакала, но теперь это хорошие слезы были, добрые. Значит, Леопольд все-таки ее не обманывал, и Дженни, и Освальд. Значит, где-то Марш есть, и Леопольд есть, и где-то они встретятся, и все важные слова друг другу скажут.

А еще чувство появилось, будто кто-то добрый ее пожалел, что-то хорошее сказал, и все и правда хорошо стало.

Жалко Леопольд не рассказал, как разговаривать с теми, кто умер, чтобы они слышали. А может, она забыла. Там, наверное, какие-то слова были, только Бесси их не знала. И подходящих подобрать не могла. Она только одно слово знала, чтобы с неживыми разговаривать.

— Аве, Арто, — тихо сказала она.

И сразу поверила, что ее слышали.

Благодарности

Кончилась история, которая началась, потому что кто-то замерз и захотел коврик, сыра и погреться. Я вручила коврик, а теперь должна вручить благодарности тем, без кого история бы не состоялась.

Екатерине Близиной — она ловила мои разбегающиеся запятые и растекающиеся мысли, нарисовала Марш-очаровашку и смеялась над моими шутками

Юлии Полетаевой — она нарисовала потрясающую обложку, помогала с редактурой и была рядом, когда история рассказывалась легко, и когда рассказывалась трудно

Анатолию Герасименко — он тоже смеялся над моими шутками, даже над тупыми, находил отсылки, даже очень задолбавшие и сочувствовал дизайнерам

Марии Камардиной — она любила героев вместе со мной, вместе смеялась и переживала, и это бесценная поддержка

Demi Urtch — она нарисовала Рихарда с собачкой и писала большие, красивые комментарии

Анастасии Машевской — она нашла мою историю, полюбила и рассказала мне об этом

Елене Ершовой — она верила в героев и помогала идти, когда я спотыкалась

Yuma — она ждала этот финал, и это было очень здорово знать

Моей маме — она была терпелива и понимала, что это не остановишь))

Каждому читателю, кто дошел до финала — надеюсь, этот путь что-то принес

Аве вам!